

АНАТОЛИЙ
МАРИЕНГОФ

III

АНАТОЛИЙ
МАРИЕНГОФ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

АНАТОЛИЙ
МАРИЕНГОФ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ III

ПЬЕСЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ТЕРРА **ТЕРРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE

 КНИГОВЕХ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
М26

Внешнее оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

Мариенгоф А. Б.

М26 Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Пьесы; Послесловие А. Колобродов; Комментарии / Вступ. ст. В. Сухов. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. — 576 с., 16 с. ил.

ISBN 978-5-4224-0741-5 (т. 3)
ISBN 978-5-4224-0737-8

Анатолий Борисович Мариенгоф (1897–1962) – писатель, поэт, драматург, один из основателей ярчайшего литературного течения Серебряного века – имажинизма. Многие работы А. Б. Мариенгофа долгое время были неизвестны читателю. Данное издание является первым собранием сочинений писателя, где в наиболее полной форме представлено все его литературное наследие: от произведений для детей до пьес и мемуаров.

В третий том собрания сочинений вошли пьесы А. Б. Мариенгофа, про которые он говорил: «Моя биография – это мои пьесы».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-4224-0741-5 (т. 3)
ISBN 978-5-4224-0737-8

© А. Мариенгоф, наследники, 2013
© В. Сухов, вступительная статья, 2013
© О. Демидов, состав, комментарии, 2013
© А. Колобродов, послесловие, 2013
© РГАЛИ, фотоматериалы, 2013
© Книжный Клуб Книговек, 2013

От шута до пророка

Моя биография — это мои пьесы.
А. Б. Мариенгоф

«...С 30-х годов я почти целиком ухожу в драматургию. Моя биография — это мои пьесы», — писал А. Б. Мариенгоф. В его разнообразном творческом наследии, широко представленном в трехтомном собрании сочинений, есть пьесы на любой вкус. Тут и ироническая трагедия «Двуногие» (1924), и остроумный «Вавилонский адвокат» (1924), и комедия «Актер со шпагой» (1944), в которой Мариенгоф обратился к истории основания русского театра. А есть еще целый ряд пьес, созданных им в соавторстве с М. Э. Козаковым, которые также представляют несомненный интерес. Если же рассматривать мариенгофскую драматургию с точки зрения эволюции художественных установок автора, то основные вехи его творческой биографии четко обозначили имажинистская трагедия «Заговор дураков» (1921), комедия «Шут Балакирев» (1938—1940) и пьеса «Рождение поэта» (1951).

При всем отличии, есть черты определенной преемственности в их тематике, образной системе и идейном содержании. Изображение эпох правления Анны Иоанновны, Петра I и Николая I было вызвано неослабевающим интересом драматурга к русской истории. «Творить человека и эпоху» — на это нацеливал себя Мариенгоф в имажинистской «Почти декларации» 1923 года, автором которой он был.

Противостояние поэта и власти определяет один из основных конфликтов трагедии «Заговор дураков». Среди участников заговора против «Анны Ивановны» (так с иронией Мариенгоф «величает» императрицу Анну Иоанновну) — поэт В. К. Третьяковский. Он представлен в роли своеобразного предтечи имажинистов, о чем свидетельствует его первый монолог:

Я только что от сладостной работы —
Ковал серебряную цепь великолепной оды, —
На пламени мечты расплавленные звенья
Тяжелым молотом завязывало вдохновенье.

Образ молота здесь — явная дань масонской символике. Вся развернутая метафора связана с ключевым положением мариенгофского трактата «Буян-Остров», в котором утверждалось: «Только зачатые нового комбинированного образа порождает новое девство, но уже не слова-звена, а мудро скованной словесно-образной цепи. Кузнец ее и есть поэт-гений».

В финале второго действия придворный поэт ТрEDIAKовский читает Анне Ивановне «вдохновенную оду». В духе имажинистской поэтики, соединяя высокое и низкое, он провозглашает:

...И вот вторично оценилась сука.
Не ты ли греешь теплым животом
Политику, искусство и науку.

В ответ на сравнение с «сукой» императрица награждает поэта «позорной оплеухой». Лишь тогда опальный поэт понимает, что его принимают за придворного шута. Не в силах снести унижения своей Музы, ТрEDIAKовский становится участником заговора, имеющего явно выраженный масонский характер. Как известно, имажинисты использовали в своей литературной игре атрибутику масонов.

Постепенно действие шутотрагедии превращается в откровенный фарс. Правитель канцелярии тайных розыскных дел Ушаков играет роль императрицы, улегшись в ее постель. Опешивших заговорщиков, задумавших убийство Анны Ивановны, арестовывают гвардейские офицеры.

ТрEDIAKовский, осознав роковую обреченность бунта против власти, с горечью констатирует:

Дурацкую мечту поэта
Перетянула золотая
Литая чаша
Империи...

Обращаясь к «дуракам», он призывает их расстаться с «кинжалом и пистолетом» и представить заговор как «шутовскую трагедию»:

Позвольте, други,
Приветствовать Василию Кирилловичу
Тредьяковскому
Ее величества Императрицы Анны — стихотворцу,
Придворных дураков — комедиантов...
Ты арлекин...
ты панталоне...
коломбина...»

Здесь с помощью аллюзий штрихами обозначена судьба русского имажинизма, о которой Мариенгоф писал в «Почти декларации»: «Десять смутных лет пережило российское искусство. Наконец в 1919 году под арлекинскими масками пришли еще одни. На их знамени было начертано: словесный образ. Знамя требовало оружия для своей защиты. Пришлось извлечь его из цирковых arsenалов. Опять перед глазами сограждан разыгрывалась буффонада: расписывался Страстной монастырь, организовывались потешные мобилизации в защиту революционного искусства, в литературных кафе звенели пощечины, раздаваемые врагам образа...» Не случайно выбрано и число заговорщиков-«дураков» в шутотрагедии. Если считать вместе с Тредиаковским, их семеро. Как известно, к 1921 году, членов Ордена московских имажинистов было восемь: В. Шершневич, А. Мариенгоф, С. Есенин, Р. Ивнев, И. Грузинов, А. Кусиков, М. Ройзман, Н. Эрдман. (Но Р. Ивнев, которого прозвали «блуждающей почкой имажинизма», то входил в группу имажинистов, то выходил из нее).

Многие характерные черты самого автора, драматурга-имажиниста мы узнаем в образе Тредиаковского. Не случайно он упоминает свою фамилию в тексте:

Хорошо говорит собака.
Но пророчу, что лучше скажет через сотни лет
Мариенгоф в «Яви».

В стихах, опубликованных в 1919 году в коллективном сборнике «Явь», Анатолий Мариенгоф доводил до гротескового абсурда идеи мировой революции и «красного террора». Своеобразной «оплеухой» для него стала напечатанная в «Правде» разносная статья «Оглушительное тьяканье». Таким образом, в имажинистской шутотрагедии Мариенгофа «Заговор дураков» с ее карнавальным «дурацким интернационалом» своеобразно отразилась история русского имажинизма.

Мотив государственной измены получает развитие и в комедии «Шут Балакирев». Только здесь вместо придворных

шутов ее вынашивает приближенный императора светлейший князь, министр Карякин Михайло Григорьевич, который сам задумал занять царский трон. На чистую воду изменщика выводит верный Петру I его любимец, шут Иван Балакирев.

Так реализуется метафора, заложенная в монологе Балакирева:

В высоком званье низость ходит,
Высокое ж... Ну, как там Гамлет говорит...

Обращение к шекспировским аналогиям придает образу шута глубокий смысл, а пьесе в целом трагикомический характер. Иван Балакирев у Мариенгофа играет ту же роль, что и шут в трагедии Шекспира «Король Лир». Он раскрывает глаза Петру I на козни его приближенного, которому император слепо доверяет.

Надо отдать должное автору комедии. Язык ее яркий, сочный, народный. Речь шута Балакирева буквально пересыпана пословицами и поговорками. Сказалось увлечение Мариенгофа словарем Даля. Балакирев в своих монологах широко использует раешник — рифмованный народный стих: «Ведьма в трубе, таракан в избе, царь в поле, дурак на воле».

Свое отношение к верному слуге и честному гражданину шуту Балакиреву Петр I выражает в заключительном монологе: «Он — шут... А в службе русской — царь». Обращаясь к прокурору, Петр требует от него беспристрастного исполнения закона:

Ни подвиги, ни раны, ни седины,
Ни дружба старая с царем
Пусть, прокурор, не будут пред тобой
Ходатаями за злодейства...

Для сталинской эпохи, когда борьба с «врагами народа» была одной из основных задач государственной системы, идейная направленность пьесы «Шут Балакирев» оказалась достаточно востребованной. Этим во многом объяснялась ее довольно удачная сценическая судьба. Как видим, не утратила своей актуальности эта комедия и в наши дни.

Сравнивая реалистическую комедию «Шут Балакирев» с имажинистской трагедией «Заговор дураков», можно проследить за эволюцией творческих установок Мариенгофа-драматурга. Отказ от усложненной метафоричности, характер-

ной для имажинистской поэтики, приводит к классической четкости ее образной структуры. Несомненной удачей драматурга стал образ главного героя шута Ивана Балакирева. Посвященная памяти покончившего с собой сына «Киры Мариенгофа», комедия «Шут Балакирев» стала свидетельством стойкости ее автора, сумевшего пережить личную трагедию и смеяться сквозь слезы...

Важное значение для Мариенгофа имела пьеса «Рождение поэта». В письме А. Б. Никритиной, датированном 28 февраля 1950 года, драматург обещал: «...Буду за пьесу биться до последнего издыхания. У меня на столе опять томики Лермонтова, обдумал вставки, завтра с утра засяду за работу. А 2-го марта сдам в Репертком. Литовский прочел "Рождение" — шумит: "Не соглашайся, воюй,... портят хорошую вещь". Конечно, можно и повоевать и выиграть. Но на это уйдут месяцы. А этих месяцев нет в моем распоряжении. Постараюсь не очень напортить. Кстати, о сцене у Николая [нрзб.] говорит: "Шедевр! Гениально! Так этот царь написан впервые!" — и проч. Лермонтов очень острый, умный... Ах да, чуть не забыл, — обязательно, Нюшенька, позвони Белинскому. Скажи, что все будет в порядке, что я вожусь с добавочками, а вычерков никаких... Эту пьесу нокаутировать нельзя. Она настоящая».

В пьесе «Рождение поэта», законченной к 110-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова, основной конфликт связан с противостоянием передовой дворянской интеллигенции, близкой декабристам по духу, реакционерам, воспринимающим стихотворение «Смерть Поэта» как «воззвание к революции».

Завязка конфликта намечена уже в первом действии. Бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна пытается вразумить внука и предостеречь от той судьбы, которая уготована была Пушкину:

Елизавета Алексеевна. Да полюбуйся ты на себя в зеркало: желтый как померанец.

Лермонтов. Это хорошо: значит, желчь разлилась. Сегодня у каждого русского человека — если он не двуногая скотина — должна желчь разлиться: Пушкина казнили!

В третьем действии Лермонтов снимает с себя шутовскую маску «Маешки», снискавшего скандальную известность своими «Юнкерскими поэмами». Он впервые осознает всю меру ответственности, которую брал на себя как автор стихотворения «Смерть Поэта». Его приятели по кутежам

гусар Бухаров и подпрапорщик Булгаков не могут поверить в то, что именно он «знаменитый стишок написал на смерть Пушкина».

Л е р м о н т о в (*взрываясь*). Положи на стол!.. На стол!..

Б у л г а к о в . Нет, брат, тебя подменили. Сатана подменил! Демон какой-то черномазый!

Л е р м о н т о в . Вот я с ним, с этим черномазым демоном, отныне и буду в прочном ладу. Он ведь, пожалуй, неглуп, этот соперник бога. А с дураками скучно компанию водить. Ей-ей, скучно.

Б у х а р о в . Да кто ты — гусар или бумагомаратель?

Л е р м о н т о в (*тихо*). Бумагомаратель.

Отражая противостояние поэта и царя, Мариенгоф подчеркивает свойственные императору Николаю I коварство и лицемерие. Царь прислушивается к совету Бенкендорфа, который считает, что «Сибирь только возвеличит славу» Лермонтова. Поэтому император, образно говоря, «умывает руки», надеясь на то, что поэт «усмирят» пули горцев.

Н и к о л а й . Ведь Нижегородский драгунский полк с горцами в драке?

К л е й н м и х е л ь . В самой кровавой, ваше величество.

Н и к о л а й . В Нижегородский его!

В заключительной сцене четвертого действия Лермонтов предстает перед нами уже на Кавказе, беседующим с ссыльным декабристом Одоевским.

О д о е в с к и й . Пророку с гусиным пером в руке надобен лихой ветер... Вот вы, Лермонтов, родились как поэт России в своем стихотворении на смерть Пушкина...

Одоевский выражает уверенность в том, что судьба будет более «милостивой» к Лермонтову, чем к Пушкину. Пророческий дар Лермонтова проявляется в его ответных словах:

Нет, Саша, мой век короткий. А вот наследники наши, сыновья, внуки и правнуки, услышат звон этого, твоего — веселого, серебряного...

Не случайно возникает здесь мотив звонящего колокольчика. Это своеобразный отголосок ключевой для метра имажинизма темы — шута, обозначенный в поэме «Встреча»(1920) таким образом:

(Поэт или клоун?) иду на руках.
У меня тоски нет...

А синий

Колпак

С бубенцами звезд: бах — дзин!

Звон «русского колокольчика», который упоминают в финале Лермонтов и Одоевский, явно соотносится и с образом звонящего на башне вечевой колокола из программного лермонтовского стихотворения «Поэт».

Пьеса, которая начиналась со скорбной вести о смертельной ране Пушкина, заканчивается символически пушкинскими стихами, прочитанными его поэтическим наследником — Лермонтовым. Так автором была четко сформулирована идея преемственности в русской поэзии, построенная на парадоксе: рождение поэта-пророка произошло тогда, когда он написал стихотворение «Смерть Поэта». Именно это обрекает его на неминуемую трагическую гибель и одновременно становится залогом бессмертия гения. Так в пьесе отразилось увлечение Мариенгофа творчеством великого земляка и стремление осмыслить свой путь в искусстве, определить истинное назначение художника в обществе.

Бывают странные сближения. Одновременно с А. Б. Мариенгофом над лермонтовской темой к юбилейной дате, как это было принято в сталинскую эпоху, работал и другой известный советский драматург Борис Лавренев. (Драма «Лермонтов» была им завершена в 1953 году.) Тот самый Лавренев, который 30 декабря 1925 года в вечернем выпуске «Красной газеты» разразился гневной статьей «Казненный дегенератами». Он утверждал, что в смерти Сергея Есенина были виноваты имажинисты. Главным «палачом» был назван Мариенгоф, фамилию которого из текста вычеркнули в редакции. Эпиграфом Лавренев взял лермонтовские строки из стихотворения «Смерть Поэта»:

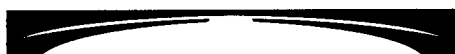
И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Вывод, сделанный в конце статьи, перекликался с эпиграфом. Автор заявлял: «И мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни обнаженную правду и назвать палачей и убийц — палачами и убийцами, черная кровь которых не смоеет кровавого пятна на рубашке замученного поэта».

Цитируя в своей пьесе заключительные строки из «Смерти Поэта», Мариенгоф, возможно, вновь вспомнил несправедливые обвинения Б. Лавренева и эпиграф к его статье «Казненный дегенератами». Жизнь все расставила на свои места... А в пьесе «Рождение поэта» был подведен своеобразный итог размышлений Анатолия Мариенгофа о предназначении поэзии. «Мне мой Лермонтов дорог, написан он точно, верно...» В этом исповедальном признании всегда сдержанного и ироничного Мариенгофа, заключен глубокий смысл, много раскрывающий в его характере. Вслед за Сергеем Есениным он обратился к классическим традициям А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Так от образа поэта-шута Мариенгоф пришел к образу поэта-пророка.

Валерий Сухов,
кандидат филологических наук.
Пензенский государственный университет.

ПЬЕСЫ

БАВИЛОНСКИЙ АДВОКАТ

Первое действие.

З е р а. Не угодно ли посмотреть госпоже десять пальчиков, как стриженные барашки. Клянусь доброй памятью моей бабушки, что самый скупой купец из Вавилона отдал бы целую коробку гребнями из слоновой кости только за то, чтобы его борода стала пастбищем этого стада, а рот источником, к которому в полуденный зной пальчики приходили бы на водопой.

С у с а н н а. Не смей, кикимора ты этакая, в моем присутствии говорить про купцов. Если бы Вавилонский царь был хорошим человеком, он бы приказал всех торгующих иудеян утопить в Тигре, а всех хадейских торговшей в Эфрате.

З е р а. И Зериного господина тоже.

С у с а н н а. Моего супруга и твоего господина в первую очередь. Знаешь ли ты, черномазая болтуха, какую партию товара Иоаким собирается пустить в продажу?

З е р а. Я думаю, что большую.

С у с а н н а. Не очень: всего около четырех пудов.

З е р а. А, понимаю: Зерин господин хочет продать Египетскому фараону мешок бриллиантов.

С у с а н н а. Ты очень глупа, черномазая мокрица. Станет ли торговый дом Иоакима пачкаться из-за таких пустяков! Товар, который он уже запродаж, в тысячу раз дороже бриллиантов.

З е р а. Дороже бриллиантов?.. В таком случае Зера действительно глупая мокрица... Она думала, что

богатые люди больше всего ценят в жизни эти белые камушки.

С у с а н н а. Твой господин пускает в оборот свою...

З е р а. Свою...

С у с а н н а. Твою...

З е р а. Мою...

С у с а н н а. Твою госпожу.

З е р а. В оборот?

С у с а н н а. Дура.

Из-за двери голос Иоакима

И о а к и м. Сусанночка, можно?

С у с а н н а. Конечно, мой повелитель.

И о а к и м. Здравствуй, моя радость. Как ты сегодня красива. Зера, правда, твоя госпожа прекраснее, чем витрина моего ювелирного магазина?

С у с а н н а. На меня еще не заглядывался сегодня ни один мужчина.

И о а к и м. Должно быть, ты не выходила из дому. Зера, отойди, я хочу сказать твоей госпоже несколько слов по секрету. Сусанна, хорошо ли ты взвесила то, о чем я тебе вчера говорил?

С у с а н н а. У меня нет других весов кроме сердца.

И о а к и м. Я знаю — ты глупая женщина. Сусанна, будь благоразумна.

С у с а н н а. Разве я недостаточно красива, чтобы быть легкомысленной?

И о а к и м. Я уже тебе говорил, что дела торгового дома «Иоаким и К°» требуют твоего горячего участия.

С у с а н н а. Сусанна никогда не отказывалась от участия в прибылях.

И о а к и м. Сусанна.

С у с а н н а. Мой повелитель.

И о а к и м. Судьи-старейшины, реб Мардохей и реб Пашхур превосходят всех своею мудростью.

С у с а н н а. Мой супруг прав, у них самые большие лысины в Вавилоне.

И о а к и м. Пойми, сорока, что от того пустяка, о котором я тебя прошу, завсит судьба крупнейшей финансовой операции.

С у с а н н а. Судьи-старейшины в том возрасте, когда всего труднее заниматься такими пустяками.

И о а к и м. Я требую.

С у с а н н а. Я не ручаюсь.

И о а к и м. За себя.

С у с а н н а. За них.

И о а к и м. Один приговор, вынесенный судьями, второе увеличит оборот нашего торгового дома. Но я вижу, ты не хочешь, чтобы твой супруг Иоахим, сын Аарона, стал богаче банкира Егибы. Егибы. Слышишь ли ты — Егибы!

С у с а н н а. У жены банкира Егибы есть бриллиант больше грецкого ореха.

И о а к и м. У тебя будет с голубиное яйцо.

С у с а н н а. Всего только с голубиное?

И о а к и м. С куриное. Яйцо.

С у с а н н а. В обыкновенное куриное яйцо?

И о а к и м. С гусиное.

С у с а н н а. Я согласна.

И о а к и м. О, Сусанна, теперь я вижу, что ты благоразумнейшая из иудеенок.

С у с а н н а. Я женщина. А какая женщина не любит драгоценные камушки и золото.

И о а к и м. Золото. Да ведь в мире нет лучшего слова. Гордых египтян оно заставляет гнуть спину перед иудеями, а правоверных израильтян торговать яз амулетами; оно приказывает отделять почестями плута и презрением плута, хотя бы седце его было невиннее, чем у годовалого ребенка. Золото — оно не ржавеет в подвалах скупца и не тускнеет в кармане казнокрада. Оно делает блудивой душу пророка, оставаясь девственным на теле блудницы и чистым в грязных руках развратника. Дай же мне твои губы, Сусанна, в знак согласия. *(Целует.)* Помни, Сусанна. Если ты услышишь два *(жест стука в дверь)* стука — значит — ученейший судья реб Мардохей, три раза — почтенный реб Пашхур. Будь же благоразумна, моя белая козочка. Смотри, Зера, чтобы твоя госпожа благоухала, как роза. *(Уходит.)*

З е р а. Господин приказал, чтобы супруга его, как роза, благоухала.

С у с а н н а. Сейчас же беги на кухню — возьми там красного перца, две головки лука, надергай перышек из

чеснока. Твоя госпожа для судей-старейшин хочет не женщиной быть, а фаршированной рыбой.

Зера приносит благовония, мастику, краски, духи, пульвезирует ее, расчесывает волосы и т. д.

С у с а н н а. Что она со мной делает? Я не хочу. Слышишь, я не желаю быть прекрасной. Не желаю. Не желаю... Негодница, что у тебя в руке? Что у тебя в руке?

З е р а. Баночка.

С у с а н н а. Что у тебя в баночке?

З е р а. Благовония.

С у с а н н а. Какие?

З е р а. Египетские.

С у с а н н а. Египетские? Розог! Розог! Сто. Двести. Тысяча. Все забыла. Все перепутала. Тащи топор, топором зарублю на твоём курносом носу.

З е р а. Госпожа, я вспомнила: розовыми тирскими — локотки и кончики ушей, (*натирает*) груди хедонскими.

С у с а н н а. Хедонскими.

З е р а. Египетскими шею и плечи.

С у с а н н а. Плечи и шею.

З е р а. Повелительница готова.

С у с а н н а. Щука.

З е р а. Лебедь.

С у с а н н а. Можешь идти и не возвращаться до восхода солнца.

З е р а. Пусть госпожа сделает себе мочалку из Зериных волос, если эта нога перешагнет порог дома раньше, чем золотые пальцы утренних лучей постучат в окно.

С у с а н н а. А скажи, пожалуйста, в сердце какого чурбана будут стучаться ночью твои пальчики?

З е р а. Мой чурбан. Да, его голова похожа на кочан красной капусты. Зато глазищи, как голубые сливы. Ей-богу каждый глаз величиной с Зерин кулак. Губы красные, как морковь, и сладкие, как персики.

С у с а н н а. Воображаю, что за щетина на этих персиках. Не проще ли тогда целоваться с лошадей из обоза?

З е р а. На верхней губе и на подбородке моего чурбана волос не больше, чем на розовых ладонях моей госпожи.

С у с а н н а. Вот насмешила! Влюбилась... *(Шепчет на ухо и смеется.)*

З е р а. Моя госпожа!

С у с а н н а. Госпожа не знает еще, какая кличка у твоего животного.

З е р а. Животного?

С у с а н н а. Ну — да.

З е р а. Я никогда не слышала, чтобы небо разговаривало, например, с коровой.

С у с а н н а. А с ним разговаривало небо?

З е р а. Очень часто...

С у с а н н а. О тебе.

З е р а. У черной Зеры нет золота, а небо любит разговаривать о тех, у которых их много-много. Вот такие кучи.

С у с а н н а. Значит о купцах.

З е р а. Подает советы: какую взять царю жену, кого назначить сатрапом, а чаще всего разгадывает сны.

С у с а н н а. Разгадывает царские сны? Да этим делом занимается пророк Даниил.

З е р а. Яэтого не говорила. Нет, я не произносила имени Даниила. Арабка. Рабыня. Только последний погонщик верблюдов может позариться на эту редьку, вывернутую из чернозема... Да разве я женщина... Маленький черномазый уродец, которому вместо носа пришили к лицу пуговицу от старых штанов. Только человек, у которого в голове совсем пусто, может сказать: «Ах, какие замечательные глаза», увидя те две капли дегтя? Право же, мне гораздо легче укусить свой собственный локоть, чем понравиться самому заваявшемуся мужчине. Госпожа или смеется над своей рабыней, или она никогда не видела Даниила.

С у с а н н а. Вчера из-за этого хваленого пророка я полчаса не могла перейти улицу.

З е р а. О, вчера он спас своими молитвами Ананию, Азария и Мисаила. По приказанию царя их бросили в огненную печь. Тогда Даниил помолился своему Богу и они не сгорели.

С у с а н н а. Толпа глупых женщин несла его на руках.

З е р а. Они, наверное, закидывали Даниила цветами и пели песни, в которых сравнивали его тело с корабельной мачтой.

С у с а н н а. Я бы очень хотела увидеть его вблизи.

З е р а. Это невозможно. Даниил живет во дворце Вавилонского царя. Чтобы добраться к нему, надо миновать висячие сады, пройти по четырем мостам, подняться по 171 ступеньке на 9-й этаж. Негр, который не знает ни одного еврейского слова, ни одного персидского, который не говорит по-египетски и не понимает по-халдейски, стоит с мечом около его дверей. Этот меч на целую голову выше Зеры. Если Эфиопу отсыпать даже целую пригоршню золота, он все равно не позволит перешагнуть через порог. Потому что ему приказано пропускать только тех, кто имеет дощечку с особой печатью или вот такое кольцо ... а...а...а...

С у с а н н а. Ну-ка, ну-ка сними его, Зера. Я хочу посмотреть, как оно будет гореть на моем пальце.

З е р а. Оно сделает безобразным всю руку. Красная медяшка, расплющенная посередине.

С у с а н н а. Не заставляй меня дважды повторять свои приказания. *(Надевает кольцо.)* О, я придумала очень веселую штуку, она наполняет смехом мое сердце. Догадайся, рабыня.

З е р а. Я знаю только то, что предчувствие уже наполняет мое сердце слезами.

С у с а н н а. Твое предчувствие стоит того, чтобы его послали к прабабушке. Пойми, курносый чернослив, что ты делаешься на целую ночь госпожой. Получаешь в любовники одного из судей-старейшин. Может быть, тебе жаль меня. Ты не хочешь видеть меня рабыней. А, я понимаю. Ты боишься, что ко мне не пойдет твое грубое покрывало. Или ты боишься, что Даниил отвергнет мою любовь.

З е р а. Госпожа не сделает этого. Она не отнимет у своей маленькой рабыни ее Даниила. У госпожи есть супруг, три влюбленных, пять детенышей. Жена египетского фараона четыре раза обматывает вокруг шеи жемчужное ожерелье. А моя госпожа семь раз. А черная Зера — она ничего не имеет, кроме любви. Даниил ее супруг. Он ее возлюбленный. Зера его любит, как бабушку, как маленького верблюжонка, как засахаренные финики, одним словом — больше своей жизни.

С у с а н н а. Любовник научил тебя красноречию. Побереги его, милая, для реб Мардохея. Судья-старейшина воздаст ему должное, а я предпочитаю, чтобы рабыня: меньше говорила и больше повиновалась. Сними с меня парчу и одень в свои тряпки. Да живее поворачивайся. У тебя пальцы стали как деревянные... Вот так.. А сама можешь благоухать, как роза. И также нежно целовать моего старичка, как я буду твоего Даниила. Прощай. (*Уходит.*)

З е р а. Распутная тварь. Только вонючий ишак скажет, что ты женщина, а не колодезь на проезжей дороге! Твои поцелуи, красногубая дрянь, хуже изголодавшихся клопов... Напрасно ты думаешь, размалеванная кукла, что черной Зере даны руки только для того, чтобы мазать твою белую кожу благовониями и надевать на твой мизинец золотое кольцо пророка Даниила. Кроме маленького мизинчика у тебя имеется еще лебединая шейка. Вот для нее-то я и сделаю из этих пальцев такое железное кольцо, которое откроет перед тобой двери самого Господа Бога...

Раздается стук: раз-два-три, у Зеры мимическая сцена. Стук повторяется. Зера скрывается за пологом алькова. Входит М а р д о х е й.
Очень подслеповат.

М а р д о х е й. Сусанночка... Сусанюрочка... Сусанчик... Куда спрятался мой желтый цыпленок? Или я не пришел, чтобы ты утолила мою любовь, или ты не хочешь дать мне испить из кувшина твоих губ, как Ревекка, родившаяся от Вафуила, сына Милки, жены Нахор, брата Авраамова. Сусанусенька... Сусачученька... Сусакукенька... Не думаешь ли ты, что мое сердце не сражалось из-за тебя с моим разумом как во дни Амрафеля, царя Сенарского, Ариоха, царя Елосарского, и Фидала, царя Гоимского. В долине Сидим, где ныне море Соленое... Сусанопычка... Сусанупычка... Сусанипычка...

В дверь раздается стук: раз-два. Мардохей отвечает женским голосом.

М а р д о х е й. Ой, нельзя.

П а ш х у р (*из-за двери*). Это я — Вавилонский судья-старейшина — реб Пашхур.

М а р д о х е й. Ах, негодяй. Ах, старый прелюбодей. Толстопузая притча. Коротконогий паралипоменон.

(Громко женским голосом.) Нельзя. Нельзя. Я только что из ванны. Купала свое белое тело в душистой воде.

П а ш х у р. Что? Кричите громче, прекрасная Сусанна. Ветер надул мне в уши. Вот уже второй день, как я плохо слышу.

М а р д о х е й. Как вам нравится брехня этого лысого экклезиаста. Скоро пойдет второе столетие, как слон наступил ему на оба уха, а он все еще корчит из себя заболевшего отрока из 3-й книги Царств. *(Громко.)* Говорю: только что выскочила из ванны.

П а ш х у р. Тогда я пришел вовремя: земля становится моложе после дождя, глаза ярче после слез и женщина прекраснее после купанья.

Дверь отворяется. Мардохей накрывается с головой пурпуровой шалью и пытается убежать.

М а р д о х е й. Ах.

П а ш х у р. Не пущу.

М а р д о х е й. Пустите.

П а ш х у р. Не пущу.

М а р д о х е й. Пустите.

П а ш х у р *(сажает на колени Мардохея)*. Моя птичка.

М а р д о х е й. Голубица. Невинная голубица. А вы хотите сделать из меня грязного удода.

П а ш х у р. Ой, мой звереныш кусается.

М а р д о х е й. Чистый агнец.

П а ш х у р *(нащупывает сквозь шаль нос)*. Какой малюсенький носяточка.

М а р д о х е й. Если вы будете так за него тянуть, он станет как две капли похож на богобоязненный нос мудрейшего реб Мардохея.

П а ш х у р. Моя прекрасная Сусанна, не оскверняйте свои прекрасные уста таким богопротивным именем. Сегодня ночью я слышал голос ангела, который обещал поджарить на небесном огне этого старого петуха от головы до хвоста, напичканного беззаконием, взятками и лживыми приговорами.

М а р д о х е й. Ой, не щекотите. Ой-ой-ой. Ой-ой-ой. И сказал Бог Израилю в видении ночном: «Иаков. Иаков». Он сказал: «Вот я».

П а ш х у р. А Израиль сказал Иосифу: «Умру я теперь, увидев лицо твое».

М а р д о х е й. Достопочтенный реб Пашхур.

П а ш х у р. Ученейший реб Мардохей.

М а р д о х е й. Друг моего сердца чистейший из судей.

П а ш х у р. Брат души моей богобоязненный из старейшин.

М а р д о х е й. Когда Господь привел в замешательство Сисару, сошел Варав с горы Фавор...

П а ш х у р. О, мудрейший муж.

М а р д о х е й. И еще сказано: Аммонитянин и Моавитяин...

П а ш х у р. Вот я стираю руки, чтобы обнять свет моих очей...

М а р д о х е й. А я протягиваю уста, чтобы облобызать свирель моих ушей.

П а ш х у р. И теперь возблагодарим Всевышнего за то, что птицы не выклевали наших глаз, которые улицезрев прекрасную Сусанну, только воздали ей должное.

М а р д о х е й. И еще за то, что песком не засыпаны наши уши, которые, услышав, как звенит голос прелестной Сусанны, не могли больше слушать никакую другую из женщин Иудейских.

П а ш х у р. Мудрейший реб Мардохей, в той стороне мои очи видят полог алькова. Не скрывает ли он, подобно туче, солнце нашей любви?

М а р д о х е й. Справедливейший реб Пашхур, откуда же доносится до слуха моего дыхание более нежное, чем шелест весенних трав?

П а ш х у р. Не пойти ли нам по этому направлению?

М а р д о х е й. И, если найдем там прекрасную Сусанну, не сказать ли ей о том, что привело нас сюда.

П а ш х у р. Может быть. Пойдем.

М а р д о х е й. Как Вооз из племени Елимелехова к моавитянке Руфи, жене Махлоновой, забеременевшей Овидом, отцом Иессея, отца Давидова. И вот род Фаресов: Фарес родил Есрома, Есром родил Арама, Арам...

Из-за полога выскакивает З е р а .

З е р а. Вот вам. Вот. Вот. Вот. Будете теперь знать, вавилонские козлы, как лазить в чужой огород.

М а р д о х е й. Тьфу. Тьфу. Тьфу на тебя. Огородное пугало.

П а ш х у р. Почему же козлы, дочь моя. Разве у нас козлиные бороды?

З е р а. Что и говорить: бороды у вас старейшинские... А вот рога козлиные.

М а р д о х е й. Что касается плечи — не стану отрицать.

П а ш х у р. А я не стану отрицать лысины.

З е р а. Говорю — рога — значит рога.

М а р д о х е й. Нет в словах твоих истины.

П а ш х у р. Должен сказать, дочь моя, что ты выражаешься странно.

М а р д о х е й. Беру в свидетели Отца небесного, что ты говоришь о рогах напрасно.

З е р а. Замечательные рога. Рога прекрасные, да и как же быть рогам не прекрасным, если наставила их сама прекрасная Сусанна.

П а ш х у р. Ты в этом убеждена?

М а р д о х е й. Сусанна? Не хочу слышать слов твоих. Замолчи.

П а ш х у р. Сусанна? Дочь моя, ты в этом уверена?

З е р а. Сусанна.

М а р д о х е й. Реб Пашхур, наша дочь твердо стоит на своем.

З е р а. Нет, я твердо стою на вашем.

М а р д о х е й. Значит нет.

З е р а. Значит есть.

М а р д о х е й. Почему?

З е р а. Потому что я твердо стою на ваших рогах.

М а р д о х е й. С кем же грешит твоя госпожа, с кем она блудодействует.

З е р а. Ее возлюбленный из Иерусалима.

М а р д о х е й. О!

П а ш х у р. Из какого племени?

М а р д о х е й. Не знатного ль рода?

З е р а. Дело не в роде и не в племени, а в том: как вам, старейшинам-судьям, в дальнейшем себя вести.

Мардохей. Негодовать.

Зера. Что?

Пашхур. Возмущаться.

Зера. Как?

Мардохей. Посыпать пеплом голову.

Зера. Я вам посыплю. *(Наступает.)*

Пашхур. Три дня не вкушать ничего мясного.

Зера. Вы у меня такого вкусите... *(Наступает.)*

Мардохей. Перечеть книгу премудрости Соломона.

Пашхур. Взобраться на гору Синай и спросить совета у Господа Бога.

Зера. Это все, что пришло вам в голову?

Мардохей. Почти.

Зера. Необходимо вывести.

Мардохей. Кого?

Зера. Дураков.

Пашхур. Откуда?

Зера. Отсюда. *(Стучает по лбу.)*

Пашхур. Достопримечательный реб Мардохей, она советует нам поумнеть.

Мардохей. Я подумаю.

Пашхур. О Сусанне?

Мардохей. Да.

Пашхур. И я тоже о ней подумаю.

Мардохей. Придумал.

Зера. Ну?

Мардохей. Поступить по закону Моисееву — око за око.

Пашхур. зуб за зуб.

Зера. Судьи-старейшины, из этого ничего не выйдет.

Мардохей. Почему?

Зера. Потому что ваш зуб, ученейший реб Мардохей, никуда не годится.

Пашхур. А мое око?

Зера. То же самое.

Мардохей. Еще подумаю.

Пашхур. И я тоже.

Мардохей. Придумал: В книге «Левит» сказано:

П а ш х у р. Второзаконие гласит...
М а р д о х е й. Женщина, которая возлегла...
П а ш х у р. Прелюбодейницу...
М а р д о х е й. Предать смерти...
П а ш х у р. Самой лютой.
М а р д о х е й. Побить камнями.
П а ш х у р. Тело отдать собакам.
З е р а. Судьи-старейшины, все сообразим, рассчита-
ем и взвесим, а потом...
В с е в м е с т е. Мечь.

Конец первого действия.

Второе действие

У Даниила, во дворце царя Валтасара.

А с ф е н а з у. Пусть моя голова станет лысой, как колено, если обилию остроумия и каламбуров в твоих речах, хоть сколько-нибудь соответствует изобилие твоего стола. А тебе уже пора знать, милый Даниил, что старший евнух царя Валтасара в тысячу раз отдает больше предпочтения самому кислому вину перед самыми сладкими речами.

Д а н и и л. Клянусь бархатом твоего голоса...

А с ф е н а з у. Если бы я имел даже самый паршивый бас, то смею тебя уверить, что вавилонский царь так же редко получал от меня на ночь девственницу, как я получаю от тебя сытный ужин.

Д а н и и л. Дай же мне сказать, ты, самый неподкупный из евнухов.

А с ф е н а з у. Золотые слова.

Д а н и и л. Твой кошелек подобен твоему брюху, он также предпочитает золотым словам — обыкновенное золотое золото.

А с ф е н а з у. Вот что значит иметь дело с пророком, я еще не обмолвился ни словом, а он уже знает, что если золотой дождь не оросит ужасную пустыню моего кошелька.

Д а н и и л. Тучи все пролились. Твой кошелек на этот раз останется неорошенным. (Смех.)

А с ф е н а з у. В таком случае твое пророчество, предугадывание царских снов, не оросится теми скудными сведениями, которые почерпнуло ухо старого Асфеназу из царского обеда. Во время ночного бодрствования у замочной скважины царской опочивальни.

Д а н и и л. Валтасар разговаривал во сне.

А с ф е н а з у. Я испортил целых четыре глиняных дощечки, записывая ту чепуху, которую городил без устали его язык.

Д а н и и л. Дай.

А с ф е н а з у. На. (Протягивает кошелек.)

Д а н и и л. Ты всегда приходишь ко мне с пустым кошельком.

А с ф е н а з у. А ты ко мне с пустой головой.

Д а н и и л. Чтобы наполнить твою мошну семь раз в неделю, надо владеть, по крайней мере, седьмой частью Вавилонского царства.

А с ф е н а з у. Должен сознаться, что твоя голова вмещает значительно меньше, но зато работа, которая требуется для ее заполнения...

Д а н и и л. Получай.

А с ф е н а з у. Тысяча демонов. Грабеж среди мраморных стен.

Д а н и и л. В чем дело?

А с ф е н а з у. В кошельке.

Д а н и и л. Ну?

А с ф е н а з у. Стыдись, Даниил, я не иудейский нищий, чтобы протягивать руку за серебром.

Д а н и и л. И я, мой друг, не настолько беден, чтобы швыряться золотом..

Входит в о и н .

В о и н. Здравствуй, вельможа.

Д а н и и л. Привет воину.

В о и н. Я привез к тебе письмо от твоего начальника.

Д а н и и л. Промочи горло.

А с ф е н а з у. Смотри, воин, не получи простуду от этой слякоти.

Д а н и и л. Что делается среди войсковых палаток?

В о и н. Лучше бы мои глаза не видели этого, что там делается. Вавилон в конец испортил халдейских солдат. Разве это дело, когда воин больше следит за ногтями, чем за оружием. Солдаты два раза в день чистят мелом свои зубы и по неделям не трогают скребницами коней. Они мажут маслом свои бороды, а железо и сталь ест ржавчина.

А с ф е н а з у. Конечно, царю было бы выгоднее, чтобы виши ели его солдат, а его солдаты грызли бы персов и мидян. К сожалению, среди халдеев с каждым днем все меньше становится дураков.

В о и н. В офицерских шатрах еще хуже. Вы себе не представляете, что там творится...

А с ф е н а з у. Представить-то я себе могу, а вот творить, о проклятый Навуходоносор. Это он сделал меня Асфеназой.

В о и н. Я говорю не о таких пустяках, как женщины.

Д а н и и л. Не обращай внимания на его болтовню. Очень прошу тебя, продолжай рассказывать.

В о и н. Знаете ли вы, что наши офицеры стали есть при помощи вилок, ножей и ложек.

А с ф е н а з у. Воин, ты меня убил. И только подумай чем: вилкой и ложкой.

В о и н. Плохой тут смех, господин старший внуч. Вот увидите, не истечет и месяца, как придет к вам известие о том, что мидяне и персы подмяли под себя наше изнеженное войско с такой же легкостью, как всякий порядочный солдат.

А с ф е н а з у. Прошу тебя, не оскверняй своими сравнениями моего целомудрия.

В о и н. Прочти, вельможа, это письмо. Мой начальник пишет тебе обо всем подробно.

Д а н и и л. Передай своему начальнику мой привет, мою благодарность и мой кошелек. Несколько золотых оставь у себя. Счастливого пути, воин.

А с ф е н а з у. Я думаю, дорогой Даниил, что ты был бы самый умный человек, если бы все то, чем наполняют добрые люди твою голову, не выливалось бы с такою поспешностью обратно сквозь это отверстие, которое называется устами пророка.

Д а н и и л. Я предсказываю Валтасару поражение его армий и раздел царства между мидянами и персами.

Поют.

Очень лыс, очень толст, очень стар
Царь халдеян Валтасар, Валтасар, Валтасар.

А с ф е н а з у. Даниил, твои тайные агенты возвращаются как-будто в хорошем настроении.

Все поют

Покорить весь шар земной
Злой мешает геморой, геморой, геморой.

Входят А н а н и я, А з а р и я, М и с а и л, первая и вторая блудницы.

Олла Даниилу! Гиб-гиб человеку-бочке!

А с ф е н а з у. А... Добро пожаловать, как вы себя чувствуете, любезные пророки, после огненной печи?

А н а н и я. Превосходно.

А з а р и я. Чудесно.

М и с а и л. Лучше, чем после горячей ванны.

А с ф е н а з у. Следовательно, старый Асфеназу был не таким уж плохим богом израильским.

А н а н и я. Твои кузнечные меха дули, как самый сильный северный ветер.

А с ф е н а з у. Клянусь Мардуком, сегодня утром от злости чуть не выдрал у себя все волосы.

П е р в а я б л у д н и ц а. Волосы...

А с ф е н а з у. Ну да, волосы. У порядочных людей они растут под мышками.

А з а р и я. Что же привело тебя в ярость?

А с ф е н а з у. Собственная глупость. Только осел может за такую цену согласиться заменять чудотворный ветер.

А н а н и я. Бедняжка, я тебе сочувствую.

А з а р и я. С таким аристократическим животом и вдруг целых два часа просидеть в трубе... Асфеназу, я тебя понимаю.

А с ф е н а з у. Пойду, проведу царя Валтасара. Его тупоумие прекрасно действует на мою меланхолию.

Д а н и и л. Друзья, у кого есть новости?

П е р в а я б л у д н и ц а. У меня.

В т о р а я б л у д н и ц а. И у меня.

М и с а и л. И у меня.

А н а н и я. А у нас самые замечательные.

А з а р и я. Даниил, мы тебе обеспечиваем одно про-
рочество и Анания — два очень эффектных чуда.

П е р в а я б л у д н и ц а. Я говорю первая.

В т о р а я б л у д н и ц а. Нет я. Мои сведения ин-
тереснее.

А з а р и я. Анания, как тебе нравится: блудницы хо-
тят быть первыми.

П е р в а я б л у д н и ц а. Мы самые просвещенные
женщины в Вавилоне.

В т о р а я б л у д н и ц а. Ну скажи, пожалуйста, ка-
кая порядочная женщина говорит на 4 языках.

М и с а и л. На пяти. Разве вы плохо разговариваете
глазами?

Д а н и и л. Тогда на шести. Потому что всего лучше
они все-таки говорят бедрами, когда прогуливаются по
главной улице Вавилона.

В т о р а я б л у д н и ц а. А какая из жен ваших бан-
киров играет на пяти музыкальных инструментах: гус-
лях, цитре, свирели, цевнице и симфонии.

М и с а и л. Вы забыли про губы. С тобой, красотка,
мы сейчас сыграем Вавилонский гимн. *(Целует.)*

В т о р а я б л у д н и ц а. Один только Мардук зна-
ет, как ты мне надоел.

М и с а и л. А с тобой похоронный марш. *(Целует.)*

П е р в а я б л у д н и ц а. Отстань.

Д а н и и л. Ну-с.

П е р в а я б л у д н и ц а. Вчера я провела ночь с
жрецом идола Вила.

В т о р а я б л у д н и ц а. И я тоже с жрецом и тоже
идола Вила.

П е р в а я б л у д н и ц а. Знаешь ли, каким образом
идол Вил сжирает всю пищу и выпивает все бочки вина,
которые ему присылает царь Валтасар?

В т о р а я б л у д н и ц а. Все сжирают сами жрецы
со своими женами и детьми.

П е р в а я б л у д н и ц а. У них есть подземный тай-
ный ход в храме, о котором не знает царь.

М и с а и л. Идол Вил — самый справедливейший из всех богов, которых до сего времени выдумали. Он, по крайней мере, досыта питает тех, которые ему служат.

Д а н и и л. О, царь Валтасар, пророк Даниил откроет тебе глаза на этого бога, у которого внутри глина и снаружи медь... Идола Вила мы предадим огню и разрушению — этого самого грозного конкурента бога израильского, а его жрецов — смерти. Друзья мои, веселитесь: знакомьтесь и пейте вино.

Музыка. Танцы.

В т о р а я б л у д н и ц а. Только вино и примиряет меня с моей тяжелой профессией.

Д а н и и л. Ты жалуешься на свое ремесло. С кем же, красотка, ты бы хотела обменяться своей судьбой?

П е р в а я б л у д н и ц а. Она шепчет мне на ухо, что лучше всего живется пророкам.

Д а н и и л. Ремесло пророка, моя дорогая, не слаще твоего. Нам приходится прежде всего поить, кормить и снаряжать золотом несколько дюжин самых толстых в мире бездельников, читать ерунду, от которой пухнет голова, заниматься дикцией и мимикой, глотать сырые яйца, чтобы хорошо звучал голос, а в результате всякий раз рискуешь попасть в ров со львами.

М и с а и л. Красотки, я думаю, что вы чертовски проголодались.

В т о р а я б л у д н и ц а. Ну, конечно. При нашей тяжелой работе да еще плохо есть — это значит завидовать телосложению заезженной клячи.

Д а н и и л. Совершенно верно, милочка. Красота женщины, как и всякого животного, зависит только от пищи.

П е р в а я б л у д н и ц а. Ты из каких будешь, красавчик халдей: египтян или иудей?

Д а н и и л. А разве вы не прочли моего паспорта?

П е р в а я б л у д н и ц а. Вы мне его не показывали.

Д а н и и л. Значит, смотрите мне в лицо, разговариваете со мной и не видите моего носа.

П е р в а я б л у д н и ц а. Судя по носу — иудей.

Поют.

Очень толст, очень лыс, очень стар
Царь халдеян Валтасар, Валтасар, Валтасар.
Покорить весь шар земной
Злой мешает геморой, геморой, геморой.

А с ф е н а з у (*вбегая*). Уф! Если сейчас вы не смажете Асфеназу кишок чем-нибудь жидким, самая злая одышка отправит его на тот свет и вы не услышите таких новостей... от которых... чуть-чуть... совсем было... уф!

Д а н и и л. Нельзя ли покороче?

А с ф е н а з у. Прочел ли ты, великий словоблуд, достаточно внимательно те дощечки с царским бредом, которые я тебе сегодня принес?

Д а н и и л. Я помню наизусть каждое их слово.

А с ф е н а з у. И прекрасно делаешь, потому что очень скоро они должны весьма пригодиться. Я уже тебе говорил, что вчерашней ночью царь устроил хорошенькую пирушку. Но под конец ночи компания перепилась в лоск. А царь Валтасар больше всех. В результате, с пьяных глаз ему померещилась кисть неведомой руки, которая будто бы на стене писала какие-то дурацкие слова. Царь страшно перепугался. Созвал всех своих мудрецов и приказал им читать эти слова. По глупости те оказались трезвыми, а так как на стене ничего не было, то и прочесть они ничего не могли. Царь так рассердился, что ушел спать. Ночью ему приснился тот же сон. Слова он прочел, но не знает, что они значат. Теперь Валтасар говорит: только тот настоящий мудрец, который сумеет сказать, какие слова были написаны. Тебе это нипочем сделать. Потому что слова эти он твердил во сне и я их записал.

Д а н и и л. А дощечки у меня в кармане.

А с ф е н а з у. Совершенно верно. Но чтобы все это проделать, возможно, лучше, необходимо подготовиться.

П е р в а я б л у д н и ц а. Ах, как интересно.

В т о р а я б л у д н и ц а. Кто же будет повелителем Вавилонии?

М и с а и л. Я буду царем Валтасаром.

А с ф е н а з у. Молчи, пигалица, когда вся твоя особа будет весить больше, чем моя правая ляжка, я тебя сделаю своим старшим сатрапом. Царем буду я.

А н а н и я. А мы твоими наложниками.

А с ф е н а з у. Это безнравственно.

А з а р и я. Меня не возмущает подобное мнение только потому, что оно исходит из уст евнуха.

А н а н и я. Откуда знать винному погребу, что наша любовь — самая чистая и самая возвышенная.

А с ф е н а з у. Ну-с, вавилонская Пифия, извольте царю Валтасару, сыну Навуходоносора, объяснить видения и сны.

Д а н и и л. Великий царь, во веки живи. Ты говоришь, я сделаю тебя, Даниил, властителем 1/3 моего царства, на шею повешу золотую цепь, облеку в багряницу и пурпур, осыплю золотом...

А с ф е н а з у. Ах, губошлеп. Ах, теленок с хвостом, как кривая хворостина, и задними ногами, перепачканными непотребной дрянью...

Входит, оглядываясь, С у с а н н а .

М и с а и л. Что это за женщина?

Д а н и и л. Какой дурак впустил ее?

П е р в а я б л у д н и ц а. Смотри, какая она смешная.

В т о р а я б л у д н и ц а. Это, должно быть, порядочная женщина. Она ходит, как индюшка.

П е р в а я б л у д н и ц а. Ну конечно, порядочная. Видишь, она не знает, куда девать руки.

С у с а н н а. Ты, должно быть, и есть тот самый пророк.

А с ф е н а з у. Глупенькая, кто же называет так пустомелей.

С у с а н н а. Твое имя Даниил. Моя служанка была твоей любовницей. Я отняла у нее кольцо и пришла заменить ее.

Д а н и и л. Почему ты решила, что я люблю манную кашу с сиропом? Когда я бываю голоден, то всегда отдаю предпочтение простой каше с куском хорошего сала.

С у с а н н а. Я не знала, что пророки так называют любовь.

Д а н и и л. Ты, по всей вероятности, представляла себе пророков похожими на худосочных приказчиков,

которым для того, чтобы у них появилось желание, необходимо соловей и лунная ночь.

С у с а н н а. До сих пор все мужчины говорили, что Сусанна — самая красивая женщина в мире.

Д а н и и л. Сними свое покрывало.

Сусанна сбрасывает покрывало.

Д а н и и л. О!..

А с ф е н а з у. Н-да.

А з а р и я. Фи... Как она красива.

В т о р а я б л у д н и ц а. Перестань пялить на нее глаза. Перестань пялить.

П е р в а я б л у д н и ц а. Неужели вам нравится эта узкоплечая выдра?

В т о р а я б л у д н и ц а. Если ты не перестанешь пялить на нее глаза, я тебе плюну в рожу.

П е р в а я б л у д н и ц а. А я залеплю пощечину.

Д а н и и л. Сусанна...

А с ф е н а з у. Н-да.

С у с а н н а. Прогони этих женщин.

П е р в а я б л у д н и ц а. Ах ты, горбоносая дрянь!

В т о р а я б л у д н и ц а. Красная ноздря!

С у с а н н а. Вышвырни их за порог.

П е р в а я б л у д н и ц а. Нас?

В т о р а я б л у д н и ц а. Я всегда говорила, что все порядочные женщины — гадины.

Д а н и и л. Мисаил, выдай по золотому и пожелай счастливого пути.

М и с а и л. Вот вам, милочки, гонорар, и ступайте своей дорогой.

В т о р а я б л у д н и ц а. Ах ты, паршивый пророчешка. Получай сдачи. *(Плюет ему в лицо.)*

П е р в а я б л у д н и ц а. И от меня тоже. *(Плюет.)*

А з а р и я. Мисаил, вот тебе носовой платочек.

А н а н и я. Вытри божью росу, которая упала тебе на лицо.

Д а н и и л. Сусанна.

А с ф е н а з у. Н-да.

С у с а н н а. Долго ли еще будут здесь вот эти...

Д а н и и л. Не заставляйте меня дважды желать вам счастливого пути.

Первая блудница. Нахал.

Вторая блудница. Невежа.

Д а н и и л. Абу!

Появляется негр. Даниил делает знак — выбросить женщин. Негр выбрасывает их, подняв на воздух. Блудницы визжат.

Д а н и и л. Довольна ли ты, Сусанна?

А н а н и я. Уйди отсюда, Азария. Я думаю, что с нашим образом мыслей оставаться в ее обществе не следует.

Д а н и и л. Напротив, оставайтесь. Может быть, присутствие Сусанны поможет вам избавиться от некоторых предрассудков. Находишь ли ты мои слова мудрыми, Сусанна?

С у с а н н а. Налей мне вина. *(Пьет.)*

А н а н и я. Даниил сегодня так изрекает, как будто он уже читал одного поэта, который должен появиться еще черт знает через сколько времен, на одном маленьком острове, среди людей, которые будут называть себя англичанами.

А з а р и я. Хороший ли это будет шелкопер?

А н а н и я. На чей вкус? Что касается цирюльников, то они будут знать наизусть каждую его строчку. Впрочем, у этого поэта будут достоинства: он всех превзойдет в умении завязывать галстук.

А с ф е н а з у. Друзья мои, когда я смотрю на Сусанну, мне приходит в голову, что операцию надо мной совершал не особенно важный хирург. Беригись, Даниил, ты еще можешь увидеть соперника в лице старого Асфеназу.

А з а р и я. Дай твою руку, Анания. Находиться в одной комнате с такой женщиной — значит подвергать свою добродетель ненужным искушениям. *(Уходят.)*

С у с а н н а. Даниил, у тебя ногти узкие, как фисташки. Неужели ты позволял целовать их простой рабыне?

Д а н и и л *(выпивает вино)*. Пойдем, Сусанна, я покажу тебе висячие сады, осыплю цветами, которыми только один вавилонский царь устилает ложе своей любимой жены, подниму на башню...

С у с а н н а. Пойдем... *(Уходят.)*

А с ф е н а з у. Мисаил, ты бы хотел поцеловать в губы?

М и с а и л. Я бы отдал за один поцелуй все золото, которое у меня имеется в кармане.

А с ф е н а з у. Давай.

М и с а и л. А ты не надуешь?

А с ф е н а з у. Разве старший евнух царя Валтасара кого-нибудь обманывал?

М и с а и л. На. *(Дает кошелек.)*

А с ф е н а з у. Вот тебе губы — целуй. *(Выпячивает свои — Мисаил дает затрещину.)*

А с ф е н а з у. Поцелуй горячий и крепкий, если бы не кошелек, я бы возвратил его в удесятеренном количестве.

М и с а и л. Катись, бочка. *(Уходят.)*

Сцена пустая. Только у дверей негр. Хочет войти З е р а .

Н е г р. Кыльцо.

З е р а. Это я, Зера.

Н е г р. Нэ... Нэ... Кыльцо.

З е р а. Неужели ты не узнал меня? Маленькая рабыня Зера. Подрута твоего господина.

Н е г р. Кыльцо.

З е р а. Кольцо я забыла дома. Зера так бежала к твоему господину, что у нее совсем вылетело из головы это колечко. Зера думала: черный Абу добрый, черный Абу хороший. Черный Абу помнит Зеру. Зера всякий раз давала ему засахаренные финики и угощала сладким вином.

Н е г р. Нэ... нэ...

З е р а. Хочешь, я поцелую тебя. Вот сюда — прямо в губы? Ах, какие они толстые... Тебе нравятся Зерины поцелуи? Нравятся. Нравятся. Черный Абу смеется. О, плутище, у тебя неплохой вкус. Желаете Зерину шейку — получай. Еще — пожалуйста. Ну-с, а теперь дай мне пройти.

Н е г р. Кыльцо.

З е р а. Пропустишь ли ты меня, злая собака. Идол. Пень. Каменная глыба. Черный верблюд. Что губы разве-сил? Я тебе буркулы-то выцарапаю.... Ну миленький, ну хороший, черное мое сердечко, сладкая ягодка... Я тебя в последний раз спрашиваю: дашь мне пройти? Не дашь? Нет?

Негр. Кыльцо.

Зера. Кольцо — получай.

Закалывает его. Труп оттаскивает. Сама подкрадывается к двери опочивальни. Раздаются шаги. Зера прячется с обнаженным кинжалом.

Входят Д а н и и л и С у с а н н а .

С у с а н н а. Ты не раскаиваешься, что согласился любить меня?

Д а н и и л. Чувство раскаяния, моя обожаемая, свойственно глупой черни. Только маляр и землекоп страдают бессонницей из-за украденного куска черного хлеба.

С у с а н н а. А пророки?

Д а н и и л. Человек, у которого течет в жилах голубая кровь, должен прежде всего заботиться о своей чести. Поэтому, даже совершив убийство с целью изнасилования и грабежа, он не должен потерять хорошего аппетита, — иначе его слуга может подумать, что среди аристократов подобные поступки считаются предосудительными.

С у с а н н а. Ты бы хотел еще раз видеть меня?

Д а н и и л. Если это не связано с большими затруднениями.

С у с а н н а. Вот тебе ключ от калитки моего сада. Завтра в полдень я буду купаться в бассейне. Приходи. Никто не помешает нашей любви.

Д а н и и л. Хорошо, моя обожаемая. Я приду ровно в полдень. Прошу тебя не смеяться, если за сегодняшнюю ночь у меня успеет вырасти красная борода. Я не люблю, чтобы чернь узнавала Даниила. Базарные торговки не должны знать, что у пророка походка обыкновенного смертного.

С у с а н н а. Прощай.

С у с а н н а скрывается. Д а н и и л уходит. Вслед за ними с кинжалом в зубах ползет через всю сцену Зера.

Конец второго действия.

Третье действие

Сад. Вбегает З е р а .

З е р а . Судьи-старейшины. Старейшины-судьи. *(Вытаскивает их за руки.)* Реб Пашхур, передвигайте же ноги.

П а ш х у р. Дочь моя, нельзя ли их унести?

З е р а. Как вам не стыдно трястись, реб Мардохей?

М а р д о х е й. Если я сам хорошенько не вытрясусь, то он меня так потрясет, что все Священное Писание выскочит из головы.

З е р а. Такой мудрый человек и не может взять себя в руки.

М а р д о х е й. У меня их нет.

З е р а. Чего нет?

М а р д о х е й. Рук.

З е р а. Куда же они девались?

М а р д о х е й. Они у тебя. Выпусти их, тогда я попробую воспользоваться твоим советом. *(Зера выпускает. Мардохей хватает себя и бежит.)*

З е р а. Что вы делаете, реб Мардохей?

М а р д о х е й. Я взял себя в руки и спокойно уйду.

В это время бежит Пашхур.

З е р а. Реб Пашхур! Реб Пашхур, куда вы?

П а ш х у р. Откуда только что удались.

З е р а. Как вам не стыдно бежать домой!?

П а ш х у р. Дочь моя, я не туда.

З е р а. Но ведь мы удались от дома.

П а ш х у р. Дочь моя, мы удались от истины.

М а р д о х е й. Совершенно верно, — истина — это благоразумие. А подвергать такую высокопоставленную особу, как реб Пашхур, опасности, крайне неблагоразумно.

З е р а. Я вас уверяю, что опасности никакой нет.

М а р д о х е й. Есть.

З е р а. Где же она?

М а р д о х е й. Здесь.

З е р а. Во всем саду нет ни одной души.

М а р д о х е й. Есть.

З е р а. Кто?

М а р д о х е й. Души.

П а ш х у р. Душа мудрейшего реб Мардохея, моя душа и... одна четверть от порядочного носа. При одной мысли о Сусанне я чувствую, как становлюсь диким зверем.

М а р д о х е й. Я чувствую, как у меня вырастают клыки.

П а ш х у р. А у меня хвост.

З е р а. А как насчет рогов?

М а р д о х е й. Хвост и рога у справедливейшего.

П а ш х у р. А у тебя мудрейший — вымя.

М а р д о х е й. Клыки и когти.

П а ш х у р. Вымя.

З е р а. Roga!..

М а р д о х е й. Увидев купающуюся Сусанну, я, как вепрь, выпрыгну из кустов и... и... испорчу все дело.

З е р а. Согласна. Мудрейший прыгает, как вепрь. Справедливейший кричит благим матом.

П а ш х у р. Дочь моя, мудрейший тоже будет кричать благим матом.

М а р д о х е й. Потому что, видит бог израильский, — проклятый любовник нас обоих оттаскает за бороды.

П а ш х у р. Подумай, мудрейший, имеем ли мы право подвергать опасности старейшинские и судейшинские бороды, которые принадлежат не нам, а всему народу иудейскому?

М а р д о х е й. Нет, я решительно ухожу.

П а ш х у р. И я тоже.

З е р а. Хорошо. Мы пойдем домой. Но помните, мудрейшие и достопочтенные, что через два дня не будет во всем Вавилоне такого иудея, который бы не знал, что судьи-старейшины воспылали страстью к Сусанне, что прекрасная Сусанна их увенчала рогами.

П а ш х у р. Ты полагаешь, что подобное происшествие возможно?

М а р д о х е й. Неужели найдутся злые языки, способные распространять такую низость?

З е р а. Я думаю, что найдутся.

П а ш х у р. Подумай хорошенько, дочь моя.

З е р а. Я уже подумала.

М а р д о х е й. Вспомни о дьяволе, который на том свете языки сплетников прожигает раскаленным железом.

З е р а. Вспомнила.

М а р д о х е й. Ну и что?

З е р а. Найдутся.

П а ш х у р. В таком случае я ничего не имею против.

З е р а. Против рогов?

П а ш х у р. Нет, против того, чтобы остаться.

М а р д о х е й. Благодарю тебя, почтенный реб Пашхур. Теперь словно гора свалилась с моих плеч. Должен сознаться, что твоё малодушие приводило меня в отчаяние. Я не решался противоречить. Я не смел настаивать. Но уйти отсюда, не отомстив прелюбодейке, как Финас, сын Елизара, сына Аарона, Хозву, дочери Цура, начальника Оммора...

З е р а. Реб Мардохей, реб Мардохей!..

М а р д о х е й. Дочери Цура и сына Саду в городе Сиптима...

З е р а. Реб-Мардохей!..

М а р д о х е й. В городе Сиптима, городе Сиптима, городе...

З е р а. Что вы говорите, справедливейший?

М а р д о х е й. Я говорю, как Финас, сын Елизара, сына Аарона, Хозву, дочери Цура...

Голос Сусанны: «Зера! Зера!» З е р а убегает. Старейшины прячутся в кусты.

М а р д о х е й. Вяпались!..

П а ш х у р. Что ты говоришь, брат мой?

М а р д о х е й. Я говорю, что вяпались!

П а ш х у р. Ты?

М а р д о х е й. И ты тоже.

П а ш х у р. Не вижу. Не обоняю.

М а р д о х е й. Я говорю, что мы вяпались в грязную историю!..

П а ш х у р. А!..

М а р д о х е й. Почтенный реб Пашхур, сделай милость — пересядь чуть влево.

П а ш х у р. Что?

М а р д о х е й. Влево подайся.

П а ш х у р. Подался.

М а р д о х е й. Друг моего сердца, прошу тебя, немного вправо.

П а ш х у р. Подался.

М а р д о х е й. Еще вершка на два.

П а ш х у р. Скоро ли ты перестанешь ерзать, мудрейший из судей?

М а р д о х е й. Справедливейший, ты уклоняешься от мести. Ты хочешь, чтобы я увидел и вовремя бросился, как вепрь.

П а ш х у р. Я больше всего хочу, чтобы ты, ученейший, перестал ерзать.

М а р д о х е й. Как же я могу перестать ерзать, если отсюда глаза мои ничего не увидят.

П а ш х у р. Они не увидят и отсюда, мудрейший.

М а р д о х е й. Ты полагаешь, справедливейший?

П а ш х у р. Мой друг забыл, что глаза его подслеповаты.

М а р д о х е й. В таком случае я буду довольствоваться тем, что я услышу.

П а ш х у р. На что намекаешь, ученейший?

М а р д о х е й. На слона.

П а ш х у р. Какого слона?

М а р д о х е й. Который наступил одному другу моего сердца на ухо!..

П а ш х у р. Слепая курица!..

М а р д о х е й. Глухой тетерев!..

П а ш х у р. Крот!

М а р д о х е й. Лопух!..

П а ш х у р. Тощая премудрость царя Соломона!..

М а р д о х е й. Жирное бытие!

П а ш х у р. Плешивая взятка!

М а р д о х е й. Лысое беззаконие!

В м е с т е. О-н-а!

Входят С у с а н н а и З е р а .

С у с а н н а. Солнце невыносимое. Непереносимая жара!.. Тело тает. Я таю, как дыня. Хочешь, не хочешь, а сделаешься негритяжкой. Наполовину бронзовая, на-

половину золотая, хорошо в такой час купаться, лежать в тени, не чувствовать солнца, не чувствовать дня. Зера, взгляни! Взгляни, рабыня, — идет ли ко мне коричневая простыня?

З е р а. Госпожа всегда хороша!

С у с а н н а. Я с тобой, рабыня, согласна. Можешь идти. Я тебя отпускаю в город. И побуду наедине со своими мыслями.

З е р а. С кем?

С у с а н н а. Что?

З е р а. Госпожа сказала, что хочет побыть с кем-то наедине.

С у с а н н а. Неужели я так сказала?

З е р а. Именно так.

С у с а н н а. Тебе послышалось. Я не могла сказать подобной нелепости... Вспомнила! Негодница, ты мне положительно затормошила голову. Я сказала: «Побуду наедине со своими мыслями...» Ах, какая жара!..

З е р а. А если он не придет?

С у с а н н а. Что?

З е р а. Я говорю: может случиться, что он не придет.

С у с а н н а. Ты думаешь, это возможно?

З е р а. О, да!

С у с а н н а. Я могу быть обманутой?

З е р а. Да.

С у с а н н а. Но ведь я получила обещание...

З е р а. Разве?

С у с а н н а. Он...

З е р а. Они...

С у с а н н а. Кто они?

З е р а. Мы говорили про мысли.

С у с а н н а. Негодная рабыня, убирайся вон. Как смеешь ты предполагать, что мысли не придут в голове твоей госпожи!..

З е р а убегает. Сусанна напевает.

С у с а н н а.

Слаще сока ананаса
Нам любовный страх,
Юность в шутках и проказах,

Седина в слезах.
Наши глазки, ротик, носик,
Западня греха
Все мужья прекрасно носят
Длинные рога...

Появляется Д а н и и л.

Д а н и и л. Сусанна!..

С у с а н н а. Мой возлюбленный... Ожидание убивало меня. Я успела три раза вытереть платочком слезы с моих ресниц. Каждый шорох, всякое дуновение ветерка...

Д а н и и л. Моя обожаемая, не надо слов.

С у с а н н а. О, ты не хочешь говорить о любви. Значит, ты меня мало любишь!..

Д а н и и л. Обожаемая, я разговариваю 14 часов в сутки. Умоляю тебя — разреши помолчать.

С у с а н н а. Я сегодня видела во сне, что моя кошка родила четырнадцать верблюдов. Скажи, что это значит?

Д а н и и л. Спроси об этом у своей кошки! Ей это должно быть лучше известно.

С у с а н н а. Объясни сон, или я не поверю твоей любви.

Д а н и и л. Обожаемая, дело обстоит очень просто. По всей вероятности, ты вчера перед сном чересчур плотно поужинала и у тебя ночью были рези в желудке.

С у с а н н а. Ты смеешься надо мной?

Д а н и и л. Клянусь, что ни одному человеку в мире я так верно не растолковывал сна.

С у с а н н а. Ты никуда не годный пророк. Хотя, должна сознаться, что я действительно съела на ночь половину гуся, начиненного яблоками.

Д а н и и л. О, моя обожаемая!

С у с а н н а. Поцелуй меня в глаза.

Д а н и и л. Дорогая, это дело времени.

С у с а н н а. В губы!

Д а н и и л. Изволь.

С у д ь и. А-а-а!.. Караул! На помощь! Караул! Караул! На помощь!..

Д а н и и л. Совершается убийство!.. Просят о помощи. Я убегаю.

Судьи. Караул!.. Караул!.. Караул!..
Сусанна. Мне страшно! Не оставляй меня!
Даниил. Я не могу рисковать жизнью пророка из-за твоего купального костюма.

Сусанна. Даниил!..
Даниил. Я пришлю тебе помощь! Человек с крепкими нервами ждет меня около твоей калитки.

Даниил выбегает. Выскакивают судьи.

Мардохей. Горе обрушилось на дом Иоакима. На помощь!.. На помощь!..

Сусанна. Судьи-старейшины, что случилось?

Пашхур. Несчастный Иоаким! Караул!..

Сусанна. Ограбили?

Мардохей. Бедный Иоаким!.. На помощь!

Сусанна. Убили?

Вбегает Иоаким, брат его Иаков и слуги.

Иоаким. Занимайте выход!

Иаков. Рассыпьте по саду!

Иоаким. Ловите живьем!

Иаков. Обыщите каждое дерево!

Иоаким. Обшаривайте кусты!

Сусанна. Мой супруг! Вы живы?

Иоаким. Моя супруга! Судьи-старейшины, где убийца, где грабители?

Мардохей. Человек, который ограбил тебя, убежал.

Пашхур. Мерзопакостник, сделавший тебя несчастным вдовцом, скрылся.

Мардохей. Тот, который лишил тебя матери твоих малолетних детей, перепрыгнул через забор.

Пашхур. Преступник, похитивший у тебя честь, вырвался из наших рук.

Сусанна. Ах! Ах!.. *(Падает в обморок.)*

Мардохей. Мы откроем перед ней двери темницы. Иудейский народ будет судить ее за прелюбодеяние.

Старейшины уходят. Сусанну уносят.

Иаков. Брат Иоаким, что ты скажешь по этому поводу?

И о а к и м. Брат Иаков, я еще не успел раскинуть мозгами.

И а к о в. Достойнейший братец, надо поторопиться, потому что прекрасная Сусанночка выкинула такую штучку...

И о а к и м. Какое ужасное горе!.. Моя собственная супруга своими руками подрывает кредит нашего торгового дома... Сусанну будут судить...

И а к о в. Очевидно.

И о а к и м. Проклятых старейшин теперь не купишь за мешок золота!..

И а к о в. Можно купить дешевле хорошего пророка!

И о а к и м. Давай перебирать всех краснобаев по пальцам.

И а к о в. Пророк Иезекиль.

И о а к и м. Народ не любит Иезекиля. Каждый обрешанный нищий знает, что он состоит тайным агентом правительства. Еще до падения Иерусалима этого пророка били за то, что он берет деньги от халдейских царей за свою вавилонофильскую агитацию.

И а к о в. Жаль, что нет Иеремии!..

И о а к и м. Иеремию любят женщины. У него сладенькие словечки и слащавенький голосок. За десять золотых он будет плакать настоящими слезами о сломанной телеге, как о собственной дочери... Чего они разгаделись!?

И а к о в. Рабы орут, как недорезанные индюки.

Р а б ы вкатывают А с ф е н а з у .

П е р в ы й р а б. Господин, этот живот, набитый ругательствами, мы сняли с забора.

В т о р о й р а б. Он висел на частоколе, как мокрая перина.

Т р е т ь и й р а б. По всей вероятности, это тот самый преступник, о котором говорили старейшины.

И о а к и м. Ступайте к Зере и скажите ей, что я приказал дать вам по кружке вина.

Асфеназу открывает глаза. Рабы отходят.

И о а к и м. Вставай, бочка, и благодари небо, что тебе не переломали обручи!

А с ф е н а з у. Обручи, действительно, целы. Теперь пощупаем дно... *(Щупает голову.)* Слава Мардуку, ни одной трещины... Кто хозяин этого огорода?

И о а к и м. Сад принадлежит мне.

А с ф е н а з у. Прикажите, сударь, немедленно очистить его от камней. Иначе ни один порядочный человек не согласится совершать прогулки по этим аллеям.

И а к о в. Особенно, если приходится прогуливаться на животе!..

А с ф е н а з у. Должен сознаться, что этот способ передвижения не совсем удобен.

И о а к и м. Брат Иаков, что ты скажешь мне в утешение?

А с ф е н а з у. Милостивый государь, я никак не ожидал, что мои слова произведут на вас такое сильное впечатление.

И а к о в. Или я глуп, или у нашей Сусанны склонность к животным.

И о а к и м. Подумай только, пренебечь супружеским ложем, чтобы влюбиться в такую свинью.

А с ф е н а з у. Это значит в меня?

И о а к и м. Говори, животное, чем ты пленил мою супругу?

А с ф е н а з у. Фигурой...

И о а к и м. Далеко не зашли?

А с ф е н а з у. На девятый этаж.

И о а к и м. Отвечай мне толком, какие между вами были отношения?

А с ф е н а з у. Замечательные.

И о а к и м. Ты любил ее?

А с ф е н а з у. Сломя голову.

И о а к и м. Она?

А с ф е н а з у. Безумно.

И о а к и м. Когда это произошло?

А с ф е н а з у. Это не произошло.

И о а к и м. Почему?

А с ф е н а з у. Потому... О! Новохудоносор!

Вбегает З е р а .

З е р а. О, господин, рабы сказали, что он пойман!.. Они катили его по земле!.. Они переломали ему ребра!.. Отбили почки и печень!..

А с ф е н а з у. Не волнуйся, Зера! Упаковка так здорова переложена жиром...

З е р а. Господин мой, на его теле нет жира. Он строен, как пальма.

А с ф е н а з у. Вы слышите, как она говорит о фигуре?

З е р а. Господин, Зера гадкая женщина... Позволь Зере перевязать его раны, смочить их холодной водой, а потом Зера сама скажет рабам, что господин приказал ее высечь. Она велит сечь до тех пор, пока не выйдет ее злая душа из черного тела... Потому что Зера его мало любила! Она хотела, чтобы самый красивый мужчина в Вавилоне целовал только ее губы, смотрел только в ее глаза, гладил только Зерины волосы!.. Господин, позволь перевязать ему раны, омыть водой его белое тело...

А с ф е н а з у. Вот женщина, которую ослепила любовь...

И о а к и м. Брат Иаков, как тебе это нравится?

З е р а. Я маленькая, глупая женщина...

И о а к и м. Не маленькая и не глупая, а форменная дура!

А с ф е н а з у. Встань, Зера, и насладись моим пламенным поцелуем.

З е р а. Господин старший евнух...

А с ф е н а з у. Могу тебя успокоить — несмотря на то, что они катили меня...

З е р а. Вас?

А с ф е н а з у. Меня.

З е р а. Вы?

А с ф е н а з у. Я.

И а к о в и И о а к и м. Евнух?..

А с ф е н а з у. Мы разговаривали не будучи знакомы. Разрешите представиться: старший евнух царя Валтасара.

И о а к и м. Господин старший евнух, я, конечно, ничего не имею против вашей страсти к моей супруге, но известно ли вам...

А с ф е н а з у. Я полагаю, господин супруг, что если мы сядем, то от этого наше положение улучшится...

И о а к и м. Сядем, брат Иаков, если этого хочет господин Асфеназу. Итак, известно ли вам, что мою супругу будет судить иудейский народ за прелюбодеяние?

А с ф е н а з у. Ой! Ой! Ой! Это невозможно.

И о а к и м. Как невозможно?

И а к о в. Почему невозможно?

А с ф е н а з у. Потому что ваши рабы невежи. Вместо того, чтобы взять приличного молодого человека под руки, они его волокли через то место, т. е. тем местом... через то, без чего... без кого... т. е. с чем... Ну, словом, почему совершенно немыслимо разговаривать сидя.

И о а к и м. Господин старший евнух, известно ли вам, что мою супругу будут судить за прелюбодеяние, если не случится чуда, то наш торговый дом потеряет кредит, а прекрасную Сусанну побьют камнями.

А с ф е н а з у. Чудо... Давно бы так и сказали! Если вы не пожалеете бочки красного вина для старого Асфеназу и предложите приличный гонорар пророку за выступление...

И о а к и м. Будьте уверены, что торговый дом Иоаким и К^о...

А с ф е н а з у. В таком случае я вам скажу имя человека, язык которого творит чудеса!

И о а к и м. Творит чудеса!..

А с ф е н а з у. Цари считают его тайноведом, чернь — пророком, глупцы — величайшим из пустомелей. Асфеназу любит его золото, женщины — его тело, которое они сравнивают с ливанским деревом...

З е р а. Даниил!

А с ф е н а з у. Черномазая красавица, ты угадала.

Конец третьего действия.

Четвертое действие

Площадь. Первая группа.

Т о л с т а я ж е н щ и н а. Здравствуй, Ревекка.

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Здравствуй, Сарра.

Т о л с т а я ж е н щ и н а. Почему у тебя такое красное лицо?

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Можно подумать, что ты свалилась с луны.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Что случилось?

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Как что случилось — разве сегодня не будут судить Сусанну?

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Не буду судить? Ревекка, я прошу тебя именем Господа Бога, не путай меня!

П о ж и л а я ж е н щ и н а. А ты не задавай глупых вопросов. Я и без того сгораю от нетерпения.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. А я, должно быть, похожа на лягушку. Посмотрим, очень зеленая?

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Порядочно.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Еще бы!.. Я всю ночь ворочалась с боку на бок. Исайя спрашивает: «Сарра, ты больна?» Я ему говорю: «Только такая бесчувственная дубина, как ты, может спокойно дрыхнуть. А я, слава Богу, женщина. Я дрожу от страха при одной мысли, что могу проспаться и Сусанну побьют без меня камнями».

В х о д я т б л у д н и ц ы и А с ф е н а з у .

П е р в а я б л у д н и ц а. Отлипни!

В т о р а я б л у д н и ц а. Брюхом не примасливайся.

А с ф е н а з у. Не подумайте, красотки, пять самых звонких монет только за то, чтобы помолчать.

П е р в а я б л у д н и ц а. Мы будем говорить!

В т о р а я б л у д н и ц а. Ее поступки безнравственны!

П е р в а я б л у д н и ц а. Пусть ей намнут бока. Будет в другой раз знать, как отбивать работу.

А с ф е н а з у. Что можно требовать от порядочной женщины?

В т о р а я б л у д н и ц а. Образ мыслей, как у судомойки.

П е р в а я б л у д н и ц а. Плохие манеры.

В т о р а я б л у д н и ц а. Я уверена, что она совершенно не чувствует изящных искусств.

П е р в а я б л у д н и ц а. Я бы хотела с ней поговорить о поэзии.

В т о р а я б л у д н и ц а . А я о скульптуре.

П е р в а я б л у д н и ц а . Будь спокойна, она не отличит египетского барельефа от ассирийского.

А с ф е н а з у . Вот видите, стоит ли с ней канителиться? Итак, по рукам? Я вам даю пять, а вы держите язык за зубами.

П е р в а я б л у д н и ц а . Проваливай, пузятка!

В т о р а я б л у д н и ц а . Разреши уж мне делать со своим языком то, что не роняет моего достоинства.

П е р в а я б л у д н и ц а . Мы привыкли честно зарабатывать свой хлеб.

А с ф е н а з у . Я всегда был о вас высокого мнения.

П е р в а я б л у д н и ц а . Не заливай!

В т о р а я б л у д н и ц а . Так и знай: вывалю всю правду!

П е р в а я б л у д н и ц а . Чтоб другим не было повадно!

В т о р а я б л у д н и ц а . Мы не позволим, чтобы честная женщина позорила наше ремесло!

А с ф е н а з у . Десять!..

П е р в а я б л у д н и ц а . Убирайся по добру по здорovu со своими гнусными предложениями!

В т о р а я б л у д н и ц а . Идем вниз, спрячемся пока за колонны. *(Уходят.)*

А с ф е н а з у . Вот так штука. Сядет мой Даниил теперь на кедровую шишку.

Вторая группа.

М о л о д а я ж е н щ и н а . Лея, какая ты сегодня нарядная!

Н а р я д н а я ж е н щ и н а . Правда? Видишь ли, Ханна, для такого торжественного случая я открыла баночку египетских белил.

М о л о д а я ж е н щ и н а . А я боялась сутолоки и потому оделась попроще. Мне очень хочется быть в первых рядах и самой бросить камень в Сусанну. Может быть, мне улыбнется счастье и мой булыжник разможжит ей голову!..

Третья группа.

Первый фронт. Что ты скажешь, Елам?

Второй фронт. Говорят, что бледность идет ей.

Третий фронт. Мне жаль, что камни испортят ее профиль.

Первый фронт. За 30 лет моей жизни я ни разу не видел, чтобы камнями убивали безобразных...

Второй фронт. Говорят, что такого случая не было со времен Моисея!..

Другая группа.

Беременная женщина. Смотри, вон рабыня Сусанны!

Пожилая женщина. Она, я узнала ее по носу!

Беременная женщина. Он у нее не больше горошины.

Пожилая женщина. Пойдем, дадим ей серебряную монету.

Беременная женщина. Она расскажет нам все, как было.

Бегут к Зере.

Молодая женщина. Смотри-ка, курносая Зера!

Нарядная женщина. Рабыня Сусанны!

Молодая женщина. Знаешь, она все видела...

Нарядная женщина. Говорят, что любовник был очень красивый!..

Молодая женщина. Ах!..

Бегут к Зере.

Пожилая женщина. Милая!..

Беременная женщина. Вот тебе серебряная монета.

Пожилая женщина. Говорят, ты все знаешь...

Беременная женщина. Со всеми подробностями!

Пожилая женщина. Ах, какая счастливая!..

Беременная женщина. Расскажешь нам?

Подходят нарядная и молодая женщины.

Молодая женщина. Зера!
Нарядная женщина. Вот тебе две серебряных монеты.

Молодая женщина. Расскажи нам!..

Пожилая женщина. Женщины, не трогайте рабыню, она наша.

Беременная женщина. Мы ей дали серебряную монету!

Молодая женщина. Мы ей дали две серебряных монеты!

Нарядная женщина. Она теперь наша.

Пожилая женщина. Она обещала рассказать нам все, что видела.

Беременная женщина. Со всеми подробностями!

Нарядная женщина. Говорят, что любовник был очень красив?

Все. Красивый!..

Нарядная женщина. Тонкий, как стрела.

Все. Ах!..

Зера. Возьмите обратно ваше серебро. Зера ничего не видела. Зера не понимает, о чем вы спрашиваете.

Беременная женщина. Черная гадина, тебя тоже надо побить камнями!

Нарядная женщина. Вместе с потаскушкой Сусанной!..

Пожилая женщина. Говори, или мы выцарапаем тебе глаза!

Молодая женщина. Выщиплем волосы!

Нарядная женщина. Оторвем нос!

Зера. Смотрите, это — он! Видите, который идет там.

Беременная женщина. Эта тыква?

Пожилая женщина. Обрубок ливанского кедра?

Молодая женщина. Кадушка?

Нарядная женщина. Пень?

Зера. Он знает... Все знает... Все, все, все. Он сам...

Женщины бегут за Асфеназой. Асфеназа от них.

З е р а. Зачем теперь Зере эти блестящие кружочки?.. У нее больше нет Даниила. Ей не для кого покупать финики, вываренные в сладком вине!..

П е р в ы й ф р а н т. Пуговица?

З е р а. Осел!

В т о р о й ф р а н т. Кнопка?

З е р а. Попугай!

Т р е т ь и й ф р а н т. Горошинка?

З е р а. Обезьяна!

З е р а убегает, отбиваясь от франтов. Молодая женщина, нарядная женщина, пожилая женщина и беременная женщина наступают на Асфеназу.

М о л о д а я ж е н щ и н а. Почему вы от нас убежали?

Н а р я д н а я ж е н щ и н а. Разве мы такие страшные?

А с ф е н а з у. Вы бесподобны!

М о л о д а я ж е н щ и н а. Не правда ли?

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Я жажду...

А с ф е н а з у. Сударыня, в Вавилоне лучшие в мире водопроводы.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Я стораю...

А с ф е н а з у. Вызовите пожарную команду.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Вы должны нас пожалеть.

А с ф е н а з у. Вас? Увы! Навуходоносор, сделай для меня это невозможным!..

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Позвольте Вас спросить, кому это вы грозите кулаком?

А с ф е н а з у. Навуходоносору!..

Ж е н щ и н ы. Мы вас умоляем!

А с ф е н а з у. Это бесполезно. Надо было умолять его.

Ж е н щ и н ы. Кого?

А с ф е н а з у. Навуходоносора!

М о л о д а я ж е н щ и н а. Только одно слово...

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Говорят...

Н а р я д н а я ж е н щ и н а. Говорят, что возлюбленный Сусанны, как стрела.

А с ф е н а з у. Правда, складки одежды мешают различить, но все-таки я должен сказать, что торс тоньше пшеничного колоса.

Ж е н щ и н ы. Ах!..

А с ф е н а з у. О!.. Чтобы земля под тобой лопнула! Чтобы ты перевернулся в гробу!..

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Кого вы ругаете?

А с ф е н а з у. Навуходоносора!..

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Не надо про Навуходоносора!

Н а р я д н а я ж е н щ и н а. Оставьте Навуходоносора!

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Говорят, что он так гибок, так гибок...

А с ф е н а з у. Как бамбуковая тросточка.

Ж е н щ и н ы. Ах!..

А с ф е н а з у. О, Навуходоносор!.. Ай! Ай! Ай!

Бежит. Женщины за ним. Гул толпы.

М а р д о х е й. Во веки живи, иудейский народ!

О б щ и й к р и к. Долгого старейшинства реб Мардохею! Долгие годы судьям-старейшинам!

М а р д о х е й. Воины, введите Сусанну, дочь Хелкия, жену Иоакима.

Н а р я д н а я ж е н щ и н а. Тащи брюхом по земле!

М о л о д а я ж е н щ и н а. Кати, как поломанную телегу!

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Привяжите к лошадиному хвосту!

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Бей по щекам!

Н а р я д н а я ж е н щ и н а. Волочи за волосы!

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Честные женщины, плюйте ей в морду!

М а р д о х е й. Сыны Авраама, Исаака, Иакова...

П а ш х у р. Народ иудейский...

М а р д о х е й. Сыны Авраама, Исаака, Иакова...

П а ш х у р. Народ иудейский...

М а р д о х е й. Сыны...

П а ш х у р. Народ...

М а р д о х е й. Справедливейший судья-старейшина, позволь мне свидетельствовать?

П а ш х у р. Сначала я, а потом ты.

М а р д о х е й. Ну, хорошо.

П а ш х у р. Сыны Авраама, Исаака и Иакова, знаете ли вы, для чего созвали вас на круглую площадь ваши судьи-старейшины?

М а р д о х е й. Народ иудейский, для того мы созвали тебя, чтобы свидетельствовать против женщины с прекрасным лицом и с поганым сердцем.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Выколоть красивые глаза!

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Навести на них проказу!

М о л о д а я ж е н щ и н а. Черную оспу!

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Повыдергивать языки!

М а р д о х е й. Скажите, юноши и мужи, кто из вас видел жену Иоакима, дочь Хелкия — Сусанну — прекрасную лицом и поганую сердцем?

П е р в ы й ф р а н т. Сусанна — богобоязненная женщина!..

В т о р о й ф р а н т. Она воспитана в страхе Божьем!..

М а р д о х е й. О, неразумные!.. Может ли соблюдать законы Моисеевы молодая кобылица, окруженная жеребцами? Реб Пашхур, расскажи им, что видели наши глаза в саду Иоакима?

П а ш х у р. В тот час, когда рука Всевышнего возносит солнце над большими вавилонскими воротами, пришли мы с мудрейшим реб Мардохеем в сад Иоакима искать тени большого дуба...

С у с а н н а. Не верь им, народ иудейский! У них языки длиннее, чем бороды!

М а р д о х е й. Сыны Иакова, эта женщина наносит нам оскорбления.

П а ш х у р. Народ иудейский, она возводит поклеп на языки ваших судей, говоря, что они короче, чем бороды.

С у с а н н а. Скажите, сестры и братья мои, для чего это было нужно искать судьям тени в саду Иоакима, у которого есть молодая жена? Сидели бы под зеленым дубом около своей синагоги... А еще спросите старейшин, для чего им понадобился бассейн?

П а ш х у р. Утолить жажду.
М а р д о х е й. Испить.
С у с а н н а. Испить... Последний раб в доме Иоакима не пьет из чана, в котором купаются женщины!..
М а р д о х е й. Нам захотелось студеной водицы.
С у с а н н а. Лошади не пьют!..
М а р д о х е й. Если бы я был лошадью, я бы тоже не пил. Но отцу небесному было угодно сделать меня старейшиной.
С у с а н н а. Верблюдами надо было вас сделать!
П а ш х у р. Сыны Моисеевы, она называет нас верблюдами!
П о ж и л а я ж е н щ и н а. Заткните ей глотку!
Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Подавись, проклятая, своей слюной!
Т о л п а. Собакам!
М а р д о х е й. Слушайте, сыны Авраамовы. Я, Мардохей, вавилонский старейшина, тебе говорю.
П а ш х у р. И я.
М а р д о х е й. Вот она пришла к бассейну.
П а ш х у р. С мочалкой.
М а р д о х е й. И была очень весела лицом.
П а ш х у р. Я тогда говорю: «Мудрейший судья-старейшина, слишком уж она весела лицом. Это неспроста. Думается мне, что вышла Сусанна на свидание к любовнику... Давай, мудрейший, сядем в кусты на корточки и посмотрим...»
М а р д о х е й. И расположились мы станом, как Моисей перед Пи-Гахирофом между Мигдалом и между морем Ваал-Цефоном...
П а ш х у р. И вот ждем... Вдруг...
М а р д о х е й. Тьфу...
П а ш х у р. Выскочил любовник!
М а р д о х е й. И говорит...
П а ш х у р. Не перебивай меня, мудрейший.
М а р д о х е й. И говорит...
П а ш х у р. Смотрю: возлегли...
Т о л п а. Смерть Сусанне!
П а ш х у р. Тогда, как вепрь, выпрыгнул из кустов реб Мардохей...

М а р д о х е й. И словно дикая козуля реб Пашхур.
П а ш х у р. Ученейший реб Мардохей, не дикой козулей, а выпрыгнул я, как свирепый лев.

М а р д о х е й. Прости меня, справедливейший реб Пашхур, но мне показалось, что выпрыгнул ты как дикая козуля.

П а ш х у р. Не ты прыгал, а я прыгал.

М а р д о х е й. Как дикая козуля.

П а ш х у р. Как свирепый лев. И зарычал на них, реб Мардохей.

М а р д о х е й. И зарычал я, как тигр.

П а ш х у р. И преисполнился гневом мой голос и был он, как раскат грома...

М а р д о х е й. Как бляенные козули...

П а ш х у р. Как раскаты грома, а глаза мои метали молнии.

М а р д о х е й. Любовник же, испугавшись, побежал, и мы не могли его удержать... Вот свидетельство наше.

П а ш х у р. Иудейский народ, что хочешь сделать с дочерью Хелкия?

Т о л п а. Смерть Сусанне...

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Побить камнями...

М о л о д а я ж е н щ и н а. Тело отдать собакам.

Т о л п а. Собакам... Камнями...

С у с а н н а. Дочери из дома Иакова, не надо меня бить камнями. Не отдавайте моего тела собакам.

Появляется Д а н и и л , А н а н и я , А з а р и я , М и с а и л .

Ты, который читаешь сердца и мысли, ведаешь сокровенное, знаешь наши дела, не дай совершиться несправедливому делу. Не позволь пролиться невинной крови. Защитит Сусанну.

Д а н и и л. Не я пролил кровь ее. Не я осудил Сусанну. Народ иудейский, смотри, нет в руке Даниила камня. Камня нет в руке моей, чтоб кинуть в дочь Хелкия.

М о л о д а я ж е н щ и н а. Вовеки живи Даниил...

Н а р я д н а я ж е н щ и н а. Пророчествуй...

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Говори...

Н а р я д н а я ж е н щ и н а. Суди...

А н а н и я. Даниил хочет говорить...

А з а р и я. Дайте говорить Даниилу...

М и с а и л. Слушайте Даниила...

А с ф е н а з у (Даниилу). Запузыривай...

Т о л п а. Пророчествуй.

Д а н и и л. Народ израильский, было мне вчерашней ночью видение: вижу, идут по лицу земли два старых козла — один тощ, а другой тучен. Бороды у них — туман, рога — копыя, а глаза — карбункулы. Шерсть на брюхе изъедена лишаями, а на спине вымазана коровьим калом. И вот достигло зловоние сначала легких облаков, потом высоких звезд и наконец ударило в ноздри самого Господа Бога. Тогда услышал я голос: иди, Даниил, на круглую площадь, там увидишь овцу; руно у нее из чистого золота, глаза как два больших изумруда.

Первая блудница. Знаем мы, что это за овца.

Вторая блудница. Какая она чистая.

Первая блудница. Золотое руно.

Вторая блудница. Шкура.

А с ф е н а з у. Заткнись.

Д а н и и л. Кто они такие? Почему их слушает иудейский народ?

Первая блудница. Эта овца ходит к пророкам.

Вторая блудница. Мы сами видели.

Д а н и и л. Народ иудейский, вы слышите, они говорят, что Сусанна богобоязненная женщина. Она посещает пророков.

Первая блудница. Скажи, а нас не возьмут живьем на небо?

Вторая блудница. За богобоязненность.

Первая блудница. Мы тоже посещаем пророков.

Вторая блудница. Пророки ходят к нам.

Первая блудница. Они спят с нами.

Д а н и и л. Народ иудейский, это халдейские блудницы. Они позорят избранников Бога израильского.

М и с а и л. Слушайте Даниила.

А н а н и я. Даниил пророчествует.

Д а н и и л. И вот услышал я голос: иди, Даниил, на круглую площадь: там увидишь овцу, руно у нее из чистого золота, глаза как два больших изумруда, а рядом двое козлов, которых показал тебе в ночном видении и будут они бодать мою овцу и желать ее смерти. Тебе говорю: не дай ей погибнуть. Тогда спросил я: как же мне обломать рога у козлов. И был голос: отдели их одного от другого и задай каждому по вопросу, а я сделаю так, что всякому ударит в нос зловоние их грехов.

М а р д о х е й. Все ли ты сказал, Даниил, что видел в ночном видении?

Д а н и и л. Все.

М а р д о х е й. Ну, тогда я пойду.

П а ш х у р. И я.

Д а н и и л. Судьи-старейшины.

П а ш х у р. Мир тебе, пророк Даниил.

Д а н и и л. Реб Мардохей, сделай милость, не уходи. Хочу я задать реб Пашхуру один вопрос, а ты, пожалуйста, отойди за эту колонну и несколько минут подожди.

М а р д о х е й. Всего один вопрос.

Д а н и и л. Один.

М а р д о х е й. Всего несколько минут.

Д а н и и л. Две-три.

М а р д о х е й. В таком случае я его обожду здесь. Ответь, справедливейший, на вопрос, а потом пойдем вместе.

Д а н и и л. И тебя, судья-старейшина, мне надо спросить кое о чем.

М а р д о х е й. Мы ответим.

Д а н и и л. Отойди в сторону.

М а р д о х е й. Реб Пашхур, отойдем за колонну.

Д а н и и л. Один отойди.

М а р д о х е й. Мы всегда вместе. 50 лет вместе.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Отойди, старый козел.

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Отойди, лишай.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Грех зловоний.

М а р д о х. Реб Пашхур, отойди в сторону. Слышишь, народ иудейский хочет, чтобы ты отошел.

П а ш х у р. Это тебе говорит народ иудейский.

М а р д о х е й. Нет, тебе.

П а ш х у р. Нет, тебе.

М а р д о х е й. Ах, глупый тетерев, народ иудейский называет тебя по имени: он говорит — отойди, грех зловонный; отойди, старый козел.

Д а н и и л. Отойди, судья-старейшина.

М а р д о х е й. Судья-старейшина — это я, а грех зловонный — это он. Ты меня просишь — реб Мардохея. Вот я и отошел.

Д а н и и л. Слушайте, сыны Иакова, мой вопрос и запомните его ответ: о, разжиревший на беззакониях, не ты ли говорил, что видел Сусанну в саду со своим любовником?

П а ш х у р. Видел своими глазами.

Д а н и и л. В таком случае скажи нам, под каким деревом они возлежали.

Б е р е м е н н а я ж е н щ и н а. Говори, какая фигура у любовника?

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Описывай подробно.

Н а р я д н а я ж е н щ и н а. Какой торс?

А с ф е н а з у (*Мисаилу*). Я пропал.

П а ш х у р. Стан, как мачта из ливанского кедра.

А с ф е н а з у. Сейчас узнают.

П а ш х у р. Гибкий, как молодая пальма.

А с ф е н а з у. Так и знал: все взгляды обращаются на меня.

Д а н и и л. Говори, под каким деревом возлежали?

П а ш х у р. Возлежали они под мастиковым деревом.

Д а н и и л. Позовите реб Мардохея. (*Входит.*) О, исхудававший на гнусностях, мерзость ввалила твой живот внутрь.

М а р д о х е й. Не мерзость, а паралипоменон.

Д а н и и л. От грехов у тебя наружу выперли ребра.

М а р д о х е й. Не от грехов, а от экзелиаста.

Д а н и и л. Не ты ли говорил нам, что видел своими глазами?

М а р д о х е й. Слышал своими ушами.

Д а н и и л. Видел своими глазами Сусанну с ее любовником?

М а р д о х е й. Она говорит...

Д а н и и л. Под каким деревом?

М а р д о х е й. А он...

Д а н и и л. Тебя спрашиваю.

П е р в ы й ф р а н т. Говори, под каким деревом.

В т о р о й ф р а н т. Под каким деревом?

Т о л п а. А-а-а.

М а р д о х е й. Народ иудейский, я сказал: видит Бог, под финиковой пальмой. Но Бог видел их в другой раз. Господь Бог не мог ошибиться.

Д а н и и л. Говори, где видел ты... Говори, под каким деревом.

М а р д о х е й. Видит Всевышний...

Т о л п а. Ты.

М а р д о х е й. Я... Кажется, под зеленым дубом.

Т р е т и й ф р а н т. Смерть лжесвидетелям! Слава пророку!

Т о л п а. Слава!

П е р в ы й ф р а н т. Осанна Сусанне!

А с ф е н а з у. Зера, Зера, Зера. Может быть, у тебя лопнула барабанная перепонка.

З е р а. Нет, Асфеназу, Небо не захотело сжалиться надо мной. Гром не оглушил мои уши. Зера слышала, когда народ кричал: «Осанна дочери Хелкия».

А с ф е н а з у. А плюнь-ка ты на все это. Лучше посмотри, какой подарочек принес тебе старый Асфеназу.

З е р а. Если Асфеназу хочет подарить Зере веревку и мыло, Зера скажет ему спасибо.

А с ф е н а з у. А если кольцо пророка Даниила?

З е р а. Ты не смеешь издеваться надо мной.

А с ф е н а з у. Оставь мой живот. Оставь в покое мой живот: он не сделал тебе ничего плохого. Уф, проклятая, возьми свое кольцо и убирайся ко всем чертям.

З е р а. Кольцо. Кольцо. Кольцо. А-а-а... Асфеназу... Асфеназенька, миленький, крутленький, толстенный... Кольцо...

А с ф е н а з у. Черномазая змея, выпусти мою шею. Слышишь, выпусти мою шею... Глотку... Глотку... Или я сдохну и ты не узнаешь, когда ждет тебя Даниил.

З е р а. Правда? Он ждет меня? О, Даниил хороший. Даниил добрый. Он не захотел сделать несчастной маленькую рабыню.

А с ф е н а з у. Даниил сказал...

З е р а. Даниил сжалился над своим черным уродцем. Он позволит Зере обожать его.

А с ф е н а з у. Он сказал, что будет любить тебя.

З е р а. Даниил — самый благородный человек в мире. А как он говорил сегодня!

А с ф е н а з у. Каналья получил за это дельце золота больше, чем весит пузо старого Асфеназу после пиршества и все-таки торговался с Иоакимом за каждый серебряный, как торговец старым платьем на толкучке.

З е р а. Асфеназу!

А с ф е н а з у. Что?

З е р а. Ты не знаешь, могу ли я остаться иудеянкой?

А с ф е н а з у. Иудеянкой?

З е р а. Да. У них очень хороший Бог. Его так легко обманывать.

Конец.

ДВУНОГИЕ

Анне Никритиной

Авторское предисловие

Сегодняшний день русского театрального искусства показал полную зависимость театра от литературы (драматургии).

Нет нового театрального автора, нет — революционных драматических произведений и нет — нового революционного театра.

Даже чисто формальные режиссеры, вчерашние апостолы самостийной театральности, заядлые враги и палачи слова на театре (вроде Таирова) сегодня надрываются от крика: «Репертуар! Репертуар! Репертуар!»

И, в погоне за театральным автором, отказываются от всех своих прошлых завоеваний, сдают все свои формальные позиции, отрекаются от себя как от режиссера, изменяют своему актеру и все это во имя — даже не литературы — а литературщины.

Разве не показателен в этом смысле Бернард Шоу со своей «Святой Иоанной» на подмостках Камерного театра.

Другого режиссера (В. Мейерхольда) отсутствие нового автора принуждает отказаться от спектакля и перейти к пресловутому обозрению, к тому, что на Западе называется ревью и культивируется увеселительными заведениями типа парижского «Фоли-Бержера».

Постановка «Леса» (в котором выветрившийся Островский был заменен фокусами, жонглированием, упражнениями на кольцах, хором, гармошкой, чувствительными романсами, цирковой эксцентриадой) и, наконец, малограмотная мешанина «Д. Е.» в полной мере подчеркивают правильность нашего настоящего положения.

Итак: отсутствие театральной литературы только подтверждает ее значимость на театре.

Мы полагаем, что печатаемая ниже ироническая трагедия «Двуногие» является началом нового формального пути словесных театральных композиций.

Откидывая никому не нужную скромность, мы берем на себя смелость рекомендовать режиссеру и актерам (в первую очередь) отнестись с сугубым вниманием к предлагаемой нами пьесе (как к материалу), в которой — слово, действие и маски построено по несколько иным и, нам кажется, более современным законам, чем это делалось до сего времени.

«Двуногие» сделаны ради театра и для театра.

Имеются ли в вещи трудности? Безусловно. Прежде всего, пьеса лишает возможности актера выбалтывать свое сценическое волнение.

Актеру приходится обходиться либо мимическим положением, либо всего одним эмоционально-насыщенным словом, либо (в крайнем случае) короткой фразой, там, где раньше бы щедрый автор предоставил целый монолог.

Являясь вещью исключительно театрального порядка, «Двуногие» открывают широкие возможности творческой изобретательности режиссера, актера, композитора и декоратора спектакля.

Без такой творческой инициативы постановка пьесы невозможна.

Автором намеренно оставлены пробелы в предлагаемой драматической композиции, заполнить которые надлежит творчеством всех участников представления.

Москва. Декабрь. 1924

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К а и Л у п у с, стальной магнат.
В а р р а в а Л у п у с, его сын, кандидат
в президенты.
О т т о, поэт и главный повар Лупусов.
У в а р а, его жена.
У т т о, лакей.
Э к к и, доктор философии.
Б е с т и я, сокращенно Вести.
К у к к и, негр-боксер, чемпион мира.
Н и т и П и н г, женщина-сыщик.
Ф о т о г р а ф.
Ж у р н а л и с т ы.
П е р в ы й б у р ж у а.
В т о р о й б у р ж у а.
П о л и с м е н.
Я р м а р о ч н ы е т о р г о в ц ы.
И н ж е н е р ы.
С е к р е т а р и.
С т е н о г р а ф и с т к и.
Р а б о ч и е.
Я р м а р о ч н ы е п о с е т и т е л и.
Р е с т о р а н н ы е п о с е т и т е л и.
Н е г р и т я н с к и й о р к е с т р.
Л а к е и.

Действие происходит на улице, во дворце, на кухне, в кабинете, на яр-
марке, в мчащемся автомобиле, в негритянском кабачке, на заводе.

ПРОЛОГ

В теплой пижаме, мягких туфлях, черной ермолке философа подходит к рампе Э к к и . Занавес поднимется через несколько секунд после окончания его монолога.

Э к к и. А!.. Любезные соотечественники! Жирные представители тощей Европы! Гордые носители западно-европейской цивилизации. Что? Неужели одно мое появление и уже постные мины! кислые гримасы! скучающие рожи! Вы, конечно, из тех, которые уверены, что божественный Платон — дурное общество для современного человека! Вы полагаете что сегодня читать Канта простительно африканскому негру и самоеду! Какое глубокомыслие! Какое глубокомыслие! А позвольте узнать: перед кем вы — восторженно тарашите глаза? Семь дней я питал мозг жирным газетным шрифтом. Семь дней пичкал в себя сало вульгарности и уличных истин. Три имени! Три имени владеют сегодня вашими gros-бухами, т. е. головами. Я бы сказал: вашими сердцами и душами, если бы вы еще понимали значение этих слов, потерянных языком и забытых памятью. Три имени! Первое: К а й Л у п у с. Деспот биржи. тиран банкирских синдикатов. Стальной магнат Большой Федерации. Его карьера вам кружит головы! Вчера он паял кастрюли, а нынче 4 миллиона белых рабов в шахтах, на фабриках, в департаментах великого Кайя. От медника — до банкирского короля. От паяльщика кухонных сковородок — до биржевого деспота. Второе имя: В а р р а в а Л у п у с. Сын Кайя, будущий президент Большой Федерации. Вождь. Златоуст. Фанатик демократии. Надежда нищих,

нежная любовь клерка, спокойствие мелкого собственника, оплот Кайя и Кайев. Воплощение совести. Икона морали. Символ политической мудрости и проч. и проч. и проч. Третье имя: К у к к и. Чемпион мира — боксер, негр. Ни одного проигранного матча. Два раунда для самого сильного из противников. Самые крепкие мускулы в мире. Целые государства с замирием сердца следят за ударом его кулака. Кто? Черный или белый? Черный или белый? И всякий раз: Черный! Черный! Черный! И так: Три имени. И — презрительный плевок в сторону божественного Платона. Я — доктор философии — объявляю вам, всем восторженно таращащим глаза перед Кайем, Варравой и Куки — войну. Всего — один лунный год — я беру на подготовку. Прощай, божественный Платон! Мягкое кресло! Зеленая лампа и книжные полки! К черту теплые туфли, ватная пижама и черная ермолка философа! С нынешнего дня я читаю только мемуары великих детективов и авантюристов, архивы уголовного розыска, сочинения Конан-Дойля, исповеди преступников. С нынешнего дня я начинаю боксировать, изучаю джу-джитцу, стреляю в цель, учусь управлению автомобилем, аэропланом и мотоциклом, бегаю, прыгаю и обтираюсь холодной водой. Ровно через 12 месяцев я войду в город Кайя Лупуса. Столицу Большой Федерации. Ровно через 12 месяцев. Я даю вам торжественную клятву: если от щелка по носу, хотя бы один из трех, не рассыплется, как болван из высохшей глины. Если хотя бы один из трех окажется человеком, тогда и я — (верьте моей клятве, господа благонамеренные буржуа и честные католики) — плюну в сторону божественного Платона. Итак. Ровно через год! Ровно через год в городе Кайя Лупуса. До свидания, милостивые государи и милостивые государыни.

Экки скрывается. Темнота. Через несколько секунд поднимается занавес.

1-я картина

Улица. Ночь. Фонарь. Полисмен. Входит Экки.

Экки. Что это за улица?

Полисмен. Кай Лупус!

Экки. Как?

Полисмен. Авеню господина Кайя Лупуса.

Экки. Кайя...

Полисмен. Стального магната.

Экки. Этого нищего?

Полисмен. О!

Экки. Побирušки?

Полисмен. О-о!

Экки. Голодранца?

Полисмен. О-о-о!

Экки. В сравнении со мной.

Полисмен *(вытягивается, отгадывает честь)*.

Экки. Магнат воздуха...

Полисмен. Псс...

Экки. Солнца...

Полисмен. Псссс...

Экки. И ветра!

Полисмен. Тьфу!

Экки *(вытаскивая палку полисмена)*. Штраф за плевков на улице.

Полисмен. Шшш!

Экки. Совершенно невероятно.

Полисмен *(прислоняет палец к губам)*.

Экки. Закон в дружбе с философом.

Полисмен. Плачу половину...

Экки. Дело.

Полисмен. Квитанция не выписывается.

Экки. Все в порядке *(кладет в карман полученный штраф)*, философ против закона.

Полисмен. Чем занимается господин?

Экки. Ищу человека.

Полисмен. Адресный стол: двенадцатый проспект...

Э к к и (*многозначительно*). ЧЕ!..

П о л и с м е н. 136 номер.

Э к к и. —ЛО!..

П о л и с м е н. Метро Ц.

Э к к и. —ВЕ!..

П о л и с м е н. Автобус Л.

Э к к и. —КА!..

П о л и с м е н. Трамвай 5.

Э к к и. Ну-с?

П о л и с м е н. Господин желает...

Э к к и. Отойди и не застилай свет... фонаря.

П о л и с м е н. Если угодно. (*Показывает горюгу рукой.*)

Э к к и. Ты прав. Александр Македонский был дураком, выполняя желания Диогена. Истинный мудрец удовлетворяет только свои желания. Столетия прошли не зря. Полисмен стал умнее покорителя мира.

П о л и с м е н. Покоритель мира — господин Кай Лупус.

Э к к и. О!.. Преклоняюсь перед тонкостью вашего социального прогноза.

П о л и с м е н. Чего?

Э к к и. Устами полисмена говорит истина.

П о л и с м е н. Долг службы...

Э к к и. Разрешите вознаградить?

П о л и с м е н (*величественно*). Разрешаю.

Э к к и. К сожалению, это все, чем располагает...

П о л и с м е н. Магнат воздуха.

Э к к и. Совершенно верно.

П о л и с м е н (*сосчитав деньги*). Вернулись.

Э к к и. Позвольте откланяться.

П о л и с м е н (*величественно*). Позволяю.

Э к к и снимает шляпу, откланивается, уходит, полисмен свистит, появляется Н и т и П и н г — женщина-сыщик.

П о л и с м е н (*вслух*). Магнат воздуха!

Н. П и н г. Слушаю!

П о л и с м е н. Иностранец.

Н. П и н г. Есть.

П о л и с м е н. Брюнет, ищет: че-ло-в-е-к-а.

Н. П и н г. Черт побери!
П о л и с м е н. Очень...
Н. П и н г. Чрезвычайно...
П о л и с м е н. Опасно...

2-я картина

Другая улица. Входит Э к к и .

Э к к и (*смотря на асфальтовый котел*). Попробуем переночевать в этом особняке. (*Лезет.*)

Б е с т и (*из котла*). Скотина!

Появляется взъерошенная рыжая голова

Э к к и. Сударыня... разрешите представиться: доктор философии Экки.

Б е с т и. Животное!

Э к к и. Философ!

Б е с т и. Видишь, дама спит.

Э к к и. Собственно говоря...

Б е с т и. Поворачивай оглобли.

Э к к и. Я?

Б е с т и. Ты.

Э к к и. Не имею ни малейшего желания.

Б е с т и. Квартира занята.

Э к к и. Об этом следует поговорить.

Б е с т и. Спокойной ночи.

Э к к и. Женщина в квартире это очень...

Б е с т и (*храпит на всю улицу*).

Э к к и. Итак...

Б е с т и. Ты отправляешься ко всем чертям.

Э к к и. Итак: я остаюсь.

Б е с т и. Что?

Э к к и. В этом городе счастье сопутствует философам.

Б е с т и. Я...

Э к к и. Ты...

Б е с т и. Тебе...

Э к к и. Мне.

Б е с т и. Сейчас...

Э к к и. Сейчас...

Б е с т и. Залеплю по морде такое счастье.
Э к к и. Видите ли...
Б е с т и. Ну-с!
Э к к и. Я...
Б е с т и. Ты...
Э к к и. Намерен...
Б е с т и. Получить..
Э к к и. Совершенно верно: получить удовольс-
твие — но несколько иного сорта...
Б е с т и. Вот. *(Показывает кукиш.)*
Э к к и. Милостивая государыня!
Б е с т и. Правосудие!
Э к к и. Прошу подвинуться.
Б е с т и. Вот. *(Рядом с первым кукишем показывает*
второй.)
Э к к и. Отказаться от квартиры со всеми удобствами...
Б е с т и. Полисмен!
Э к к и. Сияние ваших глаз...
Б е с т и. Сияние?..
Э к к и. Сияют как, как...
Б е с т и. Две пустые коробки из-под сардинок.
Э к к и. Расплавленное золото волос...
Б е с т и. Я тебе очень нравлюсь?
Э к к и. Очень.
Б е с т и. Вот дурак!
Э к к и. Рыжая Венера...
Б е с т и. Кто?
Э к к и. Протяни мне руку.
Б е с т и. Подожди.
Э к к и. Руку!
Б е с т и. Дай прикинуть.
Э к к и. Ну?
Б е с т и. Три медяка отступных.
Э к к и. По карману.
Б е с т и. Лезь!

3-я картина

Опять улица. Другая. Идут Отто и Утто.

Отто. Говорят, что Божественная Комедия сделала Данте на многие годы худым...Обернись! Ну?

Утто. Спрятался за фонарь.

Отто. Так пусть же он не высовывает носа.

Утто. Высунул.

Отто. Ах!

Утто. Отто!

Отто. Молчи! У меня приступы черной меланхолии... Утто!

Утто. Что?

Отто. Ты говоришь, у него физиономия убийцы?

Утто. Жулика!

Отто. Ах!

Утто. Крепись, Отто!

Отто. Утто, я презираю себя.

Утто. За что?

Отто. За то, что у меня появляются плебейские чувства, я начинаю ненавидеть тех, которые меня грабят... Идет?

Утто. По нашим следам.

Отто. Будем говорить о другом... Когда Гораций написал свой «Памятник»... *(Делает знак, чтобы обернулся.)* Что?..

Утто. Спрятался в подъезде.

Отто. К черту?

Утто. Вслед за нами.

Отто. Утто...

Утто. Отто...

Отто. Утто...

Утто. Я, кажется, его больше не вижу.

Отто. Не видишь? Очень жаль.

Утто. Отто, твоей смелости нет границ!

Отто. Утто, хорошенько посмотри на меня.

Утто. Смотрю.

Отто. На кого я похож?

Утто. На своего троюродного дядюшку — полотера.

Отто. Осел!

У т т о. Что?

О т т о. Я говорю — осел.

У т т о. Троюродный дядюшка?

О т т о. Не дядюшка, а ты!

У т т о. Я?

О т т о. Глупец, в эту минуту я должен, как две капли, походить на знаменитого аргентинского тирана Фалариса... Я буду в отчаянии, если не смогу поджарить того негодяя, как медника Перилла...

У т т о. Отто, не огорчайся.

О т т о. Что?

У т т о. Я говорю, что он собирается доставить тебе... это удовольствие.

О т т о. Ты думаешь?.. Утто, я очень тебя прошу...

У т т о. Ну?

О т т о. Передай ему, пожалуйста, мой бумажник.

У т т о. Что?

О т т о. Как ты думаешь, он не очень обидится?

У т т о. Он?

О т т о. Так неожиданно! Я не догадался захватить больше.

У т т о. Чего?

О т т о. Денег. Видишь ли, всего только месячное жалованье.

Н. П и н г. Ни с места.

О т т о. Ах! *(Оба оборачиваются)*.

Н. П и н г. Черт побери!

О т т о *(протягивая бумажник)*. Вот.

Н. П и н г. Блондины!

4-я картина

Улица. Снова котел для варки асфальта. Входят О т т о . и У т т о .

О т т о *(декламируя)*. Нищяя наша слава. Улица дьявол.

Э к к и *(вылезая из котла)*. Тсс!

О т т о. Старый беззубый рот. Улица черт.

Э к к и. Тсссс!

О т т о. Кровь тяжелей чугуна.

Э к к и. Умоляю.
О т т о. Улица сатана.
Э к к и. Заткнетесь ли вы, милостивый государь!
О т т о (*указывая на котел*). Человек, поселившийся на авеню...
Э к к и. Разбуди! Разбуди!
О т т о. Да еще в бельэтаже...
Э к к и. Если это горлопастое чучело...
О т т о. Я говорю, что человек, поселившийся в комфортабельном особняке, должен разговаривать более высоким слогом...
Б е с т и (*из котла*). Каналья!
Э к к и. Предупреждал.
Б е с т и. Карманник!
Э к к и. Просил.
Б е с т и. Ночной вор! (*Высовывается из котла.*)
О т т о. Очень приятно.
Э к к и. Как сказать.
Б е с т и. Давай три медяка.
Э к к и. Останутся за мной.
Б е с т и. Три медяка.
Э к к и. На три дня под честное слово.
Б е с т и. Три медяка.
Э к к и. Но...
Б е с т и. Три... (*Размахивается.*)
У т т о. Разрешите вам предложить взаимны.
Э к к и. Благодарю! (*Передает Бести.*) Кому обязан?
У т т о. Утго.
О т т о. Когда Петрарка встретил свою Лауру...
Б е с т и. Она тоже ночевала в асфальтовом котле?
О т т о. Это была в Афиньоне, Лаура молилась в церкви Святой Клары.
Б е с т и. Богомольная скотина.
Э к к и. Неужели передо мной знаменитый Отто!
О т т о. Отто!
Э к к и. Единственный поэт нашего времени!?
О т т о. Увы, не только поэт.
У т т о. Старший повар господина Лупуса, стального магната.

Бести прячет деньги за чулок.

О т т о. Ваше портмоне с дыркой.
Б е с т и. Не нравятся — давай другие.
Э к к и (*Отто*). Родина вас не ценит.
О т т о. Гнусная страна. (*Бести вынимает из кармана жестянку и смотрится.*)
У т т о. Может быть, зеркало?
Б е с т и. Давай.
О т т о. Гениальные художники здесь чистят ботинки клеркам.
Б е с т и. 5 лет не чищу своих лакированных туфельек. (*Показывает босую ногу.*)
О т т о. А... великие поэты варят яйца в мешочек и всмятку.
Б е с т и. А я жру сырые! (*Бести расчесывает волосы пятерней.*)
У т т о. Разрешите вам предложить гребенку.
Б е с т и. Давай.
О т т о. Эти цивилизованные варвары считают, что интересоваться искусством так же не благовоспитанно, как есть рыбу ножом.

Бести обращается к Отто.

Б е с т и. Расчеши.
Э к к и. Что скажете о Кайе Лупусе?
О т т о. Юлий Цезарь биржи.
Б е с т и. Завяжи в пучок.
О т т о. У меня горят руки, будто я расчесывал солнце.
Б е с т и. Если горят — поплюй на ладошку!
Э к к и. О Лупусе-сыне?
О т т о. Цицерон лавочников.
Бести прячет за грудь гребенку и зеркало, шмыгает носом.
У т т о. Разрешите? (*Предлагает носовой платок.*)
Б е с т и. Давай.
Э к к и. Господин Утто, на два слова.
У т т о. Да?
Э к к и. Не нужна ли Кайю Лупусу судомойка, кухарка или горничная?
У т т о. Она?

Э к к и. Она.
У т т о. Сударыня...
Б е с т и. Кто?
О т т о. Беатриче!
Б е с т и. Если ты, стерва, еще будешь ругаться!..
О т т о. О, Данте, если бы ты слышал!
Б е с т и. Пожалуйста, не воображай, что я боюсь ка-
ких-то полицейских комиссаров.
О т т о. Дорогая моя, Данте, великий итальянский
поэт, умер в Равенне в 1321 году...
Б е с т и. Тогда — черт с ним!
У т т о. Сударыня, хотите?
Б е с т и. Хочу!..

Все хохочут.

О т т о. Что же вы хотите?
Б е с т и. Все!
У т т о. Служить у Лупуса.
Б е с т и. Идем.
О т т о. Куда?
Б е с т и. К нему.
О т т о (*обращаясь к Экки*). Если вы любите поэ-
зию...
Б е с т и (*нежно*). Приходи.
О т т о. Я вам прочту поэму...
Б е с т и. Спроси у Кайя Лупуса рыжую Бести. (*Ухо-
дят.*)
Э к к и. Диоген искал человека с фонарем...

Из-за котла появляется физиономия Н и т и П и н г.

а я буду искать — с женщиной.

Н. П и н г. Ни с места, Джек Потрошитель!

Подходит, Э к к и вышибает револьвер, связывает ее, кладет в котел.

Э к к и. Счастливо оставаться.

Н. П и н г (*из котла*). Черт побери.

5-я картина

Кухня во дворце Лупусов.

Отто *(нежно)*. Бести! *(Сажится около плиты.)*
Я скажу тебе словами Овидия Назона. *(Декламирует)*
«Разве чрезмерны мои желания? Я прошу только, чтобы меня полюбила женщина, которая недавно похитила мое сердце».

Бести *(моет тарелки)*. Фу!

Отто. Бести!

Бести. Нет.

Отто. Бе...

Бести. Ээээ!..

Отто. Выслушай!

Бести. Не желаю.

Отто. Данте называл глаза балконами души...

Бести. А я все-таки не желаю... мыть тарелки.

Отто *(рагостно)*. Бести!

Бести. Ни разу в жизни!

Отто. А я думал...

Бести. И не думай!

Отто. Ты...

Бести. Никогда!

Отто. Меня...

Бести. Получай! *(Разбивает тарелку.)*

Отто. Все, что хочешь, только не разбивай...

Бести. Не разбивать?.. Вот другая! *(Разбивает.)*

Отто. Не разбивай моего...

Бести *(размахивается третьей тарелкой)*.

Отто. Сердца.

Бести. А!..

Отто. Бести, я всю жизнь готов мыть за тебя тарелки.

Бести. Мой!

Отто *(моет и вытирает)*.

Увара *(вбегая)*. Отто!

Бести. Три мочалкой.

Увара *(еще грознее)*. Отто!

Бести. Вытирай насухо.

Увара. С каких это пор...

Б е с т и. Клади горкой!
У в а р а. Мой муж поступил в судомойки!
О т т о. Убеди этих двуногих лошадей ценить своих
великих поэтов...

Б е с т и. Мыть тарелки!
О т т о. Тогда...
Б е с т и. Не рассусоливать!
У в а р а (*необычайно грозно*). Отто!
О т т о (*виновато*). Бести разбила...
У в а р а. Я ей!..
Б е с т и. Я тебе...
У в а р а. Мне?
Б е с т и. Разобью...
У в а р а (*свирепо*). Ка-ак?!
Б е с т и. Как тарелку.
У в а р а (*еще свирелей*). Что?!
Б е с т и. Нос!
У в а р а (*необычайно свирепо*). Чтоб духу ее сейчас
же здесь...

Б е с т и (*внушительно*). Отто!
У в а р а (*не менее внушительно*). Отто!
О т т о. Сонеты Петрарки...
У в а р а. Плевать мне на твоего Петрарку...
О т т о (*растерянно*). Почки...
У в а р а. Убирайся в тартарары со своими почками...
О т т о. Да не мои, а... а... а...
Б е с т и. Вытирай!
О т т о. Почки господина Варравы Лупуса.
У в а р а. Пусть провалится в преисподнюю твой Лу-
пус со всеми своими почками и кишками...
О т т о. Да не его же почки, а телячьи...
У в а р а. Отто!
О т т о. В сметане...
Б е с т и (*совсем внушительно*). Отто!
О т т о (*берет полотенце и вытирает тарелки*).
У в а р а. Ах-так-так-так!

Входит У т т о .

У т т о. Черный кофе господину Варраве Лупусу.
У в а р а. Утто! (*Бросается ему на шею.*)

У т т о. Что это значит?
У в а р а. Пусть он знает, что я люблю тебя.
У т т о. Что?
У в а р а. Да! Да! Да!
У т т о. Вы ошибаетесь.
У в а р а. Нет, не ошибаюсь, люблю ровно семь лет и семь месяцев.
У т т о. Клянусь!
У в а р а. Клянусь, что полюбила за две недели до своей свадьбы...
У т т о. Вы должны...
У в а р а. Я должна сейчас же изменить ему!
У т т о. Ему?.. Отто?..
У в а р а. Не желаешь? Не желаешь? Тогда я со швейцаром изменю! с конюхом! с водопроводчиком! с чертом! с дьяволом! (*Вылетает, как бомба.*)
У т т о. Черный кофе господину Варраве Лупусу.
Б е с т и (*нежно*). Утто!
У т т о. Что скажешь, Бести?
Б е с т и. Засучи мне рукава, Утто!
О т т о. Бести!
У т т о (*засучивая рукава Бести*). Черного кофе!
О т т о (*весь кипит*). Черного кофе! Черного кофе!
Не желаю! И не подумаю!
Б е с т и. Правда ли, Утто, что Варрава Лупус будет президентом?
У т т о. Да.
Б е с т и (*смакуя*) Варрава Лупус!
У т т о. Для него, Бести, женщина не существует.
Б е с т и. Варра-а-ва!
У т т о. Он ничего не желает, кроме власти.
Б е с т и. Лу-упус!
О т т о. Честолюбивая машина.
Б е с т и. Будущий президент!
У т т о. У него нет плоти, Бести.
Б е с т и. Я хочу иметь президента.
У т т о (*хохочет*). Иметь президента!
О т т о. Это — тебе, Бести, не пара шерстяных чулок.
Б е с т и. Эkki мне обещал президента.
О т т о. Если ты сейчас же не замолчишь, я... я... я...

Б е с т и. Я подам кофе Варраве Лупусу.
У т т о. Нельзя, Бести.
Б е с т и. Я отнесу ему кофе.
У т т о. Это невозможно, Бести.
Б е с т и. Черного кофе Варраве Лупусу.
У т т о. Бести!
О т т о. Бести!
Б е с т и. Хочу! *(Наливают кофе, Бести уносит.)*

6-ая картина

Перед комнатой Варравы Лупуса. На дверях надпись: «Открыты всем всегда, имеющий дело входи». Б е с т и с кофе. Натывается на Э к к и ,
тот с портфелем, в котелке, круглые роговые очки.

Б е с т и. А!
Э к к и. Аааа!
Б е с т и *(показывая на котелок)*. О-о-о!
Э к к и *(показывая на белый фартучек)*. О-о-о-о!
Б е с т и. Что ты тут делаешь?
Э к к и. Все то же: ищу человека!
Б е с т и. И я!
Э к к и. Кому? *(тычет в кофейник)*.
Б е с т и. *(кивает на дверь)*.
Э к к и. Варраве Лупусу?
Б е с т и *(утвердительный жест)*.
Э к к и. Превосходно.
Б е с т и. Что?
Э к к и. Желаеть Варраву?
Б е с т и. Да!
Э к к и. Себе?
Б е с т и. Да!
Э к к и. Открой. *(Показывает на кофе.)*
Б е с т и. Зачем?
Э к к и *(вынимает порошок)*. Подсыпем.
Б е с т и. Нет!
Э к к и. Хочешь президента?
Б е с т и. Живого.
Э к к и. Да. Живым.

Б е с т и. Сыпь.
Э к к и (всыпает).
Б е с т и. Что это?
Э к к и. Порошок от бессонницы.
Б е с т и (нежно). Эkki!
Э к к и (властно). Иди!

7-я картина

У Варравы Лупуса.

В. Л у п у с (диктует стенографистке в синих очках — стенографистка Н. Пинг). Всякая машина получает столько электричества, газа, нефти...

Б е с т и (входя). Черный кофе...

В. Л у п у с. Или каменного угля, сколько того требует ее железный организм, производящий такое-то количество работы.

Б е с т и. Кофе господина Лупуса.

В. Л у п у с. Человек имеет право требовать питательных продуктов, жилищной площади и солнечного света пропорционально коэффициенту производимой им работы.

Б е с т и. Кофе...

В. Л у п у с (не оборачиваясь). Поставьте.

Б е с т и. Господин Лу...

В. Л у п у с (не оборачиваясь). Уходите!

Э к к и (входя). Будь за дверью.

В. Л у п у с. Рассчитываю...

Э к к и. Господин Лупус!

В. Л у п у с. По делу?

Э к к и. Журналист!

В. Л у п у с. Интервью?

Э к к и. Интервью.

В. Л у п у с. К вашим услугам.

Э к к и. Что дает право на президентство?

В. Л у п у с. Максимальное развитие пяти мозговых энергий: первая власти, вторая...

Э к к и. Благодарю. Сообщалось.

В. Л у п у с. Высокая нравственная чистота.
Э к к и. Нравственная чистота.
В. Л у п у с (*Экки*). Кофе? (*Стенографистке*.)
Кофе? (*сам пьет*.)
Э к к и. Благодарю.
Н. П и н г. Благодарю. (*Пьет*.)
Э к к и. Ваше отношение к Кайю Лупусу, стальному магнату...
В. Л у п у с. Отец...
Н. П и н г (*узнав Экки*). Он!
Э к к и (*узнав И. Пинг*). А-а-а!
В. Л у п у с. На каком основании, сударыня, вмешивается в интервью.
Н. П и н г. Я! (*Показывает значок*.)
В. Л у п у с. Варрава Лупус не нуждается в охране.
Н. П и н г. Но...
В. Л у п у с. Прошу...
Н. П и н г. Он...
В. Л у п у с. Немедленно. (*Показывает головой на гверь*.)
Н. П и н г. Черт побери! (*Уходит*.)
В. Л у п у с. Отец...
Э к к и. Слушаю.
В. Л у п у с. Странно... Простите...
Э к к и. Может быть, кофе?
В. Л у п у с. Да (*выпивает*)... Отец... (*Теряет сознание*.)
Э к к и. Господин Лупус! Господин Лупус! Спокойной ночи, господин Лупус!..

Видна в глубине за аркой кровать.

Бести!

Б е с т и. Ну?
Э к к и. Пожелай ему, Бести, приятных сновидений.
Б е с т и. Господин Лупус!
Э к к и. Десять... Проснется в девять... Бести.
Б е с т и. Что?
Э к к и. Для чего стоит эта кровать?
Б е с т и. Кровать...
Э к к и. Чтобы на ней спали.

Б е с т и. Он!
Э к к и. Ты!
Б е с т и. Я?!
Э к к и. Живо.
Б е с т и. Одна?
Э к к и. Эту ночь Варрава проведет в кресле.
Б е с т и. Мне в одежде?
Э к к и. Разве ты, Бести, ложишься в котел для парки асфальта?
Б е с т и (*снимая чулки*). Можно повесить?
Э к к и. Располагайся, как дома, Бести.
Б е с т и. А ты?
Э к к и (*уходя*). Я разбужу тебя утром.
Б е с т и (*нежно*). Экки!
Э к к и. Спокойной ночи, Бести!

8-я картина

Лестница.

О т т о (*у него на руках спящая Н. Пинг*). О, почему это не Бести!
Э к к и. Она осталась у Варравы Лупуса.
О т т о. О-о-о!
Э к к и. Его перина из лебяжьего пуха.
О т т о. Варрава Лупус! Варрава Лупус! Что такое Варрава Лупус!
Э к к и. Будущий президент.
О т т о. Отто — Гомер, Отто — Гёте, Отто...
Э к к и. Старший повар.
О т т о. Поэт солнца и...
Э к к и. Холодных поросят под хреном.
О т т о (*гордо декламируя*). Я памятник воздвиг себе...
Э к к и. Из телячьих ножек.
О т т о. Бести, клянусь, что ради тебя я добьюсь этой ничтожной славы...
Э к к и. Придумав необыкновенную подливку к фаршированному чесноку...
О т т о. Не подливкой, а трагедией.

Э к к и. Последний драматический театр закрылся
34 года тому назад.

О т т о. Ее будут читать.

Э к к и. Последний книжный магазин вылетел в тру-
бу 18 лет тому назад.

О т т о. О!

Э к к и. Цивилизация.

О т т о. Эту цивилизацию я...

Э к к и. Вы...

О т т о. Я!

Э к к и. Предадите разрушению.

О т т о. Клянусь!

Э к к и. Вернете человечество к красоте.

О т т о. Да.

Э к к и. Уничтожите текстильную промышленность.

О т т о *(не понимая иронии, мечтательно)*. Тогда
люди снова полюбят свое обнаженное тело и преклонят-
ся пред Фидием.

Э к к и. Взорвете водопроводы и мыловаренные за-
воды...

О т т о. Они будут омываться в горных ручьях и пой-
мут Виргилия.

Э к к и. Бросите бомбу в общественную уборную.

О т т о. Что?

Э к к и. Пусть она первой взлетит на воздух.

О т т о. Общественная уборная?..

Э к к и. Этот символ цивилизации.

О т т о. Символ?

Э к к и. Этот диктатор современности.

О т т о. О!

Э к к и. Этот...

О т т о. Вот вам моя рука: клянусь, я брошу бомбу в
общественную уборную.

Появляется У в а р а .

У в а р а. Отто!

О т т о. Увара, мое имя станет бессмертным.

У в а р а. Кого ты держишь в объятьях!

О т т о. Не знаю.

У в а р а. Женщина?

О т т о. Возможно.
У в а р а. Ах, ты не знаешь!
О т т о. Мы еще не успели познакомиться.
У в а р а. Что?!
О т т о. Она спала, когда...
У в а р а. Сейчас тресну!
О т т о. Пополом?
У в а р а. Тебя!
О т т о. Мне не хочется.
У в а р а. Вот!

Дает пощечину Отто. Тот роняет Н. Пинг, она скатывается с лестницы, просыпается.

Э к к и. С добрым утром!
Н. П и н г (*увидя Экки*). А-а-а!
У в а р а (*дает пощечину Н. Пинг*). Получай!
Н. П и н г (*окончательно проснулась*). Черт победи!

9-я картина

Опять у Варравы Лупуса. В. Лупус спит в кресле. Виднеется часть искусства и разметавшиеся рыжие волосы Бести. Стук в дверь. Еще. Еще. Варрава поднимает голову.

В. Л у п у с. В эту комнату входят без стука!

Входят: два мелких буржуа, Ф о т о г р а ф, Ж у р н а л и с т, Э к к и — наружность изменена.

1 - й б у р ж у а (*увидя спящую Бетси, смущенно*). Кажется...

2 - й б у р ж у а. Наш приход...

Ф о т о г р а ф. Великолепно!

Ж у р н а л и с т. Сенсация!

Ф о т о г р а ф (*снимает Бести*). Готово!

В. Л у п у с (*не понимая смущения*). По делу?

1 - й б у р ж у а. Но...

2 - й б у р ж у а. Право же...

Э к к и. По делу выборов, господин Лупус.

1 - й б у р ж у а. Уж лучше...

2 - й б у р ж у а. Как-нибудь... в другой раз...

В. Лупус. Кто?
Э к к и. Представители союза ярмарочных торговцев.
Ж у р н а л и с т. Сотрудник газеты «Ухо и глаз».
Ф о т о г р а ф. Фотограф газеты «Ухо и глаз».
В. Лупус. Слушаю.
1 - й б у р ж у а. Разрешите откланяться...
2 - й б у р ж у а. Мы не можем себе позволить разбудить...
Э к к и. Сон как будто бы крепкий... Я думаю...
Ф о т о г р а ф. Па-ардон! Разрешите вторую пластиночку (*снимает Бести.*) Готово!
В. Лупус. Кого разбудить? Чей сон? Кого это вы там — щелкаете?
Б е с т и (*проснулась, сладко зевает*). Аааааа-ах!..
Меня.
Ф о т о г р а ф. Великолепно.
Ж у р н а л и с т. Сенсация.
Э к к и (*иронически*). Высокая нравственная чистота!
В. Лупус. Господа...
Б е с т и. А я во сне видела.
В. Лупус. Господа, э-эт-то... (*Твердо.*) Моя жена.
Б е с т и. Да!
Ж у р н а л и с т. Сенсация!
1 - й б у р ж у а (*почтительно*). Супруга госпожи на Лупуса!
2 - й б у р ж у а. Мы счастливы, что первыми можем принести свои поздравления господину...
Ж у р н а л и с т (*вынимая блокнот*). Разрешите! Имя?
Б е с т и. Бести!
Ж у р н а л и с т. Урожденная?
Б е с т и. Рыжая.
Ж у р н а л и с т. Происхождение?
Б е с т и. Дочь уличного торговца шведскими спичками.
Ф о т о г р а ф. Великолепно!
В. Лупус. Моя жена мелкобуржуазного происхождения. Я полагаю: только кровная связь с промежуточным классом...
Б е с т и. Промежуточная?!

Э к к и. Завтра в 10:15 открытие Энской ярмарки...

1 - й б у р ж у а. Ввиду того, что предполагается большое стечение народа, решили...

В. Л у п у с. Предвыборный митинг? Буду.

Б е с т и. И я.

2 - й б у р ж у а. В таком случае... Разрешите...(Снимают шляпы.)

Ф о т о г р а ф. Пардон!.. Если бы на одной пластинке с госпожой Лупус... Великолепно! (Снимает) Мерси. Оревуар. (Уходят.)

В. Л у п у с (подходит к Бести). Кто вы?

Б е с т и. Твоя жена.

Ю-я картина

Народная ярмарка. Карусель. Тир. Продажа холодных напитков.

Р а з г о в о р я р м а р о ч н ы х п о с е т и т е л е й . Слышали? Бомбу бросили. Куда бросили? Прямо туда. Куда туда? Прямо в середину. Неужели в середину! На мелкие кусочки. Кого на кусочки? Обе половины. Какие половины? Ее. Женщина? И мужскую половину и женскую. Двух значит? Жалко ее. Семейная? Какая семейная!.. Вдова? Вдовец? Какой вдовец! Кто же они? Кого разорвало? В общественную уборную бомбу бросили. В уборную! (Разбегаются.)

Т о р г . н а п и т к а м и. Пропала моя торговля.

Т о р г . т и р а. Кто же это бросил!

Т о р г . к а р у с е л и. Конечно, агент.

Т о р г . н а п и т к а м и. Чей агент?

Т о р г . к а р у с е л и. Старого правительства.

Т о р г . т и р а. Зачем?

Т о р г . к а р у с е л и. Сорвать митинг.

Т о р г . н а п и т к а м и. А!.. Не дать говорить...

Т о р г . к а р у с е л и. Варраве Лупусу.

Входят У т т о , У в а р а .

У в а р а. Настоящая бомба.

У т т о. Я полагаю, пирксилиновая шашка.

У в а р а. Адская машина.

Т о р г. к а р у с е л и.

Гражданки и граждане,
Не будете в обмане —
Настоящее веселье
Только на карусели,
Шесть медяков
Пять кругов.

У в а р а. Карусель! Сядем.

У т т о. Не советую.

У в а р а. Почему?

У т т о. Потому что... Взорвали... Может...

У в а р а. Что может?

У т т о. Растрясти.

У в а р а. Сяду.

Т о р г. т и р а.

От сотворения мира
Не было такого американского тира.
Первосортных сортов
Пять призов.
В сердце попадешь —
Вилка и нож,
Попадешь в рот —
Фарфоровый кот,
А ежели в пуп —
Самый горячий
С клецками суп.

Т о р г. н а п и т к а м и.

Молодые и старые,
Толстые и сухопарые,
Первоклассный товар,
Товар хорош:
За медный грош:
Оранжеват,
Ситронат,
Хо-ло-о-дное пиво!

У в а р а (слезая с карусели). У меня жажда. Вы-
пьем.

У т т о. Бомбу бросили!

У в а р а. Сахара!

У т т о. Потерпите.
У в а р а. Не могу.
У т т о. Не пейте.
У в а р а. Выпью. *(Пьет три бокала, уходят, с разных сторон появляются Отто и Экки.)*

Э к к и. Вы?.. Бомбу?..

О т т о. Да.

Э к к и. Преклоняюсь.

О т т о. Первая бомба в цивилизацию.

Э к к и. Ваше имя будет бессмертно. *(Уходят.)*

Пробегают Н. Пинг, за ней несколько человек.

В о з г л а с ы . Держи ее! Агент! Правительства!
Взорвала! Бомбу бросила! Агент! В общественную уборную!
Держи! Лови! Бей! *(Пробежали.)*

Н о в ы е в о з г л а с ы . Прибыл! Лупус! Будет говорить!
Выступать! Громить старого президента! Бежим слушать.

Все разбегаются. Входит О т т о, за ним У в а р а .

У в а р а. Дай цилиндр!

О т т о. Нет!

У в а р а. Дай!

О т т о. Нет!

У в а р а. Понимаешь ли ты, жестокий человек, ее взорвали.

О т т о. Первая бомба в цивилизацию.

У в а р а. А я растряслась!

О т т о. Возвращение к античной красоте...

У в а р а. Выпила три кружки оранжату.

О т т о. Виргилий, Гораций, Данте, Отто...

У в а р а. Дай цилиндр!

Пробежали, входят Экки и Бести.

Э к к и. Ну?

Б е с т и. Он — железная машина.

Э к к и. Его сердце?

Б е с т и. Консервная коробка.

Э к к и. Раскубрим!

Б е с т и. Экки!

Э к к и. Ты будешь сейчас выступать.
Б е с т и. Буду! А что говорить?
Э к к и. Вот.
Б е с т и *(читает)*.
Э к к и *(властно)*. А ночью привезешь Варраву в ка-
бак к неграм.
Б е с т и *(покорно)*. В «Мышиную Нору»?
Э к к и. Да.
Б е с т и *(нежно)*. Экки!
Э к к и. Будешь танцевать с черным боксером Кукки...
Б е с т и *(недовольно)*. Экки!
Э к к и. Кукки — самый сильный человек в мире.
Б е с т и. Человек?
Э к к и. Может быть...
Б е с т и. Не надо, Экки.
Э к к и. Надо.
Б е с т и. Что?
Э к к и. Стукнуть лбами обоих.
Б е с т и. Варраву и Кукки?
Э к к и. Попробовать, чей лоб крепче.
Б е с т и *(любовно)*. Экки!
Э к к и. Ступай!

Б е с т и уходит, за сценой крики, возгласы одобрения, выбегает взбе-
шенный В. Л у п у с, возгласы умолкают, появляется О т т о.

Г о л о с Б е с т и *(отчетливый, громкий)*. Гражда-
не, Варрава Лупус обещает в первый год президентства
две тысячи новых общественных уборных.

Т о л п а. Голосуйте за Лупуса.

В. Л у п у с. Какое чутье! Необыкновенно!

Г о л о с Б е с т и. Душистая папиросная бумага,
благонная вода! Да здравствует цивилизация!

Т о л п а. Да здравствует Лупус! Да здравствует ци-
виллизация!

В. Л у п у с. Какое знание мелкобуржуазной психо-
логии!

Г о л о с Б е с т и. Десятимиллионные кредиты на
постройку.

Т о л п а. Да здравствует Варрава Лупус!

В. Л у п у с. Замечательно!

Г о л о с Б е с т и. Мраморные стены! Столчаки с музыкой по системе Леонардо-да-Винчи!

Т о л п а. Да здравствует Варрава Лупус!

В. Л у п у с. Гениально! (*Уходит.*)

О т т о (*подходя к тиру*) Дайте мне пистолет.

Т о р г. т и р а. Если господин попадет в сердце — первый приз.

О т т о. Будьте уверены — я попаду прямо в сердце. (*Стреляет себе в грудь, падает.*)

Т о р г. т и р а. Человек застрелился! Человек...

Э к к и (*подходя*). Пустяки! Не человек, а двуногий осел.

II-я картина

В мчащемся автомобиле. Бесперывная линия мелькающих фонарей. Варрава правит. Бести рядом. Сзади, за что-то уцепившись Н. Пинг.

В. Л у п у с. Возможно, что я заставляю себя полюбить вас.

Б е с т и. О!

В. Л у п у с. Может быть, вам придется не очень долго ждать.

Б е с т и. Вот как!

В. Л у п у с. Посмотрите мне в глаза.

Б е с т и. Какие красивые... автомобильные очки.

В. Л у п у с. Не кажется ли вам...

Б е с т и. Кажется, что ты собираешься сломать нам шею... сто! сто пять! сто десять!

В. Л у п у с. Дотроньтесь до сердца... сто пятнадцать.

Б е с т и. Колотится!

В. Л у п у с. Сто двадцать...

Б е с т и. От быстрой езды?

В. Л у п у с. Нет.

Б е с т и. Отчего же?

В. Л у п у с. Оттого, что я начинаю любить вас.

Б е с т и. Неужели?..

В. Л у п у с. Больше, чем я предполагал.

Б е с т и. О!
В. Л у п у с. Больше, чем следует.
Б е с т и. Дуди на поворотах.
В. Л у п у с. Бести!
Б е с т и. Ну?
В. Л у п у с. Дай мне твои губы.
Б е с т и. Мы еще не отпраздновали нашей свадьбы.
В. Л у п у с. Дай губы.
Б е с т и. В «Мышиной норе».
В. Л у п у с. Варрава Лупус не шляется по ночным кабакам... Губы!
Б е с т и. В «Мышиной норе»!
В. Л у п у с. Бести!
Б е с т и. Я хочу к неграм.
В. Л у п у с. За одно посещение я потеряю сто тысяч голосов.
Б е с т и. К неграм!
В. Л у п у с. Двести тысяч моих избирателей будут голосовать за Краба.
Б е с т и. Ты поедешь!
В. Л у п у с. Губы!
Б е с т и. Там.
В. Л у п у с. Бести!
Б е с т и. Туда.
В. Л у п у с. Бести!
Б е с т и. Хочу!

12-я картина

Ночной негритянский ресторан. Джаз-бэнд. Летающие шары, бумажные метелки на длинных прутьях, котильонные колпаки, серпантин, конфетти и проч. Журналист, Фотограф и Экки за столиком на первом плане. За другими столиками декольтированные раскрашенные старухи в бриллиантах, с ними в безукоризненных смокингах почти мальчики.

Ж у р н а л и с т. Не верю!
Ф о т о г р а ф. Не может быть.
Э к к и. Придет.
Ф о т о г р а ф. Монах в смокинге!

Журналист. Высокая нравственная чистота!
(Хохочет.)

Фотограф. А ведь президентство-то может...
(Свистит.)

Экки. Придет.

Фотограф. Отцы семейств и мамыши не будут голосовать за ночного кутилу!

Журналист. Пятнадцать лет лошадиной работы к черту!

Фотограф. Десять тысяч великолепнейших речей к дьяволу!

Экки. Придет.

Входят Бести, В. Лупус

Журналист. Сенсация!

Фотограф (снимает). Готово!

Экки. Пришел!

На эстраде танцует негритянка, заgrimированная Н. Пинг.

Лакей. Чемпион мира, боксер Кукки!

Входящего Кукки оркестр встречает тушем. Кукки садится за столик к Экки.

Кукки (показывая на Лупуса). Он?

Экки. Он!

Кукки. Когда его отец на плантациях ударил меня стэкком по лицу, я сказал...

Экки. Выпейте, Кукки, виски.

Кукки. Я сказал, что сделаю из него лепешку.

Экки. Достаточно сделать лепешку из его носа, Кукки.

Кукки. Я сказал.

Экки. Он обожает свою жену, Кукки.

Кукки. Ее?

Экки. Любит ее больше своей жизни, Кукки.

Кукки. Больше жизни...

Экки. Взгляни на его глаза, Кукки.

Кукки. Я сказал.

Экки. Выпейте, Кукки, виски.

Кукки швыряет мяч в Бести.

Б е с т и. Кукки. самый сильный человек в мире.
(Отшвыривает мяч в Кукки.)

В. Л у п у с. Помните, Бести, что вы жена будущего президента.

Кукки кидает в Бести конфетти, Бести отвечает.

Б е с т и. Он хочет со мной танцевать.

В. Л у п у с. Я не позволю вам танцевать с негром, Бести.

Б е с т и. Я буду танцевать с Кукки.

В. Л у п у с. Бести!

Б е с т и. Буду.

В. Л у п у с. Бести!

Б е с т и. Хочу.

Кукки приглашает Бести, она идет. Экки подзывает к себе оттанцевавшую негрityанку (Н. Пинг), сажает на колени, угощает вином, потом направляет струю сифона прямо в лицо. С лица течет жидкая черная краска. Все хохочут, Н. Пинг вырывается. Экки закрывает ей лицо салфеткой, вытирает.

Э к к и. Знаменитый детектив — Нити Пинг.

Ж у р н а л и с т. Сенсация!

Ф о т о г р а ф. Готово! (Снимает.)

Н. П и н г. Черт побери!

Убегает. Кукки кончает танцевать, подводит Бести к Лупусу.

К у к к и (нагло). Получай!

В. Л у п у с. Вонючая свинья!

К у к к и (хохочет). Хорошая девчонка!

В. Л у п у с. Что!!

К у к к и. Таким дают три золотых за ночь.

В. Л у п у с. Черное животное!

К у к к и. Кандидат...

В. Л у п у с. Черный раб!

К у к к и. ... демократической партии.

В. Л у п у с. Мало... тебя... отец... бил... плетью... по роже...

Кукки наносит страшный удар В. Лупусу, тот падает замертво.

Ж у р н а л и с т. Сенсация!

Л а к е й. Убили человека.

На крик вбегает Н. П и н г.

Э к к и. Пустяки... Не человек — тряпка.

Кукки направляется к Н. Пинг, та пятится к двери. Кукки протягивает руки.

К у к к и. Вы...

Н. П и н г. Я...

К у к к и. Представитель закона?

Н. П и н г. Частный сыщик.

К у к к и. Отвезите меня к прокурору.

Н. П и н г (*удивленно*). Черт побери! (*Надевает наручники.*)

Б е с т и (*насмешливо*). Самый сильный человек в мире!

Э к к и (*насмешливо*). Че-ло-век!

К у к к и. Я совершил преступление.

Э к к и. Восемь пудов цивилизованной говядины!

Б е с т и (*любовно*). Эkki!

Э к к и. Госпожа Лупус, отвезите труп вашего мужа к Кайю Лупусу.

13-я картина

У Кайя Лупуса.

К а й Л у п у с одновременно: читает, диктует, пишет и принимает доклады. Секретари в крахмале и черных костюмах, стальной магнат в синих фланелевых штанах и синей рабочей блузе.

К. Л у п у с. Вы!

1 - й с е к р е т а р ь. В корпусе 185-Б прокламации.

К. Л у п у с. Чепуха! (*Диктует.*) Глава сто тридцать первая (*Второму секретарю*) Вы! (*Пишет.*)

2 - й с е к р е т а р ь. Рабочие корпуса 7-Ц предъявили требования.

К. Л у п у с (*передает письмо*). Секретно. Председателю треста Оран.

2 - й с е к р е т а р ь. Требования читать?

К. Л у п у с. Чепуха! Не стоит. (*Диктует.*) Подзаголовок: Я — Кай Лупус или 40 лет на бульоне, белом су-

харе, яйцах всмятку, двадцатичасовой рабочий. день и синяя блуза (*Секретарю.*) Дальше! (*Пишет.*)

1 - й с е к р е т а р ь. Обнаружен единый революционный...

К. Л у п у с (*перегает письмо*). Лично президенту...

1 - й с е к р е т а р ь. Революционный комитет.

К. Л у п у с. Произвести всех членов комитета в зав. отделами, предоставить секретаря, машинистку, курьера, автомобиль, кабинет, кожаные кресла, красное сукно, надпись на дверях: «Без доклада не входить». (*Перегает письмо.*) Английскому королю с курьером... Дальше!

2 - й с е к р е т а р ь. Забастовки в 136.

К. Л у п у с. Полный расчет. Заменить желтой и черной рабочей силой. (*Пишет и диктует.*) В первой половине двадцатого столетия на смену искусству пришла романтика миллиардов. Надо не иметь ни малейшего понятия о сущности капитализма... (*Перегает письмо*)... Командующему войсками по прямому проводу... (*Диктует.*) Чтобы утверждать, что наслаждения, чревоугодие и буржуазная роскошь являются его двигательной силой... Дальше!

1 - й с е к р е т а р ь. Взрыв в шахте Л-12, 1300 человеческих жертв.

К. Л у п у с. Чепуха!.. Миллион триста тысяч вдовам. Сообщить в газеты о гуманности Кайя Лупуса. (*Перегает письмо.*) Нашему послу во Франции... (*Диктует.*) Председатели Величайших трестов — это наследники Македонского, Цезаря и Наполеона... Дальше.

2 - й с е к р е т а р ь. Агитация.

К. Л у п у с. Чепуха! (*Диктует.*) Надо быть чрезмерно близоруким, чтобы видеть наших жен, украшенных бриллиантовыми диадемами, наших дочерей — купающих принцев крови, наших сыновей, приобретающих многомиллионные яхты и не видеть романтику капитала... (*Перегает письмо.*) Кандидату республиканской партии... Дальше!..

1 - й с е к р е т а р ь. Склад оружия...

К. Л у п у с. Чепуха! (*Диктует.*) Капитал — это право объявления войны и мира, свержение королей и правительств (*перегает письмо.*) Архиепископу!.. (*Дикту-*

ет.) Процветание или разорение государств, власть над миром, человеком и человечеством... Дальше!

Л а к е й. Супруга господина Варравы Лупуса.

К. Л у п у с. Не принимать!

Л а к е й. *(за дверью)*. Не приказано-с!

Б е с т и. Меня?

Л а к е й. Да-с!

Б е с т и. Дурак!.. *(Входит.)*

К. Л у п у с. Сударыня, потрудитесь выйти.

Б е с т и. Потрудитесь выслушать.

К. Л у п у с. Что?

Б е с т и. Мой муж...

К. Л у п у с. Вы, кажется, говорите про моего сына.

Б е с т и. Я говорю, что привезла труп...

К. Л у п у с. Труп?

Б е с т и. Моего мужа.

К. Л у п у с *(грозно)*. Кого?

Б е с т и. Вашего сына...

Тело короля старчески дрябнет.

Б е с т и *(насмешливо)*. Валерьяновых капель Кайю Лупусу.

К. Л у п у с *(опять, как стальная пружина)* Что?.. Вы... Вы... Вышвырнуть!

Огромный лакей в точности выполняет приказание.

К. Л у п у с. Дальше!

14-я картина

Улица.

Э к к и. Ну?

Б е с т и. О!

Э к к и. Кай Лупус.

Б е с т и. Собака!

Э к к и. Тебя?..

Б е с т и. Стальной дьявол!

Э к к и. Госпожу Лупус?

Б е с т и. Госпожу Лупус!

Э к к и. Ну?
Б е с т и. Вышвырнул как, как...
Э к к и. Как уличную дрянь...
Б е с т и. Биржевой вор!
Э к к и. Хочешь глотку?..
Б е с т и. Хочу!
Э к к и. Перегрызть?..
Б е с т и. Зубами?..
Э к к и. Зубами!
Б е с т и. Собаке Лупусу?
Э к к и. Очень возможно, что и всем Лупусам сразу!
Б е с т и. Я?
Э к к и. Ты!..
Б е с т и. С тобой?
Э к к и. С ними.
Б е с т и. Кто они?
Э к к и. У них грубые руки, Бести.
Б е с т и. У меня тоже были грубые руки.
Э к к и. Были.
Б е с т и. Ты с ними?
Э к к и. Я люблю греческих философов и подобно
Диогену только ищу человека.
Б е с т и. Ты с ними?
Э к к и. Их чересчур много, Бести. Но постольку,
поскольку они хотят попробовать Кайя Лупуса...
Б е с т и. Прощай.
Э к к и. Идешь?
Б е с т и. Иду.
Э к к и. Проводить?
Б е с т и. Я знаю туда дорогу!

15-я картина

Фабрика. Огромный метроном отбивает ритм работы. Трудно различить, где кончается машина и начинается человек, где кончается человек и начинается машина. Все движения (и тела, и стали) сцеплены между собой, как звенья одной цепи. Ничего лишнего. Ничего ненужного. Труд прост и элементарен. У каждого не больше одного меняющегося действия (рука, правая или левая, нога, правая или левая, поворот спины и т. д.). Машины и рабочие окрашены в один

цвет. Выделяются наблюдающие инженеры в черном. Пантомима
4-5 минут. На вышке появляется рабочий.

Первый рабочий (*кричит*). Корпус 137, 206,
705... (*Появляется Кай Лупус*) Прекратили работу!

К. Лупус. Чепуха!

Первый рабочий. 17, 196, 301 осаждает полиция.

К. Лупус. Ложь!

Слова как будто еще не дошли до ушей рабочих. Еще властвует метроном, ритм колес и тел, только некоторое движение на инженерских вышках.

Первый рабочий. 13, 89, 1002 перебили инженеров!

Начинают ощущаться толчки, и перебой в ритме работы. К дверям завода (низ макета) подбегает Э к к и . Второй рабочий, охраняющий вход, не пропускает.

Второй рабочий. Что тебе надо?

Э к к и. Я, собственно говоря, ищу человека.

Второй рабочий. Кого?

Э к к и. Там, у вас, в данный момент, производится очень интересный эксперимент над Каем Лупусом...

Второй рабочий. Проваливай, товарищ.

Э к к и. Там, видите ли, человек...

Второй рабочий. Человечество!

Э к к и. Что?

Второй рабочий. Тебе говорю, товарищ, проходи.

Э к к и. Желаю удачи.

На вышку вбегает третий рабочий.

Третий рабочий. 75! 79!..

К. Лупус. Держи ритм! Раз! Два! Три! Четыре!

Третий рабочий. 35, 36-й.

К. Лупус (*вынимая два револьвера*). Пуля первому остановившемуся!

Третий рабочий. Кончай!..

К. Лупус. 1001 взорван!.. 1003 сдался!..

Вбегает Б е с т и .

Б е с т и. Осаждающие первый, пятый, шестой, седьмой перешли на сторону рабо...

К. Лупус стреляет в Бести.

Б е с т и. Эkki!

Бести падает Люди остановились. Но еще вертятся колеса.

К. Л у п у с. Пускай газы!

Надевает противогазную маску. В этот момент рабочий ударом кулака сталкивает К. Лупуса в зубчатую пасть колеса

Т р е т и й р а б о ч и й. Есть!

Сцену заполняют огромные клубы желтого газа, закрыв ладонями лица, разбегаются рабочие. За сценой победный революционный гимн.

ЭПИЛОГ

Опять в теплой пижаме, мягких туфлях, черной ермолке, философа появляется из-за занавеса Э к к и .

Э к к и. Убирайтесь к черту! Эпилога не будет, там...

Доносятся звуки революционного гимна.

Мы...

Эkki очень доволен собой.

...совершили революцию.

Конец.

Париж. Лето. 1924

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПОДРУГИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фрося Березкина	}	вышковые наблюдатели N-ской фабрики.
Маруся Егорова		
Надя Скворцова		
Алексей Пеночкин	}	бойцы-саперы, подшеф- ные N-ской фабрики.
Федор Бугорков		

Комната в общежитии N-ской фабрики. Три кровати стоят вдоль стены. Кровати застланы байковыми одеялами, совершенно одинаковыми. Комод с зеркальцем, стол, столик. На них дорожки, салфеточки, скатерти — вышитые и в кружевцах. На стенах фотографии и картинки в рамках. Возле кроватей вышитые коврики. На окнах белые занавески. На подоконниках — цветы. Несколько стульев. Радио, телефон. Возле него график дежурств на вышке. Половичок на полу. Чистота, порядок, уют.

На сцене Фрося и Маруся.

Фрося (*вынимая из корзиночки варежки*). Значит раз... два... три... четыре... пять... шесть... шесть пар! А подшефные-то нам в общежитии полную плиту ново перекладывают. Совестно!

Маруся. А ты бы дорожки, да коврики, да салфеточки не вязала, вот бы и не было совестно.

Ф р о с я . Уж больно я красоту люблю!

М а р у с я . Эгоистка ты! Это я тебе совершенно авторитетно говорю. Шефы! Они нам плитку, а мы им шесть пар! *(Иронически.)* Перевыполнили план!

Ф р о с я . Всего-то на шесть, Марусенька. В позапрошлом месяце пятнадцать пар, в прошлом дюжину...

М а р у с я . А на тебя погляди, а мы с Надей эгоистками стали — дорожки да салфеточки. Заражаешь ты нас своим эгоизмом!

Ф р о с я . Сама понимаю, Марусенька, а отказаться от красоты не умею. Красота, Марусенька...

Разрыв снаряда.

М а р у с я . Надоела ты мне, право, со своей красотой!

Ф р о с я . А лучше, что ли, Марусенька, как тебя-то товарищ Вокшеев с комсомольского актива прогнала, когда ты в ватных штанах пришла? Наш секретарь правильно красоту понимает. «Комсомольцы, — говорит, — и в этом деле должны полным примером служить».

Р а д и о . «Внимание, внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны: артиллерийский обстрел района продолжается...»

М а р у с я . Что-то немец сегодня как белены объелся! Ты утром в свое дежурство на вышке сколько разрывов записала?

Ф р о с я . Двадцать восемь. А Наденька тридцать с чем-то.

М а р у с я . Да я двадцать три.

Ф р о с я . Вот и опять мы на первом месте по Ленинграду выйдем... А как ты, Марусенька, об этой стенке думаешь?

М а р у с я . А чего мне об ней думать?

Ф р о с я . Дорожку бы сюда хорошо. Мечта у меня, Марусенька, такая — свою тихую Преображенку вышить. Дом свой. Он у нас веселый был, зелененький. А вокруг рябины. Гроздья красные! И подсолнухи. Чтоб золотом горели! И покойная маманя на скамеечке сидит. Хоть на коврике дом-то будет! Немец-то, говорят, как из наших тихих Преображеночек уходил, только головешки после себя и оставил.

Входит П е н о ч к и н .

П е н о ч к и н . Пожалуйте, товарищи шэфы, работу принимать!

М а р у с я . Большое вам спасибо! Доставай-ка, Фрося, крупу! Мы вас сейчас пшенной кашей угостим.

Ф р о с я . На молочке, Алеша, с маслицем! *(Достает крупу.)*

П е н о ч к и н . Вы, Маруся, так сказать, приемочная комиссия. Вас там Бугорков ожидает.

Ф р о с я . И уже затопили?

П е н о ч к и н .

Щелкают в плите полешки,

Как кедровые орешки.

Ф р о с я . И всегда это вы, Алеша, что-нибудь такое скажете. Удивительно!

П е н о ч к и н . Рад стараться!

Ф р о с я . Пойди, Марусенька, а я тут похозяйствую, винегрет приготовлю.

М а р у с я . Пойдемте, товарищ Пеночкин!

П е н о ч к и н *(пропустив мимо ушей)*. Ах, какие vareжки! Разрешите...

Ф р о с я . Пожалуйста, для вас ведь вязала.

Пеночкин рассматривает vareжки, примеряет. Маруся ждет его.

П е н о ч к и н *(восторженно)*. Нда-а-а!..

Ф р о с я . Нравится вам, Алеша?

П е н о ч к и н . Н-ну! *(Искоса смотрит ушла ли Маруся. Та его ждет.)*

Ф р о с я . Это вот я вязала. А эти Марусенька... А эти Наденька...

Маруся нетерпеливо ждет.

П е н о ч к и н *(опять искоса смотрит, не ушла ли)*. Глаз не оторвать!

М а р у с я уходит. Пеночкин, услышав, что за ней хлопнула дверь, на полном равнодушии оставляет vareжки и молча смотрит на Фросю.

Пауза.

Вот и вам, Фрося, скоро дежурить на свою вышку...

Ф р о с я . До 19.00 Наденька, а потом я.

Пеночкин. И разошлись, получается, мы с вами, как в море корабли... до следующего раза, когда дымоход законопатится.

Фрося (*грустно*). А дымоход-то, может, еще и не законопатится.

Пеночкин (*испугано*). Да что ты, Фрося!

Фрося. Кто ж его знает!

Пеночкин (*озабочено*). Это верно.

Фрося. А может и законопатится. Или, может, плита на втором этаже задымит.

Пеночкин (*обрадовано*). Вы думаете? А? Задымит?

Фрося. А может и не задымит.

Пеночкин (*тихо*). Это тоже правильно. (*Еще тише.*) Ох, что-то мне сердце говорит, что не задымит.

Фрося. А в первом этаже русская печь...

Пеночкин (*перебивая, с отчаянием*). Нет, эту проклятушую я знаю! Эта проклятушая лет пятьдесят еще будет в полной исправности. Такой леший ее складывал!

Голос Маруси: «Фрося!»

Фрося. Вода, верно, вскипела.

Пеночкин. До чего ж быстро!

Фрося. Хорошо плиту склали?

Пеночкин (*со вздохом*). Постарались. (*Махнув рукой.*) Э-э!

Голос Маруси: «Крупы неси, Фрося!»

Фрося. Сейчас!

Голос Маруси: «Скорей!»

Пеночкин (*сердито*.)

Если Маней решено,

Ешь подшефшное пшено.

Голос Маруси: «Фро-о-ося!»

Фрося. Несу-у-у!

Пеночкин (*понура*). Чудненько.

Фрося убегает.

Пеночкин *(вдогонку)*. Фрося!.. Фросенька!..
(После паузы.) И вот так всякий раз на этом самом месте:
только, значит, к самым главным словам подойду...

Входит Бугорков.

Бугорков. До чего ж тебе, Алеша, везет в жизни!
Даже завидки берут. Вот уж ты и высказаться полностью
успел и все там такое прочее.

Пеночкин. Именно!

Бугорков. Ну, прямо в рубашке ты, Алеша, ро-
дился!

Пеночкин. В полушубке прямо, в романовском.

Бугорков. Это уж, конечно, кому что на роду на-
писано. Одному, значит, петух в суп, а другому кукареку
на ужин.

Пеночкин. Точно! *(Неожиданно.)* Слушай, Федь-
ка, а иди-ка ты к чорту!

Бугорков. А?

Пеночкин. Бэ!

Бугорков. Нда, вот какие дела! Раз уж мне в кои
веки посчастливилось приехать ради ремонта, значит, как
дважды два — четыре. Наденька будет полных два часа на
вышке дежурить. *(Подходит к графику дежурств, чита-
ет.)* «Н. Скворцова — от 17.00 до 19.00». А нам в 18.00 об-
ратный путь шагом марш. Вот тебе и кукареку на ужин!

Пеночкин. Приятного аппетита!

Бугорков. А?

Входит Маруся.

Маруся *(смотрит на стол)*. А винегрет где? Вот
эгоистка! Свеклы даже не нарезала.

Пеночкин *(поглядывая на дверь, в которую вы-
шла Фрося)*. Ну, а как плита, Маруся? Не дымит?

Маруся. Нет, первоклассно! Это я вам совершенно
авторитетно говорю.

Пеночкин *(мрачно)*. Очень приятно слышать.

Бугорков *(печально читает график дежурств)*.
«Н. Скворцова — от 17.00 до 19.00» *(Вздыхает.)*

Пеночкин. А там, значит, Фрося для нас пшен-
ную кашку варит?

Маруся. Да.

Пеночкин. Огонь-то хороший, большой?

Маруся. Нет, не очень, в самый раз. А то подгорит. Каша должна не торопясь вариться.

Пеночкин *(еще мрачней)*. Чудненько!

Бугорков *(так все и стоит перед графиком дежурств, с грустью читая и перечитывая его)*. «Н. Скворцова...»

Пеночкин. Бугорков!

Бугорков так ушел в свою грусть, что и не слышит.

Бугорков!

Бугорков. А?

Пеночкин. Что это ты все график дежурств вышковых наблюдателей изучаешь? Не понимаю, что в нем такого интересного!

Бугорков. А вот тут по уголкам васильки и красные маки изображены. Уж очень они мне нравятся!

Маруся. Это Фрося нарисовала.

Пеночкин *(вскакивая)*. Где? Где?

Маруся. Полюбуйтесь-ка лучше, товарищ Пеночкин, какая свекла! Это все с нашего огорода. Только вот я не умею так красиво резать, как Фрося. У нее просто картина получается, а не винегрет.

Пеночкин *(радостно)*. А я пойду позову ее!

Маруся. Нет, не надо, товарищ Пеночкин.

Бугорков. Что же ее, конечно, беспокоить! И так вкусно будет.

Пеночкин *(внушительно)*. Слушай, Федя, подика почитай график.

Бугорков. А?

Маруся. У нас распределение труда: Фрося режет, а я заправляю винегрет.

Бугорков. А товарищ Н. Скворцова?

Маруся. Кушает.

Пеночкин *(решительно поднимается)*. Надо пойти проверить духовой ящик — как он там накаляется.

Бугорков. Так! Понятно! Тебя, значит, духовой ящик волнует.

М а р у с я. Работает на все сто процентов! Это я вам совершенно авторитетно говорю. Сидите, отдыхайте, пожалуйста!

Б у г о р к о в. Да, признаться, мы сегодня с пяти часов утра на ногах. Еще не присели.

М а р у с я. Ну вот! (*Пеночкину.*) Сидите, отдыхайте!

П е н о ч к и н (*с грустью*). Чудненько!

Разрыв снаряда.

Б у г о р к о в. А здорово, Маруся, по вас пуляют-то!

М а р у с я. Пуляют-то пуляют, только наша фабрика счастливая, что от фрицев на трамвае четыре остановки, а редко-редко когда снаряд залетит. За все время девятнадцать раз. О чем это вы так задумались, товарищ Пеночкин?

П е н о ч к и н. Да вот, понимаете, Маруся, все о духовом. Духовые ящики — вещь страсть капризная и на первых порах большого внимания к себе требует.

Б у г о р к о в (*напевая каверзно*). Тра-та-та, тра-та-та, трата-ти-то-тра-та-та!..

Пеночкин смотрит на него испепеляющим взглядом.

М а р у с я. Ну, уж если он вас так беспокоит, пойдите проверьте!

П е н о ч к и н. Есть проверить!

М а р у с я. А Фросю сюда пришлите.

П е н о ч к и н (*оторопев*). Как?..

Б у г о р к о в. Фросю... сюда пришли... понимаешь?

М а р у с я. Не могу я свеклу красиво резать. Не получается, да и только, как стараюсь. Пришлите ее сюда!

П е н о ч к и н (*мрачно*). Чудненько! (*Проходя мимо Бугоркова, шепчет ему.*) Ну, Федор, берегись, я тебе отплачу за твою каверзность!

Б у г о р к о в (*шепотом*). Знаешь, брат, дружба так дружба, — если уж страдать, так тоже в компании. А то: Наденька на вышке, я — с Марусей, а вы на высотах блаженства! Несправедливо! Не по-товарищески, брат!

П е н о ч к и н. Ладно, получишь ты у меня справедливость! (*Уходит.*)

Б у г о р к о в. А Наденьке-то, подружке вашей, придется кашу холодную кушать...

Маруся. Мы ей подогреем. *(Кричит.)* Фрося!
Фрося!

Бугорков *(кричит так, что грозит стекла).*
Фро-о-ося!

Голос Фроси: «Иду! Иду!»

Маруся. Знаете, товарищ Бугорков, вы, пожалуй, уж не зовите ее, не стоит. А то у нас от бомбежек стекла не выскочили, а от вашего баса, чего доброго, еще вылетят!

Входит Фрося.

Фрося. Накрывай на стол, Марусенька.

Бугорков. В прошлый раз, когда мы в первом этаже починку производили, товарищ Н. Скворцова тоже на вышке дежурила.

Маруся. Разве?

Фрося. А ведь правда, Марусенька! Она и тогда дежурила: мы тогда тоже без нее поужинали. Знаете, Федя, она потом весь вечер такая расстроенная была.

Бугорков *(не в силах скрыть своей радости).* Дану?

Фрося. «Всегда, — говорит, — все на свете без меня происходит, ужасно я невезучая!»

Бугорков. Вот и я такой же.

Маруся. Подумаешь, какое горе, без нее два раза печки исправили!

Входит Пеночкин.

Пеночкин *(мрачно).* Чудненько!

Маруся. А дрова подложили?

Пеночкин.

Пламя пышет.

Пар столбом.

Каша дышит,

Как... я... ртом.

Фрося. Удивительно! Вы, Алеша, обо всем, обо всем можете стишками разговаривать? И о грустном, и о веселом?

Пеночкин. Обо всем! Как Пушкин. Позвольте, я помогу вам картошку стругать. Я тоже по этому делу специалист.

М а р у с я. Вот и отлично! Товарищ Пеночкин порежет, я заправлю, а ты ступай кашу обследуй. А то «пламя пышет, дым столбом», — того гляди, подгорит!

Ф р о с я. Не подгорит. Я воды подлила.

М а р у с я. Ну, тогда в размазню превратится.

П е н о ч к и н. Разлюбезное дело! Обожаю.

Б у г о р к о в *(скорчив гримасу)*. Ой!

Ф р о с я. А вы что, Федя, не любите размазни?

Б у г о р к о в. У нас дома мамаша знаменито кашу варила — крупинку от крупинки.

Ф р о с я. Ну, тогда побегу. *(Убегаем.)*

П е н о ч к и н. Федя, подойди-ка сюда! Мне что-то по секрету тебе надо сказать.

Бугорков подходит.

П е н о ч к и н *(пользуясь тем, что Маруся отвернулась, дает ему хорошего «тумака»)*.

Бугорков, отлетев, насакивает на стол с посудой. Чуть не повалил его. Как раз в это мгновение — разрыв снаряда. Маруся удивленно смотрит на Бугоркова.

П е н о ч к и н *(презрительно)*. Сильно нервная особа! Фриц чуть-чуть пошумел, а он уж на три аршина от земли прыгает.

М а р у с я. Нехорошо, товарищ Пеночкин, над товарищем смеяться! Сколько он мин разминировал? Восемнадцать тысяч! Неудивительно, что нервы немного расстроились...

Б у г о р к о в. *(смущенно)*. Да они у меня как будто ничего.

П е н о ч к и н. Вот так «ничего»! Чуть стол с винегретом не повалил.

Б у г о р к о в. Товарищ Маруся, я сейчас вам все объясню!

М а р у с я. И совсем ничего объяснять не надо. В вашей нервности нет ничего позорного. Всю войну впереди пехоты идете, впереди танков бежите, ну, нервы и сдали.

П е н о ч к и н. Точно! В санаторий бы ему нужно, подлечиться.

М а р у с я. Да, конечно, очень бы хорошо было.

Б у г о р к о в. Нет уж, извиняюсь, я должен объяснить! Я должен!

Входит Ф р о с я с кастрюлей.

П е н о ч к и н. Знаете, Фрося, а Бугорков-то сию минуту нас всех чуть-чуть без винегрета не оставил. Вы слышали разрыв?

Ф р о с я. Этот далекий был...

П е н о ч к и н. Конечно. А нервный Федя, понимаете, так подпрыгнул!

Б у г о р к о в. Извиняюсь! Извольте!

П е н о ч к и н. Так подпрыгнул, что если бы не ухватил стол за ножки...

Б у г о р к о в. Позвольте! Позвольте!

М а р у с я. Товарищ Пеночкин, не надо! Не надо!

Б у г о р к о в. Нет, в таком случае я... я!..

Ф р о с я. Давайте-ка лучше, Федя, кушать, а то вам скоро уходить.

Б у г о р к о в. Не хочу я кушать!

П е н о ч к и н. Видите, у бедняги даже аппетит пропал после той фугаски.

Б у г о р к о в. Ах так!

Разрыв.

М а р у с я. Вот этот метров за пятьдесят от территории фабрики. Это я совершенно авторитетно утверждаю.

П е н о ч к и н. А вам, девушки, небось, надоела эта музыка?

М а р у с я. Прислушались.

Ф р о с я *(торопливо ест)*. Уж больно досада разбирает, когда в кино пойдешь. Ну как нарочно, на самом интересном месте и начнет бухать, и начнет! Само собой, свет в кино зажигают, из зала просят. Вот тогда очень ругаемся. Только, все-таки, картину редко когда не досмотрим. А с перерывами, это уж то и дело. *(Отог-вигая тарелку.)* Спасибо.

М а р у с я. Ты куда, Фрося?

Ф р о с я. К товарищу Сергееву.

М а р у с я. Зачем?

Ф р о с я. Скажу ему, что я сегодня полчаса за Надю на вышке подежурю, а она завтра за меня. *(Бойцам.)* Начальство нам это разрешает.

М а р у с я. Во время сильного обстрела не больно-то разрешает.

Ф р о с я. Ничего, упрощу. А то Наденька такая невезучая, как гости, так она на вышке. Спасибо вам большое за плитку. Уж если что опять попортится, приезжайте пожалуйста. Ну, бегу.

П е н о ч к и н *(грустно)*. Чудненько

Ф р о с я. До свиданья, Федя.

Б у г о р к о в *(рагостно)*. До свиданья! До свиданья!

Ф р о с я. До свиданья, Алеша.

П е н о ч к и н. Мне тут вам одну вещь нужно было сказать, важную, да вот опять не успел...

Ф р о с я. Ну, в следующий раз, Алеша, скажете... уж обязательно. *(Уходит.)*

Р а д и о. «Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противоздушной обороны: артиллерийский обстрел района...»

М а р у с я. Продолжается.

Р а д и о. «Продолжается».

М а р у с я. Мы уж по его голосу всегда угадываем. Когда «прекращается», он у него такой веселый делается.

Вбегает Н а д я .

Н а д я *(говорит «залпом», не давая никому открыть рта)*. Здравствуйте, Федя! Здравствуйте, Алеша! У-у-у! Каша-то какая! С ума сойти! Винегрет! Ну, я им сейчас покажу... Тридцать девять разрывов. Денек, что надо! Федя, нравятся варежки? Эту паршивенькую пару я связала! Это Маруськины уродинки... А эти четыре пары Фрося... «Красота»? Правда? Вот она у нас какая. *(Нежно.)* Всем девкам девка! Только «Чудненько» не моргайте! Только не моргайте! Проморгал свой разговор и хватит... Мне уж все доложено... А немец-то сегодня как распулялся? Да что это вы все, как в рот воды набрали. *(К Пеночкину.)* «Чудненько!» *(Марусе.)* «Совершенно авторитетно»... Федя, Феденька... «А»... «А»...

Б у г о р к о в. А?

Н а д я. Ну вот, слава богу, разговорился.

П е н о ч к и н. Он здесь все расписание дежурств изучал: «Н. Скворцова от 17.00 до 19.00»... И глубокий вдох со слышимостью на 24 километра.

Н а д я. Одобряю! В этом деле я за вздыхания! Я вздыхания категорически признаю. Если б без вздыханий, я бы Фросю обратно с вышки турнула, — и никаких замен! Она меня только этим и убедила... Спасибо «Чудненько», что подтвердили. На 24 километра меня устраивает.

Совсем близко разрыв снаряда.

Эге! Это уже на территории фабрики.

М а р у с я. Утверждаю совершенно авторитетно.

Н а д я (*побегая к телефону, снимает трубку*). Вышку! Фрося, где бухнул? Так-с... (*Марусе.*) У пятого корпуса... В Кривую канаву... Туда ему и дорога.

Второй разрыв, такой же близкий.

П е н о ч к и н. Шрапнель.

Н а д я (*по телефону.*) Фрося... Фрося! Фрося! (*Кричит.*) Фро-ося!

М а р у с я. Трубку, наверно, положила. Позвони на станцию.

Н а д я (*разъединяет и тут же поднимает трубку*). Вышку! Нет... Да, вот!.. Как так занята? Да я только что разговаривала... Что? Нет... Что? (*Тихо Марусе.*) Трубка снята... (*Кладет трубку.*)

Б у г о р к о в. Как снята? Наденька, как же это снята?

М а р у с я. Звони в Медсанотряд.

Н а д я (*поднимает трубку*). Медсанотряд? Маша? Вера, ты? На вышку... Да... Да! (*Кладет трубку.*)

М а р у с я (*надевая ватник*). Надя, заверни варежки.

П е н о ч к и н. На вышку? На вышку, Маруся?

М а р у с я. Да, мое дежурство.

П е н о ч к и н. Ия!

М а р у с я. Нельзя, Алеша.

Б у г о р к о в. Пропуск, Алеша, нужен.

Пеночкин. Маруся... Наденька...

Надя. Я вам позвоню с вышки, Алеша.

Бугорков. И вы туда?

Надя. Когда очень сильный обстрел, мы по двое дежури́м.

Пеночкин. Надя... Наденька...

Надя. Я сразу же позвоню... До свиданья.

Маруся. До свиданья. Приезжайте...

Пеночкин *(тихо)*. До свиданья.

Бугорков *(тихо)*. До свиданья.

Маруся и Надя уходят. Пауза.

Пеночкин. Вот, Федя...

Бугорков *(тихо)*. Да...

Пауза.

Радио. «Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Артиллерийский обстрел района продолжается».

Пауза.

Пеночкин. Что-то она не звонит.

Бугорков. Позвонит.

Пауза.

Пеночкин. Вот, Федя...

Бугорков. Да...

Пауза. Телефонный звонок.

Пеночкин *(поднимая трубку)*. У телефона Пеночкин... Так... *(Чуть слышно.)* Понятно. *(Кладет трубку.)*

Бугорков. Что, Алеша?

Пеночкин. В сердце, Федя... осколком.

Бугорков *(с ненавистью показывает кулак. Кому он адресован, ясно)*. Ничего, ничего, и за Фросю они у нас получают. В долгу не останемся.

Конец.

НАША ДЕВУШКА

Лес. Тишина. Молодая девушка привязана толстой веревкой к гладкому стволу старой сосны. Шорох. Девушка прислушалась, повернула голову. Из-за куста показалась голова в красноармейском шлеме. Несколько мгновений они молча смотрят друг на друга.

Разведчик. Кто это тебя?..

Девушка. Кто!..

Разведчик. Вот сволочи!.. За что?..

Девушка. Говорят — партизанка.

Разведчик. Сейчас. *(Вынимает нож.)* Вот сволочи!..

Девушка. Не вылезай на полянку.

Разведчик. Чего?..

Девушка. Тебе говорю: не вылезай на полянку.

Разведчик. Как это так — не вылезай?..

Девушка. Разведчик?

Разведчик. А ты?..

Девушка. Так. Обыкновенная.

Разведчик *(улыбнувшись)*. Обыкновенная!..

Девушка. Потихе разговаривай-то. Разведчик!..

Разведчик. Так до их землянок шагов с три сотни будет.

Девушка. Скоро вернется.

Разведчик. Офицер?

Девушка. Гестаповец.

Разведчик. Бил, сволочь?

Девушка. Так.

Разведчик. У-у-у!..

Девушка. Тебе сказано — не вылезай.

Разведчик. Что ж, тебя им оставлять, что ли?

Девушка. А не найдет меня тут, увидит веревки перерезанными, переполох поднимет, весь лес обшарит. Понятно?

Разведчик. Так тебя ж повесят! У них с партизанами один разговор — от земли подальше, к небу поближе.

Девушка. Да нет.

Разведчик. Не-ет! Интересные новости! Подобрели, что ли, от хорошей жизни?

Девушка. Обещал пристрелить.

Разведчик. Тоже радость!

Девушка. Сколько ж раз повторять: не вылезай на поляну. Сиди, где сидишь.

Разведчик. А вот не желаю, чтобы наших девушек-партизанок пристреливали. Не бывать этому!

Девушка. Конечно, не бывать. А мне, думаешь, это очень большое удовольствие? Нашел дуру.

Разведчик. Ну?..

Девушка. Ну, явится немец, ты его и прищелкнешь из автомата. Просто и ясно.

Разведчик. Сама ж говоришь, — переполох нельзя поднимать.

Девушка. А они решат, что это гестаповец меня прикончил. И никакого переполоха. А потом и смоемся.

Разведчик. Можно и так. А чего он ушел-то, оставил тебя? Душу, что ли, твою помучить, для этого? У-у-у!..

Девушка. Все спрашивал «где партизаны?» А я говорю: «Откуда мне знать, я девушка обыкновенная, мирная».

Разведчик. Молодец!

Девушка. «Ну, — говорит, — я пойду, кофе попью, а ты тем временем подумай, даю тебе на это ровно час, если и через час знать не будешь, где партизаны, — расстреляю».

Разведчик. Сволочь!..

Девушка. Нормальный немец.

Разведчик. Давно ушел?

Девушка. Давно. Будто часов десять, как ожидаю. Страсть до чего долго время тянулось. Только он, разумеется, немец точный. Они все точные. Это у меня в сердце время остановилось. Сердце, понимаешь, не точное, — бабье.

Разведчик. Страшно помирать-то?

Девушка. Конечно, страшно. Глупо даже спрашивать об этом.

Разведчик. А все-таки не сказала ему, где отряд. Молодец! Ты из какого будешь-то? Меня вот направили для связи в партизанский отряд «Ленинградский комсомолец». Слыхала про такой? Ох, и здорово действует! Может, нам по пути будет?

Девушка. Взгляни-ка на часы. Ну?.. Сколько?..

Разведчик. Двадцать, сорок три.

Девушка. Тс-с-с!.. Слышишь?.. Это мой гестаповец марширует. До чего ж точный! Минута в минуту. В двадцать сорок пять, сказал, что вернется. Даже завидно на эту ихнюю точность.

Разведчик. Секундники, сволочи!..

Девушка. Ну, ныряй, ныряй в кусты.

Разведчик скрывается в кустах. Пауза. Входит немецкий офицер.

Немец. Как вы себя чувствуете, фройлен?

Девушка. Очень плохо, господин лейтенант.

Немец. О, вероятно, я слишком крепко перевязал вам рука. Я прошу у вас прощения за эту мою не-у-ключесть. Хорошо ли я сказал это слово, фройлен?

Девушка. Очень хорошо, господин лейтенант.

Немец. Благодарю вас, фройлен. Сию минуту, я надеюсь, мы будем развязывать веревку и тогда я сделаю вашим рукам маленький массаж. Итак, вы подумали, фройлен?

Девушка. Да, господин лейтенант.

Немец. И вы вспомнили, где находится ваш партизанский отряд?

Девушка. Нет, господин лейтенант.

Немец. Как! За целый данный час вы не смогли вспомнить того, чего вы даже никогда не забывали?

Девушка. Это верно, господин лейтенант, — конечно, не забывала.

Немец. Ваша откровенность делает вам большую честь, но она, к сожалению, не облегчает вашу участь, фройлен.

Девушка. Да, как же, господин лейтенант, можно забыть то, чего не знаешь? Не все же русские девушки партизанки. А у вас каждая на подозрении. Я вот никогда ничего и не слыхала о таком партизанском отряде.

Немец. А о каком слыхали, фройлен?

Девушка. Ни о каком, господин лейтенант.

Немец. Опять начинается старая история. Это очень скучно, фройлен. Тем не менее мне придется повторить свои слова так же, как вы повторяете свои слова. Вас, фройлен, поймал наш часовой в нашем лесу...

Девушка. Я пошла собирать грибы, господин лейтенант.

Немец. Ночью!

Девушка. Я заблудилась.

Немец. Именно как раз около нашего штаба.

Девушка. Да что вы!..

Немец. Вам это известно не хуже моего, фройлен.

Девушка. Вы шутите, господин лейтенант.

Немец. Нет, это вы со мной шутите, фройлен. Совсем мирная картина: девушка идет по грибы и для этого при-хва-тывает с собой ... наган.

Девушка. Но в этом лесу водятся волки.

Немец. Мне, фройлен, эта чепуха надоела! Я не люблю русских партизанских сказок про серого волка и красную шапочку. Я лучше хотел бы слушать про красный комсомольский платочек. Так. Это мне интересней. Но если вы не желаете вспомнить, где находится ваш партизанский отряд под названием «Ленинградский комсомолец», вы, может быть, тогда вспомните, что я вам обещал? Вспоминайте, пожалуйста, фройлен.

Девушка молчит.

Так. И этого не хотите.

Девушка молчит.

В таком случае, позвольте вам еще один последний раз напомнить.

Д е в у ш к а. Можете не трудиться.

Н е м е ц. Благодарю вас.

Д е в у ш к а. Пожалуйста.

Н е м е ц. Фройлен, я попадаю из пистолета на расстоянии пятнадцати шагов в туза пик. Отсчитываю пятнадцать шагов. *(Отсчитывает.)* Так. *(Вынимает пистолет.)* Первой пулей, фройлен, я вам отстреляю ваше маленькое левое ухо. Если вы после этого не пожелаете вспомнить адрес вашего лагеря, я сделаю второй выстрел. Он отстрелит ваше маленькое правое ухо. После этого я буду ждать три секунды. Если в эти три секунды вы не избавитесь от вашей девичьей за-быв-чи-вос-ти, я буду вынужден сделать еще один выстрел — третий. Он будет не такой мяг-ко-сердешный, как первые два. Поверьте мне в этом, фройлен.

Д е в у ш к а. Охотно верю.

Н е м е ц. Даю вам слово немецкого офицера, что эта третья пуля попадет прямо в самую серединку вашего лба. Итак, фройлен... *(Погнимает пистолет.)*

Кусты раздвигаются, показывается Р а з в е д ч и к .

Р а з в е д ч и к. Получай, фашистская собака!

Немец повертывается к кустам. Пауза. Разведчик стреляет. Немец падает.

Р а з в е д ч и к. Готов. Одной сволочью на свете меньше. *(Подходит к лежащему Немцу, наклоняется.)* Выстрел недурен, — прямо в сердце, тиколка в тиколку. Господин лейтенант отправился в царствие небесное самым коротким путем.

Д е в у ш к а. Вовремя ты его снял. А я уж думала: чего это канителишься, еще без уха останусь.

Р а з в е д ч и к. Интересно послушать было, как поет. На зверскую душу его полюбоваться. *(Подходит к Девушке, прислоняет автомат к дереву, вынимает нож, режет веревки, которыми Девушка привязана.)* Ох, и крепкого ж ты характера: он свое, ты свое — знать, мол, ничего не знаю и ведать не ведаю. Молодец!

Д е в у ш к а. А я ведь и вправду ничего не знаю.

Разведчик. Чего это не знаешь-то?.. Где отряд твой стоит — не знаешь?

Девушка. Какой отряд?

Разведчик. Нет, уж ты меня не огорчай, на тебя вся надежда, счастливо ты мне подвернулась: мне, как жить, до рассвета к командиру вашего отряда заявиться надо...

Девушка. Полегче ты, полегче своим ножом-то орудуй... Эх, и неуклюжий!.. гляди, юбку сразу в трех местах располосовал... Дай-ка мне нож! *(Берет у него нож, режет последние веревки, потом неожиданно всаживает лезвие в грудь Разведчика.)*

Разведчик падает.

Девушка. *(взяв автомат.)* Эй, господин лейтенант, воскресайте-ка!

Пауза.

Воскресайте! Воскресайте!

Пауза.

Ну?..

Пауза.

Ну?..

Пауза.

Я ведь, господин лейтенант, стрелять буду не так, как ваш переодетый приятель, я за версту в сторону от вашей башки целить не буду... Это у вас с ним интерес один был, а у меня с ним интерес разный... Только дурак он, этот ваш прихвостень: на моих глазах вместо вороны палит в корону, а потом еще уговаривает: «тиколку, мол, в тиколку, прямо в сердце...». И охота вам была с дураком связываться... Хотя вначале роль свою исполнял недурственно. Чуть мне голову не затуманил.

Пауза.

Ну?.. В последний раз спрашиваю: будете, господин лейтенант, воскресать или нет?.. Если не желаете, чего время тянуть, так и скажите: мне ведь одно только удовольствие мозги вам на травку выпустить...

Пауза.

Сколько это вы мне секунд давали для последнего размышления?.. три, кажется? Вот и я вам ровно столько же отпускаю... Ну, отсчитываю: раз... два... Ах, вот еще что забыла сказать: воскресайте, пожалуйста, господин лейтенант, по порядку, по всем правилам, — с руками поднятыми вверх. Все ясно? Все понятно? Считаю: раз... два... три... *(Прицеливается.)*

Немец встает с руками, поднятыми вверх.

Ну, вот и полный порядочек! Очень за вас рада.

Н е м е ц. А дальше что будет?

Д е в у ш к а. А вы же, господин лейтенант, с вашим прихвостнем очень интересовались адресом нашего партизанского отряда. Так вот теперь я готова вам услужить. Пойдемте, господин лейтенант, провожу до самого нашего штаба. Благо, отсюда недалеко — километров пятнадцать. Вот по этой самой тропиночке. *(Изменив тон.)* Ну, — прошу вперед! Пошли! *(Уходят.)*

Конец.

Москва. 27.09.1943

МИСТЕР Б.

Маленькая пьеса (Не совсем по Джону Б. Пристли)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мэри Кэстлсайд
Барлингтон

Номер в первом классе отеля. Входит Барлингтон. Ключ от номера кладет в карман. Садится в кресло, закуривает. Пауза. Курит. В номере появляется Мэри Кэстлсайд. В руках записка. Барлингтон поднимается, идет навстречу молодой женщине.

Мэри останавливается, изумленно смотрит на Барлингтона. Пауза.

Барлингтон. Добрый вечер, миссис Кэстлсайд!

Мэри. Вы?..

Барлингтон. Добрый вечер, миссис Кэстлсайд!

Мэри. Ничего не понимаю. Вы?..

Барлингтон. Добрый вечер...

Мэри (*резко перебивая*). Что это все означает?..

В своем ли вы уме, мистер Барлингтон? Как вы посмели назначить мне свидание?.. Да еще в номере отеля? В номере отеля!

Барлингтон. Добрый вечер, миссис Кэстлсайд.

Мэри. Вряд ли он будет добрый! Во всяком случае, для вас. Что означает ваша записка? Что это за угрожающий тон? Чем вы мне можете угрожать?.. Ничем! И если я пришла сюда, то, разумеется, не потому, что струсила. Мэри Кэстлсайд струсила! Ха! Это, положительно, в ее

характере! *(Смеется.)* Но, увы, я женщина! А господь бог создал нас любопытными. Вот почему вы и видите меня в этом номере. Поняли?

Б а р л и н г т о н. Понял.

М э р и *(показывает налево)*. А там, вероятно, спальня с розовыми обоями?

Б а р л и н г т о н. Нет... с голубыми.

М э р и. Ха!.. С голубыми!.. Ну, так вот, когда лакей внизу в ресторане передал мне эту наглуемую записку... *(Помахивает запиской.)* Я сначала пришла в ярость, а потом расхохоталась.

Б а р л и н г т о н. Я рад, что мне удалось развеселить вас.

М э р и. И, разумеется, мне захотелось взглянуть на лицо того болвана. Простите, мистер Барлингтон, я меньше всего предполагала, что это вы... Мне захотелось увидеть человека, который вздумал меня припугнуть какими-то дурацкими разоблачениями. Это же интересно!

Б а р л и н г т о н. Я думаю.

М э р и. Ну-с, а теперь мое любопытство удовлетворено. Я сыта по горло! *(Кивает, поворачивается, чтобы уйти, задерживается.)* Представьте, мистер Барлингтон, а я и не предполагала, что вы в меня влюблены. Приятная неожиданность! Опля!.. Ведь женщине это всегда льстит, кто бы в нее ни влюбился. Хоть огородное пугало! А уж если мистер Барлингтон!.. Хо!.. Я всегда думала, что на подобные пустяки у вас не найдется свободного получаса: положение в свете, финансовые операции, война; разгром Гитлера, патриотические манифестации. И вдруг!.. *(Разводит руками.)* Ну-с, достопочтенный сэр, я, кажется, слишком разговорилась. Счастливо оставаться! *(Кивает и направляется к двери.)*

Б а р л и н г т о н. Одну минуту!..

М э р и. Не больше, сэр.

Барлингтон запирает дверь и кладет ключ в карман.

Вы с ума сошли!.. Как вы смели запереть дверь?.. Я буду кричать!

Б а р л и н г т о н *(спокойно)*. Нет, вы не будете кричать... Шейла Уиггит!

Мэри. Что?!

Барлингтон. Я говорю, что вы... *(Медленно и веско.)* Шейла Уиггит, вряд ли будете кричать. Мне думается, что вы предпочтете не поднимать шума. Я почти уверен, что вы сядете... *(Придвигает кресло.)* В это кресло.

Мэри молча опускается в кресло.

Закурите папиросу. *(Протягивает портсигар.)*

Мэри. Благодарю... *(Берет сигару.)*

Барлингтон. И соблаговолите четверть часика поболтать со мной. Не так ли, Шейла?

Мэри *(тихо)*. Откуда вы знаете?..

Барлингтон. Прошу вас. *(Протягивает зажигалку.)*

Мэри. Как вам это стало известно?.. *(Закуривает.)*

Барлингтон. Счастливый случай.

Мэри. *(горестно)*. О!.. *(Затягивается.)* Какая чудесная папироса!.. *(Рассматривает.)* Честерфильдская папироса!.. Несомненно, в нашем невеселом Грэтли только один мистер Барлингтон еще курит честерфильдские папиросы.

Барлингтон. Лорд Дайрен прислал мне в подарок несколько коробок... Так вы желаете знать, Шейла...

Мэри *(перебивая)*. Боже мой, а я уж совсем отвыкла от этого имени: Шейла!.. *(Печально.)* Шейла Уиггит!..

Барлингтон. Так вы желаете знать, как стало известно, что вы Шейла Уиггит? Извольте! Когда вы с вашим мужем появились в Грэтли, мне показалось ваше лицо знакомым. Однако я мучительно не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах встречал вас, видел.

Мэри. О, черт побери, это несносное лицо! Как я его ненавижу! Похуже бы оно запомнилось!

Барлингтон. Не гневите господу, Шейла. Этому лицу вы обязаны тем, чем вы стали, — богатой и светской женщиной, женой одного из самых блестящих инженеров Соединенного Королевства. Если бы у девушки, работающей просто маникюршей в парикмахерской, было такое же лицо, как сто тысяч других...

Мэри *(перебивая)*. Вы видели меня на пароходе Тихоокеанской дороги?

Б а р л и н г т о н. Совершенно верно! Вы делали мне маникюр. Потом у вас вышел какой-то скандал и вас прогнали со службы.

М э р и *(грустно)*. И не в первый раз. Бедная Шейла!

Б а р л и н г т о н. Заинтересовавшись вашей не совсем обычной судьбой, — этой феерической женской карьерой, я, Шейла, невольно стал расспрашивать о вас у ваших друзей.

М э р и. А говорят, что любопытство — это женский порок!

Б а р л и н г т о н. И услышал историю столь же трогательную, сколь и фантастическую. Я узнал, что мистер Кэстлсайд женился не на девушке из парикмахерской, а на вдове... с аристократической фамилией. *(Улыбается.)*

М э р и. О, у меня с самого раннего детства была страсть к шикарным фамилиям!

Б а р л и н г т о н. Я узнал, что будто бы в первый раз вы были замужем за офицером с громким именем.

М э р и. Графом Бэрби!

Б а р л и н г т о н. Что-то в этом духе. Потом я узнал, что ваш вымышленный супруг служил в колониальном полку. И что вы жили в Индии.

М э р и. Я, действительно, угодила на край света.

Б а р л и н г т о н. Там, заболев какой-то тропической болезнью, ваш несуществующий граф скоропостижно умер. А вы остались без всяких средств, так как незадолго до кончины он проиграл какую-то бешеную сумму в покер.

М э р и. Недурно придумано!

Б а р л и н г т о н. И вот, Шейла, вы превратились в милую, чистую, бесконечно печальную, молодую вдову.

М э р и. Да, я, действительно, сшила себе красные траурные платья и на последние десять фунтов стерлингов сняла номер в самой фешенебельной гостинице.

Б а р л и н г т о н. В Солчестеровом отеле.

М э р и. Однако, мистер, вы довольно усердно изучали мою биографию!

Б а р л и н г т о н. Потом вы рассказали свою историю нескольким пожилым почтенным леди...

М э р и. Да! В их среде всего легче найти наиболее круглых дур!

Б а р л и н г т о н. Доверчивые женщины приняли все это за чистую правду...

М э р и. К тому времени я и сама уже почти поверила, что все это было на самом деле. Честное слово, я всякий раз не могла удержаться от слез, когда рассказывала о своей печальной истории.

Б а р л и н г т о н. Вскоре вы встретили мечтательного романтического мистера Кэстлсайда. Сначала вашу трогательную повесть ему рассказали почтенные леди. Потом, вероятно, при соответствующей поэтической обстановке, вы дополнили ее некоторыми подробностями.

М э р и. О, да, — они были прелестны!

Б а р л и н г т о н. И через две недели вы стали его невестой!

М э р и. А через две с половиной — женой.

Б а р л и н г т о н. Ох, Шейла, видимо, по-настоящему полюбил вас. Надо сказать, что в этом нет ничего удивительного. Ну, а вы — любили его?

М э р и. Тогда — нет. А теперь — безумно!

Б а р л и н г т о н. Скажите откровенно, Шейла, а что бы произошло, если бы Кэстлсайд сейчас вдруг узнал всю правду или, вернее, всю ложь?

М э р и. Нет! Нет! Только не это! Это было ужасно! Это катастрофа! Ведь он полюбил во мне бедную милую малютку в трауре, к которой так трагически сложилась судьба. И он никогда этого не забывает. Это для него самое главное. И, если он теперь узнает, что ничего подобного не было, а есть только обман, ложь, что я столько времени надувала его, лгала ему, — о, он никогда мне этого не простит! Никогда!.. Он уйдет от меня, разлюбит, возненавидит... А этого я не переживу. Лайонель вся моя жизнь! Больше жизни!..

Пауза.

Б а р л и н г т о н. Ну, Шейла, что же теперь будет, как вы предполагаете?

М э р и. Теперь?.. Что будет?.. А теперь, сэр, вы будете меня шантажировать.

Б а р л и н г т о н. О!..

М э р и. Потребуете, чтобы я стала вашей любовницей.

Б а р л и н г т о н. Право, Шейла, я никогда не думал, что вы обо мне такого низкого мнения.

М э р и *(возмущенно)*. Что?.. Вы этого не потребуете?.. Значит, вы в меня совсем не влюблены?.. Ни капельки?.. Ну, знаете, — это форменное нахальство!.. Так прямо и сказать подобную дерзость в лицо хорошенькой женщине!.. Нет, сэр, клянусь, я не думала, что вы так скверно воспитаны!

Б а р л и н г т о н. Вы, Шейла, самое взбалмошное существо, которое я когда-либо встречал на свете. Вероятно, это и делает вас такой очаровательной.

М э р и. Вот это другой разговор. Но имейте в виду, мистер Барлингтон, что любовницей вашей я все равно не стану. Я скорее пушу себе пулю в лоб, чем изменю Лайонелю.

Б а р л и н г т о н. Я в этом уверен. И поэтому в качестве скромной награды за сохранение вашей тайны я попрошу у вас только об одной маленькой любезности или, если хотите, услуге.

М э р и. Всего-навсего?

Б а р л и н г т о н. Неужели вы могли предполагать что-либо другое?

М э р и. Само собой! Я считала вас мужчиной!

Б а р л и н г т о н. Маленькая услуга будет заключаться в следующем: рассчитайте, пожалуйста, вашего лакея Жозефа и возьмите на его место моего Морриса.

М э р и. Ничего не понимаю!.. Ни с того, ни с сего выгнать вон моего чудного Жозефа и взять на его место вашего отвратительного Морриса?

Б а р л и н г т о н. Ну, это уж чисто по-женски! «Отвратительного Морриса!» Да вы его и в глаза никогда не видали!

М э р и. Взять к себе в лакеи это чудовище с наглой физиономией?.. и с шрамом за левым ухом?

Б а р л и н г т о н. Я и не предполагал, Шейла, что вы с моим лакеем так коротко знакомы, что даже умудрились разглядеть у него за левым ухом шрам... шириной с нитку.

М э р и. Морриса? Хо!.. Абсолютно исключается!..
Никогда!.. Ни за какие финики! Ноги его в моем доме не
будет!

Б а р л и н г т о н. Я говорю совершенно серьезно,
Шейла. Это мое непереносимое и единственное условие
за соблюдение вашей тайны.

М э р и. Но почему вам приспичило именно мне всу-
чить вашего каторжника?..

Б а р л и н г т о н *(возмущенно)*. Каторжника!

М э р и. Выгоните его в три шеи, если он вам так на-
доел, — и все! И дело с концом!

Б а р л и н г т о н. Для меня это невозможно. Нет
ничего хуже черной неблагодарности. Ллойд Моррис
всю прошлую войну был моим вестовым. Он дважды
спасал мне жизнь. По некоторым причинам я вынужден
с ним расстаться. Но выгнать его, как собаку на улицу, я
не могу... Это не в моих правилах. Я считаю своим дол-
гом пристроить его на хорошее место. А сейчас это не
так просто: война, люди сокращают прислугу. Словом,
это мое условие и я думаю, не такое уж страшное. Вам
придется взять в лакеи моего бывшего вестового.

М э р и. Глупости! Он никогда не был вашим весто-
вым.

Б а р л и н г т о н. Что?

М э р и. Он никогда не сражался в английской ар-
мии.

Б а р л и н г т о н. Вы хотите сказать, что я вру?

М э р и. Да. И вообще ваш лакей... не Ллойд Моррис.

Б а р л и н г т о н. Шейла, вы здоровы?

М э р и. Чудесно себя чувствую. В тысячу раз луч-
ше, чем вы себя. По крайней мере, в эту минуту. Так вот,
повторяю: он не Ллойд Моррис! Потому что Ллойд Мор-
рис три года тому умер в Кардифском лазарете.

Б а р л и н г т о н *(смеется)*. Вот это новости!

М э р и. Только не для вас, мистер Барлингтон! По-
тому, что вы не хуже моего знаете, что имя вашего лакея
Феликс Родель.

Б а р л и н г т о н. Как?

М э р и. Феликс Родель!.. И что он немец и заслужен-
ный член националсоциалистической партии и занима-

ется в Англии шпионажем. А захотели вы его пристроить в дом Кэстлсайд потому, что Кэстлсайд работает на военном заводе Балтон-Смит в качестве главного конструктора противотанковых пушек. Все! Теперь отрицайте!

Б а р л и н г т о н. Хорошо! Сначала я открыл ваши карты, теперь вы открыли мои. Что ж, будем продолжать дальше игру на равных условиях.

М э р и. Будем!

Б а р л и н г т о н. Но позвольте сначала задать вам тот же вопрос, который задали вы мне вначале: как вам стало это известно?

М э р и. На этот вопрос вы мне как будто ответили: «Счастливым случаем!» А я вам отвечаю: «Несчастным случаем»... Скажите, вы ведь знали мистера Олви?

Б а р л и н г т о н. Беднягу Олви, который несколько дней тому назад так трагически погиб под автомобилем из-за этого дурацкого затемнения?

М э р и. Совершенно верно.

Б а р л и н г т о н. Да, знал. Где-то раза два встречались.

М э р и. Олви — мой брат.

Б а р л и н г т о н. Так! Теперь все понятно. Значит, вы тоже работаете в контрразведке?

М э р и. Я не думаю, чтобы таких, как Шейла, туда принимали на работу. О нашей контрразведке я лучшего мнения. Однако я очень вам благодарна за то, что вы сами облегчили мне дальнейший разговор. Итак, запомним это: вам было известно, что мистер Олви работал в контрразведке. А мне, сэр, известно вот что: мой брат не стал случайной жертвой наехавшего на него автомобиля. Он был убит... и убийца его — вы!

Б а р л и н г т о н. Думайте, Шейла, о том, что вы говорите.

М э р и. Я думаю, мой брат погиб не за два квартала от этого шикарного отеля, где нашли его труп, а на Глазго-стрит... в пятидесяти метрах от дома №18, где в пятницу четырнадцатого числа в девять часов вечера он встретился с вами.

Б а р л и н г т о н. Это ложь!

М э р и. Нет, не ложь! Четырнадцатого в девять ча-

сов вечера я сама на своей машине привезла Олви. Вы с ним в доме № 18 о чем-то поговорили. Потом, вероятно, вежливо простились. А через несколько минут, пользуясь этой кромешной темнотой, вы умышленно наехали на него своим прекрасным бьюиком.

Б а р л и н г т о н. Сумасшедшая фантазия!

М э р и. После того, как вы убедились, что бедняга мертв, вы, сэр, с помощью своего лакея втащили труп в машину, а через полчаса выбросили его неподалеку от этого отеля. Все было сделано с ловкостью профессиональных убийц.

Б а р л и н г т о н. Я требую, чтобы вы прекратили эту глупую болтовню.

М э р и. Нет уж, разрешите закончить, сэр! На вашу беду, как это всегда бывает в подобных случаях, вы недоглядели сущий пустяк: умирая, бедный Олви успел выбросить из кармана свою записную книжку, которую я и нашла на другой день. И еще я нашла окурочек честерфильдской папиросы. Вот точно такой. *(Показывает окурочек и прячет его в сумочку.)* Можно продолжать?

Барлингтон молчит.

Это уж совсем невежливо, мистер Барлингтон, не отвечать на вопрос дамы!..

Б а р л и н г т о н. Продолжайте!

М э р и. Благодарю вас. Расправиться с мистером Олви вам было необходимо, так как вы, видимо, пронюхали, что ему «кое-что» стало о вас известно. А это «кое-что», должна вам сказать откровенно, не такое уж «кое-что»! В записной книжке улики против вас более, чем достаточно для того, чтобы вас повесить.

Б а р л и н г т о н. Мне кажется, Шейла, вы несколько недооцениваете сил своего противника и переоцениваете свои.

М э р и. Только разрешите вас предупредить, мистер, что я тут в полной безопасности. Под окном прогуливается полисмен, в коридоре другой, а в холле этого этажа нас с вами поджидает инспектор полиции мистер Хэмп. Прежде чем явиться сюда, я предусмотрительно позвонила куда следует.

Барлингтон. Я не буду отрицать, миссис, что вы можете доставить мне неприятности..

Мэри. Опля!.. Неприятности!..

Барлингтон. Но не слишком ли дорогой ценой?

Мэри. А именно?

Барлингтон. Ценой — Лайонеля! Ценой своего счастья! Неужели вы воображаете, что я буду молчать? Что ваша биография после этого останется для него тайной?

Мэри. Нет, вы положительно не цените меня! Итак, вы всерьез поверили, что Лайонель, действительно, больше любит мою биографию, чем меня? Сэр, за день до свадьбы я уже рассказала Лайонелю все правду. Он знает мою жизнь не хуже меня самой.

Барлингтон. А другие, а свет?

Мэри. А на него мне наплевать с высокого дерева!

Барлингтон. В сущности, вы, как были девчонкой из парикмахерской, так и остались ей.

Мэри. Да, сердце у меня не переменялось. Только платья. Однако, я прихожу к мысли, что из меня бы вышла неплохая драматическая актриса. Не правда ли, вначале, чтобы развязать вам язычок, я довольно недурно разыгрывала возмущение и растерянность?

Барлингтон. Я только не понимаю, для чего вам все это понадобилось. Получив в руки записную книжку вашего брата контрразведчика, вам не для чего было разыгрывать всю эту комедию.

Мэри. Хо!.. Абсолютно необходимо!.. Ведь в записной книжке вашего имени не было.

Барлингтон. Что?!

Мэри. Бедняга Олви, не предполагая умереть, скрыл вас под таинственным псевдонимом «Мистер Б.» Сначала я была в полной растерянности — кто это мистер Б.? Мне и в голову не могло придти, что этот выродок — вы!

Барлингтон. Моего имени не было в записной книжке!..

Мэри. Увы, нет! Но я дала клятву — раскрыть таинственный псевдоним... Были минуты, когда я уже теряла всякую надежду. И вот сегодня в ресторане... Опля!..

Вдруг получаю шантажирующую меня записку. Какое-то предчувствие шепнуло мне: «Это он!» И, как видите, не обмануло... теперь несколько деталей. Ну, само собой разумеется, что вашего лакея я и в глаза никогда не видала.

Б а р л и н г т о н. *(растерянно.)* Что?!

М э р и. То!.. Но в записной книжке моего брата я прочла: «У мистера Б. служит лже-лакеем немец, нацист, Феликс Родель. Шрам за левым ухом...». Таким образом, во время нашего разговора, я смело, наугад, забрасывала удочку, а вы всякий раз, как самая глупая рыба, на лету хватали крючок... и попадались... Что вас еще интересует?

Б а р л и н г т о н. Ничего.

М э р и. А меня вот что: ну, скажите, объясните мне, пожалуйста, а то я своим маленьким женским умом не могу этого понять: как это вы — стопроцентный англичанин, вы — Барлингтон! Со своей голубой кровью!.. и вдруг — шпион?.. Гнусный, подлый немецкий шпион!.. Ради чего? За свои миллионы, что ли, перетрусили?.. Решили, что при фашистах будете иметь такую Англию, какая вас устраивает?.. В английские нацсливки захотели?..

Барлингтон молчит.

Не желаете отвечать?

Б а р л и н г т о н. Девочка из парикмахерской? — Нет!

М э р и. Нет, — не надо! Разговаривать, в таком случае, не о чем. Разрешите, сэр, позвонить по телефону в холл и пригласить к нам сюда мастера Хэмпа. *(Направляется к телефону.)*

Барлингтон вынимает револьвер. Пауза. В кого выстрелит?.. В Шейлу!.. Пауза. Опускает револьвер и, бесшумно ступая, уходит налево. За сценой раздается выстрел. Мэри вздрагивает, роняет телефонную трубку, обертывается, бежит к двери налево, останавливается на пороге.

М э р и. Опля!.. Отправился на тот свет. Скатертью дорога! Все-таки одним негодяем в Англии меньше!

Конец.

СОВЕРШЕННАЯ ВИКТОРИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр
Катерина
Алексей
Меншиков
Шереметев
Шафиров
Голицын
Виниус
Лука
Офицер
Шеншин
Марья Тимофеевна
Карл XII
Пиппер
Реншельд
Комендант Нотебурга
Барабанщик
Август II
Графиня Кенигсмарк
Имгоф
Несколько преображенских солдат и драбантов

Битва под Нарвой произошла в 1700 году; битва под Полтавой — в 1709 году 27 июня. Карлу в начале пьесы — 18 лет, Петру — 28. Меншиков, примерно, сверстник царя. Катерина родилась в 1685 году, Алексей — в 1690 году, Шереметев — в 1652, Голицын — в 1675, Шафиров — в 1669, Август — в 1670, графиня Кенигсмарк — в 1668, граф Пиппер — в 1647, Реншельд — в 1651.

Действие первое

Сцена I

Палатка Карла XII. Карл и Реншельд.

Карл

Нет, бой под Нарвой не по вкусу мне.
Когда б на свете все солдаты
Подобны были жалким москвитянам, —
И шпаги не нужны.
Отдать тогда трактирщикам все шпаги,
Кабатчикам! Кухаркам! Поварам!
Баранину поджаривать на шпагах, —
Вот нашим шпагам примененье...
Нет, переплавим их мы на иголки.
И то, что славной шпагой было,
Пусть юбки шьет.
Сто тысяч надо нынче юбок
Царю Петру, для армии его.
А всем своим солдатам, Реншельд.
Я палки повелю раздать.
Что скажете на это, генерал?
Пусть палками мои дерутся шведы,
А то они, как их король,
От скуки на чужбине перемрут,
И Швеция останется без войска.

Р е н ш е л ь д

Под королем убита пулей лошадь.

К а р л

Клянусь, что шведской пулей, генерал,
Ударившись о бляху или крест
Московского вояки,
Она полет свой изменила
И в лошадь угодила невзначай.

Р е н ш е л ь д

Другой же конь ваш, государь,
Лед проломив, в болоте утонул.
Где ж тут скучать, мой повелитель?

К а р л

А чье болото? Шведское болото!
Когда бы океаном царь владел,
И в том, в Петровском океане
Мой конь не замочил бы брюха.
Ей-ей, у этого московского владыки
И океан бы превратился в лужу,
Как в мячики гранаты обращались,
Бой — в детскую игру! Вот волшебство!
Нет, генерал, увольте — я подросток,
Мне восемнадцать лет.

Р е н ш е л ь д

Да, только восемнадцать, государь.

К а р л

Хотели вы сказать: уже восемнадцать!
Не так ли вы сказать хотели, сударь?

Р е н ш е л ь д

Да, именно хотел сказать я это.

К а р л

Хвала творцу, который создал нас
Чуть по-иному, чем животный мир.
Баран мужает быстро, слон не так,
А человек иначе.
Иначе, чем баран и слон.
Не так ли, генерал?

Р е н ш е л ь д

Да, государь.

К а р л

Тот не священной королевской крови,
Кто в восемнадцать лет мальчишка
И братъ умеет верх
Лишь в тех горячих схватках,
Где скрещиваются не клинки, а губы.
Итак, с Петром я больше не дерусь,
Мне в мячики играть не интересно.

Р е н ш е л ь д

А если русский царь...

К а р л *(перебивая)*

А у меня есть, сударь, генералы:
Есть Марденфельд,
Есть Левенгаупт,
Есть Реншельд, вы...

Р е н ш е л ь д

Я ваш слуга, вы повелитель мой.

Входит д р а б а н т .

Д р а б а н т

Министр королевский к государю.

Р е н ш е л ь д

Вот чудеса: в метель, в пургу — граф
Пиппер!

Входит П и п п е р . Д р а б а н т уходит.

П и п п е р

Такой пурги не видывал я сроду.
Побрал бы черт ее!

Р е н ш е л ь д

А я ее благословляю, граф.
Она в бою соратницей была нам:
Снег с градом русским бил в глаза...

К а р л

В сюзниках противу москвитян
Мы, Реншельд, не нуждались.

П и п п е р

Как через сито, снег в меня проник.
Нашпиговал кишки мои, желудок...

Р е н ш е л ь д

Да, это фарш не министерский.

П и п п е р

Я попрошу к ланкарте государя.
Что думает король?.. Его предначертанья
Я, как министр, знать хотел бы.

К а р л

Мы с Реншельдом хотим послушать вас.
Не правда ль, генерал?

Р ен ш е л ь д

Должно быть правдой все,
что говорит король.

Склоняются над ланкартой.

П и п п е р

Преследовать Петра. Идти к Москве.

Р ен ш е л ь д

Голодный путь.

П и п п е р

Зато прямой.

Р ен ш е л ь д

Я возражаю, государь.
Что даст поход?

П и п п е р

России — сокрушенье.

Р ен ш е л ь д

А нам?

П и п п е р

России сокрушенье!

Р ен ш е л ь д

А нам — пустые животы!
У всадников, как барабан, пустые,
У добрых боевых коней,
И у пехоты славной королевской.
Все войско отощает, государь.

П и п п е р

Не потолстеют также кошельки.
Тут я не спорю с генералом.

Р е н ш е л ь д

Про чьи вы говорите кошельки?

П и п п е р

Солдаты не имеют их.

Р е н ш е л ь д

А кто же, граф, имеет?

П и п п е р

Кому они не в тягость по чинам.

К а р л

Мир и спокойствие, друзья мои!..
А что вы скажете, мой граф,
О вежливости венценосцев?

П и п п е р

Признаюсь, мне вопрос не ясен.

К а р л

Не ясен! Проясним его.
Не больше полугода, граф,
Как с войском вы покинули Стокгольм.
Срок будто небольшой. Но что ж,
Мои друзья, мы с вами увидали,
Прогуливаясь по Европе?
Король датчан, не дальше как весной,
Нежданно,
Накануне боя,

Пред нами встал на робкие колени
И показал нам лысину свою:
Саксонский курфюрст Август,
Не сделав сотни выстрелов из пушек,
Вдруг! — ни с того, и ни с сего,
Невежливую спину показал.
А царь московский — пятки!
Воспитанности в венценосцах нет!..
Но обратимся к делу, господа.

Склоняется над ланкартой.

Я слушаю вас, граф.

П и п е р

Из всех врагов всех выше русский царь...

К а р л

Согласен! — ростом выше всех.
А датского — на голову, пожалуй.
Драбант!

Входит драбант.

Нам принесите раскаленных ядер:
Здесь холодно министру.

Р е н ш е л ь д

А вот солдату, господин министр,
И в снежном поле очень жарко.

П и п е р

Вас согревает, Реншельд, драка,
Меня же — мысль. А думать я
Без раскаленных ядер не сумею.
Благодарю вас, государь.

К а р л

Драбант! Побольше ядер! Не скупись!..
Не правда ль, генерал:

Нас Петр ими задарил по-царски.
Их хватит нам на дюжину сражений.

Р е н ш е л ь д

О, если б ядра были хороши!
Но дрянъ они. По курицам стрелять.

П и п п е р

Всю артиллерию свою
Оставил нам московский царь под Нарвой.

К а р л

К чему же артиллерия ему?
Вот если б ножницы!
Нет, их бы не оставил Петр...
А кто б в Москве стал куафером?
Чем бороды бы стриг боярам царь?
А кто б в России стал портным?
Чем будет резать полы у кафтанов?
Нет, ножницы бы не оставил Петр!
Другое дело — пушки и знамена.
А сколько, интересно, генералов
Нам преподнес московский властелин?

П и п п е р

Их десять — шпаги положило,
В числе том герцог фон Крюи,
Командующий армией российской.
А вслед за герцогом, приняв его пример,
Сложили шпаги немцы-офицеры,
Что были в службе у царя.
Желает ли король их видеть?

К а р л

Когда-нибудь.
Я честь готов всегда отдать врагу,

Что распростерт достойно на земле.
А перебежчикам, вы, граф, отдайте честь:
Верните шпаги им.
Такие шпаги не опасны.
А герцогу Крюи граф
За то, что был он первым средь измены,
Мы, вместо чести, граф любезный,
Пожалуем червонцев сколько надо,
Четыре блюда с нашего стола,
Ну и вина, —
Бутылки по три ежедневно,
Я думаю: предателям измена
Не отбивает аппетит и жажду.

Входит д р а б а н т с раскаленными ядрами.

К а р л

Благодарю тебя, драбант.

Драбант кладет ядра и уходит.

П и п п е р

Не голову, и головой повыше.

К а р л

Я слушаю вас, граф.

П и п п е р

Совет один, все тот же, неизменный:

Преследовать Петра.

Идти к Москве.

Поднять стрельцов, укрывшихся от казни,

Неудовольствие разжечь

среди недовольных.

Оно подобно пламени в печи:

Не трогаешь поленьев — пламя сникло,

Но чуть пошевели, растормоши,

И ярый огонь
Из тлеющего дерева воспышет.
Нововведения Петра,
Как всякие нововведения,
Как всякое движение вперед,
Приводит в бешеную злобу
Всех думающих медленно и косно.
Перед этими быками, государь,
Я помахал бы стариной отжившей,
Как красным лоскутком.
И разъярятся глупые быки.
Враги врага друзьями будут нам.
Европе Петр опасен, государь.

К а р л

Опасен так, как рябчик пойнтеру.

П и п п е р

Движенья к морю русского царя...

К а р л

Он к морю, граф, а море — от него,
На синих, на просторных парусах.
А мы норд-вестом крепки будем,
Который вдаль погонит море.
Не столько, впрочем, море от царя,
Как самого царя от моря.
Не так ли, генерал?
Норд-вестом будем мы?

Р е н ш е л ь д

Все так, как говорит мой государь.

К а р л

Нет, граф, я обращусь на Августа.
Он — курфюрст, он же и король.

Саксония и Польша на плечах!
Два государства! Две страны!
Груз непосильный! Дьявольская ноша!
Жаль Августа. Не правда ль, генерал?

Р е н ш е л ь д

Все правда то...

К а р л

Что говорит король?..
Вы постоянны, Реншельд.

Р е н ш е л ь д

Я — солдат.

К а р л

Супруга ваша может спать спокойно.

П и п п е р

И собеседники.

Р е н ш е л ь д

Наглец еще спокойней будет спать,
Он вечным сном, я думаю, заснет.
Коль встречу с ним я на рапирах.

К а р л

Друзья мои, спокойствие и мир!..
Итак... мы будем к Августу братолюбивы:
Его освободим — от тяжести
Хотя б, короны польской...
На Августа идем, друзья мои!
С ним родственные счета я имею.
На Августа!.. А Петр подождет.
Решенье принято.

Спокойной ночи, граф.
И вам, спокойной ночи, Реншельд.

С ц е н а II

Близ Пскова. Стены Печорского монастыря. Святые ворота. Входят:
Петр, Меншиков, Виниус и Лука.

П е т р

Пустыня?.. Тишина!.. А люди где?..
Попы, купцы, солдаты и монахи?
Где бабы? Девки? Детвора?
Где наш полуполковник, где Шеншин?..
Где заступы, лопаты, топоры?..
Печорской ситадели где зачатки,
Фортеции на Карловом пути?..
Где сукин сын — полуполковник?

В и н и у с

Час ранний. Пятый на исходе.
До солнца, государь, еще далече.

П е т р

До виселицы ближе Шеншину.

М е н ш и к о в

Сыскать полуполковника велите...

П е т р

Где?

М е н ш и к о в

В кровати.

П е т р

Где?

М е н ш и к о в

Не под кроватью ж, Петр Алексеевич.
Он тучен и со спесью не залезат.

П е т р

Что говоришь ты, Меншиков?

М е н ш и к о в

Смекаю так, что господин Шеншин —
У вдовушки, у Марьи Тимофевны.
С ней, бают байки, сладко спится.

П е т р

Проснется в горечи!

М е н ш и к о в

Запьет медком любовным.
А ну, Лука, к бурмистровой вдове,
Что на Сенной. У ней в пуховиках
Полуполковника сыщи,
И грянь ему на ухо...

П е т р

Что!..
И рта, Лука, не разевай,
А прямо за волосы его
С перины, с пуховиков, с подушек,
Сюды бездельника, сюды сопливца,
К монастырю, к Святым воротам,
К нам, ко мне!

Л у к а

А коли, государь, я ненароком
Из гривы выдеру выхор ему?

П е т р

На помощь Бог. Получишь чарку водки.

Л у к а

Плешивым будет здесь полуполковник.

Убегает.

П е т р

Вот каковы даем тотчас указы:
Полки, идущие в конфузии от Нарвы,
Сколачивать в порядок Репнину.
Голицыну —
Собирать драгунские в низовых городах.
Мазепе гетману —
Не мешкать ни мига в Украине,
Сажать по седлам вольных казаков,
А Шереметеву Борис Петровичу—
С иррегулярной конницей — с калмыцкой,
С киргизской и с иной нестроевой,
Чинить разор у Карлуса в тылах:
Полковниками всех полков
Отныне будут россияне.
Ученики вверху,
Учителя подними...
Тебе же, Виниус,
Тебе, Андрей Андреич:
Идти в приказ Пушкарский, в артиллерию.

В и н и у с

По разуму ль?

П е т р

Как раз.

М е н ш и к о в

Ты, думный дьяк, умен, ты научен,
А накаляешь дело докрасна.

П е т р

Андрей Андреич, — артиллерья
Войны насущий, первый хлеб.

В и н и у с

Не стар ли, государь? До ста годков,
Гляди, осталось три десятка.

П е т р

Так три ж десятка лет! А нам —
В три месяца, от силы — полугод,
Воздвигнуть надо пушки и мортиры,
Гранаты, ядра, бомбов — горы!
Да не бездельные, не срам, не вздор,
Каким в походе только место,
Какие Карлу отдали под Нарвой.

В и н и у с

Все дело в меди, государь. Где медь?
Где взять ее?.. Вот первая забота.
Сто тысяч пуд, когда ее боле,
Сгресть надо меди — пушечной и красной,
А на Москве у нас, в Пушкарском...

П е т р

В Пушкарском нет, — найдем ее
на колокольнях!
С церковей, с монастырей, с соборов
Снимай колокола, Андрей Андреич!

В и н и у с

Помилуй, государь, святую веру!

П е т р

Услышит бог молитвы и без звона.

В и н и у с

Помилуй церкви, Петр Алексеич.

П е т р

Помиловать от Карла их хочу —
И церкви и отечество мое.
Снимай колокола, во имя божье,
Плавь гаубицы, пушки и мортиры.
Гранаты, ядра, бомбы плавь.
А я пред господом ответчик.

М е н ш и к о в

Еще содрать бы можно медь...

П е т р

Где, Александр, где?

М е н ш и к о в

С хором твоих кремлевских, государь.
Там кровли, помнится, из красной меди.

П е т р

Сдирай, Андрей Андреич, догола!
Без скарества! До кости их сдирай!

В и н и у с

С хором сдерем, с монастырей, с соборов,
А дале что?.. А дале, государь?..
Медь пушечная, будто не грибы, —
Не груздь, не рыжик, не опенка,
От дождичка и солнца не растет.

П е т р

А дале?.. Дале на Урал, в Сибирь!
Под землю, Виниус.

В и н и у с

Мне по душе копанье руд.

П е т р

Всему свой час, Андрей Андреич.
Бери сперва, что под рукой лежит,
Что завтра кинем в плавильную печь,
А послезавтра в дерзновенность Карла.

М е н ш и к о в

Не терпится. Ох, чешутся ладони!..

П е т р

А ты возьми да почеши... об стенку.
Пока король тебе не почесал их,
Как Шереметеву и герцогу фон Крою.

М е н ш и к о в

Гвардейские полки, Семеновский,
Преображенский,
Не мечены конфузией под Нарвой.
Огородясь роgetками, стояли
Под ядрами, как вкопанные в снег.

П е т р

Ты на досуге вот над чем подумай:
Из всех полков, что приняли баталью,
Две гвардии полка не вновь дрались,
Две — практикованные были
Огнем Азовского сраженья.
А прочие — в младенчестве военном!

Карл легкую викторию получил,
Насмешливо сражаясь, как с детьми.
А что до храбрости, так я не сомневаюсь,
Что храбрость — та ж наука, Александр.
Как геометрии, ей обучаться надо...
Нас шведы будут бить не раз, не два,
Виктория — радостна, конфузия — полезна.
А Шеншина все нет!.. Все нет?
Сдох?.. Провалился?.. Сгинул?.. Лопнул?

В и н и у с

Еще указ мне будет ли какой?

П е т р

Для инженеров русской артиллерии
Твори, Андрей Андреич, школу...
Об этом вечером в подробность потолкуем.

В и н и у с уходит.

А нам с тобою, Александр,
К союзнику скакать придется.

М е н ш и к о в

Не к Августу ль?..

П е т р

К саксонскому курфюрсту.

М е н ш и к о в

Поля Версаля первый двор в Европе!
От серебра и злата очи меркнут.

П е т р

Крепить с соседом будем наш союз.

М е н ш и к о в

А разве он не крепок, государь?

П е т р

То проверяют в колебаниях счастье.
При ласковой фортуне, спора нет.
Союз всегда из золота литого, —
Не разорвешь его и не разломишь.
А Шеншина все нет!..

М е н ш и к о в

Легонечко ползет.

Л у к а (за сценой)

Но-о, скачем тройкой во всю прыть.
Как бешеные черепахи в гору.

Входят Ш е н ш и н , М а р ь я Т и м о ф е е в н а и Л у к а , наг-
руженные лопатами.

П е т р (Меншикову)

Во фронт, сержант!
Полуполковник прибыл...

Ш е н ш и н

Превысочайший государь, пресветлый...

П е т р

По чину нас зови: я капитан
Преображенской роты бомбардиров.
А ты?

М а р ь я Т и м о ф е е в н а

Ох, мамоньки!

Ш е н ш и н

Полуполковник, государь!

П е т р

По чину!

Ш е н ш и н

Полуполковник, капитан.

П е т р

Ну, приказуй, полуполковник, нам.

М а р ь я Т и м о ф е е в н а

Ох, батюшки!..

П е т р

Не Марье ж Тимофевне сдать команду,
Сменив свои штаны на юбку.

М а р ь я Т и м о ф е е в н а

Ох, родные!..

Ш е н ш и н .

Приказать-то, что?..

П е т р

Согласно государеву указу.
Получен он тобой?

Ш е н ш и н

Получен. Ка...питан.

М а р ь я Т и м о ф е е в н а

Ох, светики, святые!..

П е т р

Давно ль получен?.. А?.. В часу котором?

Ш е н ш и н

Пред самой, верно, полночью.

П е т р

Когда?

Ш е н ш и н

Часа за три до полуночи.

П е т р

Капрал...

Л у к а

Полуполковнику приказ вручил,
Когда еще свечей не зажигали.

М а р ь я Т и м о ф е е в н а

А свечки-то в какой цене?..

П е т р

Вдова!..

М а р ь я Т и м о ф е е в н а

О, господи!..

П е т р

Что сказано в указе?..

Ш е н ш и н

Немедля, сказано... сзывать людей...
Всяк звания и пола...

П е т р

По что?

Ш е н ш и н

Чтоб рвы копать, раскаты делать,
Войницы тако ж... палисады

П е т р

А сказано в указе, чтобы дрыхнуть
Полуполковнику в пуховиках?
А сказано, что швед неповоротлив?
Что Карл не будет с войском поспевать,
Чтоб сладкий сон твой не тревожить?
А сказано?..

Ш е н ш и н

Помилуй, милостивый царь!..

П е т р

А сказано, чтоб миловать преступство?..
С колен, Шеншин!.. С колен!.. С колен!..
Полуполковником ты был до восхода солнца,
Твой чин в лучах зари растаял.
Солдат!.. Солдат!.. В казармы!.. В полк!..
В Смоленск!.. Да под ружье... В пехоту!

М а р ь я Т и м о ф е е в н а

Пешком ходить!..

Л у к а

Почто ж ему ходить?
Он бочка, он кататься будет.

П е т р

Возьми-ка шпагу у него, сержант!
А ты, капрал, лопату дай ему.
И вдовушке, и Марье Тимофевне.

Лука дает лопаты.

Марья Тимофеевна

Да что ж мне с ней делать, государь?

Петр

Что я — то ты. Поглядывай на капитана.
Лопату мне, капрал, да потяжеле!

Лука

На, государь, пушинку!

Петр

А ты, сержант, ступай-ка в монастырь,
Сыщи фельдмаршала монахов.
Из колокольни шлет пусть звонаря,
Чтобы народ российский созывать.
Скажи: велю звонить на все колокола.
А братию святую — к нам в подмогу,
Сюды, с лопатами и с топорами!

Копает. Меншиков уходит.

Ой, Марья Тимофеевна, поспевай за нами!

Занавес. Звонят колокола.

Сцена III

Охотничья комната в замке. Входят Петр и Август.

Август

Не сетуйте, мой пресветлейший гость,
Что я с пирушки шумной вас увел.
Здесь ждет нас старое вино,
Три кубка золотых
И легкая приятная беседа,
Того же блеска, что они.

П е т р

А третий кубок будет для кого?

А в г у с т

Вы имя слышали графини Кенигсмарк?
Не столь давно графиня составляла
Дворов Европы истинное украшеньё...

П е т р

И счастье одного... монарха!
Коль можно верить ветреному слуху.

А в г у с т

Не верить слуху?.. Бог спаси!..
Кому ж тогда и верить, брат высокий?
Все меры люди лгут, а слухи никогда.
Ведь слух — он что? Бесплотный дух.
А разве дух бесплотный может лгать?
Во всем, всегда, всем слухам, друг мой
верьте!..

Позвольте ж мне продолжить о графине.
Друг королей, подруте королев,
Предобрый гений юных принцев,
Поэт с поэтами и муза их с Олимпа,
Из дипломатов века — первый дипломат,
Ее отечество — полмира.
Родной язык — все языки Европы.
Короче, льщу себя надеждой, —
Не проскучаете с графиней Кенигсмарк.

П е т р

До скуки ль тут, коль женщина красива.

А в г у с т

Узнав, что у меня высокий гость,
Свой Кведлинбург оставила графиня,

Покинула молитвы, тишину,
И на конях, покрытых белой пеной,
Сегодня утром в Биржи прибыла.

П е т р

А почему — молитвы?.. тишину?..

А в г у с т

Графина Кенигсмарк от света удалилась
И стала матерью для избранных овец
В общине лютеранской Кведлинбурга...
Позвольте ж, друг мой,
пригласить графиню.

П е т р

Хотел просить об этом короля.

А в г у с т уходит.

П е т р *(поднимает кубок)*

За три таких вот тяжелых кубка
Я три фрегата б на воду спустил.

Ставит кубок, берет золотое блюдо.

А за полдюжины негоднейших тарелок
Мортир бы отлил дюжин десять...
«Посля Версаля двор второй!..»
А первый-то не слишком в свете нужен.

Входят Графиня Кенигсмарк и Август.

Г р а ф и н я

Примите, государь...

П е т р

Для вас тут государей нет, графиня.
Сошлись друзья без титулов, но с сердцем.

Г р а ф и н я

Ответ ваш так изыскан и любезен!
Вы из Версаля, государь?

П е т р

Нет, из Москвы.

Г р а ф и н я

А кто ж сказал, что Азия — Россия?

П е т р

Должно быть тот,
Кто плохо географью знает.

Г р а ф и н я

Я в жизни много видела монархов,
Но венценосца-плотника!.. который,
Топор взяв в царственные руки,
Сам строил бы на верфях корабли!..
Позвольте ж мне взглянуть на ваши руки.

П е т р

Не любопытно. Что смотреть?

Г р а ф и н я

Прошу вас, государь!

П е т р

Когда б красивая для глаз была картина...

Г р а ф и н я

Пожалуйста!..

П е т р

Увольте.

Г р а ф и н я

Умоляю!

В столь малом не отказывают даме,
Иначе буду я просить о большем.
Вам, право, не расчет.

П е т р

Пожалуй, это верно.

Протягивает руки.

Г р а ф и н я

Как это называется?..

П е т р

Мозоли.

Г р а ф и н я

Впервые вижу я.

П е т р

Один господь всевидящ.

Г р а ф и н я

Воистину.

А в г у с т

Тринадцатю ремеслами, графиня,
Мой друг и брат владеет в совершенстве!

Г р а ф и н я

Тому, кто держит скипетр в руке,
Необходимо это, государь?

П е т р

О, нет, графиня, только помешает:
Ведь у того монарха трудным делом
Его рука все время занята.

Г р а ф и н я

Каким? Каким?

П е т р

Да держит скипетр! Не верно ли?

Г р а ф и н я

Вы, государь, играете словами.

П е т р

Тогда я вас спрошу, графиня:
Учителю полезно знать о том,
Чему сынов в отечестве он учит?

А в г у с т

Друзья мои, забыты наши кубки.
Они в большой и горестной обиде.

Г р а ф и н я

Они, король, не женщины, —
Мужчины их не забывают.

П е т р

Их в жизни я еще не обижал!

А в г у с т *(поднимая кубок)*

За флот, рожденный гением Петра!
За ваш, мой брат, могучий флот!

П е т р

С охотой пью за этого младенца.

Пьют.

Г р а ф и н я

Вино — враг памяти. Скажите:
Москва от моря далеко?

П е т р

Достаточно. Но все же чуть поближе,
Чем нам до ангелов, графиня.

Г р а ф и н я

А строите вы для московьи флот?

П е т р

Нет, добрая графиня, для России.

Г р а ф и н я

Она безбрежна?

П е т р

Да.

Г р а ф и н я

Без берегов?

П е т р

Их нынче мало — завтра будет больше.

Г р а ф и н я

Жизнь наша коротка, мой государь,
И сами вы увидите ли пользу

От берегов морских, от гаваней,
От кораблей торговых,
Которым труд и гений отдаете?

П е т р

Как быть?..
Тот, кто сажает финик в землю,
Плодов не видит.

Г р а ф и н я

Бедный садовод.

П е т р

Но если б он не посадил зерна,
Не кушали б вы фиников, графиня.

А в г у с т (*графине*)

Прелестный друг мой, вам известно,
Что с государем встретились мы в Виржах,
Чтоб наш союз, извечный и крепчайший,
Связать вторичным договором?

Г р а ф и н я

А разве надо, мой король,
То связывать, что связано давно
Огнем сражений, в будущем счастливых?

А в г у с т

Свидетель бог, что в счастье и в бесчестьи
Союзнику я буду ближе брата,
Врагом его врага и другом друга.

Г р а ф и н я

Враг нам известен, кто ж друзья?

А в г у с т

Святая справедливость и господь.

Г р а ф и н я

Небесные друзья. Их выше нет.
А на земле?..

А в г у с т

Монарх датчан и Пруссии король.

Г р а ф и н я

Один повержен, в трепете другой.

А в г у с т

Я королевской клятвою клянусь,
Что верностью наполнен наш союз,
Как эта чаша пенящейся влагой.

Г р а ф и н я

Вино из кубка льется на камзол.
Чуть-чуть отпейте, мой король.

А в г у с т

Да будет в нашем тесном братстве
Измены низкой ровно столько,
Сколь на дне оставляю в чаше — капель.

Осушает кубок до дна.

П е т р

Когда б нашел я слово благородней,
Его сказал бы с той же прямотой.
Позвольте, брат мой, вас обнять покрепче.
Обнимает Августа и осушает свой кубок.

А в г у с т

Есть просьба у меня. Прошу исполнить.

П е т р

Считайте так: исполнена!.. Какая б ни была.

А в г у с т

Хотел бы с вами здесь, сейчас
Кафтанами и шпагой поменяться
В знак вечной верности и дружбы.

П е т р

Невыгодная мена, брат любезный:
Кафтан ваш выткан золотом
И в королевских бриллиантах шпага!
На мне ж солдатское сукно,
А шпага с медной рукоятью.

А в г у с т

А что дороже — золото иль слава?
Кафтан ваш громкой славой выткан,
Кафтан Петра, которому дивилась
Европа целая!.. В Голландии
Не в этом ли кафтане русский царь
Был корабельным плотником простым?
Не этой ли победоносной шпагой
Азов вы у султана брали?..
Невыгодная мена! Но для вас.
И я прошу о ней у щедрости российской.
Пусть будет наш обмен символом
Союза вечного
И преданности в братство.

Г р а ф и н я

То, государь, не просьба женщины,
Отказы нам — отказы по заслугам,
Которых мы пред светом не имеем.

А в г у с т

Графиня, умоляю:
Свои глаза стыдливые закройте.
Я в царской щедрости сомнений не имел:
Меняемся мы шпагой и кафтаном.
Пусть это будет той печатью братской,
Которой мы скрепляем договор.

Петр и Август меняются кафтанами и шпагами.

Г р а ф и н я

О, как идет наряд вам королевский!

П е т р

Широковат в плечах, но тесен в деле.

Действие второе

Перед поднятием занавеса пушечный выстрел.

С ц е н а I

Батарея. Вдали, на острове, шведская крепость Нотебург. У орудия
П е т р и преображенские солдаты. М е н ш и к о в смотрит в подзор-
ную трубу. Л у к а возле Меншикова.

Л у к а

Ишь, полыхнуло как у шведа!..

М е н ш и к о в

Пригоже вдарила.

П е т р

Куды?

М е н ш и к о в

В куртину.

Л у к а

В самый пуп!

М е н ш и к о в

Гран куплимент за славную пальбу.

П е т р

По званию ли царя, иль по заслуге?

М е н ш и к о в

Как господину капитану
Преображенской роты бомбардиров.

П е т р

Приятно слушать то, коль правда.

Л у к а

Господь видал: четвертый без промашки.

П е т р *(солдату)*

Студи запал.

П е р в ы й с о л д а т

Жестоко накалился.

Входит шведский барабанщик.

Б а р а б а н щ и к

На крепости к фельдмаршалу с письмом.

П е т р

От господина коменданта?

Б а р а б а н щ и к

От госпожи супруги коменданта.

П е т р

А ну!

Б а р а б а н щ и к

Приказано фельдмаршалу вручить.

П е т р

А до фельдмаршала далеко и высоко.

Б а р а б а н щ и к

Приказано, чтоб в собственные руки.

Л у к а *(преображенцам)*

Ему российский государь не чин,
Ему давай кого повыше.

П е т р

Письмо!

Барабанщик передает письмо.

П е т р *(прочитав)*

Супруга коменданта Нотебурха
Шлет жалобу фельдмаршалу на нас, —
Вишь, надымили в крепости ее
И от огня преславных пушек наших...

Лука

Взопрели дамочки?

Петр

Ты угадал, Лука.

Меншиков

Невежлива у русских артиллерья!

Петр

Желает госпожа супруга,
Чтоб генерал-фельдмаршал Шереметев
Позволил ей и офицерским женам
Покинуть дымный ситадель...

Меншиков

А может нам из пушек не палить,
Чтоб нежных дам не беспокоить?

Петр

Ответим так...

Пишет.

Не смеем опечалить шведских дам
Разлукою с любезными мужьями...
А потому... коль пожелают дамы
Покинуть крепость Нотебурх...
То пусть с собою заберут...
И всех своих мужей любезных.

Меншиков

Сколь вежливый салют!

Петр

И под-пи-суем...

Лука (*барабанщику, тихо*)

Пи-тер!..

Петр

Дать чарку водки молодцу!

Лука подносит барабанщику чарку водки.

Барабанщик

За здравие его величества

России государя!..

Лука (*преображенцам*)

Вторую захотел, подлец.

Петр

Налей-ка молодцу.

Барабанщик

За здравие ее величества супруги.

Лука (*преображенцам*)

Смышленный швед! Всю вылакает бочку.

Петр

А ну, Лука, цеди ему еще.

Полней! Полней!..

Барабанщик

За здравие...

Лука

О, господи!..

П е т р

Сам будь здоров, и в добрый путь!

Б а р а б а н щ и к уходит.

М е н ш и к о в

Ну, станем ждать ответа из садов.

П е т р

Позволь-ка мне трубу...

Смотрит в подозрную трубу.

Л у к а *(преображенцам)*

Сей грозный свейский ситадель
При дедах за Расеей был
И прозывался, стало быть, Орешком.
А швед его при смуте самозванской
Себе приладил...

В т о р о й с о л д а т

Лакомый сусек.

П е р в ы й с о л д а т

А ныне, стало, ладь обратно?

В т о р о й с о л д а т

Могучий ситадель!..

П е р в ы й с о л д а т

Смышлено ставлена —
Сама на острове, в круг вода.

Л у к а

Фельдмаршал-генерал — граф Шереметев!

Входят Ш е р е м е т е в и Г о л и ц ы н .

П е т р

Вы кстати, господин фельдмаршал.
Хотели мы о том спросить у вас:
Как скажете... Без спеха отвечайте.
Штурм Нотебурха не приспел?

Ш е р е м е т е в

В двух башнях и куртине, государь,
Что с юго-запада... вон та, что справа...
Порядочные в них проломы...

Г о л и ц ы н

Большие, добрые проломы!

Ш е р е м е т е в

Но стены очень круты, государь.

Г о л и ц ы н

Так лестниц вдосталь, господин
фельдмаршал!
По ним влезать на стены ситадели.
Приставим их смышлено и удобно.

Ш е р е м е т е в

На подполковника я с кляузою буду, —
Голицын мне покоя не дает.
Сидит в ушах, как муха с зудом:
«На штурм!.. На штурм!..
Ступайте к государю»!

П е т р

Вы, значит, с тем? О штурме предложенье?

Ш е р е м е т е в

Голицын вот...

П е т р

А вы, херр кавалер?

Ш е р е м е т е в

Когда господь...

Г о л и ц ы н

Господь благословляет храбрость!

М е н ш и к о в

А у петровского солдата, государь,
Найдется в русском сердце то,
Чему благословенье дать.

Г о л и ц ы н

Спасибо, Меншиков.

М е н ш и к о в

Не для тебя, Голицын, молвил,
А для отчизны нашей, для России.

Ш е р е м е т е в

Я б все же, государь...

П е т р

Штурмуем Нотебурх!..
Охотников скликай, фельдмаршал!..
Сажай на лодки, шкуты и плоты.
Отважным — слава вечная в отчизне!
А коли сыщутся среди русских трусы,
Их будем мы с заплеванною рожей,

Сквозь строй перед полками гнать.
Скликай на штурм, фельдмаршал,
храбрецов!

Затемнение.

С ц е н а П

То же место действия. П е т р , М е н ш и к о в , Л у к а и преображенские солдаты. Входят Ш е р е м е т е в и о ф и ц е р .

Ш е р е м е т е в

Тяжелые потери, государь.
Не скуден швед припасом огневым,
Картечью, словно градом, сыпет,
По нашему штурмующему войску.

П е т р

Какой совет твой будет, Шереметев?

М е н ш и к о в

Дозволь мне взять преображенцев
И с ними, государь...

П е т р

Молчи!
Я говорю с фельдмаршалом, поручик.

Ш е р е м е т е в

Тобой не раз учен я, государь,
Что отступление с разумом...

М е н ш и к о в

Помилуй, господин фельдмаршал!..

П е т р

Молчи!

Ш е р е м е т е в

Что отступление с разумом и в нужный час
Хотя и горько, но не стыд военный.
Еще б с неделю попалить покрепче,
Проломов больше в стенах понаделать,
Припасы истощить ево,
А там за штурм второй,
Решительный и верный с кровью малой.

П е т р

Шли, Шереметев, к стенам офицера
С досадным повеленьем отступить.

М е н ш и к о в

Дозволь мне, государь...

П е т р

Не позволяю вам!

Ш е р е м е т е в *(офицеру)*

С великой спешностью, поручик,
Садитесь в лодку...

П е т р

Отступление.

Офицер уходит.

Л у к а

Печаль.

Ш е р е м е т е в

Ну, будет жарко от меня!..

П е т р

Кому?

Ш е р е м е т е в

Голицыну, Михайле!..
Не русский князь, а черт какой-то!..

П е т р

Вы, сударь, кто? —
фельдмаршал войск российских.
Я — царь.
А потому:
Мне отвечать перед отчизной первым,
А вам — вперед за мной.

Ш е р е м е т е в

В ответе первым я.

П е т р

Вперед царя не лезь, Борис Петрович.

Ш е р е м е т е в

Прости.

П е т р

Всем батареям, господин фельдмаршал,
Мортирам, пушкам — медным и железным,
Наискорей, сей миг — по оставленьи
штурма,
Что мочи есть — начать пальбу.
Как смерть, минута проволочки.

На помощь Нотебурху из Карельи
Идет с полками Кронгиорт.

М е н ш и к о в

Издравле русскому Орешку
Быть должно, Шереметев, русским.

Ш е р е м е т е в

Будет.

П е т р

Будет! Будет!
Отсюда мы живыми не уйдем,
Нас могут увезти лишь на лафетах,
Как хладный труп,
Живыми не уйдем, фельдмаршал.
От этих невских низких берегов,
С которых лучше, чем с горы высокой,
Пред нами открывается Европа,
От Балтики заветной не уйдем!
Россия тут при прадедах была
И будет тут, отныне и навечно.

Входит Ш а ф и р о в .

П е т р

Шафиров!..

Ш а ф и р о в

Государь...

П е т р

С прибытьем, Петр Павлыч.
В здоровье ль добром?

Ш а ф и р о в

Много благодарен.

П е т р

Получены новинки из Европы?

Ш а ф и р о в

Я с тем и поспешил в дорогу.
От князя Долгорукова письмо, -
Князь угодил в Силезию...

П е т р

Отстав от Августа?

Ш а ф и р о в

Разъединен несчастьем.

П е т р

Конфузия?..

Ш а ф и р о в

Карл одолел саксонцев и поляков!

П е т р

Когда, Шафиров, где?

Ш а ф и р о в

Под Клишовым баталия была.
Союзный государь на голову разбит.

Л у к а

Печаль.

Ш а ф и р о в

А войско, сказывает князь,
У Августа изрядно было.

П е т р

Во сколько тыщ?
Пехоты сколько? Конницы? И пушек?

Ш а ф и р о в

Не пишет князь.

П е т р

Дурак!

Ш а ф и р о в

Но пишет, что изрядно.

П е т р

Слышал.

Ш а ф и р о в

Но только войско сердца не имело
Насупротив жесткого врага.

П е т р

Без гнева войско — это труп негодный.
Потери велики?

Ш а ф и р о в

Союзник потерял военную казну,
Всю артиллерию, знамена...
И королевский свой серебряный сервиз...

П е т р

Беда!.. тарелки тоже потерял!..

Л у к а *(преображенцам)*

Не крал бы перед боем на привалах.

Ш а ф и р о в

Страшусь — отступит Август от союза.

П е т р

Не скрипом жалких перьев он скреплен,
Но клятвой, честью и душой монарха.

Пушечный выстрел — падает первый солдат.

М е н ш и к о в

Вот и пришел ответик на салют.

П е т р

Как ранен?.. Тяжело ли?..

Л у к а

Не дышит, государь?..

П е т р *(крестясь)*

Прими, господь.

Лука и второй солдат уносят убитого.

Ш а ф и р о в

Прости мне, государь, что нос сую...

П е т р

А ты не суй и не проси прощенья.

Ш а ф и р о в

Прощенья лучше попрошу и суну:
Молю вас, государь, — уйдите с батареи...
Не добрый час — и глупое ядро
Вспять повернет отечества судьбину.

П е т р

Бог не без милости, Шафиров.

Возвращается о ф и ц е р , потом Л у к а и с о л д а т .

О ф и ц е р

Сказать не смею, государь.

П е т р

Ты будешь кто?

О ф и ц е р

Гвардейского полка поручик,
Семеновского вашего полка.

П е т р

Врешь, сударь, врешь!.. Нет трусов у меня.
Фельдмаршал, ты слышал? —
«Не смеет он сказать!»
А что ж тогда ты смеешь, сударь мой?

О ф и ц е р

Голицын, государь, не внял указу,
Он крикнул мне:
«Скажи царю, поручик,
Что я теперь душой принадлежу
Не государю, не Петру, а богу!»
И приказал рубить причалы
У шкутов, лодок и плотов,

Чтоб можно было с приступа бежать
Лишь в воду ледяную, в смерть,
На дно речное, на свою погибель...

Ш е р е м е т е в

Не внял указу князь Голицын!..

О ф и ц е р

Не внял!
И с криком: «За отечество вперед!»
Вновь кинул воинов своих
На смертный приступ Нотебурха.

М е н ш и к о в *(Петру)*

Дозволь мне взять преображенцев.
Голицыну подмога будет кстати.

П е т р

Бери!

Крестит его.

Да сохрани тебя господь!

М е н ш и к о в уходит.

Ш е р е м е т е в

Михаилу Голицыну за это...

П е т р

Михайла Голицын молодец!
Он как герой в историю вступил
И в благородной памяти России
Сим подвигом навечно утвержден.

Ш а ф и р о в

Теперь их там — две головы горячих.

П е т р

Такие головы для боя,
Что тыща тыщ каленых ядер.
Нет, вру, — дороже во сто крат!
Без них, без тех голов
Разумных и горячих, —
Вся б наша артиллерия была —
Как бы безглавой вовсе.
Упомни это, господин фельдмаршал.

С башни крепости бьет барабан.

Л у к а

Шамад!.. Шамад!..

Ш а ф и р о в

Бьет Нотебурх шамад.

Ш е р е м е т е в

Капитуляция!

П е т р

Капрал! Лука! Неси мне барабан!

Л у к а

Ну, шкура барабанная, — теперь
Читай себе отходную молитву.

Лука подает барабан, Петр бьет в него.

О пропадай и ты, бочоночек любезный!..
Сейчас заявится проклятый музыкант
И высушит тебя, злодей,
В печаль, во зло войскам российским.

К о м е н д а н т

Имею, господин фельдмаршал,
К статье второй и третьей возраженья.

Ш е р е м е т е в

Для сговора о сдаче Нотебурха
Вы после приступа явились.
А потому все пункты неперемненны
И сдать вам предлагаю без торговли.

К о м е н д а н т

Был храбрый гарнизон, фельдмаршал,
За это я прошу достойной чести.

Ш е р е м е т е в

Аккорда пункты, сударь, не бесчестны:
При барабанном бое и с музыкой
Из крепости, через проломы,
Остаток гарнизона выступает,
Солдаты с руками и пулями во рту.
С собою взять четыре можно пушки.

Л у к а *(преображенцам)*

А нам оставить — сотни полторы.

Ш е р е м е т е в

Сдается крепость, комендант, без лжи,
Без взрыва воинских припасов,
Пороховой казны, селитры, серы и смолы.
Когда статьи вам эти не угодны,
Я тотчас продолжаю штурм.
Второй аккорд без милосердья будет...
А если пункты не позорны сердцу,
Прошу мне передать ключи от Нотебурха.

К о м е н д а н т *(вручает ключи)*

Имею, господин фельдмаршал, честь!

Ш е р е м е т е в

Имею честь!

Комендант и барабанщик уходят.

Л у к а

Орешек наш.

Ш е р е м е т е в

Позволь поздравить, государь,
И ключ тебе вручить от Нотебурха.

П е т р

Зело орешек крепок был,
А счастливо, друзья мои, разгрызен.

Ш а ф и р о в

С великой славой, Петр Алексеич!

П е т р

Мы драгоценный этот ключ
На той высокой башне укрепим,
И эту крепость, свойскую твердыню,
Наименуем — Городом-Ключом,
Мы Шлиссельбурхом крепость нарекаем!..
То будет ключ к полезным берегам,
К мосту, созданному не человеком,
К Балтийскому широководному мосту,
Что будет мудро нас вязать
С народами Европы седовласой,
С торговлею, с науками, с искусством...
Друзья мои и родины друзья,

Не в облаках, не за горою день,
В который отомкнем мы двери,
Что были заперты от страха
Перед младенческой Россией.
Бывает то, когда богатыря
Уже в младенце малом чуют...
Эй, господин капрал, Лука, —
А что, в бочонке водка есть?

Лука

Кто ведает... ретив герой был свойский...
Нашлася, государь!..

Петр

Лей в чарки, господин капрал.
До края! До верха! До перелива!

Лука

Три чарочки?

Петр

Для полной батареи.

Лука *(наливая)*

А я ведь знал, что пригодится,
Вот потому душою и страдал.

Подает чарки.

Петр

За Шлиссельбурх! За Город-Ключ!
За доблесть русскую! За родину!

Все

Ура-а-а!

С ц е н а ІІІ

В Новогрудке. Комната. Входят Графиня Кенигсмарк и Август.

А в г у с т

О, как мне вас благодарить, Аврора,
За ваш приезд? За то, что поспешили
На это краткое свидание с несчастьем.
И легкие хорошие дороги
Не так приятны и легки,
Когда спешишь несчастье повидать.

Г р а ф и н я

Но в этом путешествии, мой друг.
Одно удобство все же было.
Могла и днем и ночью я скакать,
А ночь была светлей, чем день.
Вдоль всех дорог война зажгла костры,
Костер побольше — польский город,
Поменьше — польская деревня.

А в г у с т

Благодарю, благодарю, Аврора!

Г р а ф и н я

О, не меня... Покойницу благодарите.

А в г у с т

Покойницу?.. Не понимаю вас...

Г р а ф и н я

Любовь благодарите вашу,
Которая скончалась не бесплодной.
Она оставила, как утешенье, нам
Прелестное дитя,

Наследницу свою,
Чье имя — Дружба!..

А в г у с т

Но что в Саксонии?..
В Саксонии, Аврора?..

Г р а ф и н я

То я скакала день и ночь,
Теперь вы, Август, так же неразумны
И с нетерпением, лишенным философии,
Торопите хлыстом коня,
Который вам несет дурные вести.
Лишь мелкий враг обыкновенно
Спешит их выломать, мой Август...
«Мой Август» я сказала — по привычке,
Простите эту оговорку.
«Мой друг» — теперь сказать я смею.
Но «Август мой» — на это права нет...
Как чувствует себя мадам Козельская?..

А в г у с т

Прекрасно!.. Чудно!.. Превосходно!..
Но что в Саксонии моей?

Г р а ф и н я

Все было б в ней, конечно, хорошо...

А в г у с т

До говорите же, Аврора!..

Г р а ф и н я

Когда б...

Умолкает.

А в г у с т

А ваше милосердье
Меня сведет с ума!.. Ну, что «когда б»? А?

Г р а ф и н я

Она была... хотя наполовину вашей.

А в г у с т

Вы женщиной меня считаете, Аврора?!
Но в дни войны и женщин не щадят!

Г р а ф и н я

А разве их щадят во время мира,
Когда сердца их ранят — между делом?
Но слушайте же, Август!..

А в г у с т

Говорите!

Г р а ф и н я

Карл в Лейпциге.

А в г у с т

Саксония разорена!..

Г р а ф и н я

В наследственные земли ваши
Через Силезию вступил король.

А в г у с т

Австрийскую Силезию пройдя!..
И Венский двор стерпел и разрешил?!

Г р а ф и н я

Карл не просил у Вены разрешенья.

А в г у с т

Где ж император был? Иосиф Первый!
Он император или нет?..

Г р а ф и н я

Об этом он предпочитает
Из скромности не спрашивать у Карла,
А вдруг тот скажет: «Нет»!

А в г у с т

И не нашел Иосиф слов протеста?
Запрета? Гнева? Возмущенья?

Г р а ф и н я

Я думаю — слова он мог найти...
Конечно бы, нашел!
Но войска — нет.
А мужества — давно.
Но запрещают-то, мой друг, они.

А в г у с т

Саксония гарантию имеет!
О безопасности трактаты
Дала Германия!
Где курфюрсты ее? Монархи где?
Где Фридрих, Пруссии король?

Г р а ф и н я

Когда бы Карл XII таскал
Вслед за собой, во все походы, —
Низкопоклонство, лесть и трусость,
Средь этих царедворцев, Август,

Нашли бы вы всех наших гарантiров:
И пруссака, и венца, и других.

А в г у с т

Погибло все! Саксония разорена!..

Г р а ф и н я

Да, начинается разоряться.

А в г у с т

А контрибуция!..
А контрибуция, Аврора?

Г р а ф и н я

Жестокая, мой друг.
Припомнить мне позвольте... Да...
Шестьсот, как будто, в месяц тысяч
Рихсталлеров... Немногим больше.
И каждого стокгольмского солдата
Должны довольствовать саксонцы:
Два фунта мяса ежедневно,
И столько ж хлеба... по два фунта...

А в г у с т

Сожрут Саксонию!..

Г р а ф и н я

Две кружки пива...

А в г у с т

Бочки опустели!..

Г р а ф и н я

И по четыре су на развлеченья.

А в г у с т

Грабеж!..

Г р а ф и н я

И города пустеют... Все уходят,
Кто лошадей имеет и коляски.

А в г у с т

Где мать моя — родная тетка Карла?

Г р а ф и н я

Бежала в Гамбург.

А в г у с т

Королева?..

Г р а ф и н я

Она в Берлин.

А в г у с т

Курпринц?..

Г р а ф и н я

Он в Копенгаген, к дяде королю.

А в г у с т

А драгоценности?..

Г р а ф и н я

Их в Кенигштейн поспешно увезли.

А в г у с т

Догонят... отберут...
Какие наши города, Аврора,
Перед моим прожорливым врагом
С бесстрашием ворота не открыли?

Г р а ф и н я

Открыли все.

А в г у с т

Без выстрела?

Г р а ф и н я

Не заряжали ружей.

А в г у с т

Не узнаю Саксонию мою!..
Аврора, вы молчите?.. Умоляю:
Найдите слово утешенья!..

Г р а ф и н я

Пусть утешат вас глаза и губы
Мадам Козельской.

А в г у с т

Что?..

Г р а ф и н я

Она прелестна, говорят?

А в г у с т

И женщина с мужским умом —
Все женщина... Вы женщина, Аврора!

Г р а ф и н я

Конечно. Безусловно.
Различие между нами и мужчиной,
Как будто, друг мой, не в уме.

А в г у с т

Вы можете еще шутить!..

Г р а ф и н я

Чтоб улыбнулись вы!
Итак: любовь вас будет утешать.
А дело дружбы — подавать советы.
Я с тем приехала.
Ищите, Август, мира.
Завоеватель нынче в Лейпциге,
Захочет — в Дрезден, — завтра будет там.
При короле живом, при вас, мой друг,
При Августе Втором,
Здесь, в Польше, он короновал
Лещинского короной королевской.
От вас вельможнейшие папы
Бегут в их стан.

А в г у с т

Но Польше Карл такой же друг,
Как и Саксонии! Такой же!..

Г р а ф и н я

А что там панам до злосчастной Польши?
Их родина — их замки и поместья.
А Карл у непослушных жжет и топчет.
Ищите, Август, мира!

А в г у с т

С царем Петром я связан договором.

Г р а ф и н я

И цепь железную ведь можно разорвать,
А вы мне говорите о бумаге!
Шесть лет войны! Какое постоянство!
А женщине — шесть дней едва верны...

А в г у с т

Скрепленный честью разорвать союз?
Как это будет называться? Вероломством!

Г р а ф и н я

Вас испугал какой-то жалкий звук?
Вы, Август, утрастились слова?
А воевать хотите с полководцем,
Которого непобедимым свет считает!

А в г у с т

О, вы, Аврора, — шведка!.. Это видно.

Г р а ф и н я

И Мориса Саксонского я мать.
Мать сына вашего, мой друг!..
Позвольте ж повторить: ищите, Август,
мира!
Война, что постриг — трудный и суровый.
Игумену подобен полководец.
Его обитель — это поле брани.
Монах в плаще, со шпагой, на коне.
На шведского героя посмотрите:
Не знает он ни Вакха, ни Венеры.
Плащом покрывшись, спит зимой в палатке.
Часа в четыре он уж на ногах.
А ноги в сапогах высоких
На грубой коже, той, что непокорна
Болоту, снегу, и дождям осенним.
Шесть лет в одних и тех же сапогах!

Все в тех же сапогах, в которых
Под Нарвой поразил Петра.
А вы — для роскоши, мой друг, сотворены.
Для ясных дней, — благополучья.

Пауза.

Простите, государь,
без вашего соизволения,
Я пригласила к вам Имгофа.
Он здесь уж, вероятно.

Открывает дверь.

Барон, король вас ожидает.

Входит Имгоф.

И м г о ф

Король...

А в г у с т

Прошу, барон, мы ожидали вас.
Нам вести грустные графиня привезла.

Г р а ф и н я

Барон все знает, все ему известно.

А в г у с т

Когда бы наша смерть явилась
Спасеньем родины от бедствий,
Без колебаний мы ушли бы в небытие.

И м г о ф

Смерть ваша, государь, то смерть Саксонии.

Г р а ф и н я

Прекрасно сказано, мир, только мир!
Спасенье в том.

А в г у с т

Но без позора мир.

Г р а ф и н я

Но, государь, что родину спасет,
Позорным быть не может и не будет.
Я помню Карла с детских лет,
Когда была в Стокгольме при дворе:
Король упрям и непреклонен.
Ждать от Двенадцатого Карла

милосердья —

Как ждать среди ночи солнечных лучей.

Г р а ф и н я (барону)

Мы не надеемся на легкий мир.
Но как бы ни был он тяжел,
Вы привезете нам его, барон!
Во имя родины, Саксонии во имя,
Взвалите эту тяжесть на себя.

А в г у с т

А я, барон, по возвращеньи вашем,
С великой благодарностью сниму
С вас этот груз неблагодарный
И возложу его себе на плечи,
И дальше понесу один.
Да, помните: один в ответе я
Перед историей, отчизной и потомством.

Действие третье

Сцена I

В Саксонии. Комната в замке. Ночь. Карл и Пиппер.

Пиппер

Барон Имгоф привез от государя,
Как понял я, с собою белый лист.
Под ним лишь подпись: «Август».
Мир может быть таким...

Карл

Мир с Августом!..
Мы в Дрездене еще не побывали.

Пиппер

А также — и в Москве.

Карл

Москва сидит же, на коне горячем,
Чтоб ускакать галопом от меня.

Пиппер

Но Петр скачет быстро, государь.
И скачет не к Снегам Сибири,
А к серым водам Балтики родной.

Карл

Даю вам слово короля,
Что вылетит он скоро из седла.

Пиппер

Пора! Давно пора, мой государь!
Петровский конь ретив,
И даже чересчур!..

К а р л

Для всадника такого!..
Скажите, граф... вы нашего гофмаршала...
Вы видели его?

П и п п е р

Недавно. Час тому назад.

К а р л

И я.
Но больше не желаю видеть.

П и п п е р

Сегодня?

К а р л

Никогда!

П и п п е р

Мне жаль его!..

К а р л

А мне нисколько.
Он дерзок, граф.
Я в пятницу ему сказал:
«Мне дайте описание дороги».
«Откуда?» — спрашивает он.
«Из Лейпцига», — ему я отвечаю.
«Куда?»..
Задумавшись на долю от секунды.
Я говорю:
«Ко всем столицам европейским».
И вот под вечер получаю, что просил.
Благодарю гофмаршала. Беру бумаги.
Еще благодарю его. Жму руку.

Потом... читаю это описание,
И что ж?
На первом начинающем листе
Сплошь буквами красивыми, большими
Он пишет мне:
«От Лейпцига дорога до Стокгольма».
И жирною подчеркнуто чертой!
Какая дерзость, граф!
Меня домой гофмаршал отправляет!
Как мальчика!
Что скажете об этом?
Я думаю, что нам теперь придется
Гофмаршала отправить восвояси:
Домой... Из Лейпцига в Стокгольм!..

П и п е р

Нет, государь, пожалуй, не его.

К а р л

Как не его?.. Кого же, граф?

П и п е р

Меня.
Я подсказал ему ту дерзостную шутку.
И все же — только шутку, государь.
Сегодня — шутку.

К а р л

Так.
Сегодня?
А завтра, послезавтра, через месяц
Она чем будет — эта ваша шутка?

П и п е р

А в будущем,
По взятии Москвы

И разделения России на уделы
И роспуска
Всех регулярных войск Петра, —
Я храбрости, быть может, наберусь
И шутку дерзкую — советом назову.

К а р л

Вы правы: это будет храбрость.

П и п п е р

Шесть лет выращивал король
Полезный сад неслыханных побед.
Пришла пора снимать плоды с деревьев.
То хочет Швеция,
Победы для нее!

К а р л .

Домой? Не повидав Италии и Рима,
Откуда Юлий Цезарь миром правил?
Домой? Не повидав Египта, пирамид?
Вас Персия не привлекает, граф?
Величественный путь героя Македонии?
Прошу вас, господин министр.
Распоряжение гофмаршалу отдать,
Чтоб он еще составил описанья:
Дороги на Тавриз,
Путей в Александрию,
Константинополь также он забыл.

П и п п е р

Откуда государь начнет свои походы?

К а р л

Из Дрездена.

П и п п е р

Прошу вас — из Москвы.
С Саксонией нам нужен скорый мир,

Чтоб на Петра направить шпагу.
В Курляндии,
В Лифляндии,
В Эстонии,
В Литве,
И в Ингрии —
Войска царя.
Взят Нотебург и Нарва пала.
На берегах Невы, у моря,
Которое должно быть только Шведским,
Воздвигнут новый город, государь, —
Санкт-Петербургом назван он.

К а р л

Пусть Петр, обливаясь потом,
Среди болот и топей воздвигает
Побольше новых городов.
Ему я труд оставляю строить их,
Себе же, граф, возьму я славу
Их шведской шпагой доставать.
Нам пригодятся эти города..
Он здесь — посланник Августа?..

П и п е р

Барон Имгоф ждет только позволения
Предстать пред вами.

К а р л

Пусть войдет.

П и п е р (*открывая дверь*)

Прошу вас, господин барон.

Входит И м г о ф .

К а р л (*ответив на поклон барона*)

Вы присланы, чтоб мир просить у нас?

И м г о ф

Я прибыл с предложеньем мира...

К а р л

Так вот, барон, мои условия:
Ваш государь и брат мой Август
Корону польскую снимает с головы.
На троне — Первый Станислав.
Все драгоценности короны польской
Ваш государь вручает Станиславу.
Союзный договор с царем московским
Не существует больше. В клочья! В печь!
А русских офицеров и солдат,
Которые находятся в Саксоньи,
Ваш государь и брат мой Август
Мне выдает. С оружием, головой.
А также господина Паткуля,
Министра и посла Петра.
Того посла, не скрою я, барон,
Давно ждет с нетерпеньем плаха...
Вот, господин барон, мои условия.
Желаю вам спокойной ночи.

Уходит.

И м г о ф

Без милосердья мир! Позорные условия!
Я стану женщиной! Я буду со слезами
И воплями выпрашивать пощаду.

П и п п е р

Мой государь не знает отступленья
Ни в слове, ни на поле битвы.

С ц е н а П

Комната в доме Петра. К а т е р и н а , напевая, штопает чулок царя.
Входят П е т р , Ш а ф и р о в и Л у к а .

П е т р

Кафтан!.. Кафтан мне, Катерина!..
Поддай тотчас кафтан!.. Кафтан!..

Катерина подает преображенный кафтан.

Не тот!.. Не этот, Катерина!..
А в нитках и в тесемках золотых!..
Тот — розовый!.. Расшитый суртой!..
И шпагу в бриллиантах и рубинах!..

К а т е р и н а

Что, торжество какое, батя?..
Виктория?.. Победа небольшая?

П е т р

Да, матка, торжество!.. Виктория!.. победа!..
Ты угадала — пребольшая!..
Такой земля не видывала сроду!..

К а т е р и н а

С чего ж ты гневен, Петр Алексеич?
Коль радость — радоваться надо,
А не палить глазами, как из пушек.

П е т р

Шафиров, слышишь, — радоваться нам?..
Музыку заводи!.. Станцуем, Петр Павлыч!..

К а т е р и н а

Да чья виктория?.. Победа чья?..
Не шведа ль будет?.. Не врага ли?..
Чье торжество-то, батя?..

П е т р

Собирай! Собирай! До нитки все собирай!..
Чтоб крошка малая не стибла!..

Луке.

А ты чего расхлопался глазами?..
А бомбардир еще!.. Развесил уши,
Когда под пятками, под самым носом
Сколь батареев пропадает!..

Катерина, Шафиров и Лука, ползая по полу, собирают.

Вон камушек... На нитку наступил!..
Давай сюды... А там что золотеет?..

К а т е р и н а (собирая)

А кто ж, Лука, проклятый вероломец?

Л у к а (тихо)

Да немец, Катерина Алексевна!..
Ево, поди, упомяли от Нарвы.
Каким родился немец в божий свет,
Таким, должно, издохнет, чертов сын.

П е т р (Катерине)

Спасибо, друг сердешненький, тебе...
Вот, Петр Павлыч, так всегда:
Как забущую, гнев зальет глаза,
А matka ... Катерина Алексевна
Такое сыщет слово человечье,
Что буря вся и обернется в штиль...

Катерине.

А ну, поди сюды... поближе...
к сердцу ближе...
Дай поцелую умную головку...

Целует.

Теперь, мой друг сердешненький, ступай,
Ступай, ступай, доштопывай чулок.

А мы за перья, за чернила,
Нам, Катя, протестации писать
Ко всем дворам, что не бесчестны.

Ш а ф и р о в

Да много ль их на свете, государь?
Пруссак саксонцу равен вероломством,
Саксонец — австрийцу.

Л у к а

Немцы!..

К а т е р и н а

Пойдем, Лука.

Катерина и Лука уходят.

П е т р

Садись, бери перо. Пиши.

Ш а ф и р о в

Кому впервой?

П е т р

К английской королеве Анне.

Диктует.

Любовная... пресветлая... сестра...
Нет, стой... пресветлейшая сестра...

Ш а ф и р о в *(пишет)*

Сестра и ... го-су-да-рыня...

П е т р

Так, стало, Петр Павлыч:
Со шпагой нашей против шпаги,
Которую весь свет признал непобедимой?

Ш а ф и р о в

Да, государь, — тяжелый, грозный враг.

П е т р

Поутру, Петр Павлыч, в путь дорогу.
Скачи в столицу. Мой указ:
Крепить Москву, Тверь, Серпухов,
Можайск.
Работать всем сословьям без изъяна.
Царевичу вручаю наблюденье.
Позволь, скажи, Шафиров, Алексею...
Нет, сыну буду я писать.
Сам буду я ему писать...

Пауза.

А от границы по всему пути,
Где только бог пошлет болото,
Пригорок, речку, лес, овраг,
Врагу мы будем ставить ногу,
Ево дырять будем пулей.
И будем всаживать ему железо
В затылок, в спину, в грудь и в лоб.
Так до поры от главной убегая битвы,
Ево числом и духом сокращать.
А чтобы ребра вылезли наружу,
Огнем нещадным соизволим жечь
Все то, что брюху вражьему потребно.
Так будет!.. В государстве нашем
Пустыню встретит гость незванный.

Ш а ф и р о в

Священная война!

П е т р

Вспоможет бог
И русская любовь к отчизне!

С ц е н а III

Дорога. Возок царевича А л е к с е я , лошади за кулисами.

П е т р *(распахивая дверцу возка)*

Вылазь, царевич Алексей, вылазь.
Вылазь!.. Вылазь!..

А л е к с е й *(выходит из возка)*

Здоровье, батюшка.

П е т р

Здоровьице, сынок.
Вот бог послал нам встречу на дороге.
Куды изволите скакать?

А л е к с е й

На богомолье, батюшка,
К монастырю святому.

П е т р

Так.

А л е к с е й

Благословения Миколы испросить
На тяжкий труд столицу укреплять!

П е т р

В глаза!.. Смотри в глаза мне, Алексей!

Алексей поднимает на миг глаза и снова опускает их.

В глаза!.. В глаза!.. Ну?.. что, сынок?
Заслышал топот Карловых коней?

А л е к с е й

Далече он... Еще далече топот.

П е т р

Но слух твой заячий востер?
А сердце — хлыст для ног трусливых?..
Покинув труд, указ отца наруша,
Бежишь?.. Бежишь, нажав полно в штаны?

А л е к с е й

Для батюшки мово, для государя,
Спешу молить у господи победы.

П е т р

А я о том просил тебя, сынок?
А я святых не ведаю молить?
Ишь немощен сам лба перекрестить?..

А л е к с е й

Я темен, батюшка...

П е т р

И свет во тьме ты ищешь?
Берешь себе в поводыри слепцов?
Кто вкрут тебя?.. К кому ты жмешься?..
Кто наставители твоей души?..
Нарышкины?.. Леонтий поп?..
Князья: Иван и протопоп Василий?..
Большие бороды и малые умишки?..

А л е к с е й

Мне б, батюшка, в покой и в тишину...

П е т р

Я знаю эту нашу тишину:
Шушуканья и шопотов зловредных,
Шнырливых глаз, ушей настороженных!
Я, Алексей, сквозь стены вижу вас

И слышу через запертые двери!
Я знаю все.

А л е к с е й

Да знать-то что?

П е т р

В Башкирьи, в Астрахани ль бунт,
На Яике, на Тереке, на Волге,
Где б тьма ни кинулась на свет,
Везде я уцепляю волос,
Что тянется от длинной бороды.

А л е к с е й

Не ведаю того...

П е т р

Не ведаешь?!

А л е к с е й

Я молод, батюшка...

П е т р

Мне для подмоги молод,
А для вреда подрост?.. Подрост!..

А л е к с е й

Ужель отца толкать в беду я стану
И буду кликать зло
На мать свою — Россию?

П е т р

Не на свою, а на мою Россию
Ево ты кличишь, Алексей.
Твоя Россия — не моя, сынок!

А л е к с е й

Одна она...

П е т р

Нет, не одна, царевич!..
Моя куда большим шагает шагом?
К заре! К золотой Авроре! К утру дня!
К наукам, к знанию, к благу и к величью.
Чтоб человекья жизнь текла по-человечьи.
Раскинь ты разумом:
Что предстоит? Цели какие?
Отягощенные товаром корабли
Во все порты земные побегут.
В Китай и в Индию искать дорогу
Средь льдов и бурь. Каналами сплести
Моря и реки. Руд копанье.
Промышленность... финансы... Россиян
Одеть в российские шелка и сукна
Сенат... Коллегии... Империей
России быть... Империей!..
Ты понял, Алексей?

А л е к с е й

Да, батюшка.

П е т р

Нет, не по мне рыгать словесною красой.
Труд, потная рубаха и мозоли —
Вот мой язык. Им доказую я,
Что два на два дает четыре,
Что ваша проклятая ночь,
Что ночь твоих больших бород,
Есть беспроглядна ночь России,
А утро дня ее, а светлая Аврора,
Из зыби вод морских восходит.
И воды те зовутся, Алексей, —
Балтийскими!..

Тверди за мной:
Балтийские берега.

А л е к с е й

Балтийские берега.

П е т р

Что шепчешь там себе под нос?

А л е к с е й

Балтийские берега.

П е т р

Не слышу. Громче. Зычно.

А л е к с е й

Балтийские берега.

П е т р

А голосок-то есть.

Ну, дале:

На них ступив...

На что это ступив?

А л е к с е й

На берега балтийские, отец.

П е т р

Тверди:

В семью народов европейских...

А л е к с е й

В семью народов европейских...

Петр

Вступаем мы.

Алексей

Вступаем мы.

Петр

А Карл, того вступления страшася,
Противу нас со шпагою идет.

Алексей

Твердить?

Петр

То, что вслед скажу.
России быть...

Алексей

России быть...

Петр

Державой европейской...

Алексей

Державой европейской...

Петр

Еще разок. Да горлышко не береги.
Не соловей!

Алексей

Державой европейской!

П е т р

Упомнил, Алексей?

А л е к с е й

Упомнил, батюшка.

П е т р

На целу жизнь?

А л е к с е й

По гроб.

П е т р

А коль забудешь то, —

И я тебя забыл.

А будешь в том мешать,

Тебя в земле — с землей смешаю я!..

Лезай в возок. Вертай коней...

В Москву! В обратный путь! Стремглав!

Вслед за мной, на пядь не отставая!

Пауза.

Войска стокгольмские к Березине идут.

Карл губернатором столицы русской

Назначил генерала Шпара.

Хозяин к нам из Швеции спешит.

Ему —

Мы пышную готовить будем встречу.

Занавес.

Действие четвертое

Сцена I

Равнина. Петр и Меншиков.

Петр (*смотрит в подзорную трубу*)

Предобрая лощина прикрывает
Наш правый фланг... А левый...

Меншиков

Добрый лес!

Петр

Позиция...

Пауза.

Ее — всевышний нам послал.

Меншиков

А выбрал Петр Алексеич.

Петр

Вступить в равнину шведам... под огнем.

Меншиков

Еще б нарыть редутов, государь!
Атакой бешеной силен и славен Карл.

Петр

О том и думаю. Карл — фурия атаки.

Смотрит в трубу.

К продольным мы редутам, Александр,
Еще добавил два... четыре!.. поперешных.

Меншиков

Сие — военная новизна.
И знатная новизна!..

Петр

Про то нам скажет бой Полтавский.

Меншиков

Ужель и вправду, господин полковник,
Через четыре дня бой генеральный?

Петр

Да.
Приспел.
Ты, Меншиков, свою кавалерью
Имей стремленье...

Меншиков

Обхватывать с флангов!

Петр

Но не кипи горячкой!
Слово в баталии не упусти,
Чужого брат, мейн брудер, не изволь:
Всяк род оружия на поле главен.
И артиллерья наша, благо хороша,
Трудилась чтоб, не в четверть, и не впол,
А как ей след...
Вразмах всего плеча.

Меншиков

Да разве ж я...

Петр

Твою, что ль, и не знаю душу?..

Еще не видывал, чтоб кто на свете
Жадней тебя был к суетливой славе.

М е н ш и к о в

Бой с Карлом!

П е т р

С Карлом бой.

М е н ш и к о в

На жизнь и смерть.

П е т р

На жизнь!

На жизнь России, Алексаша.

С ц е н а II

В палатке. Раненый в ногу Карл, Пиппер и Реншельд.

Р е н ш е л ь д

Вы, государь, страдаете от раны.

К а р л

А господин фельдмаршал это видит?

Р е н ш е л ь д

Но рана тяжела!

К а р л

Что?.. Тяжела?..

Для короля?..

П и п е р

Для Швеции, мой государь.

К а р л

И в битве буду, господин министр.

П и п е р

Но как же сядет государь в седло?

К а р л

В качалке, в кресле, на руках драбантов,
Но в битве генеральной под Полтавой
Король наш будет, господин министр.

Р е н ш е л ь д

Проклятье пуле казака!..

К а р л

Король наш будет в битве под Полтавой.
Он будет впереди, и львиные свои полки
Он вместе с вами, Реншельд,
поведет к победе.

Р е н ш е л ь д

Да будет провиденье с вами.
А получить победу нынче нелегко.

К а р л

Кому?

Р е н ш е л ь д

Вы ранены...

К а р л (перебивая)

Да, только и всего!

Р е н ш е л ь д

А войско русское, мой государь,
Теперь не то, что девять лет назад.
Под Нарвой, жалкий сброд стоял,
Теперь стоят — полки и полководцы.
Огонь войны и труд Петра
Их обучили драться, государь.

К а р л

Еще один урок им дать полезно.
Еще урок. Последний!
Его дадим.

Р е н ш е л ь д

Дай бог, чтоб в те четыре дня,
Что вас от битвы отделяют,
Пришло к вам облегченье, государь.

К а р л

Нет, Реншельд, — не четыре дня!
Бой назначаю я на завтра.

Р е н ш е л ь д

Как, государь, на завтра?!

К а р л

Бой завтра. В ночь.

Р е н ш е л ь д

По вашему приказу, государь,
С фельдмаршалом российских войск

Я обменялся словом чести,
Которое и варвары хранят,
Что бой через четыре дня
Ни с нашей стороны, ни с русской
Не будет никаких военных действий,
Ни поисков, ни стычек, ни набегов.
В том дали мы друг другу слово чести.

К а р л

Нежданность и стремительность атаки
Есть козыри крупнейшие победы.
Известно ль это вам,
мой первый полководец?

Р е н ш е л ь д

Но, повелитель мой! Мой государь!
Я слово чести дал! Могу ль его нарушить?

П и п п е р

О Швеции фельдмаршал позабыл!
Что Швеция от нас потребует победы.

Р е н ш е л ь д

Все Швеции! Все ей! Все для нее!
Отечеству и честь моя принадлежит.
Лишась ее, я Швецию того лишу,
Что потеряю завтра в ночь.

П и п п е р

О, это очень важный довод!
Такая тяжкая потеря
Стокгольм оденет в глубочайший траур.

Р е н ш е л ь д

Когда б я говорил и кланялся с министром,
Я с ним, конечно б, перестал
Сегодня кланяться и говорить.

К а р л

Прошу вас, господа, —
Вас, граф,
И вас, фельдмаршал,
Друг другу — руку протяните.

Не протягивают.

О том прошу я накануне боя,
Когда над каждым смерть витает.

Не протягивают.

Приказываю вам!

Протягивают.

Благодарю!

После паузы.

Бой, Реншельд, завтра в ночь.
А в полдень, господин фельдмаршал,
Я приглашаю вас, и вас, мой граф,
В шатер московского царя.
Там за полтавскую победу
Мы кубки полные поднимем.

С ц е н а III

Равнина. Входят Петр, Шереметев, Меншиков,
Голицын и Шафиров.

П е т р (к полкам)

Сыны мои, солдаты, офицеры!
Вот и пришел сей грозный час,
Что порешит судьбу России.
Пришел час битвы генеральной.
Враг, словно волк некормленный, голодный,
Разинул пасть и щелкает зубами
На берега морские наши,
На Псков, на Новгород,
На Дон, на Украину,

Что нам сестра по крови и по вере.
Враг гетмана купил,
Купил, как подлого Иуду,
Купил измену гнусную Мазепы,
Купил собачий смрад его души, —
Но не купил народа Украины!
На сытых землях швед нашел свой голод,
А в мирных хуторах —
Коса и серп, топор и вилы,
Нежданно обернувшись в шпаги,
Его встречали так гостеприимно,
Что он, как пьяный, — разом спать валился.
Но, братцы, вот дела какие —
Ведь засыпал-то он без головы!
Она лежала рядышком, на травке...
Швед о себе кричит, что он непобедим.
Не верьте, воины!

Вот перед вами ваши полководцы:
Граф Шереметев, Меншиков, Голицын, —
Их шпаги знают славные победы.
Давно ли под Лесной

надменный Левенгаупт

Был на голову бит героями моими?

Показывает на Меншикова и Голицина.

Сыны! Товарищи! Солдаты! Офицеры!
Не думайте, не помышляйте,
Что в грозный бой идете за Петра.
За родину идете в бой, герои!
За государство русское, —
Врученное Петру! И ведайте:
Мне жизнь моя не дорога.
Была б жива любимая Россия,
Была б жива во славе и для блага
Моих сынов...

Простирает руку к полкам.

И ваших сыновей,
И наших правнуков далеких.
К победе, войны! К виктории совершенной!

С ц е н а IV

Д р а б а н т ы вносят К а р л а , сидящего в кресле, к которому приделаны длинные перекладыны. В одной руке у короля шпага, в другой — пистолет. Несколько драбантов окружают Карла.

К а р л

Вперед, мои драбанты! Вперед! Вперед!
За Швецию...

Д р а б а н т ы

За короля!..

К а р л

Вперед!

С другой стороны входят Р е н ш е л ь д и о ф и ц е р .

Р е н ш е л ь д

Король...

Пауза.

К а р л

Я слушаю, но вас не слышу.

Р е н ш е л ь д

Порублена в лесу, на правом фланге,
Колонна генерала Росса.

К а р л

Не слышу вас!

Р е н ш е л ь д

Порублена...

К а р л (перебивая)

И слышать не хочу!..
Где Росс? Где генерал?

Р е н ш е л ь д

С живыми отступил в апроши.

К а р л

А конница?

Р е н ш е л ь д

Порублена.

К а р л

Где Шлиппенбах?

Р е н ш е л ь д

В плену.

К а р л

Не понимаю вас, в каком это плену?

Р е н ш е л ь д

У русских, государь.

К а р л

Позор!.. Позор, позор!..

Р е н ш е л ь д

Я, государь, боясь обхвата с флангов...

К а р л

Кому он сдался?

Р е н ш е л ь д

Меншикову, государь.

К а р л

Пирожнику мой сдался генерал?

Р е н ш е л ь д

Боясь охвата наших флангов, я, государь...

К а р л

Торговцу пирогами сдался?..

Р е н ш е л ь д

Я дал приказ пехоте нашей...

К а р л

Не помню имя Шлиппенбаха.
Не знал его!

Р е н ш е л ь д

Я дал пехоте...

К а р л

Чтоб вытянулась в линию одну?

Р е н ш е л ь д

Да, государь.

К а р л

Приказ ваш, Реншельд, верен.

Р е н ш е л ь д

Но линия редка. При взятии редутов
Мы понесли серьезные потери.

К а р л

С крoтaми я вoюю!

Р е н ш е л ь д

Прoтивник наш...

К а р л

Зарылся в землю головой.
Вот жалкий крот!..

Р е н ш е л ь д

Но наша линия пехотная редка
И с каждой минутой, государь...

К а р л

А сколько вам минут, фельдмаршал,
Понадобится для победы?

Р е н ш е л ь д

Когда бы наша артиллерья
Огнем равнялась русской артиллерьи...

К а р л

Нам, может быть, на русского солдата
Потребуется шведских пять?

Р е н ш е л ь д

Мне пушек не хватает, государь.

К а р л

Кто это там на вороном коне?
Вон, впереди шеренги русской?
Громадный! В треуголке! С шпагой!..

Р е н ш е л ь д
(*смотрит в подзорную трубу*)

Петр!

К а р л

Трубу!..

Смотрит.

Драбанты, фитили!..

Драбанты поджигают фитили у ружей.

По цели, по Петру — огонь!

Р е н ш е л ь д (*смотрит в трубу*)

Слетела треуголка...

К а р л

Жив!

Р е н ш е л ь д

В седле!

К а р л

Драбанты, фитили!

Поджигают.

По цели, по Петру, — огонь!

Р е н ш е л ь д

Конь вздыбился... понес... осажен...

К а р л

В седле!.. Сидит в седле!.. Ружье!..

Ему подают ружье.

Огонь!.. Огонь!.. Огонь!..

Пушечный выстрел, падают драбанты, которые несли Карла. Кресло разламывается. Король на земле.

Д р а б а н т ы

Король убит!.. Убит король!..

К а р л

Нет, нет, драбанты!.. Жив король ваш!
Еще не отлито ядро, что Карла поразит!..

Карла поднимают и сажают на перекрещенные ружья.

Вперед!.. Вперед!.. За Швецию вперед!

Орудийная пальба усиливается. Все громче и громче гремит русское «ура»: два драбанта падают, остальные бегут.

Р е н ш е л ь д

Мой повелитель...

К а р л

Шведы!.. Шведы!.. Шведы!..

Р е н ш е л ь д

Спасайте короля!

К а р л а уносят.

С ц е н а V

Перед царским шатром из ярких материй китайской работы. П е т р , Ш е р е м е т е в , М е н ш и к о в . Г о л и ц ы н и Ш а ф и р о в . Вокруг Петра склонены шведские знамена.

Ш е р е м е т е в

Великий Петр!
Прими от войск российских поздравление
С викторией, над Карлом совершенной.

В с е

Ура!

Ш е р е м е т е в

Великий Петр! В твоём плену:
Фельдмаршал шведский — Реншельд,
Министр первый короля — граф Пиппер,
Принц Виттенбергский. Генералы:
Росс, Гамильтон и Шлиппенбах.
А также Штакельберг.
Штаб-офицеров, обер-офицеров —
Сто восемьдесят шесть.
Урядников, солдат, служителей двора —
Две тысячи пятьсот и восемьдесят семь.
Тел неприятельских сосчитано доселе
Без малого десятков тыщ.
У нас погибла — тысяча,
И триста сорок пять.
Штандартов взято и знамен —
Сто тридцать шесть.
С победой, Петр Великий!

В с е

Ура Великому Петру!

П е т р

Сыны отечества! Возлюбленные чада!
Без вас не может государство жить,
Как жить не может тело без души.
Любовь имея к богу, к вере,
К отечеству, ко славе и ко мне,
Вы, воины мои, на тысячу смертей,
Как львы, кидались небоязно.
Великие дела и храбрость ваша
Забвенными не будут у потомства.
Ура российским воинам! Ура!

В с е

Ура!

Петр целует Шереметева, Меншикова и Голицина. Входят Ренш е л ь д и П и п п е р , окруженные преображенцами. Впереди, со шпагой наголо — Л у к а .

Л у к а

Царь-государь, тебе
Плененную вручает шпагу
Министр первый короля — граф Пиппер!

Пиппер, встав на колено, с низким поклоном передает Петру свою шпагу.

И господин фельдмаршал шведский —
Граф Реншельд.

Реншельд, так же как Пиппер, встав на колено, передает Петру свою шпагу.

П е т р

Мне говорили, господа,
Что лишь вчера вас пригласил король
Ко мне в шатер, на пир викториальный.
Вы приняли, как честь, то приглашенье
И вот — изволили пожаловать в шатер.
Благодарю вас, господа, — я рад
И сожалею только об одном,
Что ваш король не прибыл вместе с вами.
А я, поверьте, от души желал,
Чтоб у меня, в моем шатре широком,
И Карл XII откушал.
Прошу вас, граф! Прошу, фельдмаршал!
Я в нетерпенье кубок осушить
За здравие моих учителей.

П и п п е р

Позвольте мне спросить вас, государь:
Каких учителей и в чем?

П е т р

В военном граф, искусстве.

Р е н ш е л ь д

Кому принадлежит такая честь?
Кого считает государь учителем?

П е т р

Кого?.. Вас, господа!.. Вас, шведы.

Р е н ш е л ь д

О, хорошо ж у вас благодарят
Ученики своих учителей.

П е т р

По-русски, господин фельдмаршал!
Как вразумил господь. Иначе не умеем.

Гремят барабаны, трубы. Все входят в шатер.

Конец.

МАМОНТОВ

Драма в 4-х действиях

От автора

Автор полагает, что при постановке этой пьесы не следовало бы делать громоздких декораций. Точная, характерная, «живая» вещь, живописная, скульптурная и архитектурная деталь, могут впечатлеть не меньше, если не больше, воздвигнутого из фанеры вокзала, набережной, дома, дачи, госпиталя, кафе, почти и др.

Отказ от громоздких декораций помогает даже при отсутствии вертящейся сцены делать быструю смену сцен — а это условие совершенно необходимое.

Только не потерять ритм! Помня при этом, что внутри пьесы ритм отнюдь не синоним торопливости.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мамонтов Владимир Андреевич,
профессор, член-корреспондент Академии наук, 50 лет.
Анна, его дочь, аспирант, 27 лет.
Ниночка, вторая дочь, 17 лет.
Варвара Петровна, мать Мамонтова, народоволка.
Длугач Борис Львович, профессор, 35 лет.
Николаев Сергей Сергеевич,
приват-доцент, 32 лет.
Башкиров Иван Тимофеевич,
ответственный партийный работник, за сорок.
Инокентьев Глеб Алексеевич,
эмигрант, однокашник Мамонтова.
Мария Николаевна, сотрудница института.
Иждивенка, свояченица академика.
Зиночка, машинистка института.
Разговорчивая гражданка.
Егоровна, старуха.
Министр нацистский.
Раненый боец.

Женщина-шофер, девушка, 1-й ополченец, 2-й ополченец, молодой француз, господин в черном, немец в штатском, гарсон, гражданки в очереди, партизаны, гестаповец.

Действие I

1 - я с ц е н а

В институте. На кафедре М а м о н т о в . Его речь транслируется.

М а м о н т о в . Позвольте же мне, друзья мои, и сегодня, по старой профессиональной привычке заядлого историка, оглянуться на прошлое: нет, не впервые наша страна, наша земля, наша родина, голосом матери созывает своих сыновей в ратные ополчения. Три с лишним века тому назад смоляне и рязанцы, нижегородцы и ярославцы, муромцы и суздальцы, вологодцы, костромичи, пермичи и граждане Великого Новгорода, не желая идти в вечную скорбь и неутешный плач, в погибель и быдло к латинству и рыцарству, — поднялись «всеми головами своими и душами». Рыцарство тогда сидело в Московском Кремле и заставляло московских извозчиков втаскивать пушки на кремлевские башни, чтобы оттуда стрелять в московский народ. Немецкие отряды, служа рыцарству, рубили обезоруженных жителей в Китай-городе, вытапывали их из Замоскворечья и выкуривали огнем из Белого Города. Москва пылала, подожженная латинцами и немцами. Непокорные москвичи, отбиваясь дреколем, загораживали от рыцарства и немцев свои улицы столами и скамьями, в покорившимся москвичам велено было иметь особый знак — подпоясываться белыми полотенцами. Московским царем был тогда сын Сигизмунда. Одни бояре, присягнув ему в верном подданстве, раболепствовали перед

ним, а другие бояре вымаливали себе у шведского короля его сына в русские цари. Казалось, не быть больше русской земле. Но смольняне, рязанцы, нижегородцы, ярославцы, муромцы, суздальцы, вологодцы, граждане Великого Новгорода, костромичи, пермичи и москвичи, не опоясавшиеся белыми полотенцами, поднялись всеми головами своими и потекли бурными ратными ополчениями под Кремлевские стены. И Русская Земля стала есть, а рыцарства, лаинства и немцев, втаптывающих русских людей в русскую землю, не стало на Русской Земле. Друзья мои, ленинградцы, сыны великого века Ленина и Сталина, будем ли мы не достойны наших предков? (*Иронически.*) Новое «рыцарство» шагает по нашим дорогам. Гунны — имя его, этого рыцарства. К стенам нашего прекрасного города, города нашей славы, могущества и величия, подходят они, эти современные кровавые, жестокосердные, туполобые гунны. И мы уже с вами: слышим их топот чугунный. Ленинградцы! Свободные и гордые граждане первой в мире социалистической республики!

2 - я с ц е н а

На даче. В плетеном кресле сидит В а р в а р а П е т р о в н а . Рядом, за пишущей машинкой, Н и н о ч к а .

В а р в а р а П е т р о в н а (*диктует*). Список узников Русской Бастилии, как называли мы Петропавловскую крепость, это целая история России. Две точки. Миних, Остерман, княжна Тараканова, декабристы. Точка.

Н и н о ч к а . Есть.

В а р в а р а П е т р о в н а . Здесь был удушен царевич Алексей...

Н и н о ч к а . Ой, бабушка, какая ты все-таки счастливая, — в такой тюрьме сидела! Ну, диктуй, диктуй...

В а р в а р а П е т р о в н а . Здесь, на Кронверском Валу, были повешены Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол...

Н и н о ч к а (*продолжает*). Бестужев-Рюмин и Каховский.

В а р в а р а П е т р о в н а. Так, может быть, нам с тобой этого не писать, это наверное все знают.

Н и н о ч к а. Ничего, ничего. Пишут же в романах про любовь, а про нее тоже всякий дурак знает. Такого дурака во всем и свете не найдешь, который не знает. Вот разве только ты одна, буленька.

В а р в а р а П е т р о в н а. Ты слышишь, мой друг, что ты говоришь?

Н и н о ч к а. А что такое? Я говорю верные вещи. Ну, диктуй, диктуй.

В а р в а р а П е т р о в н а. Сама же меня выбила, а теперь: «диктуй, дик...»

Шум пропеллеров. Пауза.

Н и н о ч к а. Опять летят.

В а р в а р а П е т р о в н а. А давай-ка, дружок, не обращать на них внимания.

Н и н о ч к а. А я и не обращаю. (*Искося поглядывает на небо.*) Раз... два... три... четыре... пять... шесть.

В а р в а р а П е т р о в н а. Какие?

Н и н о ч к а. Мессершмиты.

В а р в а р а П е т р о в н а. Сегодня нам с тобой что-то повезло на них, на мессершмитов этих.

Н и н о ч к а. Ага.

В а р в а р а П е т р о в н а. Какая же это порция будет, третья что ли?

Н и н о ч к а. Сегодня ночью буду папе звонить, пора тебя отсюда вывозить. А то ведь им нипочем, что ты история русской революции, — так шандарахнут!

В а р в а р а П е т р о в н а. Никуда, друг мой, не звони. Папа сам знает. Когда у него будет время, тогда и приедет.

Н и н о ч к а. Ну, если ждать, когда у папы будет время...

В а р в а р а П е т р о в н а. И очень хорошо, и отлично, что его нет. Только у подлецов оно сейчас есть.

Н и н о ч к а. Диктуй. Пусть себе летают. Долетаются.

В а р в а р а П е т р о в н а. Вот-вот. В жизни всегда надо верить в свою звезду, тогда будешь смелой, спокойной, тогда и не шамдарахнут!

Н и н о ч к а. Да не шамбарахнут, а шандарахнут. Учу, учу.

В а р в а р а П е т р о в н а. Слова-то у тебя, дружок, все больно мудреные. Прочти-ка последнюю фразу.

Н и н о ч к а *(погозрительно)*. Может быть, ты думаешь, я их боюсь? Просто звук их как-то не нравится. До того противный!

В а р в а р а П е т р о в н а. На чем же мы с тобой остановились?

Н и н о ч к а. А ведь вы, народовольцы, пожалуй, кое в чем были правы. Я об индивидуальном терроре говорю. Прикончить бы вовремя Гитлера, Геринга, Гебельса и Муссолини, вот бы и не летали.

В а р в а р а П е т р о в н а. Прикончить! Это легко сказать, друг мой. А на одного Александра II-го мы провели семь покушений. Да и седьмое бы сорвалось, если бы не находчивость Перовской.

Н и н о ч к а. Бабушка, она чудная была — Софья Перовская? Давай про нее писать. Ну, буленька, ну, милая, ну, пожалуйста! *(Вытаскивая лист из машинки.)* Вытащила! Кончен бал. *(Вставляет в машинку чистый.)*

Со-фья Пе-ров-ская. А ты пока думай.

Встает. Включает радио. Транслируется выступление Мамонтова.

М а м о н т о в *(по радио)*. Сегодня мы с вами слушали речь вождя, обращенную к двухстам миллионам людей великой Советской страны. К двухстам миллионам и к каждому из нас в частности...

Н и н о ч к а. Это папа говорит!

М а м о н т о в *(по радио)*. Вождь сказал: «Друзья мои!» Первый человек мира назвал вас, меня своим другом. И сегодняшний день стал самым счастливым, самым большим днем в моей жизни.

Шумные аплодисменты.

Н и н о ч к а. Бабушка, придвинуть твое кресло? Вставай.

Варвара Петровна поднимается и Ниночка придвигает ее кресло поближе к радио.

М а м о н т о в (*по радио*). Отечество в опасности. И отечество протягивает мне винтовку. И я, который никогда не держал ее в руках, беру ее уверенно. Потому что я знаю: любовь к отечеству сделает меня снайпером, а ненависть к врагу научит колоть его штыком и бить прикладом. Нет лучших учителей, чум любовь и ненависть.

Аплодисменты.

Г о л о с д и к т о р а. Вы прослушали выступление члена-корреспондента Академии Наук, профессора...

Ниночка выключает радио.

Н и н о ч к а. Бабушка...

В а р в а р а П е т р о в н а. Что, друг мой?

Н и н о ч к а. Папа идет на фронт!

В а р в а р а П е т р о в н а. Ниночка... Ну, подойди ко мне, подойди, мне надо тебе кое-что сказать, не могу же я отсюда надрываться.

Н и н о ч к а. Ты думаешь, я плачу? Ничего подобного.

В а р в а р а П е т р о в н а. Ну, конечно, не плачешь. Ты же Мамонтова!

Н и н о ч к а. Только, все равно, мы больше не будем писать мемуаров. Разве время?.. Ты какая-то смешная со своими мемуарами, словно на луне живешь.

В а р в а р а П е т р о в н а. Верно, дружок, верно.

Н и н о ч к а (*тихо, серьезно, после паузы*). Папа самый лучший. Правда, бабушка?

3 - я с ц е н а

В Смольном.

За большим письменным столом сидит Б а ш к и р о в . Против него в кресле М а м о н т о в .

М а м о н т о в (*закрывая рукой чернильницу*). Нет, Иван Тимофеевич, ни в коем случае. Положите перо.

Б а ш к и р о в. Ну, положу. Ну, а толк какой? Все равно ведь ничего не изменится, Владимир Андреевич.

М а м о н т о в. Я был удостоен высокой чести поставить свое имя первым в списке ополченцев нашего института. Так, Иван Тимофеевич?

Б а ш к и р о в. Так. Правильно.

М а м о н т о в. Да, но вы теперь собираетесь меня вычеркивать!

Б а ш к и р о в. Совершенно верно.

М а м о н т о в. Я с этим не могу согласиться.

Б а ш к и р о в. А что попишешь? Ничего не попишешь. Всяк сверчок, знай свой шесток.

М а м о н т о в. Неужели я так глуп, чтобы не научиться в несколько дней стрелять из винтовки? А сейчас самое важное — стрелять. Стрелять в немцев.

Б а ш к и р о в. Совершенно верно.

М а м о н т о в. Это куда важнее чтения каких-то лекций по истории. Теперь смысл жизни — прямой. Война!

Б а ш к и р о в. Ваша мысль, Владимир Андреевич, ваше перо, ваше слово — это более грозное оружие, чем винтовка. Вы ведь не рядовой боец культурного фронта, вы у нас генерал... Только вот к чему, товарищ генерал, вы меня заставляете ораторствовать перед вами... *(Вычеркивает его фамилию из списка.)* Как здоровье Варвары Петровны?

М а м о н т о в. Ничего, благодарю вас, матушка в полном здравии. Несмотря ни на что диктует свои мемуары. Ее муза не молчит, когда гремят пушки.

Б а ш к и р о в. Диктует? Вот это замечательно! Я, знаете, как-то возвращаясь от вашей матушки, подумал, что сила в человеке от чистоты, а чистота от силы. Кланяйтесь ей, пожалуйста.

М а м о н т о в. Слушаюсь. Я как раз на днях собираюсь к ней на дачу.

Б а ш к и р о в. А вы разве ее еще не перевезли в город? Перевозите, перевозите. Я вам завтра машину пришлю.

М а м о н т о в. Весьма благодарен, но завтра, Иван Тимофеевич, не присылайте, завтра я до поздней ночи

в институте. Разрешите воспользоваться вашей любезностью и позвонить вам по телефону.

Б а ш к и р о в. Очень прошу. Только не откладывайте, а то, пожалуй, затормошитесь. Один день, разумеется, не страшно.

М а м о н т о в. А что, Иван Тимофеевич, что-нибудь на фронте?

Б а ш к и р о в. Да нет, ничего такого.

М а м о н т о в. У нас вчера в институте был какой-то разговор шепотом о десанте в Луте.

Б а ш к и р о в. Не слушайте. Чепуха.

М а м о н т о в. Я так и думал.

Б а ш к и р о в. Так я жду вашего звонка.

М а м о н т о в *(поднимаясь)*. Знаете, Иван Тимофеевич, вот вы меня сейчас вычеркнули, вы провели по моей фамилии обыкновенную чернильную черту, но я предвижу, что она явится той черной чертой, которая в будущем будет разделять всех русских людей. Одни окажутся по ту сторону черты — это те, кто делали войну ценой своей жизни, другие, вроде меня, по эту. И те, которые очутились по ту, всегда будут чуть-чуть презирать нас, оказавшихся так или иначе по эту. А мы будем завидовать им. *(Прощаясь.)* Я, конечно, понимаю, что вы правы, вычеркивая меня: каждый сверчок, знай свой шесток, кроме того, я человек дисциплины, но я, Иван Тимофеевич, не люблю завидовать. Это не мое чувство. А я буду завидовать, я уже завидую.

Б а ш к и р о в. Я тоже. Ничего не попишешь. *(Провожая его до двери.)* Не забудьте же поклониться Варваре Петровне. Ведь я в ее кавалерах. И звоните. Не завтра, так послезавтра. До свиданья, Владимир Андреевич, всего доброго.

4 - я с ц е н а

На набережной Жореса. Входит А н н а .

1 - й о п о л ч е н е ц *(из окна дома, в котором помещаются ополченцы)*. Гражданочка, вам ученого позвать?

А н н а. Будьте добры, пожалуйста.

1 - й о п о л ч е н е ц. Сейчас доставим. (*Скрывается.*)

2 - й о п о л ч е н е ц (*из другого окна*). Он вас вчера весь вечер поджидал. И сегодня все сидел на подоконнике.

А н н а. Я была на трудовом фронте.

2 - й о п о л ч е н е ц. Мы знаем. Бомбили?

А н н а. Немножко.

2 - й о п о л ч е н е ц. Убитые есть?

А н н а. Трое.

2 - й о п о л ч е н е ц. А раненые?

А н н а. Одиннадцать.

В продолжении всей дальнейшей сцены из дома доносится песня, которая то обрывается, то возникает заново. Входит Н и к о л а е в . Он еще в штатском.

Н и к о л а е в (*здороваясь*). Когда, Аня, приехала?

А н н а. Час тому назад.

Н и к о л а е в. Ух, как загорела! И похудела немножко. Но тебе это хорошо. Ты сейчас, как беговая лошадка.

А н н а. А где очки?

Н и к о л а е в. А мы тут через ров прыгали. Я, понимаешь ли, ка-а-ак прыгну! И — на дно.

А н н а. (*нежно*). Прыгун.

Н и к о л а е в. Прыгун!

Ополченцы запевают новую песню.

А н н а (*после паузы*). И ты поешь?

Н и к о л а е в. И я! (*Запевает.*) «По морям, по морям...»

А н н а. Ой, нет, не пой.

Н и к о л а е в. А я, знаешь, сам такое удовольствие получаю.

А н н а. Ну, тогда пой.

Пауза.

Н и к о л а е в. А что копали-то?

А н н а. Противотанковые рвы, окопы.

Н и к о л а е в (*не выпуская ее руку*). Смотри, какое небо.

А н н а. Да...

Н и к о л а е в. Каждые полчаса другое.

А н н а. Помнишь, как в прошлом году мы здесь с тобой бродили?

Н и к о л а е в. Да, через мост, потом к сфинксам.

Пауза.

А н н а. Научили вас чему-нибудь?

Н и к о л а е в. Научили. Метим в ворону, а попадаем в корову. Там научимся...

А н н а *(сдерживая слезы)*. У нас новый управдом. А тебе еще не выдали обмундирования?

Н и к о л а е в. Завтра буду в полной боевой амуниции.

А н н а. А когда отправляют? *(Быстро.)* Двадцатого?

Н и к о л а е в *(с улыбкой)*. Почему двадцатого?

А н н а *(уверенно)*. Двадцатого!

Н и к о л а е в. Нет, как будто двадцать первого?.. Анка!.. Ну, это, товарищ, никуда не годится, сама как ни в чем не бывало, отбомбилась, я ведь уже все знаю, троих у вас там убило, одиннадцать ранило...

А н н а. Прости, пожалуйста.

Н и к о л а е в. Пройдемся до моста.

А н н а. Папа сюда хотел придти. И Длугач.

Н и к о л а е в. Это ты просила Владимира Андреевича?

А н н а. Нет, уверяю тебя. Папа сам сказал: «Я пойду, мне хочется повидать Сергея». Кстати, ты тоже ругаешь Длугача? Папа считает, что он должен был записаться. Ведь из всего института он один не записался.

Н и к о л а е в. С ишиасом-то не шибко повоюешь.

А н н а. Я и говорю. Просто папа раздражен.

Н и к о л а е в. Смотри, как луч разорвал облако.

А н н а. Да... Ведь папу вычеркнули. Я понимаю папино чувство. Тогда не надо было выступать. На это имеет право тот, кто сам идет. А если сам не идешь...

Н и к о л а е в. Так не сам же себя вычеркнул Владимир Андреевич.

А н н а. Все равно.

Н и к о л а е в (после паузы). Чего бы я хотел, так это побродить с тобой еще разок, как в прошлом году... по вусем, по всем набережным... к Петру... потом к сфинксам... Помнишь, у сфинксов с тебя сдуло шапочка и она утонула?

А н н а (сдерживая слезы). Двадцать первого это твердо?

Н и к о л а е в. Аня!..

А н н а. Не сердись. Дай папиросу. Вон папа с Длугачем.

Входят М а м о н т о в и Д л у г а ч .

М а м о н т о в. Ну, мы с сенсацией. Добрый вечер, Сергей.

Н и к о л а е в. Здравствуйте, Владимир Андреевич. Здравствуйте, Борис.

М а м о н т о в. Наш институт эвакуируется в Киров. Постановление правительства. Я зашел к нашему достойнейшему Евтихию Филимоновичу, а ему только что об этом позвонили из Смольного.

А н н а. Когда? Когда эвакуация?

М а м о н т о в. Двадцатого.

А н н а. Я никуда не поеду.

Д л у г а ч. Аничка, это же в бывшую Вятку, Чудесный город. По крайней мере, все каторжники были о нем такого мнения. Хотя они в нем и не заживались, так как он был пересыльным городом. А основан он Новгородской вольницей. Назывался Хлыновым. Жители его занимались тем, что грабили окраины Московского государства и москвичи их всех звали «хлыновскими ворами». Вот мы с вами и будем хлыновскими ворами.

А н н а. Оставьте, Борис.

М а м о н т о в. А вы что скажете, Сергей? Каково ваше партийное мнение по этому поводу?

Н и к о л а е в. Как бы двадцатого уже не было поздно. Осталась одна дорога, ее каждый день могут перерезать.

Д л у г а ч. Тогда пойдем пешком, рюкзак у меня уже сложен.

М а м о н т о в. А ишиас?

Д л у г а ч. Владимир Андреевич упорно хочет меня кинуть в атаку. Но право, мой штыковой удар не явится для немцев катастрофическим. Как вы думаете, Аничка?

А н н а. Я никуда не поеду и никуда не пойду. Сереже двадцать первого на фронт, а я двадцатого в Вятку! С места не двинусь.

Н и к о л а е в. Подумай, Аня.

А н н а. Я уже подумала.

М а м о н т о в. Так вот, друзья мои, я считаю, что это не эвакуация, а дезертирство. На завтра назначено общее собрание в институте. Я уверен, что дезертиров среди нас будет не больше, чем в армии, т. е. не будет ни одного. Борис Львович, конечно, шутил относительно рюкзака. После собрания я буду говорить по вертушке с Москвой. Всей этой оскорбительной историей, я не сомневаюсь, мы обязаны нашему достопочтенному академику. Бежать из Ленинграда, потом бежать из Вятки! Новый вид старческого патриотизма. У меня только что был с ним довольно крупный разговор. Я ему так и сказал: «Уважаемый, Евтихий Филимонович, страдания моего города — это мои страдания. Я их никому не отдам, я ими ни с кем не поделюсь. Если Адмиралтейство, Инженерный замок и улица Росси будут превращены в развалины, я хочу быть погребенным под этими великими развалинами. Они явятся памятником русского мужества и немецкого вандализма. Другого памятника мы себе не желаем. По крайней мере я!»

А н н а. Да, да...

Д л у г а ч. Все это очень красиво, Владимир Андреевич, но я боюсь, что те 200-300 граммов хлеба в день, которые, оставшись, я бы съедал, будут здесь нужней, чем я. Поэтому я уеду или уйду пешком с рюкзаком.

М а м о н т о в. Вы, оказывается, не дорого себя цените, Борис Львович, — в ломоть хлеба.

Д л у г а ч. Нет, я дорого ценю ломоть хлеба в осажденном городе, Владимир Андреевич.

А н н а. Неужели будут бомбить Ленинград? Боже, в какое дикое время мы живем!

5 - я с ц е н а

На даче. В а р в а р а П е т р о в н а сидит в кресле. Она в пальто, в шляпе, в калошах. Зонтик и большой старомодный ридикюль лежат на коленях. Входят М а м о н т о в и Н и н о ч к а .

М а м о н т о в (Ниночке). Бери только свои вещи. Бог с ними с вещами... Я еще зайду к Зайцевым. Надо вывести его большую тещу.

Н и н о ч к а. Хорошо, папа. (Берет два чемоганчика и уходит.)

М а м о н т о в. Мама, как ты себя чувствуешь?

В а р в а р а П е т р о в н а. Отлично, мой друг.

М а м о н т о в. По дороге сюда мы три раза выскакивали из машины и лежали в мокрой канаве. Немцы летают низко, как вороны, и обстреливают из пулеметов даже телеги и отдельных пешеходов.

В а р в а р а П е т р о в н а. Ну, негодяи, как негодяи.

М а м о н т о в. Но как же ты, мама, будешь выпрыгивать из машины и лежать в мокрой канаве?

В а р в а р а П е т р о в н а. А я не буду выпрыгивать. Попадут, их счастье, убьют еще одну старуху, не попадут — мое, старушка останется жива.

М а м о н т о в. Нет, мама, это не разговор. Совершенно не разговор. Какие тут шутки!

В а р в а р а П е т р о в н а. Так ты хочешь, чтобы я выпрыгивала? Ну, тогда я буду выпрыгивать.

Входит Н и н о ч к а .

Н и н о ч к а. Что еще взять?

М а м о н т о в. Они займут нашу Коромысловку сегодня к вечеру или к ночи, а Ленинград через три-четыре дня, самое большое через неделю. Его судьба, как судьба Парижа, решена. Это ясно.

В а р в а р а П е т р о в н а. Что же ты предлагаешь?

М а м о н т о в. Не знаю. Решай сама, мама.

Н и н о ч к а. Папа, а как мы будем эвакуироваться из Ленинграда? Дороги все перерезаны?

М а м о н т о в. Все. Вчера еще Северная действова-

ла, но сегодня, безусловно, все. События развиваются стремительно.

Н и н о ч к а. Значит, пароходом по Неве?

М а м о н т о в. Из пяти пароходов, по крайней мере, четыре пускают ко дну. Эти калоши совершенно беззащитны. Немцы делают, что хотят. Один аэроплан разбился, потому что задел за мачту.

Н и н о ч к а. Тебе, папа, с бабушкой дадут аэроплан, а мы с Аней пешком. Я уже по карте весь путь до Званки вычертила. Правда, бабушка? Показать? Ведь Званка еще не взята? И компас достала. Вот. Видишь какой? Это морской.

М а м о н т о в. Спрячь свою игрушку.

Н и н о ч к а. А Тонечка Грацианская в Ленинграде?

М а м о н т о в. Не знаю. Так что же ты думаешь, мама?

В а р в а р а П е т р о в н а. Я думаю, что аэроплан нам действительно дадут...

М а м о н т о в (*резко*). Какой аэроплан! Кто даст! Кому до нас с тобой сейчас дело? В Ленинграде есть поболее ценный груз, чем мы с тобой, мама. Вы сидите здесь под яблонями и ничего не понимаете, что делается. Надо все-таки кое-что понимать.

В а р в а р а П е т р о в н а. Дадут, дадут. Иван Тимофеевич не оставит нас с тобой немцам. А Ниночка с Аней молодые, котомки за плечи и айда!

М а м о н т о в. С вами ужасно трудно разговаривать. Пойми, Ленинград — это Париж накануне сдачи. Добавь к этому, что мы не французы, чуть поменьше организованы. Да еще в каждом сидит знаменитая русская душа, со всей ее суматошностью и дурацкой глубиной. Достоевские, которые проигрывают войну. В 12-м году сожгли Москву, а теперь будем взрывать Зимний дворец и Эрмитаж. Вот тебе совершенно точная картина. Словом, это начало конца... Смешно даже говорить про какой-то аэроплан. Просто смешно.

В а р в а р а П е т р о в н а. Ну, тогда вы меня посадите на телегу, а сами все пешедралом. У меня есть золотые часики, обручальное кольцо. Раздобудем телегу.

Н и н о ч к а. И у Ани есть золотые часики, потом серебряные ложки. И еще десять тысяч можно дать. Правда, папа?

М а м о н т о в. Тысяч десять! Откуда? Со сберкнижки выдают по 250 рублей в месяц. Сидите здесь под яблонями.

Н и н о ч к а. Бабушка, я для тебя достану телегу. Честное слово, достану. За две пары часов и за серебряные ложки, я у Глафиры-молочница достану. Вот увидишь, папа. Ты не беспокойся.

М а м о н т о в. Из-за беженцев, вот из-за таких, как вы, Франция потерпела поражение. Ты же читала, мама. Двадцать раз читала во всех журналах и газетах. Беженцы запрудили все дороги, образовали пробки. Приходилось расчищать путь для отступающих армий танками и пулеметами. А у нас в десять раз меньше дорог и в пять раз больше армия. Если ленинградцы бросятся бежать и сядут на телеги молочниц, армия не выйдет из окружения, армия погибла. Патриотизм прежде всего должен быть умным и меньше всего шкурным...

Входит ж е н щ и н а - ш о ф е р .

Ш о ф е р. Едете, товарищи. Говорят, что в Горловке уже немецкие танки. Что брать?

В а р в а р а П е т р о в н а. Вот, пожалуйста, голубушка. *(Показывает на корзиночку.)*

Ш о ф е р берет корзиночку и уходит.

М а м о н т о в. Ну, решай, мама.

В а р в а р а П е т р о в н а. Я не понимаю, Володя, что же решать? Я тебя не совсем понимаю. Ты-то, что считаешь?

М а м о н т о в. Я?.. Я считаю, что мужчины должны драться, а женщины... Словом, сама решай, мама.

Н и н о ч к а. Пошли. В Ленинграде придумаем. Надо верить в свою звезду. Я, бабушка, тоже не буду выпрыгивать в канаву, я с тобой буду сидеть в эмке.

В а р в а р а П е т р о в н а *(поднимаясь)*. Пишущую машинку взяла?

Н и н о ч к а. Взяла, взяла.

В а р в а р а П е т р о в н а. Ну, идем. Володя, ты все рукописи забрал?

М а м о н т о в. Сейчас проверю письменный стол. Идите. Ниночка, ты посади бабушку и вернись.

Н и н о ч к а. Хорошо, папа.

Голос шофера: «Товарищи, товарищи, поторавливайтесь!» В а р в а р а П е т р о в н а и Н и н о ч к а уходят. Мамонтов молча ходит по комнате взад и вперед. Голос шофера: «Владимир Андреевич! Владимир Андреевич!»

М а м о н т о в. Сейчас.

Вбегают Н и н о ч к а .

Н и н о ч к а. Папа, папа... Говорят, немецкие танцы уже в Петушках.

Мамонтов берет ее голову в руки, долго смотрит в глаза, потом крепко целует.

Ничего, папа, ничего... Ты за нас не бойся... Бабушка сказала, что она тоже будет выпрыгивать из автомобиля и лежать в канаве, если ты хочешь. Мы все вместе будем лежать в канаве. Хорошо?

М а м о н т о в. На. *(Передает ей сверток.)* Выбирайтесь на шоссе и ждите меня у киоска. Я через три-четыре минуты. Не волнуйтесь за меня.

Н и н о ч к а. Папа...

М а м о н т о в. Нельзя же оставить эту больную тещу. Место ее не забили вещами?

Н и н о ч к а. Нет, нет. Я с шофером сяду. Ладно?

М а м о н т о в. Садись.

Н и н о ч к а. Может быть, мы как-нибудь подведем к Зайцевым?

М а м о н т о в. Как же вы подведете, если там мостик сломан? Ну, беги... Нина!.. Ну, беги, беги.

Н и н о ч к а. Только, папа. Ты одним духом!

М а м о н т о в. Да, да!

Н и н о ч к а убегает, Мамонтов смотрит ей вслед. Потом быстро уходит в другую сторону. Некоторое время сцена пуста. Голос шофера: «Владимир Андреевич!.. Владимир Андреевич!..»

Шофер (вбегая). Немецкие танки спускаются с горы!.. (Кидается к окну.) Владимир Андреевич!.. Товарищ Мамонтов!..

Вбегает Н и н о ч к а .

Н и н о ч к а. Папа!.. Ушел?.. Ушел папа?..

Шофер. В какую сторону он должен был уйти?

Н и н о ч к а. Туда... Папа!.. Папа!.. Па-а-а-па!

Шофер. Не видно. Идемте.

Н и н о ч к а. Па-а-а-а-па!.. Что же это такое?.. Что же такое?.. Что будет?.. А?.. Товарищ шофер... Товарищ шофер...

Шофер. Идемте.

Н и н о ч к а и шофер убегают. Продолжительная пауза. Возвращается М а м о н т о в . Снимает пальто, шляпу, вынимает портсигар, закуривает, садится в плетеное кресло. Курит. Потом поднимается, включает радио: «Чрезвычайное сообщение штаба противовоздушной обороны Ленинграда: «Воздушная тревога! Воздушная тревога! Воздуш...» Выключает радио, садится, зажигает потухшую папиросу. За сценой чей-то крик: «Немцы!.. Немцы!..» Курит.

Занавес.

Действие II

1 - я с ц е н а .

На перроне Финляндского вокзала. Гудки и шипенье паровозов. Шум приходящих и отходящих поездов. Под окном классного вагона на сцене часть вагона стоят А н н а и Н и к о л а е в . Он в военной форме, в очках.

А н н а. Сережа...

Н и к о л а е в. Ну, что, Аня...

А н н а. Я хотела тебе сказать...

Н и к о л а е в. Что, Аня, хотела сказать...

А н н а. Нет, так... Что-то хотела тебе еще сказать...

Н и к о л а е в. Ну, скажи...

А н н а. Вот что, Сережа... Да... Ах да, обязательно купи себе запасные чоки... Две пары купи... или три...

Н и к о л а е в. Обязательно.

Пауза.

А н н а (решительно). Нет... нет, нет, нет!..

Н и к о л а е в. Что, Аня, нет?..

Подходит Д л у г а ч .

А н н а. Нет, в такое время нельзя расставаться! Воевать надо вместе... Мужья должны воевать вместе с женами, возлюбленные с возлюбленными, отцы с сыновьями...

Н и к о л а е в (улыбаясь). Вот армия была бы!

А н н а. Непобедимая!

Д л у г а ч. А, знаете, Аничка, в древности еще один был замечательный обычай в том же духе: когда мужья умирали, живых жен зарывали вместе с ними в могилу.

А н н а. Пойдите, Борис, посидите в вагоне, почитайте что-нибудь. Ниночка там по вас соскучилась.

Н и к о л а е в. А тещ не зарывали вместе? Жаль, непременно бы надо зарывать. Зайцевскую тещу непременно надо бы зарыть.

Д л у г а ч. Ну, так уж и быть, пойду посижу в вагоне.

Д л у г а ч уходит, появляется И ж д и в е к а с судком.

И ж д и в е н к а. На вокзале, товарищи, в буфете супом кормят. Не из курочки, но ничего, питательный. Я попробовала ложечку. А то у меня сегодня Евтихий Филимонович без супа.

А н н а. Ты помнишь, Сергей, наше условие?

Н и к о л а е в. Помню, Аня.

А н н а. Я поступаю на курсы медсестер сейчас же по приезде в Киров, на другой день.

И ж д и в е н к а. Надо еще ларьки обследовать, в ларьках тоже бывает съедобное. (Уходит.)

А н н а. А потом еду на фронт.

Н и к о л а е в. Экая ты! Думаешь о том, что будет через полгода. А я ведь отучился думать на неделю вперед. Вот мы сейчас стоим с тобою рядом и я думаю только о том, что мы рядом. И так счастлив тем, что мы рядом! Ваш эшелон должен был уйти вчера, сегодня на заре, в двенадцать, а я, черт возьми, не совсем уверен, что он уйдет завтра или послезавтра. А может быть, и вообще не уйдет.

А н н а. Буду очень рада.

Выходит М а р и я Н и к о л а е в н а .

М а р и я Н и к о л а е в н а. Понимаете, Анна Владимировна, какое горе, я мясорубку забыла. Может рискнуть и съездить домой? Мне до Кировской, туда и обратно, минут тридцать на трамвае. Не уйдет, наверно. Как вы думаете?

А н н а. Не знаю, Мария Николаевна. Рискните.

М а р и я Н и к о л а е в н а. По вашему, рискнуть? Нет, боюсь. А вдруг уйдет.

М а р и я Н и к о л а е в н а уходит. Появляется И ж д и в е к а .

И ж д и в е н к а. Железнодорожник сказал, с усами, солидный. А в ларьках ничего нет. Говорят, к вечеру мятные пряники продавать будут, надо караулить. Ведь Евтихий Филимонович у меня, как дошкольник — больше всего на свете любит ириски и мятные пряники. (*Уходит.*)

А н н а. Ну и свояченица у нашего академика!

Н и к о л а е в. Ты не помнишь, Аня, у кого это сказано, что большая любовь в разлуке увеличивается, а маленькая уменьшается, или что-то в этом духе. Хорошо сказано.

А н н а. Так вот: моя уменьшится.

Н и к о л а е в. Врете, товарищ.

А н н а. Уменьшится.

Н и к о л а е в. Не ври, Анка.

Входит М а р и я Н и к о л а е в н а .

М а р и я Н и к о л а е в н а. Киношники третий день стоят. А Мариинский театр проскочил. Я, пожалуй, рискну, Анна Владимировна. Железнодорожник сказал, что через пять часов. А без Мясорубки в Кирове пропадешь. (*Уходит.*)

А н н а. У меня из головы не идет папа. Ты все-таки что думаешь?

Н и к о л а е в. Думаю, с партизанами.

А н н а. Он нарочно остался. Я уверена в этом.

Н и к о л а е в. Возможно.

А н н а. Я беспокоюсь за папу, мне тяжело, я все время думаю о нем, и тем не менее мне приятно, что у меня такой отец. Я горда им.

Н и к о л а е в. Да.

А н н а. Ужасно было противно уезжать с нашего двора. А упаковываться я просто не могла, все уложила Настя.

Входит З и н о ч к а .

З и н о ч к а. Отходим ночью после двенадцати. Это совершенно точно, железнодорожник сказал. Мариинский театр Званку проскочил. Какое счастье! (*Уходит.*)

А н н а. Понимаешь, с одной стороны эта трагедия, нависшая над Ленинградом, и тут же, бок-о-бок, укладка этих дурацких вещей — примус, кастрюли, мясорубка. Отвратительно.

Н и к о л а е в. Жизнь, Аня. В жизни всегда так — большое, трагическое, бок-о-бок с кастрюлями. Умер самый близкий человек, самый дорогой, а ты через два часа садишься обедать и ешь, потом ужинаешь, утром бреешься, завязываешь галстух. Когда умерла мама...

Входит И ж д и в е к а .

И ж д и в е н к а. Вот кипяток. И очередь крохотная. А мариинцев-то как разбомбили в Званке! Ужас! Ничего от эшелона не осталось. Мне сейчас подробно один железнодорожник рассказывал. Господи, кто же в России теперь петь будет? (*Уходит.*)

А н н а. Когда мы уезжали на грузовике со двора, а потом ехали по улицам сидя на чемоданах, казалось — все презирают. Так и читала в каждом взгляде: «А! Удираете, сволочи? Ну, удирайте, удирайте!»

Н и к о л а е в. Вот это уж твое богатое воображение.

Входит Н и н о ч к а .

Н и н о ч к а. Нет, удираем, удираем! Я глаз не могла поднять, у меня уши все время горели. Если бы не бабушка, я бы тоже осталась, как папа. Почему я не могу быть

партизаном? Почему? На кой черт тогда все эти дурацкие ГТО? «Готов к труду и обороне!» А как до обороны, так пятки салом мазать? Вообще любят одно говорить, а другое делать. Один папа... Да еще вот Сергей Сергеевич... А я — сбегу. Вот увидите — сбегу, сбегу. Отъедем и сбегу.

А н н а. А бабушка?

Н и н о ч к а. Бабушка в шестнадцать лет бомбы в царей бросала.

Входит Б а ш к и р о в .

Б а ш к и р о в. Нет, в девятнадцать. Здравствуйте, товарищи.

Н и н о ч к а. Здравствуйте, Иван Тимофеевич!

Анна и Николаев здороваются с Башкировым.

Б а ш к и р о в. Ну, как дела? Скоро отправляют?

А н н а. Ночью.

Б а ш к и р о в. Как ночью? Кто сказал?

А н н а. Железнодорожник.

Н и к о л а е в. Солидный, с усами.

Н и н о ч к а. Иван Тимофеевич, про папу вам ничего не известно?

Б а ш к и р о в. Полагаю, пробирается к нам в Ленинград. Тут надо, Ниночка, потерпеть. Он ведь не на Зисе едет.

Н и н о ч к а. Чертова теща!

А н н а. Ниночка!..

Б а ш к и р о в. Оказывается эту злосчастную зайцевскую тещу еще утром вывезли. Владимир Андреевич-то и не знал... А в каком вагоне Варвара Петровна? Как вы ее устроили?

Н и н о ч к а. Бабушка!.. Бабушка!.. Иван Тимофеевич!..

В окне вагона появляется голова В а р в а р ы П е т р о в н ы .

В а р в а р а П е т р о в н а. Здравствуйте, батюшка. А я тут расхозяйничалась. Решила по-барски устраиваться. Мне вот целую нижнюю полку отпустили, великодушничают.

Б а ш к и р о в. Свеликодушничали, свеликодушничали. Могли и на третью погрузить. Только мы бы их за это, Варвара Петровна, знаете куда упекали?

В а р в а р а П е т р о в н а. Уж упекачь-то вы мастаки, нашел чем удивлять, батюшка.

Б а ш к и р о в. Вот и досталось. Мне от Варвары Петровны всегда достается.

В а р в а р а П е т р о в н а. О Владимире Андреевиче знаете ли что?

Б а ш к и р о в. Пока ничего.

В а р в а р а П е т р о в н а. Опять не удивил. У вас под самым носом финны этакую линию Мажино выкопали, сколько жизней стоила, вместо недели всю зиму провоевали, а вы что знали? Много знали?

Ниночка мимикой подает Варваре Петровне предупредительные сигналы.

Б а ш к и р о в. Кройте, Варвара Петровна, нам это полезно, кройте, а эту шустроглазую подхалимку не слушайте.

Н и н о ч к а , круто повернувшись на каблуках, уходит.

Ниночка!.. Ниночка!.. Поссорились перед отъездом... А с Владимиром Андреевичем, уверен, все будет в порядке. Доставим его вам в Киров на Дугласе. В Кирове, Анна Владимировна, развертывайте работу Института во всю. И сразу, без прохлаждения. Время военное, дела у вас будут много. Лекции тоже почитывайте и в гарнизонном клубе, и открыто: о Суворове, о Кутузове, о своем Мазепе. Свою кандидатскую диссертацию о нем ни в коем случае не запускайте. Собственных отечественных негодяев и предателей надо знать не хуже, чем героев. Их полезно знать. Они, как и поражения, кое-чему учат... Выступайте в госпиталях... Словом, не посрамите ленинградцев... Ну, Варвара Петровна, позвольте ручку поцеловать и расставанье. А как будет обстоять дело с мемуарами? Я их здесь издавать собрался.

В а р в а р а П е т р о в н а. Вот самое время.

Б а ш к и р о в. Сколько листов-то?

В а р в а р а П е т р о в н а. Двадцать пять.

Б а ш к и р о в. В самый раз. Я на двадцать пять бумагу и бронирую.

В а р в а р а П е т р о в н а. Счастливо оставаться, бабушка... Немцев-то не пустите?

Б а ш к и р о в. Да как же мы их можем пустить, когда я вам слово дал, что мемуары издавать будем. Я вас еще, кажется, никогда не надувал. (К Анне.) А в каком вагоне Евтихий Филимонович?

А н н а. Через один, вон в том.

Б а ш к и р о в. Надо проститься с нашим академиком. Еще увидимся.

В а р в а р а П е т р о в н а машет рукой и скрывается в окне вагона,
Б а ш к и р о в уходит. Появляется Н и н о ч к а .

Н и н о ч к а (*сердито*). Подхалимка! А если бы я так сказала, меня бы посадили.

А н н а. В Петропавловскую крепость, на двадцать пять лет.

Н и к о л а е в. И без права есть эскимо.

Н и н о ч к а. А ну вас!

Входит Д л у г а ч .

Д л у г а ч. Паровоз падают. Через четверть часа уезжаем.

Н и к о л а е в. Железнодорожник сказал?

Д л у г а ч. Какой-то с двумя шпалами Ивану Тимофеевичу.

Н и н о ч к а (*безнадежно*). Уезжаем.

Н и к о л а е в (*погрустнев*). Да... на этот раз как будто бы уезжаете.

А н н а. А Мария Николаевна отправилась за мясорубкой.

Входит И ж д и в е к а .

И ж д и в е н к а. Вот биточки получила. Говорят, еще компотом кормить будут. Как бы не прозевать! Евтихию Филимоновичу компот полезно. Знаете, какой паровоз нам бронировали? Кукушку! Я уж там в депо спросила, доказывала, говорила — академики едут, профессора...

А. Мариенгоф и его кот Серёжа

А. Мариенгоф на обсуждении своей пьесы

А. Мариенгоф и А. Никритина

На обороте надпись А. Никритиной: «У нас дома писатель
Меттер, я, писатель Ю. Герман, его жена и Мариенгоф»

И. Меттер, Ю. Герман, А. Мариенгоф

А. Мариенгоф, Ю. Герман, А. Никритина

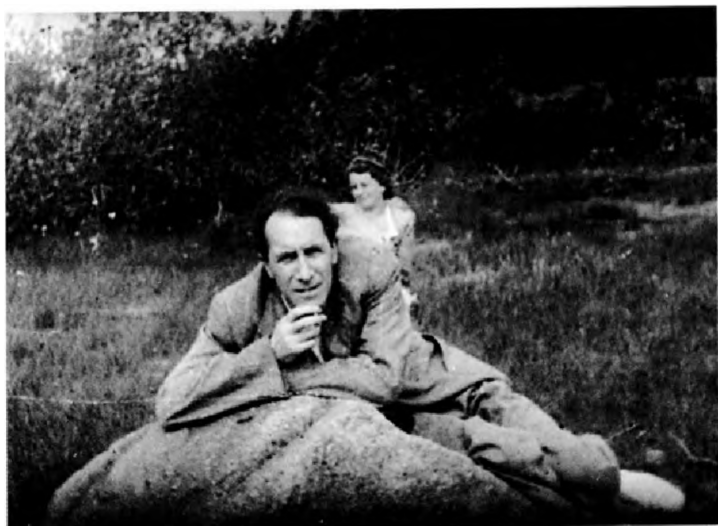

А. Никритина, к/ф «Враги». 1953 г.

А. Мариенгоф и А. Никритина

А. Мариенгоф

А. Мариенгоф за просмотром спортивного состязания

А. Мариенгоф (в центре)

А. Мариенгоф (второй справа)

А. Мариенгоф и А. Никритина (крайние справа)

А. Мариенгоф (крайний справа), А. Никритина (вторая слева)

А. Мариенгоф и А. Никритина (справа)

А. Мариенгоф (в центре)

Сцены из спектакля «Золотой обруч»

Сцены из спектакля «Золотой обруч»

Первый дом Мариенгофа в Ленинграде. Ул. Марата, 47 – 49

Второй дом А. Мариенгофа в Ленинграде. Ул. Салтыкова-Щедрина, 24

Второй дом А. Мариенгофа в Ленинграде. Ул. Салтыкова-Щедрина, 24

А. Мариенгоф

Д л у г а ч. Через пятнадцать минут, Евдокия Аркадьевна, уезжаем. Компотом уж в Кирове Евтихия Филимоновича кормить будете.

И ж д и в е н к а *(всплеснув руками)*. Да что вы! А в ларьке-то вечером мятные пряники выдавать будут... *(Убегает.)*

Н и к о л а е в. Пойдем, Аня, пройдемся... что-то защемило...

А н н а. Сережа, я останусь в Ленинграде! Все-таки ближе к тебе буду.

Н и к о л а е в. Такого условия не было. *(Уходят.)*

Н и н о ч к а. Тонечка Грацианская тоже в Киров эвакуировалась. Это все-таки порядочное утешение, моя лучшая подруга.

Д л у г а ч. Ну, вот и прощай, Ленинград!..

Н и н о ч к а. Да, прощай наш Ленинград!

Д л у г а ч. Я родился на Караванной и прожил всю свою жизнь на Караванной, а теперь она называется улицей Толмачева. Но для меня она осталась Караванной. Это мое детство, не всегда счастливое и безоблачное, это моя юность, короткая, обманчивая и полная смятений. Но все-таки это они — детство, юность, первая любовь, первый бритвенный прибор. Нельзя переименовывать жизнь. Да, я так и не научился называть мою улицу улицей Толмачева.

Н и н о ч к а. А я всю свою жизнь прожила на улице Марата.

Д л у г а ч. Жизнь... Вы знаете, Ниночка, что такое жизнь?

Н и н о ч к а. Наверное, этого никто не знает, даже бабушка.

Д л у г а ч. Философствовать я почему-то могу, Ниночка, только с двумя существами на свете: с вами, Ниночка, и со своей овчаркой Норой.

Н и н о ч к а. Это свинство! Я сейчас уйду в вагон.

Д л у г а ч. Не уходите, Ниночка. Пожалуйста, не уходите. Не уйдете? Ну, спасибо. И все же это чистая правда.

Н и н о ч к а. Паровоз подают.

Д л у г а ч. Прощай, Караванная...

Н и н о ч к а. Прощай, улица Марата, прощай проспект 25 Октября, прощай... Нет, не прощай, не прощай! До свиданья. До свиданья, улица Марата, до свиданья, Медный Всадник, до свиданья, решетки Летнего Сада, до свиданья, набережные, до свиданья, мосты с фонарями, до свиданья, милый Ленинград! До скорого свиданья!

Д л у г а ч. До скорого ли?

Н и н о ч к а. Я загадала, если до нашего отъезда не будет ни одной воздушной тревоги, к Новому Году мы все вернемся домой.

Д л у г а ч. А вы помните, Ниночка, у Тютчева:

Увы, что нашего незнания
И беспомощней и грустней.
Кто смеет молвить до свиданья
Через бездну двух или трех дней...

Н и н о ч к а. Я смею.

Д л у г а ч. Зато вы, синьорина, боитесь немецких аэропланов, а я не боюсь.

Н и н о ч к а. Неправда! Уходите в вагон. Вы меня злите.

К составу, видимо, подали паровоз — толчок.

Прицепили.

Д л у г а ч. Да... это уже не железнодорожник сказал.

Н и н о ч к а (с отчаянием). Ой, Дзержинец! Он сто километров в час делает.

Д л у г а ч. А немцы-то все-таки войну проиграют.

Н и н о ч к а. Аня!.. Сергей Сергеевич!.. Бабушка!.. Паровоз прицепили...

2 - я с ц е н а

У нацистского министра в кабинете.

М и н и с т р (поднимаясь навстречу входящему Мамонтову). Я рад видеть вас у себя, господин профессор. Прошу. (Жест в сторону кресла.) Фюрер сожалеет,

что не может немедленно принять вас. Так. Он просил передать вам, что не хочет лишиться себя удовольствия видеть вас уже в качестве министра освобожденной от большевизма России. Он примет вас перед вашим отъездом в Петербург, то есть не позже начала следующей недели. Так.

М а м о н т о в. Я более, чем счастлив, господин министр.

М и н и с т р. Вы здесь без семьи? Примите мое сочувствие. Позвольте сказать вам о моем огорчении. Кто лишил меня возможности, господин профессор, оказать гостеприимство вашей почтенной и знаменитой матери?

М а м о н т о в. Господин министр, жизнь моей матери полна испытаний. Казалось бы, старость может рассчитывать, если уж не на почтение, то хотя бы на скромную долю милосердия. Но моя мать, даже у края своей жизни, не получила от большевиков и этого. Считая большевистский плен более страшным, чем темницы Петропавловской крепости, она до последней минуты жила на даче под Петербургом и отказывалась под благовидными предложениями вернуться в город. Лишенная от природы страха, она благословляла приближение фронта и принимала, как благую весть, грохот от разрывающихся вокруг нее фугасных снарядов. Прихода германской армии она ждала так, как узники ждут часа своей свободы. И вот в последнюю минуту за ней явилась машина из Смольного. Мать, ссылаясь на болезнь, отказалась ехать. Тогда два чекиста стащили ее с постели, напялили на нее пальто и на руках втащили в машину.

М и н и с т р. Так. А каким же образом вам, господин профессор, удалось избежать столь же печальной участи?

М а м о н т о в. Господин министр, мне пришлось спрятаться от них в погреб и зарыться в картошку. Высокая цель, которую я преследовал, смягчала унижительность моего положения. А мои бедные дочери разделили судьбу своей бабушки.

М и н и с т р. Поучительный рассказ! Он много говорит о большевистском рае, о русских людях, приговоренных к этому раю. Так. Ваш рассказ, господин про-

фессор, должен стать известен народам Европы. Они его должны лично услышать от вас. Радиостанции Парижа, Праги, Белграда и Копенгагена будут в вашем распоряжении. Так.

М а м о н т о в. Благодарю вас, господин министр. Я считаю долгом сердца и чести сказать правду и счастлив, что она будет широко услышана.

М и н и с т р (*вынимая из досье прокламацию*). Генерал фон Лиленфаль переслал мне ваше первое воззвание к русским людям, написанное у него в штабе. Так. Превосходное воззвание. Я приказал, чтобы наши аэропланы засыпали им, как снегом, города и села, где сегодня еще большевики, а завтра будем мы с вами, господин профессор. Так. (*Не давая Мамонтову вставить слово.*) К сожалению, я сегодня не располагаю временем и всестороннюю государственную беседу принужден отклонить до следующей встречи. Однако, несколько слов я все же хотел бы сказать. Так. Что вы думаете, господин профессор, о тяжелых временах, о трудных временах, об обстоятельствах, которые кажутся народу бедственными? Не думаете ли вы, господин профессор, что именно они воспитывают народы, закаляют их дух? Так.

М а м о н т о в. Да, господин министр. Народ следует сравнивать с мужчиной. Огонь, вода и медные трубы — вот его пути.

М и н и с т р. Так. (*Почти скороговоркой*). Германский народ был стиснут Англией и славянскими племенами на клочке земли. Он вынужден был ценой величайшего упорства получать из этого жалкого клочка земли минимум, необходимый для своей жизни. Эти бедственные обстоятельства воспитали в нем трудолюбие, порядок, организованность. Так. Заложённые в нации титанические силы возросли и высокий нордический дух поднялся еще выше. Так. Мы стали народом-организатором, мы подготовили себя к неблагодарной миссии организатора чужой неорганизованности, к миссии порядка среди общего беспорядка. Так. Согласны ли вы со мной, господин профессор?

М а м о н т о в. Я согласен с каждой буквой каждого вашего слова, господин министр.

М и н и с т р. Так. Гений вашего Петра своей преждевременностью оказал плохую услугу вашему народу. Народ был юн и он получил сразу слишком много. Земли стало слишком много, железа в ней, меди, угля, а впоследствии и нефти, слишком много, рыбы в реках и морях слишком много, лесов слишком много, всего слишком много. Так. Народу не надо было прилагать тяжелого труда, чтобы получить необходимое для жизни. Обилие, развращая его, приучило к лени. Лени — к грязи и разврату. Грязь и разврат повлекли за собой болезнь. Большевики — это болезнь. Так. Большевизм — это злокачественная опухоль, это рак. Рак требует удаления. Лучше вырезать чуть-чуть больше, нежели чуть-чуть меньше, — болезнь возродится. Так. Большевизм — это почти двадцатипятилетний рак. Нерешительность, робость, бездарность демократической Европы запустили болезнь. Господин Гимлер называет цифру в тридцать пять миллионов человек здорового русского населения. Господин Гимлер — германец, германец — это точность. Так. Чтобы спасти здоровое, надо удалить нездоровое. Кровь? Кровь! Много крови? Много! Но это кровь с ножа хирурга. Что вы скажете, господин профессор?

М а м о н т о в. Я скажу, господин министр, что это кровь спасения, кровь жизни.

М и н и с т р. Так. Было бы наивным скрывать от вас, что первая наша мысль, разумеется, о нашем народе. Но за первой мыслью существует еще вторая, третья, четвертая и т. д. И прошу поверить мне, господин профессор, что моя вторая мысль — мысль о вашем народе, о 35 миллионах вашего народа. Нас, немцев, как солдатскую нацию, привлекает к себе русская солдатская храбрость. Так.

М а м о н т о в. Мой народ никогда не забудет этого.

М и н и с т р. Хочется верить, господин профессор! Хотя народы, как и люди, не всегда благодарны. Так. Вашему народу нужна трудная школа. История не прощает сентиментальности. От русского народа должно быть отсечено все, что способствовало развитию в нем лени. Так. Прошу не обижаться на мою солдатскую откровенность.

М а м о н т о в. Мы умеем смотреть правде в глаза, господин министр.

М и н и с т р. Петр, этот коронованный прадед большевиков, нанес ущерб русскому национальному характеру. Так. Надо хорошо продумать, оценить и сделать выводы из осторожной мудрости старинного русского боярства, оказавшегося в оппозиции к взбалмошным стремлениям царя. Бояре видели Россию — Московией, а не империей. Московия. Так. Бояре лучше знали свой народ — и что ему на пользу, и что во вред. Русский народ — народ землепашец. Так. Моря, порты, корабли, промышленная и финансовая деятельность шли ему не на пользу, а во вред. Так. Бояре понимали это сердцем, кровью. Бояре были больше русскими, чем их царь, (с улыбкой) воспитанный в Немецкой слободе. Так. Что вы скажете, господин профессор?

М а м о н т о в. Господин министр, вы преподали мне — историку — блестящий исторический урок. Мне остается только благодарить вас.

М и н и с т р (погнмаясь). Я буду счастлив рассказать фюреру, с какой легкостью мы нашли с вами общий язык к широкому государственному пониманию основных и общих вопросов. Так. До свиданья, господин профессор.

М а м о н т о в. Честь имею кланяться, господин министр. (Уходит.)

М и н и с т р (когда дверь за Мамонтовым закрывается). Подлец.

3 - я с ц е н а

На почте в Кирове. Перед окном с надписью «Выдача корреспонденции до востребования» очередь, большая часть которой уходит за кулисы. Люди в осенних и зимних пальто, в калошах, ботах и сапогах, замазанных желтой грязью. В очереди А н н а , Н и н о ч к а и Д л у г а ч .

Р а з г о в о р ч и в а я г р а ж д а н к а. Для Коган, будьте так любезны, барышня.

Д е в у ш к а (роется, находит письмо, рассматривает инициалы его). Инициалы?

Разговорчивая гражданка. Ре Се, Роза Семеновна.

Девушка. Нет.

Разговорчивая гражданка. А вот это, которое у вас в руках, разве не для Коган?

Девушка. Другие инициалы.

Разговорчивая гражданка. Что такое инициалы? Это совсем маленькое дело, их легко перепутать, люди не боги. А какие на нем, интересно, инициалы?

Девушка. А Эм, Арону Моисеевичу.

Разговорчивая гражданка. Что? Комедия! Она смотрит на меня, она смотрит на конверт, она читает «Арону Моисеевичу» и она спрашивает «какие ваши инициалы?» Неужели я уже стала в этой эвакуации похожа на Арона Моисеевича?

Голос. Гражданка, не задерживайте очередь.

Девушка. Следующий.

Разговорчивая гражданка. Боже ты мой, какая грязь в этом городе! Вчера вечером около театра у меня утонул ботик с моей ноги и я его вытаскивала, как утопленника. Комедия!

Голос. Гражданочка...

Разговорчивая гражданка. А, может быть, барышня, у вас все-таки где-нибудь завалилась открыточка и для Розы Семеновны? Понимаете, шестую неделю ничего не имею от сына, он у меня военврач 2-го ранга на Южном...

Девушка. Гражданка, не задерживайте очередь...

Разговорчивая гражданка. А кто ее задерживает? Кому интересно ее задерживать? Все стали такими нервными, просто беда. Может быть, и пойти спросить на телеграммах? Может быть, там есть что-нибудь до востребования. Мой сын очень любит посылать телеграммы, такая уж широкая натура. Один раз, это было в Полтаве...

Ниночка. Гражданочка, я на свидание опоздаю, меня в скверике генерал-майор дожидается.

Разговорчивая гражданка. Ой! Что же вы сразу не сказали?.. (Уходит.)

Анна. Нина!..

Н и н о ч к а. Зато подействовало.

Д е в у ш к а. Следующий.

А н н а. Мамонтовой Анне Владимировне или Нине Владимировне.

Д е в у ш к а. Нет.

А н н а (*отходя, Длугачу*). Вот это «нет» два раза в день третий месяц.

Д л у г а ч. Терпение, Аня, терпение и терпение.

Д е в у ш к а. Следующий.

Д л у г а ч. Длугач, Борис Львович.

Д е в у ш к а. Паспорт.

Д л у г а ч. Сию секунду. Извольте.

А н н а. Есть

Д л у г а ч. Да.

Девушка дает письмо.

Н и н о ч к а. Ну, сияйте же! Даже засиять как следует не может!.. У-у!..

Д л у г а ч. Сейчас, сейчас.

А н н а, Н и н о ч к а и Д л у г а ч выходят на первый план. Очередь, преимущественно женская, продолжает жить своей неторопливой, но нервной жизнью.

А н н а. Ну, вскрывайте.

Длугач рассматривает конверт.

Н и н о ч к а. Да вскрывайте же! Вот человек! От кого?

Д л у г а ч. От Юрки. Штемпель, конечно, смазан.

Н и н о ч к а. Вы вскрыете когда-нибудь или нет?

Д л у г а ч. Кое-что из этого письма я, вероятно, могу прочесть вам и не вскрывая его. Ну, скажем ,начало: дорогой дядя Боря, почему ты нам ничего не пишешь... А пишу я им через два дня на третий. (*Вскрывает, вынимает из конверта письмо, читает.*) «Дорогой дядя Боря, почему ты нам ничего не пишешь...» Вот, пожалуйста, можете убедиться собственными глазами.

А н н а. От какого числа?

Д л у г а ч. Об этом, Аничка, нам с вами придется догадываться. Так оно и есть.

Н и н о ч к а. Племянник, видимо, в дядю Борю. Я уверена, что вы тоже никогда не ставите дату. Ну?..

Д л у г а ч (читая про себя). Абсолютно не интересно: глубоко семейная лирика. (Читает вслух.) «Теперь буду сообщать тебе наши ленинградские новости». Вот это дело. «Новость №1. Мы живем в таком городе, где на передовые позиции можно съездить на трамвае. А с некоторых отдаленных трамвайных остановок немцы смогли бы приехать к нам на трамвае. Но ты, пожалуйста, дядя, не волнуйся, они не приедут даже на колбасе».

Н и н о ч к а. Весь в дядю.

Д л у г а ч. К сожалению. (Читает.) «Новость №2. Третьего дня у дверей Института была убита во время артобстрела Мария Николаевна, которая осталась в Ленинграде из-за мясорубки...»

А н н а. Бедная Мария Николаевна!..

Д л у г а ч. Н-да... Тогда на вокзале она все со мной советовалась и говорила: «Без мясорубки в Кирове пропадешь...»

А н н а. Ужасно, ужасно...

Д л у г а ч (читает). «Новости №№ 3, 4 и т. д. Парикмахеры бреют во время бомбардировок. До сегодняшнего дня суп и гарнир мы получали в столовых без выреза талона, а с сегодняшнего — вырезают за гарнир талон и за суп — талон. Когда мы встаем после обеда, папа спрашивает: «Ну, что, ребята, наелись?» И мы с Зоей лихо отвечаем: «Наелись!.. А ты, папа?!» — «Наелся». А между тем все трое очень хотим кушать».

А н н а (тихо). Какое чудное письмо.

Д л у г а ч. Племянник весь в дядю Борю.

Н и н о ч к а. Ничего подобного.

А н н а. Читайте.

Д л у г а ч (читает). «Новость последняя и самая важная. Ваши ополченцы...» (Читает про себя.)

А н н а. Ну?.. Да читайте же вслух!

Д л у г а ч (медленно читает). «Попали в окружение. Каким-то чудом выбрались... Звягинов, Малинов, Суриков и Аптекман. Убиты...»

А н н а. Кто убит?

Д л у г а ч. «Федорченко, Тонкоруков... и Зак. Много ранено. Об остальных пока ничего неизвестно. Целую. Пиши. Юрка». *(Прячет письмо.)* Да...

Н и н о ч к а. И о папе ни слова.

А н н а. С ума можно сойти.

В очереди появляется И ж д и в е к а .

И ж д и в е н к а *(гражданке в очереди)*. Запомните меня, гражданочка, я за вами. *(Подходит к Анне и Длугачу.)* Здравствуйте, Анна Владимировна, здравствуйте, Борис Львович. Письмецо получили из Ленинграда? Ну, что пишут?

Д л у г а ч. Да ничего особенного. Вот на гарнир вырезать стали.

И ж д и в е н к а. Что вы говорите! А я вот тоже стала вся нумерованная. *(Показывает правую лагонь.)* Вот видите 112-й. Это я за маслицем стояла. А вот... *(Показывает левую лагонь.)* 57-й. Это за медом для Евтихия Филимоновича. Он ведь у меня сладкоежка. Мы теперь все там стали друг друга нумеровать чернильным карандашом. Очень удобно — никаких споров, никому уж очереди своей не передашь и не смывается без горячей воды и щетки. Очень удобно, занумеровалась и дальше можно бежать. Ну, пойду за письмецом встану. *(Отходит, становится в очередь.)*

Д л у г а ч. Вы меня подождете, Аничка? Я мигом, вот только две телеграммы напишу. Да, Аничка, у меня к вам большая просьба, вы уж почти доктор медицины, раздобудьте-ка стрихнину. Моя Нора смертельно больна, у нее саркома. Собачья медицина милостивей нашей человеческой медицины: когда остается надежда только на страдания, а надежды на спасение нет, гуманная собачья медицина разрешает пресекать эти страдания...

А н н а. Сергей убит.

Д л у г а ч. Почему убит? Не фантазируйте, Аничка.

А н н а. Убит.

Д л у г а ч. Почему? Здесь этого не написано.

А н н а. Сергей тоже вышел бы из окружения. Чудом, любым чудом. Он убит. *(Быстро направляется к выходу.)*

Д л у г а ч *(идет за ней)*. Аня!.. Аня!..

А н н а. Не провожайте меня. Мне надо побыть одной.

Д л у г а ч. Но право же, Аня, нет никаких оснований...

А н н а уходит.

Догоняйте.

Н и н о ч к а. Нет, ей надо побыть одной. Вы что, телеграммы будете писать? Сколько штук?

Д л у г а ч. Четыре.

Н и н о ч к а. Хотите, я вам буду мешать?

Д л у г а ч. Разумеется.

Н и н о ч к а. Ах, так!.. Счастливо оставаться.

Д л у г а ч. Ниночка... Не уходите, Ниночка.

Н и н о ч к а. Нет, уйду. Что это за «разумеется»? В таких случаях говорится: «Очень! Страшно! Безумно хочу, чтобы вы мне мешали!» Вот как отвечают в подобных случаях. А он: «Разумеется». Вы понятия не имеете, как себя вести, когда влюблены в женщину до сумасшествия...

Д л у г а ч. Но я, Ниночка, не до сумасшествия, я...

Н и н о ч к а. Что!..

Д л у г а ч. Я, Ниночка, до...

Н и н о ч к а круто повертывается на каблуках и уходит.

Ниночка!.. Ниночка!..

Длугач некоторое время стоит в растерянности, потом садится за стол и пишет телеграммы.

И ж д и в е н к а (у окна). Здравствуйте, барышня. Хлыстиковой Евдокии Ар...

Д е в у ш к а. Есть, есть. Вот, пожалуйста. (Взглянув на ее лагерь.) 113-й были? Досталось?

И ж д и в е н к а. Ах, какое! Крупинка от крупинки!..

Г о л о с. В другом месте, гражданочка, о масле поговорите.

И ж д и в е н к а. Будьте здоровы, голубушка.

Д е в у ш к а. Всего хорошего. Заглядывайте. (Закрывает окно фанерной гощечкой и уходит.)

Г о л о с а. За письмами пошла... Черт ее знает, зачем пошла... Теперь на полтора часа провалится...

И ж д и в е н к а (*читая письмо*). Ох, господи!.. Что же это такое!.. Вот так оглушила!.. Вот так новость!.. (*Погхогит к Длугачу.*) Борис Львович, родненький, вы только подумайте. Новость-то какая ужасная...

Д л у г а ч (*дописывая телеграмму*). Что... на гарнир талоны вырезают?..

И ж д и в е н к а. Да что там гарнир!.. Боже мой!.. Как обухом... (*Шепотом.*) Владимир Андреевич немцам предался... изменил... изменник... фашист!.. Вот, пишут... читайте, родненький, читайте. Воззвания, сукин сын, раскидывает... (*Дает ему письмо.*)

Д л у г а ч (*читает*). Бред!.. Бред какой-то!.. Чудовищно... Дикий бред!.. Слушайте, кто это вам пишет?.. От кого это вы получили письмо?..

И ж д и в е н к а. От сестры...

Д л у г а ч. Н-да... Чудовищно...

И ж д и в е н к а. Мазепа!..

Д л у г а ч. Евдокия Аркадьевна, дорогая, у меня к вам глубокая просьба. Я хочу, чтобы вы меня поняли, насколько это серьезно.

И ж д и в е н к а. Да что вы, родненький, да у меня ноги подкосились, читаю и буквы прыгают...

Д л у г а ч. Евдокия Аркадьевна, дорогая, вполне вероятно... более того, я почти уверен в этом, почти убежден, что все это не так. Я очень уважаю вашу сестру, но согласитесь, может быть — ошибка, может быть — немецкая провокация, может быть — пустая болтовня. Кто-то кому-то сказал, кто-то пустил гнусную сплетню. И она дошла до Софьи Аркадьевны...

И ж д и в е н к а. Да, да, да!..

Д л у г а ч. Надо проверить, надо узнать. С абсолютной точностью. Скажите, пожалуйста, Евтихию Филимоновичу, что я к нему сегодня приду. Мы с ним обсудим, обдумаем, он проедет в Обком, в НКВД, словом, до тех пор, пока это не станет совершенно достоверным, я беру с вас слово, что вы ни одной живой душе, кроме Евтихия Филимоновича, про это не скажете. Вы только представьте себе, дорогая, что будет, если этот слух

дойдет до Варвары Петровны, до Анны Владимировны, до Ниночки. Вы понимаете, какой это будет ужас для них. А на проверку все окажется выдумкой, сплетней, ложью. А для них будет такой ужас. Я просто не знаю, как они это переживут.

Появляется З и н о ч к а .

И ж д и в е н к а. Понимаю, родненький, понимаю. Как же не понять-то!.. Ведь он для них... Да что мне вам про это рассказывать, кто он для них!.. Только бывало от Анны Владимировны и слышишь: «Папа сказал... папа написал... папа думает... папа считает... Папа, папа, папа...» Ах, родненький, Борис Львович, что я не понимаю, что ли? Ни одной живой душе! Как могила, молчать буду. Спите спокойно.

Д л у г а ч. Ну, спасибо. *(Прощается, уходит.)*

З и н о ч к а. Что, Евдокия Аркадьевна, письмо получили? Из Ленинграда? Ну, что пишут?

Иждивека безнадежно машет рукой.

Очень плохо там, очень?

Иждивека вздыхает.

Если не секрет, Евдокия Аркадьевна, прочтите пожалуйста. Теперь как-то все друг другу письма читают. Никаких секретов не стало. Так волнительно. Только вот приходят редко. Мы, ленинградцы, все теперь стали, как одна семья.

И ж д и в е н к а. Конечно, одна семья... Зиночка, вы тайны хранить умеете? Можете мне дать клятву, что ни одному человеку на свете не расскажете, ни одной живой душе?

З и н о ч к а. Я!.. Я!.. Да я так умею хранить, так умею! Не знаю, кто еще так умеет. Из меня клещами не вытащить.

И ж д и в е н к а. Ну, раз так, нате, читайте. Я вам, Зиночка, верю.

З и н о ч к а *(читая)*. Мамонтов!.. Владимир Андреевич!..

И ж д и в е н к а. А?.. Вот Мазепа!.. А?..

З и н о ч к а. Да ведь он был самый-ррассамый, красный-раскрасный... И на заем всегда больше всех подписывался... нет, просто глазам своим не верю, читаю и не верю.

И ж д и в е н к а. А?.. Вот!.. А?..

З и н о ч к а. Ой, если бы я раньше знала, собственными бы руками, кажется, придушила... гадину такую... Вот гадина!..

И ж д и в е н к а. Только, Зиночка, ни одной живой душе!

З и н о ч к а. Ни-ни!.. Подушка моя не узнает. Умерло... Вот сволочь.

И ж д и в е н к а. Тссс... Вам что-нибудь здесь еще нужно, Зиночка, или вместе пойдем?

З и н о ч к а. Мне еще перевод надо отправить сестренке.

И ж д и в е н к а. Ну, тогда до свиданья, поцелуйте сестренку от меня. Как она там кушает?

З и н о ч к а. Не жалуется. До свиданья, Евдокия Аркадьевна... Вот гнусь какая!..

И ж д и в е н к а. И не говорите. Своя не своя. Даже подумать не могу, как Евтихию Филимоновичу выговорю. Это прямо убьет Евтихия Филимоновича.

И ж д и в е к а уходит. З и н о ч к а пишет перевод. Появляется Р а з г о в о р ч и в а я г р а ж д а н к а тоже с переводом в руке.

Р а з г о в о р ч и в а я г р а ж д а н к а. Вот мы с вами и опять встретились. Да, если бы не ваши молоденькие глазки, я бы так и осталась с одной ботой на одной ноге до конца войны. Что это у вас, миленькая, такой расстроенный вид?

З и н о ч к а. Ах, знаете, в жизни есть столько гнусности, столько мерзости. Прямо жить иногда не хочется.

Р а з г о в о р ч и в а я г р а ж д а н к а. А что такое? И как это может не хотеться жить? Туда всегда успеешь, туда никогда не опоздаешь. Могила — это курьерский поезд. Она может подождать. Что же у вас такое случилось? Вероятно, в Ленинграде...

З и н о ч к а. Да, да, представьте, у нас в Ленинграде... Понимаете... Ах, если бы я знала, что вы никому не расскажете...

Разговорчивая гражданка. Что?.. Это я расскажу?.. Комедия! Да я же немая, как рыба. Да и кому я здесь, в этом городе могу рассказать? Я здесь одна, как палец. Мне же здесь не с кем словечка вымолвить. Целый день молчу, как бульжник. Слава богу, еще вас встретила, познакомилась, спасибо этой грязи.

З и н о ч к а. Так вот, я беру с вас обещание, клятву. Поклянитесь мне, что ни одному человеку, ни одной живой душе...

Разговорчивая гражданка. Даже как-то странно об этом разговаривать. Как вам не совестно? Вы меня обижаете.

З и н о ч к а (*шепотом*). Вы слышали о таком профессоре Мамонтове? Член-корреспондент Академии Наук, орденоносец...

Занавес.

Действие III

1 - я с ц е н а

В комнате Варвары Петровны. Вечер. На столе горит десятилинейная коросиновая лампа. Справа дверь в комнату Анны и Ниночки. Сидят Варвара Петровна и Длугач.

Д л у г а ч. Ваша Аня обладает прекрасным талантом, куда более редким в этом мире, чем талант стихотворца или художника, она обладает талантом — любить. Любить до конца, любить всем своим существом, сердцем, душой и умом. У некого молодого и нахального поэта мне запомнилось маленькое стихотворение:

Наплевать мне, что вы красавица,
Дело, друг мой, не только в роже.
В этот век говорят:
«Он мне нравится»,
А сказать «я люблю» вы не можете.

А вот Аня может.

В а р в а р а П е т р о в н а. Это верно, Аня может.

Д л у г а ч. Что же, Варвара Петровна, вы меня не угощаете кофеем? А это ведь тоже талант — уметь варить кофе. Вот у меня дома навалят полкофейника кофе, а кофе все равно ни к черту не годится. А вы его варите вдохновенно, и кофе у вас получается, как у турецкого султана.

В а р в а р а П е т р о в н а. У султанши.

Д л у г а ч. Да, Варвара Петровна, чуть не забыл, ведь я пришел к вам прощаться. Случай, как видите, торжественный. Только не смейтесь: уезжаю на фронт. Повезу подарки балтийцам. Вот тоже, наши-то чудачки — нашли кого послать. Хотели еще Евтихия Филимоновича! Нет уж, говорю, лучше меня посылайте, у меня все-таки с аэропланом получше отношения, чем у него. А они возьми, да и согласились...

В а р в а р а П е т р о в н а *(резко)*. Борис Львович, а вы знаете, что у меня сын-негодяй?

Д л у г а ч *(после паузы)*. Нет... Не знаю.

В а р в а р а П е т р о в н а. Ну так вот знайте: сын у меня негодяй.

Д л у г а ч. По этому поводу, Варвара Петровна, я бы хотел...

В а р в а р а П е т р о в н а *(перебивая)*. Лет шестьдесят тому назад я пережила предательство друга, своего друга, своего товарища по партии, я пережила предательство Сергея Дегаева. Для меня он был Сережа Дегаев. Прошло больше половины столетия, и, как сейчас, стоит у меня перед глазами этот день, который более полувека я считала самым страшным днем моей жизни... А вот, оказывается, что и он-то не самый страшный...

Д л у г а ч. Варвара Петровна... дорогая...

В а р в а р а П е т р о в н а *(перебивая)*. Как сейчас помню, вызвали меня из каземата. В канцелярии встречается полковник жандармский, придвинул мне с жандармской галантностью кресло и положил на стол передо мной тетрадь. «Взгляните, говорит, Варвара Петровна, знаком вам этот почерк, узнаете?» Трудно было мне его не узнать, дорог был мне и мил этот почерк. И вот, этот милый мне почерк посылали на виселицы, в бессрочную

каторгу, в Петропавловские казематы лучших своих друзей, десятки и десятки самых благородных, чистых и мужественных людей России... Революция не может жить и действовать без веры в человека. Да и вообще, можно ли жить на земле без этой веры? Основу жизни тогда поколебал для меня Сергей Дегаев... Ради чего, ради чего? Неужели только гаденький жалкий страх перед смертью превратил его душу в зловонную выгребную яму? Казалось, что и всех нас он потащил за собой туда, в эту помойку... Несчастье было ни с чем не сравнимое. Казалось, что оно все надежды смыло, всю моральную красоту людей, красоту революции и самой жизни. Жить больше не хотелось, не для чего было. Вот, что сделал Дегаев. Полстолетия, мой друг, нужно было пройти, чтобы зарубцевалась рана. И вот теперь, у конца своего пути — пожалуйста! По рубцу, по старому месту! И кто? Кто? Сын! Собственный сын!.. Пойми ты, Борис Львович, сын-то у меня Догаев!.. Хуже его... гаже... еще гаже... еще мерзей...

В шубе, в ботах, заиндивевшая от мороза в комнату вбегает А н н а .
У нее в руке телеграмма. Она машет ею, как флажком, над головой.

А н н а (как девчонка). Телеграмма!.. Телеграмма!.. Телеграмма!.. Телеграмма!..

В а р в а р а П е т р о в н а. От кого, Аня?

А н н а. От него!.. От него!.. От него!.. От него!..

В а р в а р а П е т р о в н а. От кого — от него?

А н н а. От Сергея!.. От Сергея!.. От Сергея!..

В а р в а р а П е т р о в н а. Ну, что в ней?

А н н а. Приезжает!.. Приезжает!.. Приезжает!..

Уфф... (Плюхается на стул.) Читайте.

Длугач берет телеграмму, читает.

Вслух!.. Вслух!..

Д л у г а ч (читает). «Цел невредим приезжаю отпуск...»

А н н а (выхватывает телеграмму, читает). Целую, целую, целую, целую, целую. Твой Сергей.

Д л у г а ч. Маленькая поправка. (Берет телеграмму.) «Целую» написано один раз.

А н н а. А вам, мистер, просто завидно.

Д л у г а ч. Не отрицаю.

В а р в а р а П е т р о в н а. Разденься, Аничка.

А н н а. Не желаю!

В а р в а р а П е т р о в н а. Борис Львович просит угостить его кофе.

А н н а. Не желаю!

В а р в а р а П е т р о в н а. Он уезжает с подарками на Ленинградский фронт.

А н н а. Скатертью дорога.

В а р в а р а П е т р о в н а. Аня...

А н н а. А что я говорила? Я говорила: Сергей из окружения выйдет.

Д л у г а ч. Как будто, Аня, вы не совсем то говорили, если мне не изменяет память.

А н н а. Как это не совсем то? Именно то. «Хоть чудом, я говорила, любым чудом, но выйдет». Вот и случилось так, как я говорила.

Д л у г а ч. О, женщины!..

А н н а. Теперь еще от папы получить такую же телеграмму и все в порядке, как говорят бойцы у нас в госпитале. Получим, Варвара Петровна! От вас только одно сейчас требуется: терпение, Варвара Петровна, терпение и терпение. (Другачу.) Правильно цитирую?

Д л у г а ч. Это не меня, а генерала Куропаткина...

А н н а. Ну, и шут с ним, скажем по-вятски. Так вот у меня предчувствие, Варвара Петровна. Вы, может быть, не верите в предчувствие, ваше частное дело, а меня оно еще никогда не обманывало, я с ним в самых прекрасных отношениях. (Целуя Варвару Петровну.) Буленька, твой сын и мой отец не из худшего десятка, чем приват-доцент Сергей Сергеевич Николаев, можешь в этом не сомневаться. Мамонтов! Сын Варвары Мамонтовой!.. (Снимая шубу и боты.) Где керосинка?..

В а р в а р а П е т р о в н а. В твоей комнате.

А н н а (Другачу). Будет вам кофе, только уезжайте поскорей, а то примитесь все время торчать перед носом, как на вокзале. (Со смехом выбегает в соседнюю комнату.)

В а р в а р а П е т р о в н а. Вот, батюшка, дела-то какие...

Д л у г а ч. Откуда вы узнали, Варвара Петровна? Вам показала письмо Евдокия Аркадьева?

В а р в а р а П е т р о в н а. Какое письмо? Утром из Обкома мне принесли конверт секретный. От Ивана Тимофеевича конверт. Разве я поверила бы какой-то писульке.

Д л у г а ч. Варвара Петровна...

В а р в а р а П е т р о в н а. Ну, что, голубчик?

Д л у г а ч. Не говорите Ане. Хотя бы только сегодня не говорите.

В а р в а р а П е т р о в н а. Сегодня не скажу. А вы про какое письмо, Борис Львович?

Д л у г а ч. Евдокия Аркадьевна получила письмо из Ленинграда с теми же грустными вестями: когда она прочла его Евтихию Филимоновичу, старик заплакал.

Входит А н н а с кофейником и с зажженной керосинкой.

А н н а. «По морям, по морям...» А где мы положим Сергея?

Д л у г а ч. Я его заберу к себе.

А н н а. Дудки!

Входит Н и н о ч к а . Тоже в шубе и в калошах. По щекам у нее текут слезы. Швыряет книжки и синие школьные тетради на кровать.

Что случилось, Нина?

Н и н о ч к а. Я больше не пойду в школу... Никогда не пойду!.. Никогда!.. *(Рыдая прислоняется к стене.)*

Д л у г а ч. Ниночка!..

А н н а. Что случилось, Нина?

Н и н о ч к а *(рыдая)*. Они.. они... они говорят... что папа... папа... изменник... фашист... что папа... папа... к немцам перебежал...

А н н а. Кто это говорит? Кто это сказал?

Н и н о ч к а. Девочки... и мальчишки... все... все... Тонечка. Тонечка Грацианская... ушла с парты... она не захотела со мной сидеть на одной парте...

А н н а. Я сейчас пойду в школу. *(Снимает с вешалки шубу.)*

В а р в а р а П е т р о в н а. Повесь, Аня, шубу.

А н н а. Этому нет слов... это... я иду в школу.

В а р в а р а П е т р о в н а. Тебе не следует идти, Анна.

А н н а. Как это не следует? Ты хочешь пойти? Тогда пойдем вместе. Одевайся.

В а р в а р а П е т р о в н а. И я не пойду. И ты не пойдешь.

А н н а. Не понимаю. Ничего не понимаю.

В а р в а р а П е т р о в н а. Ваш отец — негодяй.

Большая пауза.

Н и н о ч к а (кричит). Бабушка!..

А н н а (стараясь быть спокойной). От кого эти сведения про отца?

В а р в а р а П е т р о в н а. Это верные сведения.

А н н а. Откуда они? НКВД сообщило?

В а р в а р а П е т р о в н а. Сегодня утром я получила письмо от Башкирова.

Н и н о ч к а тихо выходит из комнаты.

А н н а. Ты мне можешь показать это письмо?

В а р в а р а П е т р о в н а. После.

А н н а. Что оно сообщает?

В а р в а р а П е т р о в н а. Вот это самое. То, что сейчас сказала Нина. Смысл тот же. Где она?.. Нина!.. Пойди посмотри, что она там делает? Приведи ее сюда.

А н н а выходит.

Д л у г а ч. Варвара Петровна, вы же дали мне обещание...

В а р в а р а П е т р о в н а. А как же я могла сдержать его, ведь Анна хотела идти в школу.

Д л у г а ч. Сколько минут она была счастлива — три, четыре? Сколько минут человек бывает счастлив за всю свою жизнь?..

Вбегает А н н а .

А н н а. С Ниночкой плохо...

Д л у г а ч. Что?.. Плохо?..

А н н а. Где вода?..

Варвара Петровна. Чтосней?.. Чтсней, Аня?..
Длугач. Обморок?..
Анна. Да... без чувств... вода?.. Где вода?..
Варвара Петровна. Не волнуйтесь, Аня... ну
обморок... Кто из женщин не падал в обморок?..
Длугач. Вот...
Анна. Давайте... *(Берет стакан.)*
Длугач. А нашатырный спирт у вас найдется, Вар-
вара Петровна?
Анна. Да, да... нашатырный спирт... *(Уходит.)*
Варвара Петровна. Есть, есть... сейчас...
(Ищет в ящике стола.) Куда же это он запропастился...
Целая аптека тут... На, батюшка, на...
Длугач. Спасибо. А вы садитесь и сидите.
Варвара Петровна. Нет, я пойду...
Длугач. Право же, чтобы дать понюхать Ниночка
нашатырного спирта, там вполне достаточно врачей. Са-
дитесь и сидите. Ну, пожалуйста!.. *(Уходит.)*
Из соседней комнаты раздается душераздирающий крик. Анна:
«Нина!.. Ниночка!.. Нина!..» Вбегает Анна.

Анна. Она отравилась!..
Варвара Петровна. Что ты, что ты!.. Господь
с тобой...
Анна. Стрихнином!.. Стрихнином, который я до-
стала для Норы...

2 - я с ц е н а

В Парижском кафе. За сценой пиликает оркестр. Мамонтов си-
дит за столиком. Поодаль от него немец в штатском, сутуловатый, с
седыми усами, в золотых очках. Черное пальто его и черная велюровая
шапка не претендуют на модность.

Мамонтов *(поднимаясь навстречу)*. Игорь Ви-
кентьевич!.. *(Протягивает ему руку.)* Вы не узнаете
меня?.. Мамонтов... Владимир Андреевич Мамонтов...

Господин с седыми усами закладывает руку за спину и неторопливо
проходит к столику. Мамонтов несколько мгновений стоит с повисшей
в воздухе рукой, потом возвращается на свое место.

Г о с п о д и н в ч е р н о м. Гарсон!..

Подходит г а р с о н .

Г о с п о д и н в ч е р н о м. Кофе.

Г а р с о н отходит. Пиликает оркестр.

М а м о н т о в. Гарсон...

Подходит г а р с о н .

Еще!.. *(Показывает на рюмку.)*

Входит И н о к е н т ь е в . Здоровается с господином в черном.

М а м о н т о в *(поднимаясь)*. Глеб!..

Инокентьев не спеша подходит к столику Мамонтова. Гарсон подает рюмку коньяку.

Так-то ты спешишь на свидание к школьному другу, которого не видел двадцать три года!.. Целых полчаса я сижу и жду тебя с волнением мальчишки. Ведь завтра, старина, я улетаю в Прагу. Сегодня выступал здесь последний раз, осатанело мне это радио. Ты слушал меня? Да, старина, опоздай ты еще минут на пятнадцать и мы могли бы не свидеться еще двадцать три года... Ах, этот Париж! Он, правда, не совсем тот, что был когда-то, но все же какой чудесный город!

И н о к е н т ь е в . Только дома здесь и не изменились. Впрочем, оказывается, и камни умеют мрачнеть. Мне иногда кажется, что на них появились морщины, на этих парижских камнях.

М а м о н т о в . Нет, я непременно вернусь в Париж! Вот только из Праги в Белград, потом на денек загляну к себе на петербургскую дачу. Ведь я, черт возьми, уехал из этой страны мрака с нессесером в руках. В нессесере было три килограмма рукописей и ни одной пары кальсон. Оказывается, это тоже вещь не менее необходимая, чем трактат о царе Василии Шуйском... Да, Глеб, представь, моя теперешняя дача в той самой Коромысловке, где мы с тобой прожили лето после окончания гимназии. Что это было за лето! Помнишь, как мы с тобой оба роковым образом влюбились в Лидочку Градопольскую?.. *(После небольшой паузы.)* А в Петербурге у меня осталась семья. Ведь у меня две взрослых дочери... и мама была еще жива. Я совершенно

теряю голову, мысли у меня мутятся, когда я думаю, что с ними. Петербург должен был пасть со дня на день. Петергоф сдан, Гатчина сдана, в Царском Селе немцы, я был уверен, что мы расстанемся не больше, чем на неделю, а теперь мама и дочери в руках большевиков. Нет, ты себе не представляешь степени жестокости этих социалистических варваров!.. Я все говорю, говорю, а ты молчишь, старина!.. А ну-ка, Глеб, дай рассмотреть тебя.. Ничего, ничего!.. Старая гвардия держится. Сними-ка шляпу.

Инокентьев снимает шляпу.

Да, брат:

Облетела твоя голова
Куст волос золотистых вянет...

Но, черт возьми, среди этого, что осталось у тебя на голове, почти нет седых волос. А взгляни-ка на мою шевелюру. *(Снимает шляпу.)* Вот, старина, что значит прожить двадцать четыре года в коммунистическом Эдеме. Вам, парижанам, разумеется, с чего было бы сесть.

Инокентьев *(иронически)*. Да, конечно, мы здесь ничего не пережили.

Мамонтов. Гарсон!

Подходит гарсон.

Инокентьев. Мне кофе.

Мамонтов. Что!.. Нет, кофейком тут не отделаешься. Этот фокус не выйдет. Вспомни-ка, брат, сколько после вакаций мы осушили бутылок с серебряными горлышками. А?.. Неужто ж у нас теперь в груди другие сердца? Ну, пусть чуть-чуть пошаливают они перебоями, пусть у одного слегка удлинилась аорта, у другого легонькое расширение, но кровь-то, старина, кровь! Густая красная студенческая кровь, кровь верности и дружбы, разве она у нас теперь разбавлена кипяченой водицей? Вздор! Не верю!.. А ну исковеркаем Пушкина:

Со мною мой Дельвиг милый,
Товарищ юности моей...

Нет, старина, после двадцитрехлетней разлуки я с тобой за кофе не встречаюсь, шутишь, брат.

Инокентьев. Прости, совсем не пью. *(Гарсону.)*
Кофе.

Гарсон уходит. Пауза.

Мамонтов. Как себя чувствует твоя жена?

Инокентьев. Она просила извиниться перед тобой, что не пригласила тебя к нам. Вот уже несколько дней, как она себя чувствует очень плохо.

Мамонтов. А знаешь, она еще меньше изменилась, чем ты, я ее вчера мельком видел на авеню Анри Мартэн. Она меня, вероятно, не узнала.

Инокентьев. Вероятно.

Гарсон подает кофе и уходит.

Мамонтов. Скажи, это правда, что генерал Галич-Залецкий и генерал Воронин в концлагере?

Инокентьев. Да, немцы их посадили за то, что они отказались воевать против России.

Мамонтов *(обозленно)*. Идиотизм — это такая же неотъемлемая принадлежность русских генералов, как и красивые лампасы. Воевали же эти идиоты против большевиков в 1919 году?

Инокентьев. Тогда им казалось, что они воевали за Россию. А теперь это даже не может казаться.

Мамонтов. Ты так считаешь?

Инокентьев. Да, я и всякий русский человек.

Мамонтов. В таком случае, что же ты думаешь обо мне?

Инокентьев. А мне бы не хотелось о тебе думать. Мне это неприятно.

Мамонтов. Благодарю за откровенность. *(Выливает рюмку.)* Гарсон!.. А что же ты думаешь о своем сыне, о сотне эмигрантских сыновей, которые сейчас добровольно сражаются в армиях, освобождающих Россию от большевизма?

Гарсон приносит новую рюмку.

Инокентьев. О моем сыне, находящемся в немецкой армии, воюющей против России, мне также не-

приятно думать, как о тебе. Но я не могу о нем не думать, потому что он мой сын. И я думаю о нем плохо, но с горечью и болью. Ведь в том, что он не русский человек, что он человек без родины, а, значит, и без души, повинен я. Увезто из России его я. Я его сделал таким, каков он есть. Я, а никто другой. Теперь, когда ты тоже стал эмигрантом...

М а м о н т о в *(перебивая)*. Что!.. *(Смеется почти искренне.)* Я стал эмигрантом?.. Нет, любезнейший, я эмигрантом не стал и не собираюсь им становиться! Через три-четыре недели эмигрантом станут те, кому удастся улизнуть из-под виселицы и новой освобожденной России. Их будет не слишком много, мы уж постараемся, чтоб не слишком много слонялось по земле преступников и тунеядцев.

И н о к е н т ь е в. Вот эти же фразы, слово в слово те же самые, мы повторяли изо дня в день лет пятнадцать подряд. Как все это знакомо! Об этих же трех-четырёх неделях, о тех же виселицах. Быстро же ты, однако, усвоил эмигрантские мысли, эмигрантские надежды, эмигрантские речи и, напротив, эмигрантскую глупость.

М а м о н т о в. Гарсон, сигару!.. и еще рюмку... Видишь ли, хоть Федор Михайлович Достоевский и говорил, что всех умней у нас тот, кто хоть раз в месяц самого себя дураком считает, но сегодня не то число и не тот день месяца, когда я это делаю. *(Выпивает рюмку, закуривает сигару.)* Мне очень жаль, что наша встреча, которую я предвидел как дружескую и деловую... Впрочем... что об этом говорить!..

И н о к е н т ь е в. Даже деловую? Впрочем, я догадываюсь, ты, вероятно, собирался мне предложить что-нибудь вроде министерского поста в будущем государстве Московском...

М а м о н т о в. Гарсон!..

И н о к е н т ь е в. Таких министерских портфелей за это двадцатилетие мне предлагали девять, твое предложение десятое, от пяти последних я уже предусмотрительно отказался, хотя они были гораздо солиднее, чем твое, — мне, как никак, предлагали министерство в Росийской Империи, а не в Московии с тридцатимиллионным населением и тремя миллионами виселиц. У наших премьер-министров были все-таки другие пропорции.

Подходит гарсон.

Мамонтов. Еще!..

Инокентьев смотрит на часы.

Торопишься?

Инокентьев. Нет! (*Гарсону.*) Кофе!

Гарсон отходит.

Мамонтов. Надоело это пиликание, действует на нервы.

Инокентьев. Я уж привык не слышать. (*Закуривает.*) С тобой мы однокашники по гимназическому интернату. Пять университетских лет я чувствовал твой локоть возле своего, в аудиториях и на пирушках. Чувство локтя!.. От него трудно отделаться. И как бы мне не было неприятно думать о тебе, я не могу не думать.

Гарсон подает коньяк и кофе.

Мамонтов. Что ж, я не прочь послушать. Должно быть все то же чувство локтя! Будь оно проклято, это чувство!

Инокентьев. Говорить?

Мамонтов. Да... Может быть, все-таки выпьешь рюмку?

Инокентьев. Нет. (*Смотрит на часы.*)

Мамонтов. Что ты все смотришь на часы? Это раздражает.

Инокентьев. Вероятно, я это делаю оттого, что у меня слишком много свободного времени. Так вот, несколько дней тому назад мы с Игорем Викентьевичем говорили о тебе...

Мамонтов. Значит, на неприятную тему?

Инокентьев. Он знает тебя меньше, чем я, и твое... (*Подыскивая слово.*) Ну, скажем мягко, твой поступок ему не совсем понятен.

Мамонтов. Давай уж без мягкости. За последнюю четверть века меня приучили обходиться без нее. Так что же Трегубову непонятно?

Инокентьев. Сейчас стоит вопрос о России, о существовании России, быть или не быть ей, а Игорь Ви-

кентьевич очень русский, и он не может понять, как это мыслящий русский человек может перебежать к немцам, чтобы, по мере своих сил, помогать им завоевывать Россию.

М а м о н т о в. Старый дурак!

И н о к е н т ь е в. Я ему сказал, что такие люди, как ты, существовали во все эпохи, иногда их бывало меньше, иногда больше, и то, что сегодня их раз-два и обчелся, свидетельствует о том, что Россия, несмотря ни на что, слава богу, сильна и здорова духом.

М а м о н т о в. Интересно!.. Ну-с, послушаем дальше.

И н о к е н т ь е в. Я помню, как в первых классах гимназии твоим лучшим другом был Миша Степанов, самый глупый мальчик в нашем классе. Но Миша Степанов был ростом на целую голову выше нас всех и являлся обладателем самых тяжелых кулаков. А кулаки были тогда не шуткой в нашей жизни!

Мамонтов смеется.

Чему ты смеешься?

М а м о н т о в. Так... Мне пришла на память твоя физиономия в сине-багровых фонарях... помнишь, когда ты дал мне подножку на молитве? Да, у Мишки Степанова были чудесные кулаки! Тебе есть что вспомнить.

И н о к е н т ь е в. Эти чужие кулаки глупого мальчика тебе гарантировали не только безмятежно-спокойную жизнь в классе, но и давали власть над полусотней головорезов. Позднее, в старших классах, а потом в университетские годы, Мишу Степанова сменил я. Теперь мне кажется, что я был удостоен этой чести потому, что мои любвеобильные и богатые тетушки туго набивали мой бумажник хрустящими сторублевыми.

М а м о н т о в (*несколько растерянно*). Ну, знаешь...

И н о к е н т ь е в. Тяжелые кулаки отступили перед могуществом денег.

М а м о н т о в. Оказывается, я очень терпелив! Как видишь, у большевиков мы прошли хорошую школу.

И н о к е н т ь е в. Всякий находит для себя свою жизненную философию. И ты, очень рано, тоже ее нашел —

очень удобную и очень выгодную: все и все для тебя и не для кого и не для чего — ты. Не ты для друзей, для возлюбленной, для близких, не ты для науки, для революции, для России, а все это для тебя. Как тяжелые кулаки Миши Степанова ты променял на мой бумажник, дружески раскрытый для тебя, так точно Россию двуглавого орла ты променял на Советскую Россию, а ее — на гибель России, на немецкую колонию до Уральского хребта.

М а м о н т о в. Так!..

И н о к е н т ь е в. Смоленск пал, немцы идут к Одессе, немцы в Петергофе, в Царском Селе. Завтра они в Ленинграде, послезавтра в Москве. Советской России песенка спета. Ты в этом убежден. Пахнет «капутом» блестящего большевистского профессора. Сильнее Гитлера зверя нет. А не вовремя ли стать дрессированной собачкой, с кличкой «Министр», при германском маньяке, при Аггиле нашего века?..

М а м о н т о в. Не кажется ли тебе, что ты теряешь чувство меры?

И н о к е н т ь е в. Ты же сам предложил «без мягкости».

М а м о н т о в. Мои убеждения...

И н о к е н т ь е в. Твои убеждения!.. Убеждения для тебя всегда были чем-то вроде панельных девиц, с которыми так легко расстаться, как и сойтись... Колесница победителя!.. Вот что владычествует твоей душой. Колесница победителя, вне зависимости от того, кто на ней восседает, кто правит лошадьми. Ты всегда, во чтобы то ни стало, стремился устроиться на ее запятках. Но в теперешнем случае ты, как будто, слишком поспешно их переменил. Мне кажется, ты устроился на лакейских запятках обреченной тевтонской колесницы... Победителя минуты принял за победителя эпохи. Опростоволосился, Мамонтов.

М а м о н т о в (*потеряв самооблагание*). Разговор кончен. Я не привык, чтобы со мной разговаривали в подобном тоне.

И н о к е н т ь е в. Как хочешь. Мы с тобой слишком давно знакомы, чтобы утруждать себя неискренностью.

М а м о н т о в. Я не понимаю, собственно, почему ты пришел сюда? Твоя жена, которая сделала вид, что не уз-

нала меня на улице, поступила, по-моему, а несколько логичней. С человеком, которого, как я понял, ты считаешь предателем, порядочные люди не сидят за одним столом.

Раздается выстрел. Мамонтов вскакивает.

Немец в штатском (*кричит Мамонтову*).
Ложитесь!..

Мамонтов (*растерянно*). Что?..

Второй выстрел.

Немец в штатском. Ложитесь же, черт вас поберет!..

Мамонтов ложится на живот. За сценой крики, шум, падают столики, разбивается со звоном посуда. Пауза. Мамонтов лежит на животе.

Гестаповец проводит молодого обезоруженного француза.

Молодой француз. Да здравствует свободная Франция!.. Смерть фашизму! Смерть предателям!..

Мамонтов (*вскакивает*). Арестуйте этого человека! (*Показывает на Инокентьева*.) Он соучастник!.. Он соучастник этой французской собаки!..

Занавес.

Действие IV

1 - я сц е н а

В госпитале. Две кровати: на одной Д л у г а ч , он читает и, видимо, увлечен чтением, на другой кровати дремлет раненый боец. Входят Н и к о л а е в и А н н а . Она в военной форме.

А н н а (*негромко*). Борис...

Д л у г а ч не слышит.

Н и к о л а е в. Борис...

Б о е ц (*проснувшись*). К профессору?.. Профессор!..

Д л у г а ч (*не отрываясь от книги*). А?..

Б о е ц. К тебе, профессор.

Д л у г а ч (*не отрываясь*). Мне ничего не нужно, у меня ничего не болит, температура нормальная. Оставьте меня в покое.

А н н а (с улыбкой, громко). Пойдем, Сережа, оставим его в покое.

Д л у г а ч. Аня!.. Сергей!..

Н и к о л а е в. Может, тебя в покое оставить?..

Д л у г а ч. Как с неба свалились. Ну, садитесь, садитесь.

А н н а. А мы с неба и свалились, час тому назад на ваш аэродром. (Бойцу.) Здравствуйте, товарищ.

Б о е ц. Здравствуйте. С фронта?

А н н а. Нет, из Кирова.

Н и к о л а е в. А ты здесь полеживаешь и книжечки почитываешь? Лафа!..

А н н а. Как себя чувствуете, Борис?

Д л у г а ч. Отвратительно. Не смогу, представьте себе, Аничка, еще недели три боксировать левой рукой. Это меня положительно удручает.

А н н а (Николаеву). Ну, он острит, значит, все в порядке.

Б о е ц. В порядочке.

Д л у г а ч. Со мной дело ясное, а что у вас? Что в Кирове? Что в институте? Как Варвара Петровна?

А н н а. В институте все по-старому. А вот бабушка за те страшные дни постарела больше, чем за двадцать лет, которые я ее помню. Очень было грустно ее оставлять. Правда, за ней там все наперебой ухаживают, по вечерам заходит Евтихий Филимонович, Зиночка переселилась в мою комнату, Евдокия Аркадьевна приносит «съедобненькое», а бабушка ни к чему не притрагивается... Какая славная, добрая женщина эта Евдокия Аркадьевна! И какая неутомная, целый день бегает по рынку, по кооперативам, из очереди в очередь, и все для других, сама-то как воробей клюет.

Д л у г а ч. Страсть, Аничка, всегда бескорыстна. Страстные картежники всегда проигрываются, скупцы не пользуются благами жизни, страстные любовники обычно несчастны и трагичны в своей любви. Евдокия Аркадьевна, бегая из очереди в очередь, клюет как воробей. Страсть!

А н н а. Ужасно было тяжело оставлять бабушку.

Н и к о л а е в. Да, очень тяжело.

Д л у г а ч (Анне). И тем не менее «возлюбленные должны воевать вместе»? (Показывает на ее военный костюм.)

А н н а. Непременно.

Д л у г а ч. А вы, между прочим, все еще возлюбленные?

Н и к о л а е в. Ты нахал, Борис.

Д л у г а ч. Нет, меня все-таки интересует это чисто теоретически: сколько же лет может продолжаться подобная чепуха?

А н н а. Можете успокоиться: мадам Николаева!

Д л у г а ч. Поздравляю, хотя и с опозданием на три года. Итак, молодожены, вы, значит, совершаете свадебное путешествие?

Н и к о л а е в. Вроде. Сегодня улетаем в Ленинград, а оттуда через несколько дней в Партизанский Край.

Д л у г а ч. Довольно своеобразное свадебное путешествие, в духе времени.

Н и к о л а е в. Именно.

Д л у г а ч. В Ленинград!.. Аничка сразу побежит на свою Фурштатскую, быстро-быстро поднимется на третий этаж, откроет своим французским ключом тяжелую дверь, обитую клеенкой цвета бычьей крови...

А н н а (перебивая). Как-то даже не думается об этом, ни о своей Фурштатской, ни о своей квартире, ни о своих вещах. Когда вокруг столько человеческих трагедий, какое мне дело до какого-то екатерининского бюро.

Д л у г а ч. Нет! Ведь мои вещи, мои картины, мои книги — это часть меня, — это мои вкусы, мои привычки, мои воспоминания, это смятения и колебания моего духа, его измены и верности... Итак, в Партизанский Край? Кем же вы, Аничка, там будете: разведчиком, пулеметчиком, автоматчиком, фельдмаршалом или главным хирургом?

А н н а (сердито). Денисом Давыдовым!

Н и к о л а е в. У нас там имеется и фронт, и тыл. Да, представь, Борис, тыл как тыл. Начинаем уже готовиться к весеннему севу. Я с собой даже агрономшу прихватываю.

А н н а. Но я буду на фронте, а не в тылу.

Н и к о л а е в. Как начальство распорядится.

А н н а. Ничего, я с Иван Тимофеевичем уж как-нибудь договорюсь.

Д л у г а ч. А у вас Башкиров начальство?

Н и к о л а е в. Башкиров.

Д л у г а ч. После баталий, Аничка, будете в свою Коромысловку ездить, чай пить под яблонями, чудные там яблони! Только жаль, что на них яблоки не растут.

Н и к о л а е в. Пока что в Коромысловке немцы чай пьют.

А н н а. Да... Коромысловка... Я когда-то ее очень любила... Между прочим, Сережа, ты помнишь разговор с Башкировым на вокзале?

Н и к о л а е в. О чем это?

А н н а. О Мазепе.

Н и к о л а е в. Нет, мне тогда было не до исторических разговоров.

А н н а. Ну о том, что надо знать своих изменников. Вот Петр Великий всенародно предал Мазепу анафеме. Портрет Мазепы стоял в соборе и священнослужитель прободал его грязное сердце копьем. Петр понимал, что делал. Не было в России человека, который не знал бы имя Мазепы. И имя это стало ненавистным в народе. Имя предателя должно стать ненавистным в народе.

Д л у г а ч. Конечно.

Н и к о л а е в. Ну, Борис...

А н н а. Подожди! Почему вы не хотите, боитесь разговаривать со мной об отце? Почему? Если вы думаете, что мне это больно, вы очень ошибаетесь. Это совершенно не то чувство. *(Николаеву.)* Ты знаешь, что это за чувство?

Н и к о л а е в. Знаю.

А н н а. Ну вот! В чем же тогда дело? Все могут, а я не могу. Почему?

Н и к о л а е в. Ну говори, если так хочется.

А н н а. Да, хочется. Хочу, хочу!.. *(После паузы.)* До чего это страшно, Борис, вот живешь с человеком всю жизнь, изо дня в день рядом, вместе, бок-о-бок и совершенно его не знаешь. Он для тебя, как запертый ящик. Никто никого не знает. Мужья не знают жен, жены мужей, дети не знают своих родителей, отцы и матери своих детей... Эти уж как-то особенно не знают. А революци-

онеры? Помните, все эти процессы после убийства Кирова? Как это было страшно! Люди прошли вместе через тюремные камеры, этапы, ссылку, каторгу... И что же?..

Д л у г а ч. Да..

А н н а. Тогда все мы недоумевали, и я недоумевала, но тогда это было как-то со стороны... А теперь... Боже мой, какая слепота! Как кроты. Даже оскорбительно. Я вот к себе какое-то презрение испытываю...

Пауза.

Н и к о л а е в. Ну, Борис, рассказывай про свое геройство.

А н н а. Вот так всегда, стоит мне заговорить...

Н и к о л а е в. А тебе разве не интересно про это геройство?

А н н а. Очень.

Д л у г а ч. Ну-у, такой герой!.. *(Бойцу.)* Иван Григорич, ты не помнишь, где моя золотая звезда?

Б о е ц. Может, под подушкой.

Н и к о л а е в. Хватит дурить, рассказывай. Общая ситуация нам известна и о немецком парашютном десанте и прочее, рассказывай, как тебя ранило.

Д л у г а ч *(без малейшей рисовки)*. Вот уж не интересно-то! Человеку проткнули лопатку штыком, чего же тут интересного? Предпочитаю поговорить о более приятных воспоминаниях.

Б о е ц. А вот, товарищи, как дело было: садит это, значит, немец из автоматов, здорово садит, какая, значит, пуля в воздух, а какая и не в воздух. Ну, ладно. Ложит, значит, винтовочка одна, вроде как без пользы. И профессор тут же случаем рядом возле винтовочки. Ну, ладно. Гляжу: берет это он ее, приноравливается.

Д л у г а ч. А что мне делать-то было, все стреляют.

Б о е ц. Постреляли, как полагается, постреляли, ну, ладно, команда, командир, значит, в атаку поднимает: «Давай, говорит, давай!» Тут у меня под самым ухом: «Ура-а-а!»..

Д л у г а ч. Все кричат, ну и я за ними.

Б о е ц. Ну, ладно. Немец, конечно, он тоже не дурак, так из пулемета качает, что будь здоров. Я, значит, и кричу профессору: «Ложись, профессор, ложись!»

Д л у г а ч. А я понимаете, Аничка, и не слышал, я бы, разумеется, с большим удовольствием лег.

Б о е ц. Ну, и мне, значит, тоже выходит обидно как-то лежать. Ну, ладно. А тут и фриц повскакал, значит, надо его вроде как в штук.

Н и к о л а е в (показывает на Длугача). Насадил?

Д л у г а ч. Вот чудак! Ведь если бы я его не насадил, так он бы меня насадил. Здесь математика самая несложная.

Б о е ц. Одного, значит, насадил, а другой, сукин кот, профессора с тыла в лопатку.

Д л у г а ч. Вот это самое неприятное, знал бы и подарки не возил.

Б о е ц. Ну, ладно. А тут уж и я повалился. На меня, значит, свой приятель нашелся. В общем все в полном порядочке получилось.

Д л у г а ч. Полный порядочек-то, положим, довольно относительный: проткнули меня, как дурака, а теперь валяюсь здесь без всякого дела.

Б о е ц. Мы об этом только и просим все его, чтобы хотя денек другой без всякого дела повалялся. А то, значит, зачитывает он нас до болезни своими лекциями, никакого от него спасения.

Д л у г а ч. Они бы, конечно, больше рады были, если б лопатку продырявили не мне, а цыганской певице.

Б о е ц. Ох, и хорошо бы было!

Д л у г а ч. Вот, слышите?

А н н а. Поправляйтесь-ка скорей, Борис, и заявляйтесь к нам в Партизанский Край.

Д л у г а ч. Что вы, Аничка, какая я вояка! У меня ишиас.

2 - я с ц е н а

На даче. М а м о н т о в и Е г о р о в н а упаковывают вещи.

М а м о н т о в. Этот сервиз, Егоровна, как следует перекладывай соломой, чашки хрупкие, вкладывай чашечка в чашечку, вот так. Ух, и капуха же ты!..

Е г о р о в н а. Руки-то не молоденькие, седьмой десяток уж этим рукам.

М а м о н т о в. Так, говоришь, ничего с немцами, обжились?

Е г о р о в н а. Ничего.

М а м о н т о в. Деток-то да баб не обижают?

Е г о р о в н а. Ничего.

М а м о н т о в. Небось, которые за офицеров-то и замуж повыскакивали? Твоя-то Ольга не выскочила?

Е г о р о в н а. Нет, не выскочила.

М а м о н т о в. А Машка твоя как? Выросла?

Е г о р о в н а. Ничего.

М а м о н т о в. Она в каком классе-то у тебя?

Е г о р о в н а. В прежнем.

М а м о н т о в. Осталась, что ли?

Е г о р о в н а. Да некуда переходить-то было.

М а м о н т о в. Не жалея соломы, не жалея... Школу закрыли что ли?

Е г о р о в н а. Нет, не прикрывали, сама прикрывалась... Учительницу-то повесили.

М а м о н т о в. Как!.. Александру Николаевну?

Е г о р о в н а. Ага.

М а м о н т о в. Н-да... Осторожно, Егоровна, осторожно, не кокни. Значит, у вас тоже вешали?

Е г о р о в н а. А как же иначе.

М а м о н т о в. Много?

Е г о р о в н а. Ничего.

М а м о н т о в. С партизанами небось перемигивались. За это?

Е г о р о в н а. А кто его знает.

М а м о н т о в. Держи сахарницу. Крышечку положи внутрь. И хорошенько обмотай соломой... Выходит, перемигивались. Зря же не будут вешать.

Е г о р о в н а. Да, не должно быть.

М а м о н т о в. Можно полсервиза упаковать, пока ты одну сахарницу соломой обкрутишь. Что же и на немцев также работаете?

Е г о р о в н а. Уж как умеем.

М а м о н т о в. И не порят они вас за такую работу?

Е г о р о в н а. Как же не пороть-то, порят.

М а м о н т о в. Здорово порят?

Е г о р о в н а. Ничего.

М а м о н т о в. Твоим-то еще не досталось?

Е г о р о в н а. Моим-то нет.

М а м о н т о в. Ну, если так пошевеливаться будут, как ты пошевеливаешься, достанется.

Е г о р о в н а. Достанется.

М а м о н т о в. И тебе достанется.

Е г о р о в н а. И мне достанется.

М а м о н т о в. Они народ серьезный.

Е г о р о в н а. Сурьезный.

М а м о н т о в. А в общем-то ничего живется?

Е г о р о в н а. Живем, мякину жуем.

М а м о н т о в. А в Ленинграде вот и мякину не жуют.

Е г о р о в н а. Слышно, что не жуют.

М а м о н т о в. Все еще над сахарницей возишься?..

Ну, знаешь, с тобой ангельское терпение надо иметь! Немцы ангелы, если тебя еще не выпороли.

Е г о р о в н а. Ангелы!..

Раздается выстрел.

М а м о н т о в. Что это?.. Стреляют?..

Е г о р о в н а. А у нас всегда стреляют. Охотятся.

М а м о н т о в. На кого охотятся?

Е г о р о в н а. На гусей... на курей... на петухов... на поросят...

Дверь тихо отворяется. Входят Николаев и два партизана. Егоровна их увидела, Мамонтов еще нет.

Е г о р о в н а. А другие и на изменников охотятся. Кто на кого.

М а м о н т о в. На каких изменников?

Е г о р о в н а. А вот на таких, как ты.

М а м о н т о в. Что?..

Н и к о л а е в. Руки вверх, гражданин Мамонтов.

Мамонтов поднимает руки.

Е г о р о в н а. Ох, совсем умучил ты меня, товарищ Сергей. Думала уж не явишься. Или, думаю, Машка моя до вас не добегла, или, думаю, прихватили ее, сволочи, а может апирация нестоящая.

Н и к о л а е в. Спасибо, Егоровна, — добегла.
И «апирация» стоящая. Пошли, гражданин Мамонтов.
М а м о н т о в. Я могу опустить руки?
Н и к о л а е в. Можете.

М а м о н т о в а уводят.

3 - я с ц е н а

В партизанском штабе. Б а ш к и р о в и Н и к о л а е в допрашивают
М а м о н т о в а . В глубине горницы дверь. Дверь плотно закрыта.

Б а ш к и р о в. Вы хотели бы еще что-нибудь сказать?

М а м о н т о в. Да, я хотел бы еще сказать о том презрении и о той ненависти, которыми я был окружен со дня моего перехода в стан врагов. Это были стены ненависти, сложенные из глыб. Каждый человек — глыба ненависти. Стены на вулканических землях. Завтра или послезавтра эти земли дрогнут, дрогнут священные славянские земли, дрогнет старая земля Франции, дрогнет суровая скандинавская земля, и стены рухнут, а человеческие глыбы погребут под собой чужеземных порабощителей.

Б а ш к и р о в. Может быть, чуть попроще можно, конкретней? Речь-то ведь ваша сейчас не транслируется, не стенографируется, никаких корреспондентов нет, аудитория маленькая, невзыскательная. Можно попроще?

М а м о н т о в. Да, да, конечно... Я возбужден, взволнован... Простите... Словом, я бы еще хотел рассказать про Париж, про мое пребывание в Париже. Это вас интересует?

Б а ш к и р о в. Интересует.

М а м о н т о в. В Париже, среди эмигрантов, много людей того мира, среди которого я жил до революции. И вот эти люди, эти эмигранты, жалкие, смешные, выброшенные из жизни, которых я считал скорее полумертвецами, чем полулюдьми, презрительно захлопывали передо мной двери своих домов, потому что даже они считали свои дома русскими домами, хотя они и стояли

на французских улицах. Когда я появлялся на кафедрах, меня забрасывали гнилой картошкой... французский юноша стрелял в меня... Зачумленный, затравленный, презираемый, я не находил себе места в этом громадном городе... Мне ничего не оставалось, как бежать. И я бежал. Я боялся оглянуться на этот город, но я нашел в себе последнее мужество взглянуть на самого себя, взглянуть со стороны холодным и бесстрастным глазом. То, что я увидел, показалось мне страшным и отвратительным. Мой нравственный мир ужаснул меня. Я увидел свои преступления, которые мне казались подвигами, я увидел свои слабости, которые я принимал за силу, я увидел грязь своей совести, которую я считал незапятнанной. Что же я совершил и совершал? Что я сделал? — спрашивал я себя. И я понял: то, что я сделал можно было сделать только в припадке безумия. Да, я был сумасшедшим. Меня надо было посадить в психиатрическую лечебницу. Врач бы поставил диагноз: шизофрения. Мои речи, мои высказывания, мои интервью, мои выступления по радио — были горячечным бредом. Врач бы сказал: паранойя... Болезнь была опознана. Это случилось в день моего бегства из Парижа.

Б а ш к и р о в (*иронически*). Скажите, вы как будто удостоились чести быть принятым нацистским министром?

М а м о н т о в. Да.

Б а ш к и р о в. Вот вы с ним беседовали, договаривались, — что же это был бред, паранойя?

М а м о н т о в. Видите ли, я больше слушал.

Б а ш к и р о в. Ну, а то, что он говорил, может быть, это тоже было бредом?

М а м о н т о в. О, да, да!..

Б а ш к и р о в. Значит, они такие же сумасшедшие, как вы, а вы, как они? Ну, скажите, а вот когда они окажутся в наших руках, как вы полагаете, им придется прописывать теплые ванны с сосновым экстрактом, душ шарко, продолжительные, успокаивающие нервы, прогулки по тихим тенистым аллеям? Как вы полагаете, это или что-нибудь другое, может быть, более радикальное: так, чтобы сразу вылечить, раз и навсегда?

(Пауза.) Продолжайте, пожалуйста. Куда же вы бежали из Парижа?

М а м о н т о в. В Прагу.

Б а ш к и р о в. Так. Это совпадает с нашими сведениями.

М а м о н т о в. Но улицы славянской Праги оказались для меня вымощенными теми же камнями Дантова ада, только еще более раскаленными. Из Праги я бежал в Белград, а там мне уже пришлось ступить по самому адскому пламени.

Б а ш к и р о в. Скажите, а в Праге и в Белграде параноя продолжалась? Вы продолжали произносить речи, давать интервью, выступать по радио?

М а м о н т о в. Д-а-а...

Б а ш к и р о в. И все в том же духе?

М а м о н т о в. Н-н-нет... несколько иначе.

Б а ш к и р о в. Насколько? Так сказать, варьировали детали?

М а м о н т о в. Но болезнь, как я уже сказал, была опознана. Это было главное, это было основное. Это был первый робкий маленький шаг к исцелению. Он был сделан в Париже, на парижском аэродроме. Полное же душевное исцеление началось в Белграде. Воля ко мне вернулась. Моя голова, мои мысли прояснились.

Б а ш к и р о в. Когда же они прояснились, перед вашим первым выступлением или после заключительного?

М а м о н т о в. Я там выступал всего два раза. Вернувшись к себе в гостиницу...

Б а ш к и р о в. Вернувшись в гостиницу после второго выступления?

М а м о н т о в. Совершенно верно... Я принял решение, я нашел в себе мужество принять его. Помню, я не спал всю ночь, ударил первый колокол, там как-то по-особенному бьют колокола, я подумал: вот и твой колокол тоже пробил, твоя совесть тоже ударила в колокол и разбудила тебя. И я сказал себе: ты должен коленопреклонным предстать перед своей родиной, на коленях принять от нее кару, как бы сурова она ни была, или милость, если она только возможна для тебя.

Б а ш к и р о в. Красно же вы разговариваете сами с собой!.. Ну-с, и что же вы для этого решили сделать? Где и каким образом вы решили предстать на коленях перед своей родиной?

М а м о н т о в. Положение мое было не из легких. Гестапо не сводило с меня глаз. Я был пленником тех, которые меня охраняли от моих врагов. Я был узником на свободе. Мои тюремные стены следовали за мной на улицу, в магазин, в кафе, в ресторан, в театры. Тогда я решил бежать легальным путем. После некоторых хлопот германские власти дали мне разрешение съездить в Коромысловку за моими вещами. Немцам было известно, что я уехал отсюда с ручным чемоданчиком в руках. В Коромысловку! Я знал, что фронт от нее в десяти шагах, а партизаны в двух.

Б а ш к и р о в. Но вы ошиблись, они оказались еще ближе, партизаны оказались на вашей даче, не правда ли?

М а м о н т о в. Да, на мое счастье, потому что и два шага в сторону к Партизанскому Краю мне было сделать очень трудно, — гестаповцы следовали за мной по пятам.

Б а ш к и р о в. Скажите, а вы собирались предстать на коленях перед своей страной со всеми вашими сервизами и кухонной посудой?

М а м о н т о в. Я не совсем понимаю ваш вопрос.

Б а ш к и р о в. Ну, как собирались сделать эти два шага — пешком или на легковой машине в сопровождении грузовика с ящиками и чемоданами?

М а м о н т о в. Нет, нет, я меньше всего думал о вещах. До них ли мне было в такие минуты.

Б а ш к и р о в. Однако, по словам Егоровны, вы их довольно заботливо и бережно упоковывали.

М а м о н т о в. Смешная и наивная старуха!.. Все это делалось, разумеется, ради немцев. Я приехал за вещами и малейшая оплошность с моей стороны могла внушить подозрение.

Б а ш к и р о в. Теперь все ясно. А скажите, пожалуйста, можете вы мне еще на один вопрос ответить честно и прямо?

М а м о н т о в. Да, конечно.

Б а ш к и р о в. Скажите, гражданин Мамонтов, за кого вы нас считаете, ну вот меня и товарища Николаева, за полных дураков или так — наполовину?

М а м о н т о в. Не понимаю.

Б а ш к и р о в. Чего же тут не понять: считаете или не считаете?

М а м о н т о в. Что?

Б а ш к и р о в. Ну, за дураков? Считаете или нет?

М а м о н т о в. Нет.

Б а ш к и р о в. Нет? Ну, благодарю вас. В таком случае, как по вашему, стоит нам продолжать эту канитель с разговорами или не стоит? Может быть время жалко? Хотя чего же вам-то наше время жалеть.

Мамонтов молчит.

Так вот решайте, мы вам предоставляем решать. Будем мы продолжать эту идиотскую церемонию дальше, или, может быть, прекратим ее? От вас это зависит. Мы ведь, волей-неволей, должны быть, так сказать, бюрократами, все соблюсти и прочее. Правда, мы партизаны, нам кое-что и простится, но все-таки. Ну, как?

М а м о н т о в *(после паузы)*. Моя семья?.. где они?.. Что с ними?.. Это последнее... Моя последняя просьба... умоляю вас... что с ними?

Б а ш к и р о в. Ответьте ему, Сергей Сергеевич, ведь вы были в Кирове.

Н и к о л а е в. Ниночка отравилась. Она в школе узнала о вашем «подвиге». Пришла домой и отравилась. Случайно оказался в доме стрихинин. Она умерла мгновенно.

М а м о н т о в. Мама?..

Н и к о л а е в. Варвара Петровна скончалась. Об этом мы с товарищем Башкировым вчера узнали по радио, было сообщение и небольшой некролог. В ее смерти вы тоже приняли некоторое участие.

М а м о н т о в *(тихо)*. Аня?..

Б а ш к и р о в *(подходит к двери и распахивает ее)*. Анна Владимировна!.. Можно вас на минутку?..

В дверях показывается А н н а . Ее видит зритель, но не видит Мамонтов.

Вы желаете, Анна Владимировна, видеть вашего отца?

А н н а. Нет, не желаю.

М а м о н т о в. Аня!.. (Истерически.) Аня!..

А н н а (раздельно). Не желаю. (Резко закрывает дверь.)

Б а ш к и р о в (возвращается на свое место). Все.

Н и к о л а е в. Товарищ Афанасьев!..

Входит партизан.

Б а ш к и р о в (партизану). По изменнику родины — огонь!

П а р т и з а н. Есть.

Уводит М а м о н т о в а .

Занавес.

Конец.

Начало 1940-х.

СУД ЖИЗНИ

За авторитетную консультацию, помощь материалом и дружеские советы автор приносит глубокую благодарность профессору Григорию Яковлевичу Винденко, профессору Лидии Спиридоновне Качиони-Вальтер и доценту Александру Михайловичу Дунаеву.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алексей Никитич Кондауров.
Дмитрий Сергеевич Виригин.
Елена Павловна Виригина, его жена.
Иван Гаврилович Фомин.
Гюльнар.
Варрык.
Генри Лендмюр.
Эстела Лендмюр, его жена.
Джэн Кэсуэлл, их дочь.
Крэг.

Действие первое

Первая сцена

Туркмения. Саранчевый стан в Каракумских песках. Шерстяная палатка. Подле нее кусты саксаула с редкими листьями, серыми, нежными, тускло мерцающими. Сучья и ветви саксаула вывихнуты и перекручены. Кажется, что они сделаны раздраженной рукой человека из железных прутьев с шишковатыми мозолями, напоминающими верблюжьим колени. А иные кусты кажутся растрепанными железными метлами, воткнутыми в раскаленный песок, который цветом и полосами похож на шкуру, содранную со старого тигра. В глубине ле-

жат двугорбые верблюды. Они словно высечены из гранита. Входят
Ф о м и н и В а р р ы к .

Ф о м и н. Рассказывай, Варрык. Рассказывай по порядку.

В а р р ы к. Большой спасибо.

Ф о м и н. Где ж ты с саранчой повстречался?

В а р р ы к. И в Тахта-базар встречал, и в Санды-Качи и в Имам-Баба.

Ф о м и н. Ну, ну... летную?

В а р р ы к. Летную. Слово весь песок Кара-Кума от земли поднялся и летит. Понимаешь? Большое горе Иран посылает. Большое, как гора со снегом.

Входит Г ю л ь н а р . Она худенькая, маленькая, очень красивая. Глаза у нее строгие, брови сдвинуты.

Г ю л ь н а р. Здравствуй, Варрык.

В а р р ы к. Здравствуй. (Фомину.) Газета есть, начальник? Московская есть? «Правда» есть.

Ф о м и н (вынимает газеты из кармана). Читай на здоровье.

В а р р ы к. Большой спасибо.

Ф о м и н. Варрык из Санды-Качи прискакал. Вот, Гюльнар, послушай-ка его.

Г ю л ь н а р (строго). Говори. Только просто. Все, как есть.

В а р р ы к. Большой спасибо. Научила. (Фомину.) В Имам-Баба самолет видал. Понимаешь? Над пешей саранчой туда летает и сюда летает. И пыль с ядом на нее сыплет. А где крылатая стая ночует, там самолет не летает. Понимаешь? Для крылатого саранчука нет у людей ядовитой пыли.

Г ю л ь н а р (сурово). Будет.

В а р р ы к. Не знаю.

Ф о м и н. Так вот, старина: я с учеными из Москвы приехал.

Г ю л ь н а р. Экспедиция?

Ф о м и н. И мы привезли ядовитую пыль для летной саранчи. Смерть, понимаешь ли, для нее привезли.

В а р р ы к. Большой спасибо. А как у нее имя, у этой смерти?

Г ю л ь н а р. 2 ВИР.

В а р р ы к. Красивое имя. Почему такое?
Г ю л ь н а р (*все так же строго*). По имени ученых,
которые изобрели. Их фамилии Виригины.
Ф о м и н. Это, видишь ли, муж и жена.
В а р р ы к. Понимаю. Жена плов не делает, жена де-
лает ядовитую пыль. Такая жена?
Г ю л ь н а р. Да.
Ф о м и н. И мы ее здесь испытывать будем.
В а р р ы к. Жену?
Ф о м и н. Да нет, старина, не жену, а яд. Для этого и
приехал.
В а р р ы к. Кто приехал? Профессор?
Г ю л ь н а р. Три профессора.
В а р р ы к (*Фомину*). Большой спасибо. Лошади
нужны ноги, а человеку голова.
Ф о м и н. Правильно!
В а р р ы к. Человек с сильной рукой одного победит,
а ученый победит тысячу. Понимаешь? Так у нас в Кара-
Кумах говорят старые люди.
Ф о м и н. Гюльнар...
Г ю л ь н а р. Что?
Ф о м и н. Так вот... (*Отводит ее в сторону.*) Что это
я тебе все время хотел сказать... что-то чертовски важ-
ное. Ах, да! (*Серьезно.*) А ну-ка — улыбнись.
Г ю л ь н а р (*непонимающе на него смотрит*).
Ф о м и н. Улыбнись, улыбнись! От этого, Гюльнар,
саранча не сожрет больше хлопка и урюка. А работается
с улыбкой получше. Вот это я и хотел тебе сказать, еще
неделю тому назад.
Г ю л ь н а р (*морщинки между бровей у нее разгла-
дились*).
Ф о м и н. Во-во-во!.. Еще!.. Еще!..
В а р р ы к (*Гюльнар, не без ехидства*). Большой спа-
сибо.
Ф о м и н. Видишь ли, Гюльнар, в такую жару, да
еще когда проклятая саранча тучами летит из Ирана...
В а р р ы к. Жена без грозы, хуже козы.
Г ю л ь н а р. Я не жена!
Ф о м и н. Значит, сговорились?.. Разок — другой, —
третий в день?.. (*Показывает, как надо улыбаться.*)

Г ю л ь н а р. Урок, Иван Гаврилович?

Ф о м и н. Не-е-ет! Это философия, Гюльнар!.. Что смотришь?

В а р р ы к. Как тигр.

Ф о м и н. Да еще какая философия! Ого! Самая жизненная. Из-под Сталинграда, видишь ли, вывез, — в сорок втором. А оттуда мы, Гюльнар, для души и сердца, ничего плохого не вывозили.

В а р р ы к. Женщина без мужа, что лошадь без узды. Понимаешь?

Г ю л ь н а р. Нет!

В а р р ы к. Как тигр.

Ф о м и н. А ты видала, Гюльнар, какой я шатер для американцев соорудил? Знай наших. Ханский. Только золотой сбруи да кинжалов с рубинами на стенах и не хватает!

В а р р ы к. Откуда они летят, начальник?

Ф о м и н. Из Ирана.

В а р р ы к. Дорогой саранчи?

Ф о м и н (*грозя пальцем*). Варрык, Варрык! В этом мире туркмен славен своим гостеприимством.

В а р р ы к. Верно говоришь. Когда туркмен приглашает гостя на пир, а гость раздумывает, хозяин пира толчками в зад заставляет гостя идти за собой. Понимаешь? И чем сильнее толчки в зад, тем люди считают гостеприимней хозяина. Так, начальник, у нас в Кара-Кумах.

Ф о м и н. Превосходный этикет. Надо его запомнить.

Выходят. Входят В и р и г и н ы и К о н д а у р о в . Он в пробковом шлеме, в белом костюме. В одной руке коньячная бутылка, в другой серебряный стаканчик.

К о н д а у р о в. Ну, что, Леночка, после сегодняшнего плова возьмете меня к себе в кухарки?

Е л е н а П а в л о в н а. Беру, Алексей Никитич, беру! Не в пример Мите, я люблю вкусно покушать.

В и р и г и н. А наша пустынная саранча не торопится.

К о н д а у р о в. Ох, до чего же нетерпелив этот мужчина!

В и р и г и н. А я люблю свою нетерпеливость.

Е л е н а П а в л о в н а. А что, Митя, ты в себе не любишь?

В и р и г и н. Нос, Леночка!.. Предпочел бы иметь римский.

Е л е н а П а в л о в н а. Возражаю!.. Красавцы не в моем духе.

В и р и г и н. Тогда я всем доволен. Тебя, Леночка, я не променял бы даже на римский нос.

К о н д а у р о в. Муж объясняется в любви своей жене. Дьявольски романтично! Я даже готов за это выпить. *(Наливает коньяк в стаканчик, пьет.)*

В и р и г и н. Если бы, Алексей Никитич, я пил коньяк...

В а р р ы к *(Виригину)*. Не пьешь? Коньяк не пьешь? Молоко пьешь?

К о н д а у р о в. Он, мой друг, святой. Он не только не пьет, но даже сам не бреется.

В и р и г и н *(с неожиданной резкостью)*. А мужчина, который сам не бреется, это полумужчина. Так? Этот афоризм, Алексей Никитич...

Е л е н а П а в л о в н а. Митя!.. *(Пауза.)*

В и р и г и н. Какое-то бешенное солнце...

Е л е н а П а в л о в н а. Ужасное. *(С беспокойством)*. А вот у тебя нет пробкового шлема.

В и р и г и н. Кроме пробкового шлема у меня еще нет собственного ЗИСа, дачи в Серебряном бору, Сталинских премий, ордена Ленина и ордена Кутузова...

К о н д а у р о в. В мой огородик.

В и р и г и н *(пропуская мимо ушей)*. Сорока тысяч на сберкнижке...

К о н д а у р о в. Не в мой.

В и р и г и н. Книг, переведенных на все европейские языки...

К о н д а у р о в. В мой.

В и р и г и н. Павловских кроватей и бюро красного дерева...

К о н д а у р о в. Не в мой.

В и р и г и н. Докторской мантии Оксфордского университета.

К о н д а у р о в. И... к сожалению, Дмитрий, еще нет легкой иронии вот к этой ерундистике, к этим мантиям.

В и р и г и н. Однако, ваша оксфордская мантия, Алексей Никитич, висит на плечиках, как в шкафу... Так? А не валяется среди старого хлама.

Входит Ф о м и н .

Ф о м и н. Это, Алексей Никитич, Варрык — охотник. Бог охоты.

К о н д а у р о в. Бог охоты? Великолепно!

(Здоровается.)

Значит, отец, будем охотиться на тигра?

В а р р ы к. На тигра?..

Кондауров вынимает из кобуры револьвер. Виригин зажимает двумя пальцами уши.

К о н д а у р о в *(протягивает Варрыку пустую коньячную бутылку)*. На! Бросай, отец, вверх... Повыше.

В а р р ы к. Зачем бросать? Не надо ее бросать. *(Прячет бутылку.)* Большой спасибо. С тобой будем охотиться на тигра.

К о н д а у р о в *(прячет револьвер)*. Допущен без экзамена.

Ф о м и н. Алексей Никитич, он прискакал из Санды-Качи...

Далее идет зачеркнутый в машинописи текст, который редакция решила включить в основной

[К о н д а у р о в. Как же, отец, встречают в Санды-Качи эту дьявольскую саранчу — ползущую, скачущую и летящую.

В а р р ы к. Большой спасибо советской власти: от пешей саранча остается только одна вонь.

В и р и г и н. Так.

К о н д а у р о в. А я-то вклеил под горячую руку, в Ашхабаде на заседании...

В и р и г и н. Ах, этому — полуминистру, что сидел в своем кожаном кресле, как турецкий паша на подушке?..

К о н д а у р о в (Елене Павловне). «А читали ли вы, дорогой товарищ, — спрашиваю я его, — китайские законы одиннадцатого века?» — «Какие, — говорит, — еще такие китайские законы?» — «А вот, говорю, какие: если, мол, большой начальник, узнав о саранче, быстро не позаботится, то получает он, этот большой начальник, сто плюс двадцать ударов бамбуковой палкой по известному месту».

Ф о м и н. Коротко и ясно.]

Е л е н а П а в л о в н а. Товарищи, самолет!..

Г ю л ь н а р. К нам! Разворачивается на посадку.

Ф о м и н. Это они, это американцы.

К о н д а у р о в. Достопочтенный мистер Генри Лендмюр.

Ф о м и н. Со своей знаменитой дочерью.

Е л е н а П а в л о в н а. Как? Разве и Джэн Кэсуэлл прилетает?

Г ю л ь н а р. Джэн Кэсуэлл? Я читала ее книгу «Мой брат Джон». Хорошая! А этот Джон действительно был ее брат и погиб при бомбежке Рура?

К о н д а у р о в. Да. Она была военным корреспондентом и одна из первых вступила на французскую землю при открытии второго фронта. А в 42 году была у нас в Москве. Лихая барыня!

Ф о м и н. А с Лендмюром вы раньше встречались, Алексей Никитич?

К о н д а у р о в. Нет. Эти господа из Гарвардского университета...

В и р и г и н. Гарвардский университет, Иван Гаврилович, это американский Оксфорд. Старинный и весьма уважаемый.

К о н д а у р о в. Ну, товарищи, пошли встречать уважаемого господина.

Ф о м и н. Дмитрий Сергеевич, Елена Павловна, дипломатический корпус...

К о н д а у р о в. Идемте, Леночка, идемте!

Е л е н а П а в л о в н а. Ничего, как-нибудь без меня обойдется.

К о н д а у р о в, В и р и г и н и Ф о м и н уходят.

Г ю л ь н а р. Елена Павловна, я только что была у нашего радиста. По всей Туркмении уже отменили отпуска. Ответственных поголовно отправляют на саранчу. И даже войсковые части.

Е л е н а П а в л о в н а. Вот как?

В а р р ы к *(Елене Павловне)*. Из Нью-Йорка прилетели? Американцы?

Г ю л ь н а р. Нет, из Тегерана.

В а р р ы к. Почему?

Г ю л ь н а р. В Тегеране международный саранчевый комитет. Устраиваются конференции.

В а р р ы к *(недоверчиво)*. Конференция? О саранчуке?

Е л е н а П а в л о в н а. Во время войны англичане даже называли вторым фронтом фронт против своей колониальной саранчи, а не против Гитлера.

В а р р ы к. Понимаем. Американцев, англичан, Черчилль — понимаем.

Е л е н а П а в л о в н а. Скажите, в вашей меховой шапке, вероятно, не так жарко?

В а р р ы к. Меньше жарко.

Е л е н а П а в л о в н а. Не можете ли вы мне купить такую же для моего мужа, для Дмитрия Сергеевича?

В а р р ы к. Можно покупать.

Входят Кондауров, Виригин, Лендмюр и Джэн Кэсуэлл. Американцы в белых костюмах и в пробковых шлемах. Туркмен несет два больших чемодана, черных, лакированных, заклеенных цветными ярлыками отелей Европы, Африки и Азии.

В и р и г и н *(Лендмюру)*. Прошу познакомиться — моя жена, Елена Павловна.

Л е н д м ю р. Счастлив, сударыня.

Е л е н а П а в л о в н а *(здороваясь с Кэсуэлл)*. Очень рада вас видеть опять на советской земле.

К о н д а у р о в *(знакомит)*. Варрык, бог охоты.

К э с у э л л. Хэлло-о!.. *(Крепко пожимает руку.)*

К э с у э л л и К о н д а у р о в отходят в сторону.

Итак, я сдержала, сэръ, свое московское слово?

К о н д а у р о в. Какое, миссис Джэн?

К э с у э л л. В один прекрасный день явится на сви-

дание к своим русским друзьям военного времени? Ведь на земле все изменилось. В наш век свиданья назначают женщины и первые на них являются, даже в плохую погоду.

К о н д а у р о в. Вы, значит, по-прежнему не в ладу с нашим веком?

К э с у э л л .

Мой век мне кажется смешным немножко...

Когда кончается бомбежка.

Это из цикла «Лондон в сорок третьем году». Но, увы, поэзия устарела одновременно с летающими крепостями. В век атомной бомбы приходится отказываться от легкого оружия.

К о н д а у р о в. Чем же вы сражаетесь с веком атомной бомбы?

К э с у э л л. Комедиями, сэр! В них можно дать волю своей злости.

К о н д а у р о в. Я читал, что ваша последняя пьеса «Белый и черный» имела большой и шумный успех в Нью-Йорке?

К э с у э л л. И очень короткий, сэр. Ее запретили после пятого представления. А вслед за ней и фильм, который снимался по моему сценарию.

К о н д а у р о в. Какой фильм?

К э с у э л л. «Мой брат Джон».

К о н д а у р о в. А-а-а...

К э с у э л л. Они считают, что мой бедный Джон был плохим американцем. Ведь он погиб, сражаясь за свободу и демократию.

К о н д а у р о в. Все понятно, все понятно.

К э с у э л л. Между прочим, сэр, в октябре состоится вторая премьера моей пьесы. Я вас приглашаю.

К о н д а у р о в. Спасибо. Посмотрел бы с огромным интересом. Но вряд ли ради этого сумею совершить длинное путешествие — через Атлантический океан.

К э с у э л л. О! Путешествие будет для вас не таким уж утомительным. Вы, сэр, сможете совершить его на трамвае. Моя пьеса пойдет в Москве.

К о н д а у р о в. Вот это великолепно!

Ф о м и н (*американцам*). Вы, вероятно, устали, господа?

В и р и г и н (*Лендмиору*). Вот уже восьмой день, как саранча положительно издевается над нами. Стаи пролетели Ага, Теджен, Иолатань, Байрам-Али, а мы с утра до вечера смотрим в эту огнедышащую даль и... (*Жест.*)

Л е н д м ю р. Ее кулиги и желтые тучи в этом году покрыли почти весь Иран. Размеры бедствия, господа, поистине апокалипсические. (*Раскрывает портсигар.*)
Прошу вас, сэр.

В и р и г и н. Мерси, не курю.

К о н д а у р о в. Гаванна?.. Курю, курю! (*Берет сигару.*) Я человек многогрешный.

Л е н д м ю р (*закуривая*). В Хоросане, в Даристане, в Мекране, в районах Иофгани и Иезда...

Вбегает т у р к м е н .

Т у р к м е н. Саранча!.. Саранча!..

Тишина. Все смотрят вверх, вдаль. Огромная желтая туча приближается, наплывает, закрывая горизонт, закрывает солнце.

В т о р а я с ц е н а

Там же. Утро. Входят В и р и г и н ы. Садятся на ящик.

Е л е н а П а в л о в н а. Ты счастлив, Митя?

В и р и г и н. Да, теперь, когда пришла победа, полная победа...

Е л е н а П а в л о в н а. Полная победа! Признаться, я даже на это не рассчитывала. Я думала, погибнет саранчуков процентов восемьдесят, а поднялось и улетело в сущности ничтожное количество.

В и р и г и н. Этот Лендмиор мне полчаса пожимал руку.

Е л е н а П а в л о в н а. А маленькая Гюльнар кинулась мне на шею и стала целовать.

В и р и г и н. Чудесное существо! Я вспоминаю нашу с тобой молодость, Лена. Помнишь...

Е л е н а П а в л о в н а. Милый, я все помню. Я могу тебе рассказать день за днем всю историю нашей жизни.

В и р и г и н. Не такая уж легкая, Лена.

Е л е н а П а в л о в н а. А легкой жизни, Митя, и не бывает.

В и р и г и н. И вот нам с тобой вместе, Леночка, уже восемьдесят пять лет! Не успели и оглянуться. *(Берет ее за руку.)* Боже мой, как я тебя люблю!

Е л е н а П а в л о в н а. А помнишь, Митя... *(После паузы.)* Тебе тринадцать, а мне двенадцать... Ты всегда ведь зачитывался биографиями великих людей... И вот, в один прекрасный день, приводишь меня к памятнику Пушкина и торжественно говоришь: «Лена, послушай мою клятву: если к двадцати пяти годам я не буду знаменит на весь мир, я застрелюсь!»

В и р и г и н. Н-да... и вот мне сорок три года... У меня «Знак почета»... и я, однако... *(Возбужденно.)* Ничего, ничего! Я свое, Леночка, наверстаю.

Е л е н а П а в л о в н а *(улыбаясь)*. Уж больно хорош сегодня был Кондауров, наш пятидесятилетний жизнелюб!.. Эта серебрянная голова, волосы вздыблены, в руках какой-то жезл...

В и р и г и н. А знаешь, что он мне сказал: «Ну-с, товарищ сталинский лауреат...»

Е л е н а П а в л о в н а. Молчи! Я суеверная.

В и р и г и н *(смеется)*. Пухленькой миссис Джэн довольно туго приходилось. А попевала за нами, попевала! *(Не без восхищения.)* Американка!.. Удивительные, все-таки, люди — эти американцы!

Е л е н а П а в л о в н а *(просто)*. А мы — русские — не удивительные? По-моему, во сто раз удивительнее.

В и р и г и н *(после паузы)*. Три года я работал над этим ВИРом. Все — душа, сердце, мысли — были устремлены туда, туда, туда! Иногда я чувствовал, что мозг мой изнемогает. И вот — эта ночь... Казалось бы, надо до звезд прыгать, а у меня, Лена, какое-то странное чувство. Словно кто-то собирается вырвать из моих рук мою победу. Победу моего мозга, моих нервов, моего...

Входят Кондауров и Фомин.

Ф о м и н (*продолжая разговор*). Те девять-десять процентов саранчуков, которые улетели...

В и р и г и н. По-моему, меньше! А если бы летчик и сигнальщик были точны...

Ф о м и н. Сигнальщики хорошо работали.

В и р и г и н. Относительно.

Ф о м и н. А летчик крылом задел саксаул.

В и р и г и н. Вот об этом, Иван Гаврилович, и пишете в газетах.

Ф о м и н. Почему же и не написать? Напишу.

В и р и г и н. О тех, кто флажками махал! Главные герои!

Е л е н а П а в л о в н а. А где Гюльнар, Иван Гаврилович?

Ф о м и н. Бродит по зарослям верблюжьей колючки среди трупов саранчуков и никакими силами ее оттуда не уведешь.

В и р и г и н. В Москву, Иван Гаврилович, радировали?

Ф о м и н. Да.

В и р и г и н. А в Тегеран? На английском языке?

Ф о м и н. Они там не больные и с русского перевести. А потом, Дмитрий Сергеевич, это не входит в круг моих прав и обязанностей.

К о н д а у р о в (*гружески кладет руку на плечо Виригину*). Богат мельник шумом!..

В и р и г и н. Разрешите, Алексей Никитич, ответить пословицей на пословицу: Тарас — есть пряники горазд, а Филат и каше рад.

К о н д а у р о в (*весело*). Ответил!

Е л е н а П а в л о в н а уходит. Из палатки появляются Л е н д м ю р и К э с у з л л .

Л е н д м ю р. А мы с Джэн играли в четыре руки на пишущих машинках. В следующем номере «Сцаенс» уже появится статья о событиях сегодняшней исторической ночи.

В и р и г и н. Я буду вам бесконечно благодарен, господин Лендмюр, если вы через ВСКС пришлете на мое имя этот номер журнала.

Л е н д м ю р. О, конечно!

Возвращается Е л е н а П а в л о в н а. В руках у нее меховая шапка.

Е л е н а П а в л о в н а. На, Митя... Надень, пожалуйста, эту шапку.

В и р и г и н *(растерянно)*. Эту?..

Е л е н а П а в л о в н а. На всех пробковые шлемы, а у тебя нет.

Л е н д м ю р. Бэби, у меня в чемодане лежит второй пробковый шлем. Принеси, пожалуйста.

К э с у э л л. Сейчас, папа. *(Уходит.)*

В и р и г и н. Помилуйте, господин Лендмюр...

Л е н д м ю р. Нет, нет, вы меня очень обидите, если откажетесь от этого пустяка. Располагай я миллиардами Рокфеллера, я бы за то благодеяние, которое вы оказали народам мира, преподнес вам и вашей супруге дворец дождей.

Возвращается К э с у э л л.

К э с у э л л. Пожалуйста. *(Передает Виригину пробковый шлем.)*

В и р и г и н. Очень признателен. *(Нагевает.)*

К о н д а у р о в. Леночка, а я меняюсь с вами на баранью шапку. Ведь у вас тоже нет пробкового шлема.

Е л е н а П а в л о в н а. Не возражаю, Алексей Никитич. *(Меняются.)*

К э с у э л л *(Кондаурову, весело)*. Хэлло!.. К вам очень идет! Вы, сэр, похожи на разбойника.

К о н д а у р о в. Благодарю за комплимент.

Входит В а р р ы к. В руках у него мертвые птицы, мертвый барханный кот, мертвые варраны — это большие яркие ящерицы. Всю эту грудку старик бросает на песок.

В и р и г и н. Что это?

В а р р ы к. Это смерть.

В и р и г и н. Смерть? Какая смерть?

В а р р ы к. Твоя.

В и р и г и н. Ничего не понимаю. Говори по-человечески.

В а р р ы к. Я по-человечески говорю: это смерть, которую ты принес своей ядовитой пылью.

В и р и г и н. Вздор!..

В а р р ы к. Кара-Кум мертвый после твоего ВИРа. Если бы у меня были руки, как чинары, а сила, как у тысячи верблюдов, я принес бы целую гору трупов. Я бы принес тебе мертвых джейранов, мертвого кулана, мертвых удавов, мертвых грызунов...

В и р и г и н. А почему люди живы? Сигнальщики? Почему мы живы? Ведь мы тоже были там! Я себя превосходно чувствую! Так? Наконец, и ты не можешь пожаловаться на здоровье. Так? Вот притащил же целую груду падали.

К о н д а у р о в. Не горячитесь, Дмитрий Сергеевич.

В и р и г и н. Я иду туда.

К о н д а у р о в. Никуда вы не пойдете.

В и р и г и н. Все было проверено и перепроверено тысячу и один раз в лаборатории. Так?

Ф о м и н. И первый раз не в лаборатории, Дмитрий Сергеевич.

В и р и г и н. Чушь! Вздор!

Ф о м и н. Как видите... *(показывая на мертвую груду)* не совсем чушь и вздор.

Т у р к м е н на руках вносит Г ю л ь н а р .

Е л е н а П а в л о в н а. Гюльнар!.. *(Бросается к ней)*. Боже мой, боже мой, какое несчастье!

Все окружают Гюльнар. Возгласы. Потом толпой уходят. Остаются Лендмюр и Варрык

В а р р ы к. Большая беда.

Л е н д м ю р. Здесь у вас все непонятно.

В а р р ы к. Что тебе непонятно?

Л е н д м ю р. Вот я вижу, мой друг, у вас на груди военный орден. Неужели и вас, при ваших сединах, заставляли взять в руки автомат и шагать по длинным дорогам войны?

В а р р ы к. Я попадаю в глаз тигра, старик.

Л е н д м ю р. Охота, это другое дело, мой друг.

В а р р ы к. И когда на нашу родину пошел зверь злей тигра, Варрык явился к военному начальнику и сказал ему: «Я хочу попадать в глаз этому немецкому зверю и

ты не смеешь, начальник, оставить меня дома только потому, что у меня борода белая, как молоко». И начальник приказал выдать мне медную шапку и военное ружье.

Л е н д м ю р. И сколько же вы убили людей?

В а р р ы к. Я убивал фашистских зверей, старик. Понимаешь? Сто девяносто четыре.

Л е н д м ю р. О-о-о!..

В а р р ы к. Я слышал, старик, что у тебя был хороший сын. И что он убил еще больше.

Л е н д м ю р. Да, да... бедный мальчик тоже пошел добровольцем.

В а р р ы к. А теперь у вас в Америке про твоего сына нельзя показывать картину. Почему нельзя? Разве это было плохо, убивать фашистских зверей?

Л е н д м ю р. Не знаю, мой друг, не знаю. Это все политика, а я ученый, а не политик.

В а р р ы к. А почему же ты не политик, старик? Вот у нас...

Л е н д м ю р. Да, да, у вас все политики. А у нас, мой друг, считают, что каждому свое. Один пасет баранов, другой шьет жилетки, а третий занимается государственными делами. И думает за этих двоих.

В а р р ы к. Ты сказал: «Здесь у вас все непонятно». А я скажу: «Там у вас все непонятно».

Л е н д м ю р (после паузы). Мой друг, у меня к тебе будет небольшая просьба. Видишь ли, мне бы хотелось привезти отсюда подарок своей жене, маленькую память о Туркмении. Так вот, мой друг, у ваших женщин очень красивые золотые и серебряные украшения, ожерелья, браслеты, серьги. Не можешь ли ты для меня что-нибудь купить? Разумеется, не очень дорогое, я ведь не миллионер.

В а р р ы к. Нет, старик, не могу. Наши жены и дочери во время войны принесли нашему правительству четыреста пятьдесят пудов золота и серебра. И город нес, и аул нес, и кишлак. На танки на самолеты. Понимаешь? Это были, старик, ожерелья и браслеты наших женщин.

Л е н д м ю р. Так, так.

Пауза.

В а р р ы к. Старик...

Л е н д м ю р. Что, мой друг?

В а р р ы к. Вот... (Показывает на груду мертвых барханных котлов, птиц и варанов.) Почему это?.. Говори, пожалуйста. А я буду слушать и понимать.

Л е н д м ю р. Вряд ли, мой друг, я смогу тебе объяснить эту печальную историю. Новый русский яд против летной саранчи я знаю только по имени. Я над ним не работал. А вообще коммунисты очень торопятся. Торопятся разрушать старый мир, торопятся строить новый. А старый мир был построен крепко, не наспех. Его не так-то просто разрушить. Еще трудней второпях хорошо построить новый. А что касается науки, то и в науке то же самое. У нас, например, в Америке...

В а р р ы к. Большой спасибо. Теперь, старик, меня слушай: даже самая большая собака, если она забежала в чужой кишлак, должна поджимать свой хвост. Понимаешь? Так говорят у нас в Кара-Кумах.

Возвращается К э с у э л л. Она очень взволнована.

Л е н д м ю р. Умерла?

К э с у э л л. Врач сказал, что она не умрет.

Л е н д м ю р. А почему же подошли ящерицы и птицы?

К э с у э л л (с раздражением). Мне кажется, папа, ты в этом должен лучше разбираться, чем я.

Л е н д м ю р. А еще, Джэн, что сказал врач?

К э с у э л л. Что все немедленно надо отправить на самолете в Ашхабад. Мистер Фомин сейчас улетает.

Л е н д м ю р. Этот ВИР, поистине, загадочен. А химия, казалось бы, это не тот сфинкс, перед загадками которого я останавливаюсь в растерянности.

К э с у э л л. Папа, пощади! Ведь ты разговариваешь со мной, твоей дочерью, а не вещаешь по радио через океан.

Л е н д м ю р. Джэн, постарайся быть вежливой хотя бы со своим отцом.

К э с у э л л. Для детей, папа, это самое трудное: быть вежливыми со своими родителями. Но я приложу все усилия.

Л е н д м ю р. Отвечай на мои вопросы, Джэн. Они отправились туда?

К э с у э л л. Да, папа. Мистер Кондауров и мистер Виригин надели противогазы и на автомобиле отправились туда.

Л е н д м ю р. Очень интересно.

К э с у э л л. Это не то слово, папа!.. Прости, я, кажется, опять недостаточно вежлива. Ты меня плохо воспитал. Я тебе за это очень благодарна.

Входит Е л е н а П а в л о в н а .

Е л е н а П а в л о в н а. Ужасно, ужасно...

К э с у э л л. Дорогая, успокойтесь.

Е л е н а П а в л о в н а. Это невысказано пережить.

К э с у э л л. Чем же вы виноваты?

Е л е н а П а в л о в н а. А кто же виноват?.. Кто?

К э с у э л л. Но врач сказал...

Е л е н а П а в л о в н а. Вы верите ему?

К э с у э л л. Конечно! Ведь с каждой минутой ей становится лучше.

Е л е н а П а в л о в н а. Да, да... лучше... ей становилось лучше...

Л е н д м ю р. Бог милосерд!

Е л е н а П а в л о в н а. Бедная девочка... она такая маленькая, такая худенькая...

К э с у э л л. Она сказала: я буду жить... А это уж очень много.

Шум подъехавшей машины. Входят К о н д а у р о в и В и р и г и н .

В и р и г и н (*продолжая разговор*). Я в этом далеко не убежден, Алексей Никитич.

К о н д а у р о в. Думаю, что я прав.

Е л е н а П а в л о в н а (*нетерпимо*). Ну!?

К о н д а у р о в. Я полагаю, что ВИР оказался нестойким в отношении солнечного света.

В и р и г и н. Н-н-да.

Е л е н а П а в л о в н а (*Кондаурову*). Благодаря сильному действию солнечных лучей выделился газ?

К о н д а у р о в. Да, я в этом убежден.

Е л е н а П а в л о в н а. Я думаю, Дмитрий, что это разложился бета изомер.

Л е н д м ю р. Какой же газ, мистер Кондауров?

К о н д а у р о в. Этого, в данную минуту, я сказать не могу. Во всяком случае газ огромной отравляющей силы.

Е л е н а П а в л о в н а. Конечно, конечно... Теперь это понятно... почему сигнальщики и все мы остались живы. Мы ушли оттуда, когда солнце еще не было горячим.

К о н д а у р о в. А ящерицы и барханные коты там задержались. Мы ушли каким-нибудь часом раньше... иначе...

В и р и г и н. Иначе мы с Еленой Павловной отправили бы вас, Алексей Никитич, на тот свет. И госпожу Кэсуэлл.

К э с у э л л. И себя тоже, господин Виригин.

В и р и г и н. По заслугам!

К о н д а у р о в. И меня тоже по заслугам, Дмитрий Сергеевич. Ведь не совсем же обыкновенным зрителем я был при вашей работе.

В и р и г и н. А Гюльнар?.. Почему ящерицы бездыханны, а она, к нашему великому счастью...

Е л е н а П а в л о в н а. Страшно даже подумать!

К о н д а у р о в. Дело в минутах. Ведь Гюльнар уже ушла оттуда. Ее подняли в метрах трехстах от верблюжьих колючек.

В и р и г и н. Отсюда вывод: людям придется одевать противогазы. Так? Я говорю о сигнальщиках. Может быть и пилоту. Ведь он летает на бреющем.

К о н д а у р о в. Нет, людям не придется надевать противогаза. ВИРом пользоваться пока не будут.

В и р и г и н. Я вас не понимаю!

К о н д а у р о в. Над ним придется еще поработать в лаборатории.

Е л е н а П а в л о в н а. Да. Конечно! Мы не можем убивать все живое, рисковать жизнью людей...

В и р и г и н. Противогазы...

Е л е н а П а в л о в н а. Это не выход, Дмитрий.

В и р и г и н. Почему?

Е л е н а П а в л о в н а. По-моему, Дмитрий, тут даже не о чем разговаривать.

В и р и г и н. Это по-твоему.

Е л е н а П а в л о в н а. Да.

В и р и г и н. Но не по-моему.

Е л е н а П а в л о в н а. Видишь ли...

В и р и г и н. Все вижу!

Е л е н а П а в л о в н а. Нет, Дмитрий, очевидно не все.

В и р и г и н. Вижу и дохлых ящериц, и миллиарды дохлых саранчуков. Так? Но на этих ящериц мне наплевать, а саранча пожирает народное достояние. Так? Разоряет страну. Так? Целые континеты! Азию, Африку, Австралию, Южную Америку...

Л е н д м ю р. Простите, господин Кондауров, но в этом споре я на стороне вашего оппонента. Мы, американцы, решимся пойти на некоторый риск. Да и англичане, французы, голландцы в своих коллониях, я убежден, тоже.

К о н д а у р о в. Я в этом не сомневаюсь, господин Лендмюр.

В и р и г и н. В наших совхозах и колхозах, Алексей Никитич...

К о н д а у р о в. Над ВИРом надо еще работать.

В и р и г и н. Сколько? Неделю? Месяц? Год? Десять лет?

К о н д а у р о в *(спокойно)*. Вы, Дмитрий Сергеевич, — химик, человек науки, а спрашиваете...

В и р и г и н. Как дворник? Так? Принимаю! Да, как дворник! Как советский дворник! Который сегодня хочет иметь штаны и рубаху из того хлопка, которым вы собираетесь кормить саранчу.

Е л е н а П а в л о в н а. И от нашего ВИРа, Дмитрий, советские люди не ходили голыми. Но убивать советских людей...

В и р и г и н. Я еще никого не убил! Так?

Е л е н а П а в л о в н а. Не совсем так, Дмитрий.

В и р и г и н. Ты не хуже моего знаешь, что такое выделить гамма-изомер... Успех может придти и не придти.

К о н д а у р о в. Должен придти. Для этого и существуем на свете мы с вами, Дмитрий Сергеевич.

В и р и г и н. Проблематично. Очень! Несмотря на то, Алексей Никитич, что мы с вами и существуем на

свете. Ведь вы уже пятьдесят лет существуете. И даже с мантией оксфордского доктора. А я сорок три года...

Л е н д м ю р. А я семьдесят, дорогие друзья.

В и р и г и н. Алетная саранча еще старше нас с вами, Алексей Никитич, на миллионы лет! Так? И тоже существует. И даже неплохо питается. Так? Хлебом, хлопком, дынями, виноградом...

Е л е н а П а в л о в н а *(тихо)*. Митя...

В и р и г и н. А поскольку, повторяю, я убежден, что, при известных предосторожностях, ВИРом пользоваться можно и необходимо... Так?.. а успех дальнейшей работы весьма и весьма проблематичен... так?.. я, Алексей Никитич, в этой дальнейшей работе вряд ли приму участие.

К о н д а у р о в. Это очень жаль, Дмитрий Сергеевич.

В и р и г и н. Передаю эту дальнейшую работу в ваши руки.

К о н д а у р о в. Хорошо, хорошо. *(Решительно.)* А сейчас у меня имеется предложение поговорить о чем-нибудь другом... более интересном для миссис Кэсуэлл.

К э с у э л л. Сейчас, сэр, такая тема вряд ли найдется.

Е л е н а П а в л о в н а *(берет мужа под руку, отводит в сторону)*. Дмитрий...

В и р и г и н. Оставь меня, Лена.

К о н д а у р о в. Миссис Джэн, мне надо проехать по делу в Байрам-Али. Не желаете ли составить мне компанию?

К э с у э л л. Охотно. Если вы дадите мне минут десять на то, чтобы переодеться и выпить стакан кофе.

К о н д а у р о в. Даже пятнадцать.

К э с у э л л. О, как вы щедры, сэр!

Идут. К э с у э л л заходит в палатку.

Е л е н а П а в л о в н а. Ты еще не завтракал, Митя.

В и р и г и н. У меня пропал аппетит.

Л е н д м ю р уходит.

В и р и г и н. Ни себе, ни людям.

Е л е н а П а в л о в н а. Что?..

В и р и г и н. Все предвижу.

Е л е н а П а в л о в н а. Что ты предвидишь?

В и р и г и н. Блестящую судьбу ВИРа. Будут сидеть на нем, как собака на сене.

Е л е н а П а в л о в н а. То, что ты говоришь, — противно! Не желаю слушать.

В и р и г и н. А правда, Лена, довольно часто бывает противной. Правда бывает горькой. Это ее сущность.

Е л е н а П а в л о в н а. Какая это правда, Дмитрий!.. Это твое раздражение, оскорбленное самолюбие. И больше ничего!.. Это... это... прости, Дмитрий, все от той же мальчишеской клятвы перед памятником Пушкина. Ну, так прославишься не в сорок три года, а в сорок пять!

В а р р ы к (*Виригину*). Легче в Кара-Кумах вырыть колодец иглой, что с тобой говорить. Понимаешь? (*Уходит.*)

В и р и г и н. Вот болван!

Е л е н а П а в л о в н а. Ты не пойдешь завтракать?

В и р и г и н. В конце концов, делать такие преподношения Кондаурову, как 2 ВИР...

Е л е н а П а в л о в н а. Какие преподношения!.. Уж если быть справедливым, Дмитрий, то мы с тобой в течение пятнадцати лет получали от него преподношения.

В и р и г и н. Мой 2 ВИР... (*Поправился.*) Наш 2 ВИР, Лена...

Е л е н а П а в л о в н а. Мой... наш... в сущности, до чего ж это мелко, Дмитрий!

В и р и г и н. Вспомни великого Лавуазье. Так? Вспомни... когда его гениальную теорию захотели превратить в теорию французских химиков, он заявил: «Это не теория французских химиков, это моя теория, моя собственность и я заявляю свое право на нее перед современниками и потомством!»

Е л е н а П а в л о в н а. Конечно, в XVIII веке, во Франции, в устах Лавуазье...

В и р и г и н. Моя! Мое! Мой!.. Это также в человеке вечно, как ревность, как зависть, как страсть!

Е л е н а П а в л о в н а. Нет.

В и р и г и н. И в XVIII веке, и в XX веке, и в XV-м! И во Франции, и в Эфиопии, и в СССР!

Е л е н а П а в л о в н а. Нет!

В и р и г и н. Мой дом! Мой ребенок! Моя женщина! Мое изобретение! Моя слава!.. И в устах Лавуазье, и в устах Эдиссона!.. И в моих устах, и в твоих. И в устах члена партии товарища Кондаурова.

Е л е н а П а в л о в н а. Нет!

В и р и г и н. Да! Да! Да!.. С глазу на глаз, среди песков Кара-Кума, мы можем быть откровенны.

Е л е н а П а в л о в н а. У тебя очень старая душа, Дмитрий. Твоей душе лет полтораста.

В и р и г и н. Человеческой душе, как я полагаю...

Е л е н а П а в л о в н а (*перебывает*). Человеческая душа, Дмитрий, обладает одним таинственным и прекрасным свойством: молодеть! На иомх глазах столько душ помолодело! Это чудо нашей страны, Дмитрий. Я могу назвать тебе дюжину белобородых академиков с молодыми душами. Некоторых из них я знала еще девчонкой, когда они были профессорами нашего университета. Тогда они были еще русобородыми, чернобородыми, а души тогда у них были старые. Вот, как твоя. Ровесницами твоей, Дмитрий.

В и р и г и н. Благодарствуйте, Лена. Только я одного не понимаю: как же это ты можешь любить подобную старину и древность?

Е л е н а П а в л о в н а. Как любят, почему любят, за что любят, что такое любовь — этого, Митя...

В и р и г и н. Любовь зла — полюбишь и козла! Так? Еще раз благодарствуйте. Польщен.

Е л е н а П а в л о в н а. Подожди. Я с тобой говорю серьезно.

В и р и г и н. Весь внимание.

Е л е н а П а в л о в н а. Как-то, Митя, я задала себе тот вопрос, который, очевидно, задают себе все люди на земле: «А что же такое счастье?» И вот, Дмитрий, как я сама себе ответила: «Счастье в том, чтобы ощущать себя нужной». Нужной моей стране, своим друзьям, студентам...

В и р и г и н. Мне этого мало для счастья. Я жадный.

Е л е н а П а в л о в н а. Прости, Митя, за самомнение, но мне кажется, что я и тебе нужна. А быть тебе нужной — это много. Ведь ты очень талантлив.

В и р и г и н. Я, Лена, без тебя не мыслю своей жизни. Ты для меня, Лена...

Е л е н а П а в л о в н а. Ну?.. А что со мной? Сто пятьдесят лет, Дмитрий, твоей душе стукнуло!

В и р и г и н. Потерпи, Лена. Еще не все потеряно: помолодею. И моя душа будет... как там у Есенина: задрал штаны, бежать за комсомолом.

Е л е н а П а в л о в н а. Ну, пойдем, Дмитрий, кофе пить.

В и р и г и н. Иди, Лена, заваривай. Я сейчас.

Е л е н а П а в л о в н а уходит. Некоторое время Виригин один. Потом возвращается К о н д а у р о в .

К о н д а у р о в. Ну что, Дмитрий, так и не согласны со мной, с Еленой Павловной и с Иваном Гавриловичем?

В и р и г и н. Нет.

К о н д а у р о в. Тогда поставим вопрос перед министром.

В и р и г и н. Не желаю.

К о н д а у р о в. Почему?

В и р и г и н. А потому, что он думает вашей головой.

К о н д а у р о в. Не говорите ерунды!

В и р и г и н. Проверено. И не однажды, Алексей Никитич. Я ведь не впервые расхожусь с вами во мнении. И по более широким вопросам расходились.

К о н д а у р о в. Я надеялся, что вам хоть пробковый шлем поможет.

В и р и г и н. От чего поможет?

К о н д а у р о в. Нервы! Нервы! Дамские нервы!

В и р и г и н. Нет, Алексей Никитич, это не дамские нервы. Это глубокая убежденность в своей правоте. Убежденность химика! Человека науки! Той самой науки, которой я отдал свою жизнь. Всю! Без остаточков! Так? Я убежден, понимаете, убежден, что прав я, а не вы! А ваша гуманность, ваше «не убий барханного кота» —

это лжегуманность! Прекраснодушие! Слюни! Прошу прощения. Сладкие слюни!

К о н д а у р о в (*спокойно*). Не барханного кота, Дмитрий Сергеевич, а человека.

В и р и г и н. Вот вы не так давно генеральский мундир сняли...

К о н д а у р о в. Ну-с?

В и р и г и н. И хоть вам по штату не полагалось из пушек по людям палить, а вы, если верить легенде, удирали из штаба на передовую и палили прямой наводкой по немцам...

К о н д а у р о в. При чем здесь это?

В и р и г и н. Так. Вообще. О диалектике гуманизма. О зле, которое в известных обстоятельствах оборачивается добром.

К о н д а у р о в. В одних случаях оборачивается, а в других случаях и не оборачивается. Да-с! А так и остается: зло — злом. Отвратительным злом!

Возвращается К э с у э л л .

К э с у э л л. Поехали, сэр.

К о н д а у р о в. Поехали, миссис Джэн. (*Уходят.*)

Возвращается Л е н д м ю р .

Л е н д м ю р. Я все-таки позволю себе предложить вам стакан горячего кофе...

В и р и г и н. Право...

Л е н д м ю р. Очень вас прошу, мой друг. (*Идут в палатку.*)

В палатке.

Л е н д м ю р (*придвигая складной стул*). Прошу. (*Сагаются.*) Сэндвичи, кекс, сгущенное молоко...

В и р и г и н. Благодарю вас. Я пью обычно черный кофе. (*Пьют.*)

Л е н д м ю р. Скажите, пожалуйста, если не секрет, профессор Кондауров член коммунистической партии?

В и р и г и н. Да.

Л е н д м ю р. Молодой коммунист?

В и р и г и н. Нет, не молодой.

Л е н д м ю р. Он очень властен. *(С улыбкой.)* Диктатор от химии.

В и р и г и н. Это гиперболично.

Л е н д м ю р. Однако, коллега, если судить по сегодняшнему спору, вам все же довольно трудно не разделять его взгляды.

В и р и г и н. Они не всегда безошибочны, господин Лендмюр.

Л е н д м ю р. Вполне с вами согласен. *(Отпивая от стакана.)* Вы его заместитель по институту?

В и р и г и н. Да.

Л е н д м ю р *(с улыбкой)*. Ваше начальство?

В и р и г и н. Это для меня не имеет значения.

Л е н д м ю р. Разумеется... *(Берет термос.)* Разрешите?

В и р и г и н. Пожалуйста.

Л е н д м ю р *(наливая)*. А ваши научные споры с профессором Кондауровым слышат только четыре стены?

В и р и г и н. Не всегда.

Л е н д м ю р. Но мировая наука о них ничего не знает.

В и р и г и н. Я полагаю, господин Лендмюр, что это не слишком большая потеря для мировой науки.

Л е н д м ю р. Ложная скромность, мой друг. Научный спор Кондаурова с Виригиным имеет не только узкое национальное значение.

В и р и г и н. Мое скромное имя...

Л е н д м ю р. В Гарвардском университете, коллега, оно известно не только профессорам.

В и р и г и н. Это скорее говорит о любознательности американцев, чем о моих заслугах...

Л е н д м ю р. А в Оксфорде?.. О любознательности англичан?.. А в Брюсселе?.. О любознательности бельгийцев?

В и р и г и н *(пожимает плечами, но слышать это ему явно приятно)*.

Л е н д м ю р. Прошу... *(Предлагает кекс.)* Можно ли и оспаривать, дорогой коллега, что большие научные проблемы, ну, скажем, проблемы химии, должны выходить за тесные рамки одного государства?

В и р и г и н. В наше время это сложный вопрос. Одна эпоха не похожа на другую.

Л е н д м ю р. Во всяком случае, мой друг, если у вас когда-нибудь явится желание широко поспорить с профессором Кондауровым, мой журнал, мой «Сцайенс» к вашим услугам.

В и р и г и н. Вряд ли я сумею воспользоваться вашей любезностью, господин Лендмюр.

Л е н д м ю р. Почему?

В и р и г и н. Мы, советские ученые, русские ученые...

Л е н д м ю р (*перебивая*). Русские ученые, французские ученые, английские ученые, американские... Простите, не понимаю! Разве наука может быть национальной? Вот мне пришел на память один пример: ваш гениальный Ломоносов задолго до Лавуазье установил закон сохранения вещества. Не правда ли?

В и р и г и н. Совершенно верно.

Л е н д м ю р. А результат?.. Это великое открытие было погребено в национальных снегах России. Потом тот же самый закон установил Лавуазье. И это считается одной из самых важных заслуг всей жизни. Этот закон, как вам известно, положил начало новой эпохе в истории химии. И вся слава у Лавуазье! А Ломоносова за пределами России знают двадцать профессоров.

В и р и г и н. Это было в восемнадцатом веке.

Л е н д м ю р. Ах, дорогой друг, современные железные занавесы скоро отбросят нас к тринадцатому веку!

В и р и г и н. Н-н-да.

Л е н д м ю р. А теперь бы я хотел поговорить о вашем ВИРе. Как я понял, у вас на родине им не пожелают воспользоваться.

В и р и г и н. Возможно.

Л е н д м ю р. Это глубоко неверно. Больше того, это несправедливо по отношению к миллионам людей, страдающих от налетов саранчи.

В и р и г и н. Мне трудно с этим спорить.

Л е н д м ю р. Народы мира будут благословлять имя того человека, который спасет их от разорения.

В и р и г и н. Вероятно.

Л е н д м ю р. Как же быть? Я говорю о ВИРе... Железный занавес?

В и р и г и н. Это не наше изобретение, господин Лендмюр. Железный занавес пытаются опустить не советские, не русские люди.

Л е н д м ю р. А в данном случае? В случае с ВИРом? Ведь профессор Кондауров — русский человек, советский человек!

В и р и г и н. Решать будет не он, господин Лендмюр.

Л е н д м ю р. А если с ним согласятся?.. Авторитет министра, государственного чиновника в вопросах науки? Принципиально ли это, дорогой коллега? Наши великие предшественники...

В и р и г и н. Великие предшественники!

Л е н д м ю р. Я никогда не поверю, коллега, чтобы личные отношения для вас были дороже научной истины, всегда столь благодетельной для миллионов людей. Только об этом я и думаю. Поэтому-то, мой друг, я и решаюсь вторично сказать вам: если решение будет неверным или несправедливым, мой «Сцайенс» к вашим услугам. Истина, истина и еще раз истина! Другого бога нет у науки. Подумайте об этом, мой молодой друг. Или, хотя бы, обещайте мне подумать. (Пауза.) Кусочек кекса?

В и р и г и н. Благодарю.

Занавес.

Второе действие

Первая сцена

Москва. Часов десять вечера. Кабинет Виригина. Большой письменный стол. На нем завидный порядок. Ничего лишнего. Необходимые для работы книги сложены в аккуратные пирамидки. Несколько стульев красного дерева с черными кожаными сиденьями. В углу маленький кабинетный рояль. В и р и г и н за письменным столом. Слева от него пишущая машинка. Футляр от нее на стуле. Виригин дочитывает последний лист рукописи. Дочитал. Собрал листы. Аккуратно сложил их, скрепил зажимкой. Вынул из ящика письменного стола большой синий конверт.

Вложил в него листы. Берет со стола почтовую бумагу. Обдумывая каждое слово, пишет короткое письмо. Написал. Прочел. Промакнул пресс-папье. Вложил в конверт. Заклеивает его. Тихо, на цыпочках, в кабинет входит Е л е н а П а в л о в н а . У нее в руках несколько сверточков от «Гастронома» и цветы. Улыбается. Явно очень довольна, что Дмитрий не слышал, как она открыла своим ключом входную дверь, как вошла в комнату. Осторожно, не дыша, кладет покупки на стул. Не дыша, подходит к мужу сзади. Обнимает его за плечи.

В и р и г и н (*вздрогнув*). Что!.. Лена!..

Е л е н а П а в л о в н а (*смеется*). И все пальто можно из передней вынести... и рояль из комнаты... и тебя самого...

В и р и г и н. Что за манера подкрадываться?

Е л е н а П а в л о в н а. А вот сегодня у меня такое настроение: подкрадываться, удрать с заседания Ученого Совета, назвать в одиннадцать часов ночи гостей, купить зернистую икру, коньяк, сливу в шоколаде... (*Показывает цветы.*) А вот это от тебя — мне. (*Дает букетик.*) Ты преподносишь мне эти белые розы и говоришь: «Поздравляю тебя, Леночка, с днем рождения. Хочешь ты или не хочешь, а сегодня тебе стукнуло сорок два!»

В и р и г и н. Подожди, подожди... Ах да, ведь сегодня же двадцать четвертое июня!.. Прости, моя дорогая. (*Целует ее.*) Поздравляю тебя, Леночка. (*Дает цветы.*)

Е л е н а П а в л о в н а. Спасибо, дорогой!.. (*Не явля.*) Ах, как это мило с твоей стороны — белые розы! Я обожаю белые розы!

В и р и г и н. Чертовщина какая-то в самом деле!.. Дурацкая у меня стала голова — все из нее вылетает.

Е л е н а П а в л о в н а. Ничего, ничего... не огорчайся. (*Без тени упрека.*) Я уже привыкла, дорогой. Уже двадцать три года это «двадцать четвертое» вылетает из твоей головы.

В и р и г и н. Значит, у нас сегодня гости? А я отпустил Марию Семеновну.

Е л е н а П а в л о в н а. Не страшно. Похозяйничаяю... С минуту на минуту явятся Фомин и Алексей Никитич, следовательно у нас будет такой салат, что язык проглотить — салат его изобретения: с яблоками и черносливом.

В и р и г и н. Фомин и Кондауров, как будто, на приеме у министра? В таком случае они могут приехать и в два часа ночи...

Е л е н а П а в л о в н а. Все выяснено. Я звонила в министерство. Они уже у него в кабинете.

В и р и г и н. А кого ты еще пригласила?

Е л е н а П а в л о в н а. Гюльнар. И все.

В и р и г и н. У нее, говорят, с Фоминым романчик?

Е л е н а П а в л о в н а. Не романчик, а любовь!

В и р и г и н *(иронически)*. Любовь!

Е л е н а П а в л о в н а. Ты, кажется, абсолютно убежден в том, что последняя любовь на свете была наша с тобой.

В и р и г и н. Да, вроде того.

Е л е н а П а в л о в н а. Дорогой мой, так думают все старики: только, мол, в наше время умели любить, только в наше время умели веселиться, только в наше время писали хорошие стихи, только в наше время были вкусные слоеные пирожки...

В и р и г и н. Что касается стихов, это не по моей части, а вот любить...

Е л е н а П а в л о в н а. А я вот не налюбуюсь на нашу парочку. Какая чудесная чистота! И ужасно за них счастлива. Он настоящий человек...

В и р и г и н. Н-н-да. Образцовый. Хоть на выставке выставляй... в Музее Революции.

Е л е н а П а в л о в н а. А Гюльнар... Ох, какая молодец! И откуда только у нее силенки берутся. Сама тоненькая, как соломенка... В лаборатории сидит по четырнадцать часов. Не выгонишь! А вчера я читала ее работу на английском языке... *(Взгляд упал на письменный стол.)* Это что за конверт?

В и р и г и н *(несколько растерявшись)*. Конверт?.. Ах, этот...

Е л е н а П а в л о в н а *(взглянув на пишущую машинку)*. Рукопись отправляешь?.. Статью написал?

В и р и г и н. Да.

Е л е н а П а в л о в н а. Какую?.. О чем, Митя?..

В и р и г и н. О чем?.. *(Берет со стола футляр.)* О Дальтоне и Менделееве... *(Накрывает пишущую машинку.)*

Елена Павловна. Интересно. *(Берет со стола конверт.)*

Виргин. Положи, Лена.

Елена Павловна. Сегодня, значит, ночью прочитаем.

Виргин. В журнале, Лена, прочтешь. Ее, очевидно, пустят сразу.

Елена Павловна. Ну, это уж что-то новое в нашей жизни... чтоб я не прочитала твоей статьи!

Виргин. Пусть будет маленькая неожиданность.

Елена Павловна. Возражаю против таких неожиданностей.

Виргин. Статья, видишь ли, полемическая.

Елена Павловна. Тем более.

Виргин. Я в ней довольно решительно полемизирую с Кондауровым... А я ведь знаю, Лена, твои цензорские наклонности. Начнешь уговаривать: смягчи то, смягчи это.

Елена Павловна. Тебя, Митя, довольно трудно в чем-нибудь уговорить.

Виргин. Как сказать.

Елена Павловна *(опять берет конверт)*. Нет, хочешь ты или не хочешь...

Виргин *(резко)*. Положи, Лена!

Елена Павловна. Все равно, Митя, я вытащу из ящичку копию и прочту... Когда тебя не будет дома.

Виргин. Копии нет.

Елена Павловна. Как нет! Отправляешь и без копии? Ничего не оставляешь у себя?

Виргин. У меня не было хорошей копирки.

Елена Павловна. Не позволю! Мало ли что может случиться. А если затеряется в редакции? Такие случаи бывали. *(Берет конверт.)* Я сама перепечатаю. И даю тебе слово, что не буду цензором.

Виргин. Положи!

Елена Павловна. Какие-то дикие фантазии. *(Кладет конверт на стол.)*

Виргин *(прячет конверт в ящик. Запирает его. Ключ кладет в карман. И говорит с улыбкой не слыш-*

ком естественной). Вот, моя милая, чтобы не было искушения.

Е л е н а П а в л о в н а. Надеюсь, все-таки, Дмитрий, что в отношении Алексея Никитича ты был...

В и р и г и н (*перебивает*). Так! А что я говорил! Вот цена женских клятв. А ведь всего минуту тому назад ты заявила: «Даю тебе слово, что я не буду цензором».

Е л е н а П а в л о в н а. Видишь ли, Митя, я ведь не знаю, что в твоей полемике с Кондауровым, истина, к сожалению, не всегда бывает на твоей стороне.

В и р и г и н. Истина в том, что наш друг Кондауров плавает, как блин в масле и сметане. В масле и сметане обожания, почтения, преклонения... и главным образом министерской.

Е л е н а П а в л о в н а. Мне кажется, что подобным образом говорят о своих врагах, а не о друзьях.

В и р и г и н. К сожалению, обычно люди говорят о своих друзьях хуже, чем о врагах. Потому, что своих друзей мы знаем лучше, чем своих врагов.

Е л е н а П а в л о в н а. Ой, я не любительница парадоксов!

В и р и г и н (*перебивает*). Мой друг Кондауров в компании с Фоминым похоронил по первому разряду мой ВИР!

Е л е н а П а в л о в н а. Я тоже его хоронила, Дмитрий. Похоронила! Но с тем, чтобы с удесятеренной страстностью продолжать над ним дальнейшую работу. И Алексей Никитич...

В и р и г и н (*перебивает*). У меня этой страсти нет. Выдохлась. Так. Я должен абсолютно верить в успех, чтобы работать со страстью. Так? А я, как это ни грустно, не верю.

Е л е н а П а в л о в н а. А мы с Алексеем Никитичем...

В и р и г и н. Может быть, я просто бесконечно устал. Мой мозг высох.

Е л е н а П а в л о в н а. Да, да! Ты просто устал. Тебе надо отдохнуть, Митя.

В и р и г и н. Вероятно.

Е л е н а П а в л о в н а. Пойди к хорошему врачу.

В и р и г и н. Да, я пойду.

Е л е н а П а в л о в н а. И не откладывая. Прошу тебя, Митя! Я давно не видела тебя в таком состоянии.

В и р и г и н (*целуя ее руку*). Как это говорится: дожили — ножки съезжили.

Е л е н а П а в л о в н а. Ну, ну!.. Разъежутся... Ты ведь не отдыхал года четыре. В Крым мне тебя, что ли, отправить?

В и р и г и н. Отправляй в Крым.

Е л е н а П а в л о в н а. Завтра же займусь этим делом.

В и р и г и н. Благодарю.

Е л е н а П а в л о в н а. А где, Митя, ты собираешься печатать статью?

В и р и г и н. Дальтон печатал свои статьи в «Календаре для лэди и джентельменов». У нас таких календарей нет. Так же как и джентельменов. Вывелись.

Е л е н а П а в л о в н а. Шпилечка?

В и р и г и н. Значит я ее буду печатать в «Прикладной химии». Для Гюльнар и Фоминых...

Е л е н а П а в л о в н а (*брезгливо*). Ой!.. А это уж совсем на тебя не похоже... Необходимо отдохнуть, необходимо отдохнуть.

В и р и г и н. Мой отец был маленьким чиновником Удельного Ведомства. Получал 75 рублей в месяц каждое двадцатое число. Таких презрительно называли «двадцатниками». А его братья женились на богатых. У нас в семье была полунищета. Мать билась, сводила концы с концами. А у моих дядей были рысаки, английские шарабаны, холуи на запятках. И вот, как я себя помню, в доме у нас царила зависть. Зависть за утренним жидким чаем, зависть за обедом, зависть за ужином — под картошку на подсолнечном масле. И я возненавидел ее — эту зависть! Возненавидел! И мальчишкой, пигалицей, сопляком я сказал себе: «Нет, уже я буду жить так, чтоб я не завидовал, а мне завидовали».

Е л е н а П а в л о в н а. А это зачем нужно?

В и р и г и н (*не слушая*). И вот... рожки да ножки! (*Издевательски.*) А может быть, это вы, Дмитрий Сергеевич, как наш жалкий отец, «двадцатник», завидуете,

например, вот этому блину, плавающему в масле и сметане...

Елена Павловна. Фу!

Виргин. А ведь я талантливей его! Я талантливей Кондаурова!

Елена Павловна (холодно). Не убеждена.

Виргин. А я убежден! Уверен! Знаю!

Елена Павловна. А я знаю, чего тебе очень не хватает, Дмитрий. Это я говорю серьезно и откровенно, хорошо продумав. Потому, что часто и много об этом думала.

Виргин. Н-н-да?

Елена Павловна. Замечательно говорил Тимирязев...

Виргин. Маркс! Энгельс! Тимирязев!..

Елена Павловна. Да, Маркс, Энгельс, Тимирязев!.. А не Лавуазье, Лавуазье, Лавуазье!

Виргин. Ну?

Елена Павловна. Говорил он о «материале», из которого слагается великий ученый.

Виргин. Ну?

Елена Павловна. Творчество поэта, диалектика философа и искусство исследователя. Последним, Дмитрий, ты обладаешь в полной мере и синтезируешь с блеском. А вот что касается творчества поэта и, главное, диалектики философа... (Звонок у парадной двери.)

Виргин. Кто-то уже явился.

Елена Павловна. Вероятно, это Гюльнар.

Виргин. Я открою.

Уходит. Некоторое время Елена Павловна одна. Подошла к роялю. Задумчиво, одной рукой перебирает клавиши. Входит Гюльнар.

Гюльнар. Поздравляю, Елена Павловна. (Дает три белых розы.)

Елена Павловна. Спасибо, милая. (Целует ее.) Ты чего это не переделась?.. Приходишь в гости, на рождение...

Гюльнар. Простите, Елена Павловна.

Елена Павловна. Небось, прямо из лаборатории? Это бог знает, что такое! Дело кончится тем, Гюль-

нар, что тебя придется на казенный счет отправлять в санаторий.

Г ю л ь н а р. Так сегодня...

Е л е н а П а в л о в н а. Каждый день это «сегодня»...

Звонок у парадной двери.

Е л е н а П а в л о в н а. Это Алексей Никитич с Иваном Гавриловичем. Они были на приеме у министра. С чем-то явились?

Входят Ф о м и н и К о н д а у р о в. У обоих в руках белые розы. У Кондаурова в руках целый ворох. Вслед за ними входит В и р и г и н.

К о н д а у р о в (*целует Елену Павловну*). Поздравляю, Леночка. (*Дает цветы.*)

Е л е н а П а в л о в н а. Спасибо, Алексей Никитич. У меня и вазы-то такой не найдется.

Ф о м и н. Желаю, Елена Павловна, счастья. (*Дает цветы.*)

Е л е н а П а в л о в н а. Спасибо. Ну, с чем пришли, Иван Гаврилович? Судя по сиянию, которое от вас обоих исходит — с победой? Рассказывайте скорей.

К о н д а у р о в. Не-е-ет, так просто это не выйдет. У нас на сей предмет, Леночка, имеются свои традиции. Танцуйте!

Е л е н а П а в л о в н а. Да не томите, товарищи... Ну вас!

К о н д а у р о в. Та-анцуйте! (*Садится за рояль, играет вальс «На сопках Манчжурии».*)

Е л е н а П а в л о в н а (*умоляюще*). Иван Гаврилович...

К о н д а у р о в (*строго*). Товарищ майор!

Ф о м и н. Обязан, Елена Павловна, повиноваться начальству.

К о н д а у р о в. Дмитрий, приглашайте собственную супругу!.. Товарищ майор, приглашайте!..

Ф о м и н. Есть, товарищ генерал-лейтенант. (*К Гюльнар.*) Прошу.

Г ю л ь н а р. Я плохо... (*Танцуют.*)

Е л е н а П а в л о в н а. Ничего не попишешь, Дмитрий, придется и нам танцевать. Он ведь без того не скажет. Я его характер знаю.

В и р и г и н. Вальс!.. Да это же, Леночка, высшая математика. А я и па-де-патинер не могу научиться. *(Танцуют.)*

Е л е н а П а в л о в н а. Ой, ногу отдавили!..

К о н д а у р о в. Э-э-э, шляпа велюровая!.. Садитесь, Лавуазье. Бренчите.

Виригин садится за рояль. Играет вальс. Кондауров приглашает Елену Павловну. Танцуют очень хорошо.

К о н д а у р о в. Мерси, мадам!..

Е л е н а П а в л о в н а. У-у-ух... Даже голова закружилась... Лет двадцать не танцевала...

К о н д а у р о в *(дает ей руку, отводит на место, пародируя кавалеров студенческих балов.)* А теперь, Иван Гаврилович, рассказывайте.

Ф о м и н. Министр поднял руки вверх, товарищи. Сдался.

Е л е н а П а в л о в н а. Еще бы — сталинградцам!

Ф о м и н. Будем, Елена Павловна, оборудовать новую лабораторию.

Г ю л ь н а р. Правда!..

К о н д а у р о в *(о Фомине)*. И все он — этот ваш мужчина.

Ф о м и н. Положим...

К о н д а у р о в. Одиннадцать раз на министра в атаку ходил.

Е л е н а П а в л о в н а. Ну, ну?

Ф о м и н. Отпущен бюджет 450 тысяч.

Е л е н а П а в л о в н а. Это много?

К о н д а у р о в. В самый раз.

Ф о м и н. Был еще внушительный разговор, Дмитрий Сергеевич, о дальнейшей работе над ВИРОм. Министр...

К о н д а у р о в. Я поклялся ему богом и богородицей, что будем пытаться природу гамма-изомера с мудростью змия, хитростью Евы и трудолюбием муравьев. Правильно?

В и р и г и н. Страшноватая клятва.

Ф о м и н. Между прочим, я в министерстве встретил Студницкого... из журнала... из «Прикладной химии»...

В и р и г и н. Так.

Ф о м и н. Он очень просил поторопить вас со статьей. Вы им что-то обещали... О Дальтоне и Менделеева, кажется?

В и р и г и н. Да. Я уже написал.

К о н д а у р о в. Леночка, «Вечорку» сегодняшнюю читали?

Е л е н а П а в л о в н а. Нет. А что там?

К о н д а у р о в. О Джэн Кэсуэлл. *(Дает газету.)* Получайте.

Е л е н а П а в л о в н а. Спасибо. Ночью прочту.

К о н д а у р о в. Ее выступление на митинге прогрессивных граждан Америки. В Бостоне. Молодчина!

Е л е н а П а в л о в н а собирает свои покупки и уходит.

Г ю л ь н а р. Дмитрий Сергеевич, можно открыть окно? Ночь теплая... Около вашего дома зацвели липы...

В и р и г и н. Пожалуйста.

Г ю л ь н а р *(открыла)*. Как тихо... Город словно закрыл глаза и уснул...

К о н д а у р о в *(к Гюльнар)*. А на вас жалуется Елена Павловна, товарищ бывший тигр.

Ф о м и н. Почему бывший?

К о н д а у р о в. Да неужели?

Ф о м и н. Ого!

Е л е н а П а в л о в н а появляется в дверях.

Е л е н а П а в л о в н а. Дмитрий, тебя просит к телефону Студницкий... относительно статьи. *(Уходит.)*

В и р и г и н. Простите. *(Уходит.)*

К о н д а у р о в *(ворчит на Гюльнар)*. Да-с... по четырнадцати часов... Черт знает, что такое!.. Тоже — богатырь!.. Илья Муромец!.. А вы-то чего смотрите, Иван Гаврилович?

Ф о м и н. Здесь посмотришь!

К о н д а у р о в. О-о-о! Быть под башмаком покорителю Берлина.

Г ю л ь н а р (у окна). Вам хорошо говорить, Алексей Никитич. Сколько вы кончили факультетов? Три! Физико-математический, естественный, медицинский...

Ф о м и н. А четвертый факультет — гражданская война, а пятый — Отечественная война.

К о н д а у р о в. И шестой... шестой еще имеется.

Г ю л ь н а р. А какой же шестой, Алексей Никитич?

К о н д а у р о в. Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, мой друг. Если уж о всех моих университетах говорить. На этом факультете тридцатый год состою. Вечный студент, как в старину баяли. Да-с! Вот-с! И обучают меня там, извольте знать, тому, что о человеке заботиться надо. Да-с!

Голос Елены Павловны: «Алексей Никитич!.. Алексей Никитич!.. Идите салат готовить!»

К о н д а у р о в. Иду, Леночка, иду.

Г ю л ь н а р. Мне бы вон на ту звезду хотелось... на самую золотую... вместо санатория... недели на две.

Голос Елены Павловны: «А в провансаль сахар класть?»

К о н д а у р о в. Две чайных ложки!..

Г ю л ь н а р (смотрит на звезду). А сколько на нее лететь?.. Тысячу лет?..

Ф о м и н. Если со скоростью света... лет на пятьсот, пожалуй, подольше.

К о н д а у р о в. А вы, мое сокровище, на звезду-то собираетесь с Иван Гавриловичем?

Г ю л ь н а р (просто). Конечно.

Голос Елены Павловны: «Ах, господи, я все погублю!»

К о н д а у р о в. Иду, иду!.. (Берет под руку Фомина, подводит его к окну.) А вам, синьор, предлагается перешагнуть через этот подоконник, благо ноги у вас длинные, и утвердиться вон на том карнизе. После чего...

О, боже! Что за свет в окне мелькнул?

О, то — восход! Моя Джульетта — солнце!

Вот, вот она, моя любовь святая!..

Две самых ярких звездочки небесных,

Когда-то отлучившихся, велели
Блестать в ее очах до их возврата.
Ах, Джульетта
Склонилась на руку щекой...
О, если б мне перчаткой быть ее руки, —
Коснуться этой щечки...

Вот-с!.. Лет тридцать тому назад я тоже был Ромео... в дачном театре на Клязьме. Был! Был! И скажу вам, мои дорогие Ромео и Джульетта: это чудесно! Это прекрасно! (Пауза.) Ну, иду салат готовить... с яблоками и черносливом. (Уходит. Кто-то в соседней квартире играет на скрипке.)

Ф о м и н (после паузы). Чайковского играет.. «Серенаду»... (С нежностью обнимает Гюльнар. Смотрит ей в глаза.) Звезды мои!.. Звезды!..

В т о р а я с ц е н а

В Бостоне. Ночь. Кабинет Генри Лендмюра. По всем стенам высокие книжные шкафы. В глубине кабинета, за занавесом, альков, — Л е н д м ю р спит среди своих книг. На маленьком передвижном столике — коньяк, рюмки. Входит миссис Э с т е л л а Л е н д м ю р и миссис К э с у э л л . Обе в вечерних платьях.

М и с с и с Л е н д м ю р (вынимая из сумки изящную коробочку). На, Джэн, прими таблетку.

К э с у э л л (берет таблетку). Спасибо, мама.

М и с с и с Л е н д м ю р. И приляг на полчаса.

К э с у э л л. Да, это совершенно необходимо.

М и с с и с Л е н д м ю р. Здесь, у папы в кабинете, ты, по крайней мере, гарантирована от нашествия дам.

К э с у э л л. Надеюсь.

М и с с и с Л е н д м ю р (показывая на бутылку). Выпьем, бэби.

К э с у э л л. У меня, мама, болит голова.

М и с с и с Л е н д м ю р (налила себе рюмку, выпила). Ты вся в меня, Джэн. У меня тоже всякий раз заболевает голова от банкетных речей. Особенно от папиных.

К э с у э л л. Да, мама. Он прекрасно говорит. А это действует на нервы.

М и с с и с Л е н д м ю р. Но сегодня ты не показывай ему вида.

К э с у э л л. Почему мама?

М и с с и с Л е н д м ю р. Как-никак он справляет сегодня свое семидесятилетие. Это ведь так огорчительно.

К э с у э л л. Я зла на папу.

М и с с и с Л е н д м ю р. Милая, не надо!

К э с у э л л. Почему?

М и с с и с Л е н д м ю р. Потому, что злиться — это старинная привилегия жен.

К э с у э л л. Он сделал гадость, мама.

М и с с и с Л е н д м ю р. Всего-на-всего?

К э с у э л л. И порядочную, мама.

М и с с и с Л е н д м ю р. Это очень интересно!

К э с у э л л. Он напечатал в своем журнале гнусную статью о моем друге.

М и с с и с Л е н д м ю р (*лукаво*). О твоём друге?

К э с у э л л. Нет, мама, это не то, что ты думаешь.

М и с с и с Л е н д м ю р. Жаль. А как его имя?

К э с у э л л. Алексей Кондауров.

М и с с и с Л е н д м ю р. Русский?

К э с у э л л. Да.

М и с с и с Л е н д м ю р. Поэт?

К э с у э л л. Нет, профессор химии.

М и с с и с Л е н д м ю р. Коллега нашего папы. Какое несчастье!

К э с у э л л. Он абсолютно не похож на папу. У нас с тобой, мама, разные вкусы.

М и с с и с Л е н д м ю р. Милая, я вышла за твоего папу, когда мне было девятнадцать лет. В этом возрасте не бывает вкусов. (*Наливает в рюмку коньяк.*)

К э с у э л л. Мама, ты умрешь под забором.

М и с с и с Л е н д м ю р. Ах, это так романтично! (*Пьет.*) Теперь я понимаю, почему ты так стремишься в Москву.

К э с у э л л. Искусство, мама, для меня тоже имеет некоторое значение. В Москве у меня премьера.

М и с с и с Л е н д м ю р. Искусство имеет значение? Друг мой, американка ли ты?

К э с у э л л. В газетах Херста пишут, что очень плохая.

М и с с и с Л е н д м ю р. А ты, бэби, бери пример с меня и читай в газетах только светскую хронику... Когда же ты улетаешь в Москву?

К э с у э л л. Сегодня, мама! Рано утром. Все документы у меня уже в сумочке.

М и с с и с Л е н д м ю р. Да, чуть не забыла, а как называется папин журнал?

К э с у э л л. «Сцайенс», мама.

М и с с и с Л е н д м ю р. Я непременно его где-нибудь раскопаю.

К э с у э л л (*берет с письменного стола*). Вот, пожалуйста.

М и с с и с Л е н д м ю р. Спасибо.

К э с у э л л. За такие вещи, мама, вряд ли стоит благодарить. Особенно за этот номер. Он целиком посвящен русской науке.

М и с с и с Л е н д м ю р. А разве это так плохо?

К э с у э л л. В статьях утверждается, мама, что наука в Советской России стоит очень низко.

М и с с и с Л е н д м ю р. А разве она, бэби, там стоит высоко?

К э с у э л л. Да, мама, искусство и наука там в почете.

М и с с и с Л е н д м ю р наливает в рюмку коньяк.

Не пей, мама.

М и с с и с Л е н д м ю р (*трагически*). Ах, я хочу умереть под забором.

К э с у э л л. Тебе это, мама, все равно не удастся. Коньяк полезен.

М и с с и с Л е н д м ю р (*выпив*). А кто автор этой омерзительной статьи о твоём русском друге?

К э с у э л л. О, если бы я знала имя этого негодяя!

М и с с и с Л е н д м ю р. Негодяя? Значит, статья подписана псевдонимом?

К э с у э л л. Да.

М и с с и с Л е н д м ю р. А какое, бэби, название у статьи?

К э с у э л л. «Диктатор от химии». Вероятно, название придумал папа. Это его стиль.

М и с с и с Л е н д м ю р. Гитлер, Муссолини... Не люблю диктаторов!

К э с у э л л. Ты подлинная демократка, мама.

М и с с и с Л е н д м ю р. Вероятно, бэби. Ведь я родилась в Америке и очень давно.

К э с у э л л. Какая ты счастливая!

М и с с и с Л е н д м ю р. А разве, Джэн, на земле бывают такие люди?

К э с у э л л. На это, мама, я вряд ли сумею ответить тебе с точностью.

М и с с и с Л е н д м ю р. Прими же таблетку, бэби. *(Наливает воду в бокал.)* На.

К э с у э л л. Спасибо, мама. *(Принимает таблетку.)* Потуши, пожалуйста, мама, большую люстру.

М и с с и с Л е н д м ю р. Спи, детка.

К э с у э л л. До свиданья, мама.

М и с с и с Л е н д м ю р на цыпочках уходит. Кэсуэл некоторое время стоит в задумчивости. Потом направляется к алькову. Вошла. Задержала занавеску. Пауза. Входят Л е н д м ю р и К р э г, — благообразный джентельмен небольшого роста, седой, лысый, с животом.

Оба во фраках и белых жилетах. В зубах сигары.

К р э г. Должен вам сказать, сэр, что этим русским ВИРОм чрезвычайно заинтересовано наше военное министерство.

Л е н д м ю р. Я понимаю наших военных.

К р э г. Вы позволите, сэр, говорить с вами откровенно, как человек дела, как американец с американцем.

Л е н д м ю р. Да, я американец, мистер Крэг.

К р э г. Учитывая некоторые обстоятельства, мы пытались нормальным путем получить от профессора Дмитрия Виригина его ВИР. Но из этого ничего не вышло.

Л е н д м ю р *(показывая на кресло)*. Прошу. *(Садятся.)* Может быть, рюмку коньяку?

К р э г. Не откажусь.

Л е н д м ю р *(Наливает. Выпили)*. А вот скажите мне, мистер Крэг, — что лучше рюмки коньяка?

К р э г. Что лучше...

Л е н д м ю р. Две рюмки, мистер Крэг!

К р э г. Блестящий афоризм!

Л е н д м ю р (берет бутылку). Разрешите?

К р э г. Пожалуйста. (Выпили.) Статья «Диктатор от химии» написана профессором Виригиным?

Л е н д м ю р. Я думал, мистер Крэг, что об этом знают только два человека: я и мой старый друг журналист Лэмберт, который любезно привез мне эту статью из Москвы. Оказывается...

К р э г. У профессора Виригина злое перо.

Л е н д м ю р. Очень.

К р э г. В Советской России ценят такие перья, когда своим острием они обращены против нас.

Л е н д м ю р. К сожалению, мистер Крэг.

К р э г. В данном случае острие обращено в другую сторону.

Л е н д м ю р. Да, в профессора Алексея Кондаурова.

К р э г. Я бы сказал, сэр, — не только! Автор поднял большую принципиальную проблему общего порядка.

Л е н д м ю р. Да. Профессор Виригин убедительно говорит о том, что нет и не может быть науки узконациональной, науки суверенной.

К р э г. У Москвы, сэр, тяжелаярука, когда она не гладит по головке. Надо признаться, что профессор Виригин обнаружил незаурядную храбрость.

Л е н д м ю р. Не сказал бы этого! Он стреляет, спрятавшись за прочную стену псевдонима.

К р э г. Ну, при современной технике эти прочные стены...

Л е н д м ю р. Для редактора, мистер Крэг, святость псевдонима не подлежит сомнению. Мое доброе имя...

К р э г. Оно и впредь, сэр, окажется столь же незапятнанным. (Берет рюмку.) Я только что имел честь разговаривать с мистером Грокфеллером. Он весьма доволен этим номером вашего журнала, сэр. Он сказал: «Наконец-то я совершенно ясно вижу, кто враги и кто друзья мистера Лендмюра. Теперь я буду издавать «Сцайенс» на трех языках!» И добавил: «Посмотрим, кто будет щедрей — Советская власть для своих ученых или Уолл-Стрит для своих».

Л е н д м ю р. Я не могу лишь согласиться со словом «для своих». Наука, мистер Крэг, свободна.

К р э г (*поднимая рюмку*). За всемирный успех «Сцайенса»! (*Выпили.*) Мистер Лэмберт, как будто, одновременно со статьей привез вам и письмо профессора Виригина?

Л е н д м ю р. Эти несколько строк я не назвал бы письмом.

К р э г. Если я на них взгляну, сэр, надеюсь, это не будет посягательством на ваше доброе имя?

Л е н д м ю р. Одну минуту... Я хочу вспомнить... Ах, да, эта записка, как будто там. (*Показывает рукой в сторону алькова.*) В шкатулке... Впрочем, кажется, я сумею процитировать записку совершенно дословно.

К р э г. Очень прошу, сэр.

Л е н д м ю р. «Глубокоуважаемый господин Лендмюр! Согласно вашей просьбе, пересылаю вам для «Сцайенса» свою статью. Ни одной минуты не сомневаюсь, что тайна псевдонима будет абсолютно свята». И подпись.

К р э г. Записка написана от руки.

Л е н д м ю р. Да.

К р э г. Очень удачно, сэр.

Л е н д м ю р. Что удачно, мистер Крэг?

К р э г. Теперь, мне думается, я сумею кое-что сделать для нашего военного министерства.

Л е н д м ю р. Не понимаю.

К р э г. Смею надеяться, когда эта записка будет в моих руках, профессор Виригин окажется несколько более покладистым.

Л е н д м ю р. Но...

К р э г. Ваше доброе имя, сэр, не будет запятнано.

Занавески раздергиваются. Выходит К э с у э л л .

К э с у э л л (*спокойно*). Записка, мистер Крэг, не будет в ваших руках.

Л е н д м ю р (*растерянно*). Бэби, что ты здесь делала?

К э с у э л л (*просто*). Подслушивала, папа.

Л е н д м ю р (*окончательно растерявшись*). Это не хорошо, бэби.

К э с у э л л. Почему?

Л е н д м ю р. Ну, знаешь... так сказать... вообще... в нашем обществе...

К э с у э л л. О, твое общество, папа, блестяще! Особенно в эти последние полчаса.

Л е н д м ю р. Джэни...

К э с у э л л. Итак, мистер Крэг, вы, вероятно, желаете знать, почему это письмо... *(Показывает его.)* не будет в ваших руках? Не так ли?

Крэг молчит.

Извольте. Ну, хотя бы потому, что я не люблю, когда людей шантажируют.

К р э г. Вы плохая американка, миссис!

К э с у э л л. Услышать это от вас, сэр, мне очень приятно! *(С улыбкой.)* А еще вот почему, мистер Крэг, письмо не будет в ваших руках. *(Открывает сумочку и опускает в нее записку.)* Потому, что оно будет в моей сумочке, сэр.

Л е н д м ю р. Джэн!..

К э с у э л л. Я понимаю, папа, что тебя волнует. Ведь у вас в Бостоне совершенно неожиданно кого-нибудь может соблазнить, ну, скажем, пудреница в моей сумке и мне по этому случаю из-за угла выстрелят в затылок...

Л е н д м ю р. Ах, Джэн!..

К э с у э л л. Так вот, папа, я сейчас постараюсь оградить себя от этой маленькой неприятности. *(Поднимает телефонную трубку.)* 1-61-16... Мистер Кунг... Это говорит Джэн Кэсуэлл... Я вас не рабудила? Великолепно!.. У меня, мистер Кунг, явилась дикая фантазия заехать сейчас к вам на четверть часа... Благодарю... Я так и думала... Вы ведь знаете, мистер Кунг, что сегодня утром я покидаю Америку... Да, да... И вот еще одна дикая фантазия: я хочу вам оставить в запечатанном конверте свое литературное завещание... Да, да... Совершенно верно, мистер Кунг... О, мы живем в такое время... Да, Да!.. Итак, мистер Кунг, через десять минут я у вас. *(Кладет трубку.)* Ты все понял, папа?

Л е н д м ю р. Не сказал бы этого, Джэн.

К э с у э л л. Тогда я объясню. Мистер Кунг — это ближайший друг мистера Генри Уоллса. Кроме того он еще и редактор журнала «За свободу и демократию».

Л е н д м ю р. Это всем известно, Джэн.

К э с у э л л. В таком случае, тебя, вероятно, интересует, что будет написано в моем завещании? О, это не тайна! Видишь ли, я расскажу в нем абсолютно точно весь твой разговор с мистером Крэгом.

Л е н д м ю р. Джэн!..

К э с у э л л. Да, да! О его похвальном желании пошантажировать профессора Виригина!

Л е н д м ю р. Н-н-но... *(Наливает коньяк в рюмку.)*

К э с у э л л. Упомяну также, папа, о мистере Грокфеллере. О том, что новый антирусский курс твоего «Сцайенса» в три раза увеличит твои дивиденды. Они ведь зависят от тиража журнала, а он теперь будет в три раза больше. Ты понимаешь, папа, какая это будет сенсация! Как мистер Уоллес использует это в своей предвыборной кампании!

Л е н д м ю р *(пьет коньяк)*.

К э с у э л л. На здоровье, папа.

Л е н д м ю р. Спасибо, бэби.

К э с у э л л. Разумеется, папа, мое завещание будет вскрыто только в том случае, если со мной произойдет какое-нибудь несчастье.

Л е н д м ю р. Будем надеяться, бэби, что этого не случится. Бог милостив!

К э с у э л л. Я абсолютна с тобой в этом согласна, папа. И еще — завещание вскрыют во втором случае: если меня, вдруг, на заре, не выпустят из Америки. Надеюсь, однако, что и это исключено. Не так ли, мистер Крэг?

Л е н д м ю р. В нашей свободной демократической Америке...

К э с у э л л. Совершенно верно, папа! Итак, счастливо оставаться, мистер Крэг! До свиданья, папа! *(Уходит.)*

Занавес.

Третье действие

Первая сцена

Подмосковная дача. Здесь живут Кондауров и Виригины. Веранда выходит в сад. Начало октября. Березы желтые, рябина в багрянце и пурпуре. Входят Виригины. У Елены Павловны в руках номер журнала «Сцайенс».

Елена Павловна *(размахивая журналом)*. Журнальчик! Журнальчик!... И какая честь: весь номер «Сцайенса» посвящен советской науке!

Виригин. Симптоматично.

Елена Павловна. Великолепнейшим, однако, фруктом оказался этот мистер Лендмюр!

Виригин. Н-н-да.

Елена Павловна. А уж эта статейка!.. Из Москвы!.. какого-то нашего отечественного мерзавца!.. Ведь знаешь, Митя, просто нет границ моего возмущения!.. Содержание!.. Подпись!.. «Советский химик»!.. А?.. «Советский химик»... А названьице-то одно чего стоит: «Диктатор от химии»!.. Это о Кондаурове-то!.. О Кондаурове!..

Виригин. Название просто глупое.

Елена Павловна. Нет, это не просто глупое. И не так уж глупо. Он знает, что делает! Свое мерзкое дело знает. *(Зло.)* Этот «советский химик»!

Виригин. Н-н-да.

Елена Павловна. Сукин сын!

Виригин. Крепко.

Елена Павловна. По-моему, это еще недостаточно крепко.

Виригин. Тогда сыпь еще крепче.

Елена Павловна. Могу!.. А что он пишет еще этот «советский химик»! Котеночек! Сегодня на свет родился! Подавай ему, видите ли, сегодня интернациональную науку! Всемирную химию!

Виригин. Нового тут, разумеется, ничего нет. Все великие химики — Дальтон, Гей-Люссак, Войль не прятали свою научную мысль в отечественных катакомбах. Не воздвигали вокруг нее крепостных стен. Китайских

стен. У Лавуазье в лаборатории толпились ученые всего мира — Юнг, Франклин, Уатт...

Е л е н а П а в л о в н а. Ты что, Дмитрий, подзуживаешь меня, что ли?

В и р и г и н. Почему подзуживаю?

Е л е н а П а в л о в н а. Говорить нам — советским людям — о международной химии из журнала, который печатается в Бостоне! В Америке! В монополистской Америке! В Америке атомной бомбы!

В и р и г и н. Существуют вечные темы и вечные мысли. Может быть, Лена, о них изредка и следует напоминать человечеству.

Е л е н а П а в л о в н а. Вот бы «Сцайенс» и напомил эти вечные мысли своим ученым из Военного Министерства. А не нам! Уговаривал своих атомников, чтобы их бомбы сделать интернациональными!

В и р и г и н. Автор статьи...

Е л е н а П а в л о в н а. Вот негодай! Вот негодай!

В и р и г и н. Н-н-да.

Е л е н а П а в л о в н а. Что ты все «нда» и «нда»?

В и р и г и н. Петь дуэтом, Лена, приятно, но ругаться...

Е л е н а П а в л о в н а. Тоже иногда приятно!

В и р и г и н. Давай.

Е л е н а П а в л о в н а. Старая привычка, Митя, все в жизни делать с тобой вдвоем, все вместе.

В и р и г и н. Грустно стало на белом свете.

Е л е н а П а в л о в н а. Митя, ты мне не нравишься!

Виригин молча разводит руками.

Не нравится мне твое душевное состояние. Я думала, ты вернешься из Крыма пооптимистичнее. А вот опять старая песенка.

В и р и г и н. Знаешь, Лена, как говорят, и колодезь причерпывается.

Е л е н а П а в л о в н а. В конце концов, Дмитрий, у нас большая удача — в течение каких-то трех месяцев нам удалось в нашем ВИРе отделить гамма-изомер...

В и р и г и н. Не нам, Лена, а Кондаурову и тебе. Вам, а не нам. Вот и не все вместе. Первый раз в жизни, Лена.

Е л е н а П а в л о в н а. Это истерика, Митя.

В и р и г и н. Нет. Просто я люблю быть точным и справедливым. В то время, когда ты не вылезала из лаборатории, продолжая работу над ВИРОм, я загорал на золотом пляже и купался в Черном море.

Е л е н а П а в л о в н а. А первой стадии нашей работы самое важное, Дмитрий, сделал ты. Ты синтезировал, ты определил химические формулы!

В и р и г и н. Майский ВИР был годен только на то, чтобы отравлять барханных котов и ящериц.

Е л е н а П а в л о в н а. Но, если бы не было майского ВИРа, не было бы и сентябрьского. Это же ясно, Митя!

В и р и г и н. Ах да, я забыл тебе сказать, — звонили из ВОКСа. К ним сегодня приедет Джэн Кэсуэлл. Просили принять. А Фомин при ней аккредитован.

Входит Г ю л ь н а р .

Г ю л ь н а р. Здравствуйте, Елена Павловна! *(Целует ее.)*

В и р и г и н. Приветствую.

Г ю л ь н а р. Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич.

Е л е н а П а в л о в н а. А мы тебя, Гюльнар, еще с восьмичасовым ждали.

Г ю л ь н а р. Опоздала на три поезда.

Е л е н а П а в л о в н а. Как же это ты так умудрилась?

Г ю л ь н а р. Разговаривала... *(Показывает на «Сцайенс», который держит в руках Елена Павловна.)* Об этом.

Е л е н а П а в л о в н а. Уже прочла статейку?

Г ю л ь н а р. Наизусть выучила.

Е л е н а П а в л о в н а. Стоило ли учить наизусть такую мерзость?

Г ю л ь н а р. Резать его надо, кинжалом! Этого «Советского химика».

Е л е н а П а в л о в н а. Ну, уж это чересчур кроваважно.

Г ю л ь н а р. А что у нас в институте делается!?

Е л е н а П а в л о в н а. Представляю себе.

Г ю л ь н а р. Сергеевна в парторганизации гово-

рит: «Надо судить». А Чувилов говорит: «Нельзя». А Сергеевна говорит: «Как это так нельзя?» А Чувилов говорит: «Тебе бы, Ольга, уже следовало знать, что суды чести существуют при министерствах». А Сергеевна говорит: «Не так судить». А Чувилов говорит: «А как?» А Воронов говорит: «А кого ты, Ольга, будешь судить?» А Сергеевна говорит: «Я знаю кого, я знаю!»

Е л е н а П а в л о в н а. Знает?..

В и р и г и н. Подожди, Лена.

Г ю л ь н а р. А Воронов говорит: «Что же ты, Ольга, все время молчишь, если знаешь?» А Сергеевна говорит: «Конечно, знаю, иначе бы не предлагала». Тогда поднялся такой крик, что чуть все стекла не вылетели. А Чувилов говорит: «Товарищи, нельзя немного погромче, а то ничего не слышно, что она говорит».

Е л е н а П а в л о в н а (*нетерпеливо*). Ну?.. Ну?..

В и р и г и н. Подожди, Лена. Дай рассказать по порядку.

Г ю л ь н а р. А Сергеевна говорит: «Вы, наверное, товарищи, все знаете, что существует могила неизвестного солдата и перед ней всегда горит неугасающая свеча. А я предлагаю судить неизвестного подлеца».

Е л е н а П а в л о в н а. Ах, вот что...

Г ю л ь н а р. Тогда все закричали: «Правильно! Правильно!» А Чувилов говорит: «Тише, товарищи, тише! Пожалейте государственные стекла!» А Сергеевна говорит: «Мы устроим открытое партийное собрание. Иван Гаврилович выступит с развернутым докладом, я предлагаю себя в содокладчики, развернем прения, а потом вынесем резолюцию, ее напечатают в «Правде», а все другие газеты перепечатают. Короче говоря, надо поставить свечку проклятья на духовной могиле этого неизвестного подлеца!» Вот, что творилось!.. А где Алексей Никитич?

Е л е н а П а в л о в н а (*показывая на окно во втором этаже*). Там, у себя.

Г ю л ь н а р. И окошко закрыл... Это потому, что ругается?.. Да?.. Он ведь знаете, как ругается!..

Е л е н а П а в л о в н а. Хорошо знаю, по собственному опыту.

Г ю л ь н а р (*прислушивается*). Нет... не ругается. А то бы все равно слышно было.

В и р и г и н. Очевидно.

Г ю л ь н а р. Как вы думаете, Елена Павловна, можно к нему?

Е л е н а П а в л о в н а. Конечно, Гюльнар.

Г ю л ь н а р. Тогда я пойду. (*Останавливается около рябины.*) Красивая!

Е л е н а П а в л о в н а .

Головой разможжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина...

Г ю л ь н а р. Вот бы этого неизвестного подлеца о плетень башкой разможжить! (*Уходит.*)

Е л е н а П а в л о в н а. Я ее просто обожаю.

В и р и г и н. Н-н-да. Очаровательное существо.

Е л е н а П а в л о в н а. А какой сегодня денек-то выдался! Если бы не эта проклятая история...

В и р и г и н. Настоящее бабье лето.

Е л е н а П а в л о в н а. Алексей Никитич утром купался. Неукротим!

В и р и г и н. Редкий октябрь... Дай, пожалуйста, Лена. Я еще не прочел последнюю статью.

Е л е н а П а в л о в н а. Сплошное злопахательство. (*Дает ему журнал.*)

Шум подъехавшей машины. Входит Ф о м и н .

Ф о м и н. Здравствуйте, Елена Павловна! (*Здоровается.*)

В и р и г и н. Приветствую, Иван Гаврилович.

Ф о м и н (*кивнув ему головой*). А я, Елена Павловна, вам гостя привез. Джэн Кэсуэлл!

Е л е н а П а в л о в н а. Надеюсь, без папаши?

Ф о м и н. Она молодчина!.. Выступала с Генри Уоллсом!

Е л е н а П а в л о в н а. Да?..

Ф о м и н. В Бостоне, в Чикаго... Я прочел несколько вырезок из газет. Лихо говорит. Своих поджигателей с Уоллстрита так расчихвостила!.. Встречайте, Елена Павловна.

Е л е н а П а в л о в н а уходит.

Ф о м и н (*показывая на «Сцайенс»*). Что, все читаете свое «произведение» и никак не можете начитатьсь?

В и р и г и н. Какое свое произведение?

Ф о м и н. Одну, с позволения сказать, статью.

В и р и г и н. Какую статью?

Ф о м и н (*спокойно*). «Диктатор от химии».

В и р и г и н. Вы соображаете, товарищ Фомин, что вы говорите?

Ф о м и н. Вполне.

В и р и г и н. В таком случае...

Ф о м и н. Ну, что «в таком случае»?.. Продолжайте. Вероятно, вы хотите сказать, что статья не ваша?

В и р и г и н. Я не только хочу это сказать... Но...

Ф о м и н. Сказать, разумеется, все можно. Но не всему тому, что некоторыми людьми говорится, гражданин Виригин, к сожалению, приходится верить.

В и р и г и н. Я требую...

Ф о м и н. Чего?.. Чего вы от меня можете требовать? Объяснения?.. Доказательства? Извольте. (*Закуривает.*) Вы, как известно, специализировались на Дальтоне. Вот он-то вас и подвел. Я читал две ваших статьи, слышал реферат, и всякий раз вы делаете одну и ту же пустяковую ошибочку. Бывают, знаете, такие заскоки в памяти. Ее и наши редактора проморгали. Очень уж доверяли автору. Делаете ошибку в дате, в годе. Говоря о третьем томе дальтоновской «Системы», вы указываете год ее выхода в свет 1828-й, а в действительности «Система» вышла в 1827-м. Я неоднократно собирался вам сказать об этом, но все как-то забывал. К счастью! (*Курит.*) Так вот и в этом вашем «произведении», в «Диктаторе от химии», вы опять сделали ту же, роковую для вас, ошибку. А мистер Лендмюр тоже ее проморгал. Все.

В и р и г и н (*после паузы*). Маловато, товарищ Фомин. Маловато! Просто дурацкое совпадение. Игра идиотского случая! Два совершенно разных человека делают одну и ту же ошибку. Так! Правда, из-за подобных «игр» иногда людей и на каторгу ссылали. Но в старину это называлось судебной ошибкой. (*Бросает «Сцайенс» на скамью.*)

Ф о м и н (*спокойно*). Что ж, будем выяснять. Покопаемся в этом деле. Чем черт не шутит, может и еще что-

нибудь выясним. И еще какая-нибудь «игра» обнаружится. Покопаемся. Мы ведь, большевики, не ленивые.

В и р и г и н. Буду очень рад. Очень благодарен. Это ведь только в моих интересах, товарищ Фомин. Также, как и в интересах истины.

Входят Кэсуэлл и Елена Павловна.

В и р и г и н. Рады вас видеть, госпожа Кэсуэлл, и приветствовать. Читали о ваших мужественных выступлениях... в защиту свободы и прогресса.

Кэсуэлл (*пропустив мимо ушей*). А как поживает мистер Кондауров?

В и р и г и н. Великолепно! Как всегда.

Елена Павловна (*берет со скамьи «Сцайенс»*). Вы приехали на свою премьеру?

Кэсуэлл. Да, на премьеру.

Елена Павловна. О вашей пьесе у нас уже писали. И хорошо.

Фомин (*кричит*). Алексей Никитич!.. Алексей Никитич!.. У вас гости!..

Кэсуэлл (*кричит*). Американцы, черт их возьми!

Фомин. Не всех, госпожа Кэсуэлл.

Кэсуэлл. Вы и не представляете, господин Фомин, до чего это справедливо.

Фомин. По мере сил, по мере сил стараемся — представить, госпожа Кэсуэлл.

Кэсуэлл (*увидев «Сцайенс» в руках у Елены Павловны*). Ах, мой драгоценный родственник! «Сцайенс»!

Елена Павловна. Да. Девятый номер.

Кэсуэлл. Читаете? Получаете удовольствие?

Елена Павловна. Получаем.

Кэсуэлл. А я его уже получила. В Бостоне.

Фомин. Такое же, как и мы?

Кэсуэлл. Видите ли, господин Фомин, я американка, и люблю свою Америку, и хочу не краснеть за нее. При Рузвельте я за нее не краснела... А мой отец — редактор этого журнала... И когда я прочла этот номер, а потом еще кое-что узнала...

Входит Кондауров.

К о н д а у р о в. Госпожа Кэсуэлл!.. Очень рад. *(Крепко жмет руку.)* Вы чудесно выглядите.

К э с у э л л. Мне думается, сэр, к этому надо добавить: для своих тридцати восьми лет.

К о н д а у р о в. Божественный возраст!

К э с у э л л. Как сказать! Несколько месяцев тому назад я обнаружила у себя несколько седых волос. Разумеется, первое инстинктивное желание было вырвать их. Потом я философски сказала себе: «Нет, дорогая, ты не остановишь неумолимого движения времени тем, что станешь вырывать серебряные волосы!» И немедленно покрасилась.

К о н д а у р о в. Блестящая новелла!

К э с у э л л. Ах, господа, как мне здесь у вас нравится! Это небо, эти березы... Сэр, я меняю.

К о н д а у р о в. Что вы меняете, миссис Джэн?

К э с у э л л. Две свои комнаты в Нью-Йорке. Тридцать четвертый этаж. Солнечная сторона. Электрическая плита. Электрическая ванна. На ваш мезонин. Даю в придачу машину и мистера Даллеса вместе с Херстом.

К о н д а у р о в. Премного благодарны! *(Все смеются.)*

Ф о м и н. Елена Павловна, а Гюльнар еще не приехала? Она ведь, как будто, собиралась с восьмичасовым.

Е л е н а П а в л о в н а. Здесь, здесь она!

К э с у э л л *(искренне обрадовалась)*. И Гюльнар здесь! Совсем, как в моих пьесах, когда все персонажи в последнем действии обязательно собираются вместе. А вот критики пишут, что это неправдоподобно!

Ф о м и н *(Елене Павловне)*. А где же она, Гюльнар-то? Кого распекает?

К о н д а у р о в. Отправилась доить козу, Иван Гаврилович. Уверяет, что наша Дуня недостаточно для этого образована. Идите помогать. Вы ведь, кажется, доцент.

Ф о м и н. Пойду. *(Уходит.)*

К э с у э л л. А как, господа, поживает 2 ВИР?

К о н д а у р о в. Лучше и не придумаешь! Да-с! Теперь летной саранче ка-а-юк!

К э с у э л л. Ка-юк?

К о н д а у р о в. Переведите, Дмитрий, это французское слово. Госпожа Кэсуэлл, вероятно, плохо владеет французским языком.

К э с у э л л. Ах, да... чуть не забыла. *(Открывает сумочку.)* Я, господин Виригин, должна передать вам одно ваше же письмо.

В и р и г и н. Мое письмо?

К э с у э л л *(как будто о чем-то незначительном)*. Да, ваше письмо к моему отцу.

В и р и г и н. К вашему отцу?

К э с у э л л. Верней даже это не письмо, а сопроводительная записка... *(Роется в сумке.)* Сопроводительная записка к вашей статье «Диктатор от химии»... *(Нашла.)* Вот она. Пожалуйста, господин Виригин.

В и р и г и н *(растерянно)*. Спасибо.

К э с у э л л. Перед отъездом из Бостона, я взяла у отца с письменного стола последний роман Сартра... для дорожного чтения. И вот в книге оказалась эта ваша записка.

Входит Г ю л ь н а р .

Г ю л ь н а р. Здравствуйте, госпожа Кэсуэлл. С приездом.

К э с у э л л. Здравствуйте, мисс Гюльнар. *(Крепко жмет руку.)* О! Вы похорошели! *(Хитро.)* Что это вас так украсило?

Г ю л ь н а р *(смутившись)*. Наверно... хорошая погода.

К э с у э л л. Вероятно. *(Хитро.)* Эта «хорошая погода» всегда очень украшает женщину.

Г ю л ь н а р *(еще больше смутившись)*. Да...

К э с у э л л. Ну, как, — подоили свою козу?

Г ю л ь н а р. Нет еще. Сейчас буду.

К э с у э л л. Можно мне с вами? В помощницы?.. Я на это деле... собаку съела. Так, кажется, говорится?

Г ю л ь н а р. Да, да! Так.

К э с у э л л и Г ю л ь н а р уходят.

Е л е н а П а в л о в н а *(мужу)*. Покажи.

В и р и г и н *(молча протягивает записку)*.

Елена Павловна (*гостает очки. Надевает их. Читает записку. Прочла. Передает ее Кондаурову*).

Кондауров. Можно ваши очки?

Елена Павловна (*гает*).

Кондауров (*надел очки. Читает. Прочел. Возвращает очки*). Спасибо. (*Протягивает бумажку Виригину*). Получайте вашу записку.

Виригин (*берет ее*).

Кондауров. Да-с. Весьма интересно.

Елена Павловна (*мужу*). Что же ты молчишь?

Виригин (*молчит*).

Кондауров. Вот и обнаружен автор. Великолепно.

Елена Павловна. Что же ты молчишь?

Кондауров. «Диктатор от химии»...

Виригин. Это не мое название, Алексей Никитич, у меня было другое.

Кондауров. В ножки вам кланяемся, господин профессор, за то, что осчастливили другим. Например: «Национальная узость».

Виригин. Алексей Никитич!..

Кондауров (*не повышая голоса*). А это название, сударь, целиком вытекает из смысла вашей статьи. Вы ведь в ней этакий великий гуманист, мечтающий о счастье миллионов простых людей. Они вот, например, страдают от налетов пустынной саранчи, а мы — советские люди, советская власть, — из-за своей, видите ли, национальной узости, не пожелали открыть бедненьким американцам тайну ВИРа. Да-с, ВИРа! Того самого, которым бы они, случись война, травили и нас, как пустынную саранчу. Да, травили бы, сударь, травили. Потому что, тот мир, их мир — звериный, волчий, клыкастый, — ненавидит наш мир. Наш, наш, сударь, а не ваш! Да-с! Выяснилось. Вы-то, сударь, человек не нашего мира. Присутствовали в нем по недоразумению. Что вам коммунизм, что вы коммунизму? А наш мир, простите, угодно вам это, сударь, или не угодно, а коммунистический. Да-с!

Виригин. Лена, скажи, а ты... ты тоже считаешь, что я мог передать в Америку 2 ВИР?

Елена Павловна молчит.

Лена...

Елена Павловна молчит.

К о н д а у р о в (*больше не в силах, а может быть, и не желает себя сдерживать*). Человек, сударь, сознает себя богом! И он прав! Да! Прав! Потому что бог есть в нем. Есть, сударь, есть! Но человек сознает себя и свиньей. Слышите: свиньей! Потому, сударь, что и свинья есть в нем! Есть! Имеется! Пока что!.. Но он, человек, ошибается, когда сознает свою свинью богом. Да! Богом — свинью! А вот вы, сударь, именно так поступаете: свою свинью, свое паршивое тщеславие, свое маленькое собственническое «я» — узнаете богом! Да! Свинью — богом! Свою свинью!.. Я, я, я и я! Жадное! Завистливое! Прожорливое! Раздувшееся «я» — и больше ничего. Ничего! Ни долга, ни чести, ни родины!

В и р и г и н. Алексей Никитич, я требую...

Е л е н а П а в л о в н а. «Я требую»!.. Он требует!..

К о н д а у р о в. Только это, сударь, про свинью-то выдумал не ваш покорный слуга. Куда уж мне! А Толстой! Лев Толстой! Обижайтесь на него, а не на меня! На Льва Николаевича!

В и р и г и н. Ваши обильные цитаты...

К о н д а у р о в. Да-с, представьте, сударь, люблю иногда процитировать! Каюсь! Каюсь! Классиков! Да-с! Льва Николаевича Толстого! А могу и Шекспира! О том же, сударь: о вас! О вашей свинье!..

В и р и г и н. Ваши энциклопедические познания...

К о н д а у р о в. Точно так: эн-ци-кло-педист. Волтер! Дидро! Только вот об одном очень жалею, сударь, что сейчас нет Екатерины Второй. А то бы я, видите ли, с ней переписываться стал. Переписочку бы затеял. С Екатериной Второй. Да-с! А вот вы, сударь, хоть и не энциклопедист, а переписываетесь. К нашему сожалению! К великому! Да-с, переписываетесь со всякими высокопоставленными господами... В Бостоне! В Бостоне!.. Черт вас подери!.. (*Уходит.*)

В и р и г и н. Лена... мне, конечно, трудно перед тобой оправдаться... Но ты... ты, Лена...

Е л е н а П а в л о в н а. И напечатал-то под псевдонимом. Трус!.. Уж если не согласен, так не соглашайся открыто, смело! Отвечай за свои убеждения, за свою веру. Если ты человек науки, а не пивом в ларьке торгуешь!

В и р и г и н. Я готов, Лена, готов от тебя заслушать самое горькое.

Е л е н а П а в л о в н а. Ты это, Дмитрий, выслушаешь и не только от меня. И тебя, вероятно, не спросят: готов ты или не готов.

В и р и г и н. Лена... я ничего не прошу... Ничего... Ни прощения, ни понимания...

Е л е н а П а в л о в н а. Понимания!.. Понимания!.. (После паузы.) Вот, оказывается, всю жизнь можно прожить с человеком, вместе с ним работать, пить, есть, спать, вместе отчаиваться, вместе радоваться и, все-таки, до конца не узнать его... Где-то в глубине, в самой глубине души, что-то у него от тебя затаено, припрятано... за семью печатями... Ах, как это страшно! Как страшно!

В и р и г и н (думая о своем). Пробковый шлем...

Е л е н а П а в л о в н а (не слушая его). Так вот куда ты отправил тогда статью в синем конверте... А я-то, дура, все допытывалась: «Почему Студницкий не печатает, почему не печатает?»

В и р и г и н. Я хочу сказать, Лена, что этот пробковый шлем, вот, в сущности, и все выгоды, какие я имел от этого дела. Пробковый шлем!

Е л е н а П а в л о в н а. Может быть, тебя, Дмитрий, еще следует поблагодарить? Поклон тебе отвесить земной за то, что ты не продал 2 ВИР в Америку?

В и р и г и н. Лена!..

Е л е н а П а в л о в н а (встает). Кланяюсь низко! Кланяюсь! Патриоту земли советской!

В и р и г и н. У тебя, Лена, даже нет ко мне просто человеческой жалости. Ведь мы с тобой как-никак прожили без малого четверть века!

Е л е н а П а в л о в н а. Жалость! Прощение!.. Ох, много тебе, Дмитрий, прощалось! Много! Очень много! И все благодаря твоему таланту! Твоя желчность! Твоя завистливость! Сумасшедший эгоизм! Тщеславие! Весь этот твой проклятый лавазизм: «Мое! Мое! Мое!»...

Мое изобретение! Моя теория! Моя слава!.. Порой, до того было противно слушать, что готова была сбежать от тебя на край света. А потом — нет, думаю, нет — сердцевина-то у тебя другая! А это все так — остаточки, нервы, словечки. А не твое существо. Не может быть, думала, чтоб это маленькое, мелкое, паршивое и был ты — Дмитрий Виригин! И вот... *(Опускается на скамью.)* Господи, еще и это надо пережить!

В и р и г и н. Лена!..

Е л е н а П а в л о в н а *(не слушая его)*. Вот... *Говорят в народе...* *(Тихо.)* Человек, потерявший невесту, плачет семь лет, а человек, потерявший родину, плачет всю жизнь... Ты, Дмитрий, родину потерял. *(Пауза.)* А может быть, и не было ее у тебя никогда... В душе твоей родины не было!

Конец.

24 февраля 1948 г.

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

Пьеса в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лермонтов.

Елизавета Алексеевна Арсеньева, его бабушка.

Машенька, двоюродная сестра Лермонтова.

Раевский, друг Лермонтова, несколькими годами старше его, чиновник.

Жуковский.

Одоевский, поэт-декабрист.

Иваныч, крепостной слуга Лермонтова.

Николай I.

Бенкендорф, граф, шеф жандармов.

Клейнмихель, дежурный генерал Главного штаба и директор департамента военных поселений.

Графиня Нессельроде, жена вице-канцлера, статс-дама.

Княгиня Сольская.

Аренд, лейб-медик.

Барон Геккерен, нидерландский посланник.

Коко Столыпин, камер-юнкер, чиновник из Министерства иностранных дел.

Бухаров, лейб-гусар.

Булгаков, подпрапорщик Преображенского полка.

Мажордом, слуга, черкес, жандармский офицер, жандармы.

Глас лиры — глас народа.

Пушкин

Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Лермонтов

Действие первое

Сцена первая

По Садовой, против 3-й Адмиралтейской части, в доме князя Шаховского. Комната Лермонтова. Горят свечи. Ковер с восточным узором на полу, ковер мягкого, как бы завядшего тона на стене. На нем оружие: кривая сабля, кинжал, пистолеты. Диван, обшитый шерстяным штофом. Книги на полках, на столе, на овальном столике, на креслах и стульях красного дерева. Фортепиано, гитара, ноты. В углу мольберт, ящик с красками, палитры и жбан с кистями.

И в а н ы ч (сметая со стола пыль метелкой из петушиных перьев). Ишь, злодейство экое... В Пушкина из пистолета... с десяти шагов... мусью... мусью бессовестный... Чтоб его, изверга, четвертовать на том и на этом свете.

Входит, опираясь на трость, *Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а*. Она в черном платье и чепце с белыми рюшами.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Вот уж и свечи оплыли, а где твой барин, где? Устерег, одолжил. С простудною лихорадкой и на морозище отпустил. Тетеря усатая.

И в а н ы ч. Да ведь там сейчас, на Мойке-то, об здоровье господина Пушкина все люди справляются, и стар и млад.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Твоя забота!

И в а н ы ч. А извозчикам, значит, только одно слово кричат: «К Пушкину!» И везут долгополые.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Я тебя не о Пушкине допрашиваю, а об Лермонтове, о барине твоём, его тебе наказывала стеречь. *(Постукивая об пол тростью, подходит к окну.)* Вон щель в занавесках, а из окошка

небось дует. *(Поправляет и без того плотно задернутые занавеси.)* А на улице-то метет, на улице вьюга.

И в а н ы ч. Никак нет-с, тихо.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Тихо!.. Сей миг тихо, а через пять минут заметет. Звезды-то не сияют.

И в а н ы ч. Сияют, ваша милость.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Не прекословь своей барыне. Тебе, дураку, сияют, а мне не сияют.

И в а н ы ч. Так точно.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. То-то же. *(Садится в кресло.)*

И в а н ы ч. Сегодня на Мойке страсть какое бурление. Идет народ к дому Пушкина и идет, бурлит и бурлит.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. А Михаил Юрьевич где сейчас? — Там! Ах, беда какая...

И в а н ы ч. Барин-то наш, смею доложить, перед Александром Сергеевичем благоговеют.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. А благоговеть и дома можно. *(Помолчав.)* Белого рому бутылочку откупорь. Михаил Юрьевич с мороза придет, а мороз-то сегодня самый лютый.

И в а н ы ч. Никак нет-с.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Лютый!

И в а н ы ч. Слушаю-с.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Не дай господь, барин твой пуще прежнего занеможет, — тогда, усатый, я твою голову с плеч снесу.

И в а н ы ч. Господь милосерд.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. К кому милосерд, а к кому и не больно.

И в а н ы ч. Так точно.

Входит Л е р м о н т о в. И в а н ы ч уходит.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Ах, Миша, Миша, что ж это ты с душой моей делаешь? В мороз, в ночь, с простудною лихорадкой...

Л е р м о н т о в *(тихо)*. Пушкин умирает, бабушка.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. На все воля божья, мой друг.

Л е р м о н т о в. А еще — пистолет негодяя.

Елизавета Алексеевна. Охрани тебя, Миша, господь и помилуй!

Лермонтов. В такой день, бабушка, об этом и просить совестно. Обо мне ли думать?

Елизавета Алексеевна. А я, мой друг, по-человечески — своя рубашка к телу поближе.

Лермонтов. В эту минуту, бабушка, может быть, Пушкин отходит.

Елизавета Алексеевна. Ну, в постелю, Миша, в постелю.

Лермонтов. Нет хуже, как без сна в постели лежать.

Елизавета Алексеевна. А все потому, мой друг, что не по-простому живешь. Да-с!

Лермонтов. Как же не по-простому? Я и на бале, и в опере, и на гауптвахте, и у цыган. Тягаюсь с Костькой Булгаковым. Изо всех сил тягаюсь.

Елизавета Алексеевна. Вот поди ж ты: и на бале, и на гауптвахте, и с шалопаем Булгаковым тягаешься, — кажись, будто все так, ан вовсе и не так, а этак!

Лермонтов. Да, правда ваша, — два человека словно во мне сидят. Один из них живет жизнью паркетной. В гостиных! А другой — он судит его, этого танцора бального. Он говорит ему: «Э, брат, а ведь жизнь твоя пустая и глупая шутка».

Елизавета Алексеевна. Ан не согласна.

Лермонтов. Жить и умереть танцуя. *(С иронией)* Вот благодать. *(Резко.)* Экое шутовство!

Елизавета Алексеевна. Да полюбуйся ты на себя в зеркало: желтый, как померанец.

Лермонтов. Это хорошо: значит, желчь разлилась. Сегодня у каждого русского человека — если он не двуногая скотина — должна желчь разлиться: Пушкина казнили!

Елизавета Алексеевна. Не пугай старуху, не пугай. *(Берет свечу и с тревогой разглядывает глаза у внука.)* А знаешь ли, кто сегодня из Москвы заявился? Сестрица твоя двоюродная — Машенька.

Лермонтов. Черноокая кузина приехала? Это славно. *(Расстегивает шнуры доломана.)* Новость жела-

ете? В церкви дворцовой, перед дуэлью, дамы высшего света молебны служили — за раба божия Жоржа.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. За Дантеса?

Л е р м о н т о в. Верно, у престола божьего, как и у престола нашего венценосца, к этим дамам весьма благосклонны. Вняли молитвам их.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Не грехи. Христос с тобой, Мишенька. Что ты говоришь, — подумай.

Л е р м о н т о в. Я говорю! А вы послушали б, что сейчас там говорят, на Мойке. Сквозь слезы, стиснув зубы и кулаки сжав. Так говорят! Такое!..

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Да кто говорит-то?

Л е р м о н т о в. Люди, бабушка, люди!

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Полно, душа моя, полно. Какие же это люди?

Л е р м о н т о в. Наши. Русские.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Не люди, Миша, а чернь. Чернь!

Л е р м о н т о в. За нынешний день я далеко ушел по дороге жизни.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Тебя, Миша, господь наделил рукою щедрой: и художник ты у меня отменный, и музыкант, и стихотворец... *(Со вздохом.)* А вот чего только не дал тебе господь, так это оглядки и осторожности.

Л е р м о н т о в. Мне, бабушка, себя уже не переменить.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. В старину, душа моя, говорили: и сильный, значит, против могучего не идет. А Пушкин и пренебрег отцовской мудростью. Как это там будет в стихке у него? Помнишь, еще об нем разговору и разговору было? В «Родословной», что ли? Как там об графах-то Нессельродах? Ты, небось, зубок знаешь.

Л е р м о н т о в.

Не торговал мой дед блинами,

Не ваксил царских сапогов...

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Нет, пониже возьми.

Л е р м о н т о в (с усмешкой).

И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (всплеснув руками).
Солдат беглый, из дружин австрийских! Это об графах-
то Нессельродах — о батюшке вице-канцлера российс-
кого!

Л е р м о н т о в. А разве это не правда?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Одну правду, мой
друг, пой, как соловей, а другую про себя разумеи. Так-
то.

Л е р м о н т о в. А вот этого — не умею. И не хочу
уметь. Простите.

С ц е н а в т о р а я

У нидерландского посланника и полномочного министра барона Луи де Геккерена на Михайловской площади в доме Лазарева. Маленькая гостиная. Барон считает себя знатоком живописи, мрамора, терракоты, бронзы и фарфора. Но всего этого слишком много и сомнительного вкуса. Комната походит на антикварную лавку. Г е к к е р е н слегка раздвинув шторы, смотрит в окно. Входит с л у г а.

С л у г а. Их сиятельство графиня Нессельроде!

Входит графиня Нессельроде. С л у г а уходит.

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Как наш бедный-
Жорж? Как его рана?

Г е к к е р е н (целуя руку). Он еще немножко бле-
ден, графиня, но уже в креслах.

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Будем вместе, до-
рогой друг, благодарить бога за его милосердие.

Г е к к е р е н (мелодраматически). Какие волне-
ния! Какие испытания!

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Понимаю, мой
друг, понимаю. (Опускаясь в кресло.) Я думала, что
буду у вас первой со своим сочувствием, — но вере-
ница карет, несущихся мне навстречу, показала, что я
ошиблась. Не правда ли? Ведь многие уже опередили
меня?

Геккерен. Ах, графиня, эти бесчисленные знаки сочувствия исцеляют мое старое сердце!

Графиня Нессельроде. Вы, мой друг, усыновили Жоржа Дантеса, вы дали ему благородное имя баронов Геккерен, а мы, женщины с серебром в волосах, считаем его своим сыном.

Геккерен. У Жоржа, графиня, благодарное сердце.

Графиня Нессельроде. А те, кто помоложе, все поголовно влюблены в него. Могла ли устоять и бедняжка Натали?

Геккерен. Но она устояла, графиня. Клянусь небом! Хотя господин Пушкин в своем беспримерном письме и назвал меня старым сводником.

Графиня Нессельроде. Можно ли, мой друг, ожидать иного от этого человека? Страшный человек, страшный! Но на небе есть справедливость.

Геккерен. Высшая справедливость!

Графиня Нессельроде. Я, барон, простосчастлива, что Жорж выстрелил первый.

Геккерен. На все воля создателя нашего.

Графиня Нессельроде. Я говорила Жоржу: «Мой мальчик, вы будете стреляться не только за свою честь, за честь своего благородного отца, но и за всех нас, ваших друзей. Стреляйте первым, и, если попадете в это змеиное сердце, бог вам простит».

Геккерен. Милосердие всевышнего не знает границ. *(Поднимает глаза к потолку.)* Господи, прости моего бедного сына. Он не ведал того, что творил.

Входит слуга.

Слуга. Их сиятельство княгиня Сольская.

Входит Княгиня Сольская. Слуга уходит.

Графиня Нессельроде. А вы, Аннет, как всегда, прелестны! И еще помолодели.

Княгиня Сольская. Добрые вести возвращают молодость. Наш блистательный Жорж ранен в палец, а Пушкин в живот.

Геккерен. Ужасно! Ужасно!

Княгиня Сольская. Знаете, барон, у вас это прозвучало довольно искренно. А где же сейчас наш раненый рыцарь?

Геккерен. Жорж, княгиня, уже в креслах. Только несколько бледен.

Входит слуга.

Слуга. Господин Столыпин.

Входит Кокостолыпин. Слуга уходит.

Столыпин (*грассируя*). Графиня... Княгиня... Барон... (*Здоровается.*)

Графиня Нессельроде. А когда приедет мой муж?

Столыпин. Патрон стремится сюда всей душой и всем сердцем, но — обязанности, обязанности! И вот был принужден задержаться во дворце. А я получил строжайший приказ лететь стрелой, чтобы передать вам, барон, превеликое сочувствие господина министра иностранных дел.

Геккерен. Я бесконечно признателен.

Входит слуга.

Слуга. Их сиятельство граф Бенкендорф!

Входит Бенкендорф. Слуга уходит.

Бенкендорф (*поздоровавшись*). Примите мое глубочайшее сочувствие, барон.

Геккерен. Бесконечно признателен, граф.

Бенкендорф. Надеюсь, ваш сын на пути к выздоровлению?

Геккерен. Благодаренье господу, он уже в креслах.

Княгиня Сольская. Какие новости, граф?

Бенкендорф. Вас, конечно, интересует Пушкин, княгиня? Я только что видел лейб-медика Аренда.

Княгиня Сольская. О, неужели есть опасность, что Пушкин поправится?

Геккерен. Княгиня, вы жестоки!

Бенкендорф (с улыбкой). Женское сердце!

Княгиня Сольская. Но мы же, господа, в своем кругу. Попробуем, для оригинальности, раз в жизни быть искренними. Это так забавно.

Графиня Нессельроде. Ваша правда, моя дорогая.

Бенкендорф. Если говорить откровенно — почти нет никакой надежды, что Пушкин выживет.

Столпин (Геккерену). С вашего позволения, барон, я пройду к Жоржу. (Уходит.)

Княгиня Сольская. А что делается у Певческого, на Мойке?

Бенкендорф. Ничего особенного.

Графиня Нессельроде. Я только что проезжала мимо и видела такие разбойничьи лица!

Бенкендорф (спокойно). Да, фризовые шинели, чиновничьи калоши, студенты и даже бороды в тулупах.

Княгиня Сольская. Это, кажется, и называется народом?

Бенкендорф. Вероятно, княгиня.

Графиня Нессельроде. А мне, граф, хорошо известно, что друзья Пушкина хотят использовать его смерть самым коварнейшим образом.

Бенкендорф. Именно?

Графиня Нессельроде. Заговор, Александр Христофорович, заговор.

Бенкендорф. Ну, графиня, не так страшен черт...

Графиня Нессельроде. Будьте осторожны с похоронами. Будьте очень осторожны, Александр Христофорович. Я слыхала, что люди демагогической партии...

Княгиня Сольская. Пушкинской партии.

Графиня Нессельроде. Упоминают имя генерала Ламарка.

Княгиня Сольская. Как! Этого героя парижской черни?

Графиня Нессельроде. Припомните, граф, чем завершились его похороны. Еще не успели зарыть

в землю эту собаку, как начались уличные бои с революционным сбродом. *(Поднимаясь с кресла.)* Похороны Пушкина могут кончиться тем же.

Княгиня Сольская. Какой ужас!

Графиня Нессельроде. До свидания. *(Величественно уходит.)*

Геккерен *(княгине и Бенкендорфу)*. Прошу прощения. *(Провожает графиню Нессельроде.)*

Княгиня Сольская. А вы, граф, еще не поблагодарили меня за мой добрый совет, которым вы так мило воспользовались.

Бенкендорф. Когда же это было, если не секрет?

Княгиня Сольская. В тот самый день, граф, когда вы получили предупреждение о поединке Жоржа Дантеса с Пушкиным. Вы сказали Уварову: «Как быть? Теперь уж эта драка не сможет состояться: по долгу службы я обязан пресечь дуэль и послать жандармов».

Бенкендорф. Совершенно верно.

Княгиня Сольская. А я случайно стояла от вас поблизости. И тут же вам посоветовала...

Бенкендорф *(желая уклониться от разговора)*. Взгляните, княгиня, какая прелестная бронза.

Княгиня Сольская *(берет его под руку)*. Я сказала: «Да, граф, это, конечно, ваша святая обязанность — послать жандармов. Но только вы пошлите их в другую сторону». *(С улыбкой.)* И вы так очаровательно послушались моего совета.

Бенкендорф *(недовольным тоном)*. У вас, княгиня, слишком хорошая память.

Княгиня Сольская. В таком случае, я уже все забыла.

Возвращается Геккерен.

Геккерен. Прошу прощения.

Входит слуга.

Слуга *(докладывает)*. Их сиятельство князь Дондуков-Корсаков. Их высокопревосходительство генерал Клейнмихель!

Княгиня Сольская. Сколько сочувствий!
Сколько сочувствий!

Сцена третья

Комната Лермонтова.

Лермонтов (*пишет, полулежа на диване*). Иваныч!.. (*Сломался свинец карандаша.*) Иваныч!.. (*Берет из граненого стакана другой карандаш.*)

Входит Иваныч.

Иваныч. Что изволите, сударь?

Лермонтов (*не поднимая головы*). Неси-ка, брат, одеваться. (*Опять сломался свинец.*) Э, черт!.. (*Берет третий карандаш.*) Неси доломан и ментик. (*Вычеркивая строку.*) И скажи там на конюшне, что в одну лошадь поеду — на серой в яблоках.

Иваныч. Не приказано. Вы, сударь, в нездоровье.

Лермонтов. Я?.. Экой вздор!

Иваныч. Так вы, сударь, дали офицерскую клятву, что из дому не выйдете.

Лермонтов. Разве? (*Складывает листы.*) Н-да, перед клятвой, братец, — руки по швам. (*Напеваает в задумчивости.*)

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял...

Голос Раевского. К тебе можно?

Лермонтов. Входи, входи!

Входит Раевский.

Где носишься, Святослав? Где пропадаешь?

Раевский. На, Миша... (*Передает ему газету «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»».*) Прочти на последней странице.

Лермонтов (*негромко читает*). «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о нем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское серд-

це знает всю ценность невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость! Наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет у нас уже Пушкина!.. К этой мысли нельзя привыкнуть! 29 января, 2 часа 45 минут пополудни». (*Молча глядит на Раевского.*) Пополудни... да, пополудни.

И в а н ы ч (*пальцем стирает слезу*). От души... Кто писал? Краевский?

Р а е в с к и й. Да.

Л е р м о н т о в. Спасибо ему.

Р а е в с к и й. Андрея Александровича уже вызывал к себе попечитель округа — князь Дондуков-Корсаков.

Л е р м о н т о в. В Академии наук заседает князь Дундук!.. Ну, и что же этот князь Дун-дук?

Р а е в с к и й. Орал и ногами топал.

Л е р м о н т о в (*с иронией*). А в Петропавловскую гробницу еще Краевский не замурован, в Алексеевский рavelин? Ну и слава богу. (*Кричит*) Кинжал!..

И в а н ы ч (*снимает с гвоздя*). Извольте-с.

Л е р м о н т о в (*берет и со злобою точит кинжалом карандаш*). А что орал этот Дундук?

Р а е в с к и й. К чему эти публикации о Пушкине! Что это, мол, за черная рамка! И вокруг кого? Какого человека?

Л е р м о н т о в (*с иронией*). Какого-то Пушкина.

Р а е в с к и й. Человека не чиновного! Без регалий и кавалерий. Никакого положения на службе царской не занимающего!

Л е р м о н т о в. И даже не столоначальника.

Р а е в с к и й. Вот, вот... И что-де за выражения? «Пушкин скончался в середине своего великого поприща». Писать, мол, стишки, это еще не значит проходить великое поприще!

Л е р м о н т о в (*мрачно, с сарказмом*). Святая истина.

Р а е в с к и й. О, как я их всех презираю — этих царских дундуков!

Л е р м о н т о в. А по-моему, Святослав, чтобы кончить презрением, человек должен начать с ненависти.

Р а е в с к и й. И у кого, Миша, теперь есть душа? Кто бы нынче воскликнул, как Александр Одоевский

перед подвигом 14 декабря: «Умрем! Ах, как славно умрем!» Где они — эти Одоевские наших дней?

Л е р м о н т о в (*язвительно*). Зачем умирать, друг мой, если всякую ночь на бале танцевать можно? Вот мы и вальсируем.

Р а е в с к и й. А Кюхельбекер, Бестужев и Одоевский звенели оковами.

Л е р м о н т о в. Святой звон.

Р а е в с к и й. А мы...

Л е р м о н т о в. А мы?.. (*С усмешкой.*) Кинжалом карандашики точим — в тот час, когда Пушкин казнен рукою беглого барона.

Р а е в с к и й. Который меняет, как перчатки, свои отечества.

Л е р м о н т о в (*с иронией*). Ах, мой друг, не так уж их много у Дантеса: Франция, Пруссия, Голландия и Россия. Всего четыре отечества.

Р а е в с к и й (*ходит по комнате, закинув руки за спину*). Служба отчизне! Служба свободе! Клятвы!.. Где они — эти славные клятвы нашей юности?

Л е р м о н т о в (*возвращая кинжал*). Повесь-ка его, братец, на гвоздик.

Иваныч вешает кинжал. Уходит.

Ныне клянемся мы шелковым юбкам на балах.

Гусар! Ужель душа не слышит

В тебе желания любви?

Скажи мне, где твой ангел дышит?

Где очи милые твои?

Прочтешь такой стишок на розовое ушко, а дева небесной красоты в награду тебе — взгляд нежный. Разве малая польза? (*Принужденно смеется.*)

Р а е в с к и й. И что за смех, Михаил?.. А-а! Слушать тошно твои бравады.

Л е р м о н т о в. А в таких случаях, друг мой, только и можно либо над собою сладкие слезы лить, либо смеяться горьким смехом. А я, как знаешь, между сладким и горьким всегда выбираю горькое.

Р а е в с к и й. Нет, нет! — твои стихи это не бальные мадригалы.

Л е р м о н т о в. Ха!

Р а е в с к и й. «Маскарад», «Испанцы», роман о великой пугачевской године...

Л е р м о н т о в (*не слушая*). Распускаемся этакими розанами на паркетах, а потом — ревматизмы, лысина на затылке и — пожалуйста, государь мой, в мусорную яму, которую очень громко вечностью называем. Нет, Святослав, решительно несогласен в мусорную яму!

В х о д и т И в а н ы ч.

И в а н ы ч. Сударь, ваша двоюродная сестрица...

Л е р м о н т о в (*не слышит, выдвигает ящик стола и вынимает листы*). Бери, Святослав, кресло. Садись. Слушай.

И в а н ы ч. Прикажете уйти, сударь?

Л е р м о н т о в. А это как твоей душе будет угодно.

И в а н ы ч. Тогда дозволейте послушать.

В открытых дверях показывается М а ш е н ь к а . Лермонтов не видит ее. Машенька, приложив палец к губам, показывает левой рукой, чтобы Раевский остался в кресле.

Р а е в с к и й. Ну, читай, Миша.

Л е р м о н т о в. «Смерть поэта».

Р а е в с к и й. Так.

Л е р м о н т о в (*негромко читает с листа*).

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жадой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. К чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували

Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — Он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

Пропуская строфы, которыми еще не доволен.

И, прежний сняв венок, они венок терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;

Повышая голос

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца утрюм и тесен,
И на устах его печать.

Пауза.

М а ш е н ь к а (чуть слышно). Это необыкновенно.

Л е р м о н т о в (угивленно). Кузина?

М а ш е н ь к а (тихо и даже с какой-то строгостью).

Кузина... Кузина большого-большого русского поэта.

И в а н ы ч уходит на цыпочках.

Р а е в с к и й. Да... (Негромко.) Это ведь то, что на-
кипело в душе народной. (Лермонтову) Помнишь ту
ночь на Мойке?

М а ш е н ь к а. Какие стихи!

Р а е в с к и й. Нет, это уже не просто стихотворе-
ние. Это... это колокол вечевой! А ведь в том, право, и
смысл поэзии: быть набатным колоколом во дни народ-
ных бедствий, а в праздник — колоколом пасхальным.

Л е р м о н т о в. Ежели б колокол.

М а ш е н ь к а (горячо). Колокол, колокол!

Р а е в с к и й. И это, Миша, — война! А ты, как наши
древние предки, со всем благородством, говоришь свет-
ской черни: иду на вы.

М а ш е н ь к а. Ох, какая поднимется буря!

Занавес.

Действие второе

Сцена первая

Комната Лермонтова. Раевский переписывает стихотворение «Смерть поэта». Лермонтов, сидит с книгой в большом кресле.

Р а е в с к и й (выводя буквы.) Вот сделаю я еще дю-
жину-другую копий с твоей «Смерти поэта» и стану са-
мым великим каллиграфом Государства Российского.

Л е р м о н т о в (не отрываясь от книги). Не ста-
нешь, Святослав.

Р а е в с к и й. Это почему?

Л е р м о н т о в. А потому, что тебя прежде того за
распространение вредных стихов посадят в Петропав-
ловскую крепостью.

Входит И в а н ы ч.

И в а н ы ч. Их милость вернулись с господином лейб-медикусом.

Р а е в с к и й. Что? Доктора Аренда к тебе привезли?

Л е р м о н т о в. Прихоть бабушки... Только что господин Аренд провожал Пушкина в скорбную дорогу, а сейчас вот ко мне пожаловал. Эка!

Р а е в с к и й. Я пойду к себе в комнату.

Л е р м о н т о в. Останься, Святослав. А вдруг этот лейб-медик и расскажет про последние часы Пушкина. Тут ведь каждое слово бесценно. Я его упрошу.

Входят Елизавета Алексеевна и лейб-медик Аренд.
Иваныч уходит.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Вот, Николай Федорович, прошу любить и жаловать — внук мой, Михаил Юрьевич Лермонтов, гусарский корнет государевой гвардии.

А р е н д (*згороваясь*). Душевно рад.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. А это мой крестник — Раевский Святослав Афанасьевич, в департаменте военных поселений служит, под генералом Клейнмихелем.

А р е н д. Душевно рад. (*Садится.*) Ну, как вы в своем здоровье, корнет? На что жалуетесь?

Л е р м о н т о в. На гибель Пушкина, доктор, если позволите. А больше ни на что.

А р е н д. Это всенародное горе. Против него, к сожалению, лекарств не знаем. (*Вынимает из кармана золотые часы.*) Дозвольте-ка вашу руку... Так-с... Н-да-с... Так-с...

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. «Ни на что»! А сам не ест, не пьет, жестокая хандра обуяла. А был-то какой? Ведь словно огонь в руках держишь.

А р е н д. Нервическое расстройство, государь мой. Валерьяну пейте, гуляйте по воздуху, водевили смотрите.

Л е р м о н т о в. И рад бы, доктор, да все перед глазами трагедии стоят.

А р е н д. Век наш нервический, это верно.

Л е р м о н т о в. Доктор, вы находились у страдальческого одра Пушкина... У меня до вас величайшая просьба — поведайте эту скорбную повесть.

А р е н д (*защелкивает крышку часов*). Дозвольте, Елизавета Алексеевна, закурить?

Елизавета Алексеевна. Сделайте ваше одолжение, батюшка.

Аренд (рассказывает неторопливо, с кажущимся спокойствием). Я, господа, приехал к поверженному несколько позже старшего полицейского врача и еще трех каких-то. Едва осмотрели рану, Пушкин спросил: «Смертельная?..» Врачи не посмели перед ним скрыть правду, и Александр Сергеевич поблагодарил их за честный ответ. Одна была цель у нас — облегчить страдания. Ну вот и стали прикладывать к животу примочку со льдом. Но сам Пушкин как-то вовсе перестал о себе заботиться. Словно забыл о себе. А все мысли обратил на своих близких.

Елизавета Алексеевна. Ах ты, боже мой...

Аренд. От Пушкина я проехал к государю. Докладывал. А в полночь вернулся к раненому с высочайшей запиской. Монарх начертил карандашом на клочке бумаги: «Если бог не велит нам более увидеться в здешнем свете, прими мое прощение».

Лермонтов (саркастически улыбнувшись). Ты слышишь, Святослав? Убитый Пушкин... получил прощение нашего монарха! Не правда ли, это очень милостиво?

Аренд. И еще государь заверял умирающего об его детях и о жене.

Лермонтов. И о жене?

Аренд. Что не оставит ее без своего внимания.

Лермонтов. И Наталью Николаевну, стало быть, не оставит... без внимания? Еще одна милость монарха.

Аренд. А в пять часов утра я приехал сызнова. В животе у Александра Сергеевича поднялись нестерпимые боли.

Елизавета Алексеевна (сквозь слезы). Страдалец...

Аренд. Когда страдания немного утихли, Александр Сергеевич попросил позвать жену и детей для последнего прощания. Ребятишек вынули из кроваток и полусонных — кого принесли на руках, кого привели.

Елизавета Алексеевна (качая головой). Вот и сиротами стали... (Внуку.) А все эти дуэли ваши варварские!

А р е н д. На каждого Александр Сергеевич оборачивал глаза, клал на голову свою руку, крестил, а потом слабым движением отсылал от себя. Вслед за тем Пушкин прощался со своими друзьями.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. А вот Мишенька-то все подле его дома ходил — по морозу, до глубокой ночи.

А р е н д. Потом Александр Сергеевич сам у себя послушал пульс и сказал доктору Далю: «Плохо, брат, мне уж здесь не житье, — да, видно, так и надо».

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*тихо*). Кому же тогда и житье, если не Александру Сергеевичу?

Л е р м о н т о в. Жоржу Дантесу, бабушка!

А р е н д. А когда боли усиливались, он шептал, себя сдерживая: «Нет, не надо стонать, жена услышит, — смешно, чтоб этот вздор меня пересилил». Так и говорил: «этот вздор»... Потом Александр Сергеевич попросил моченой морошки.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. И кушал, голубчик?

А р е н д. Несколько ягод, Елизавета Алексеевна. Вслед за тем он начал тихо отходить. Последние слова его были: «Жизнь кончена».

Л е р м о н т о в (*повторяет одними губами*). Жизнь кончена.

Елизавета Алексеевна плачет. Лермонтов отвернулся. Раевский вытирает платком глаза.

А р е н д. Да... я был в тридцати четырех битвах, господа, — я видел много. Видал, как люди умирают и в госпиталях, и на полях сражений. Славные генералы на моих руках отходили. Только это все не то, совсем не то! (*Поднимаясь с кресла.*) Честь имею... Выздоровливайте, корнет. Водевили смотрите, французские водевили.

А р е н д у х о д и т. Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а в с л е д з а н и м.

Л е р м о н т о в (*вставая с дивана*). Один Пушкин в целом свете, один!.. И вот, друг мой, нет его боле.

Р а е в с к и й (*тихо*). Нет... Пушкина нет.

В х о д и т И в а н ы ч.

И в а н ы ч. Николай Аркадьевич пожаловали.

Л е р м о н т о в *(сквозь зубы)*. Бестия!

Уходит И в а н ы ч. Входит К о к о С т о л ы п и н.

С т о л ы п и н. Мое почтение! *(Разваливаясь в кресле.)* Как твое драгоценнейшее, мой милый? *(Закуривает сигару.)*

Л е р м о н т о в. Мне сказывали, что ты изволил выражать свое сочувствие барону Геккерену и его сынку. *(С издевкой.)* Ну-с, и как себя изволит чувствовать Жорж?

С т о л ы п и н. Прелестно, как всегда. Он уже в креслах и насвистывает мазурки.

Л е р м о н т о в *(глядит ему прямо в глаза)*. А что говорит?

С т о л ы п и н. Жорж?.. Каламбурит.

Л е р м о н т о в *(со злобой)*. И о Пушкине поболтали?

С т о л ы п и н. Жорж сказал: «Вашего Пушкина я прощаю».

Л е р м о н т о в *(вскакивая)*. Мерзавец!.. Клянусь небом, я все-таки всажу ему пулю в лоб, этому Жоржу!

С т о л ы п и н *(совершенно спокойно)*. Или он тебе.

Л е р м о н т о в. А поединок будет самым кровавым — через платок.

С т о л ы п и н. Мишель, вылей себе на голову ведро холодной воды.

Л е р м о н т о в. Кто ты такой? Кто? Русский?

С т о л ы п и н. К сожалению.

Р а е в с к и й. Это стыд! Такие слова, Николай Аркадьевич, даже больно слышать.

Л е р м о н т о в. Вашей ли доброй матушке, мсье Столыпин, писал Рылеев свое стихотворение?

С т о л ы п и н *(поморщившись)*. Кто?

Л е р м о н т о в. Рылеев! Рылеев!.. После смерти твоего благороднейшего отца. *(Громко, с желчью.)*

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать,
Священный долг перед тобою —
Прекрасных чад образовать!

С т о л ы п и н. Только, пожалуйста, не ори, — мы не глухие.

Л е р м о н т о в (*еще громче*).

Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой.
Пусть в сонме гордых исполинов
На ужас гордых их узрим,
И смело скажем: «Знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов!»

С т о л ы п и н. Ты еще не охрип?

Л е р м о н т о в. Вот, Святослав, лицезрей: перед тобой в креслах сидит и лорнеткой играет прекрасное чадо, готовое пасть за край родной!

С т о л ы п и н. Уж если тебе, Мишель, времени своего не жаль, то заучивай хотя бы стишки хорошие.

Л е р м о н т о в. Ко-ко!

С т о л ы п и н. Парни, Гроссе... наконец, Ламартина. (*Кисло.*) А ваш доморощенный Пушкин...

Л е р м о н т о в. Ко-ко!

С т о л ы п и н. Продолжай, продолжай. Я внимания не обращаю.

Л е р м о н т о в. Ко-ко!

С т о л ы п и н. Мои друзья из высшего круга...

Р а е в с к и й (*тихо*). Как убийцы тайком вытаскивают свою жертву, так и они, ваши друзья — эти Нессельроде и Бенкендорфы, — глухой ночью вытащили из дома гроб с телом Пушкина. Безжизненного тела перепугались!

С т о л ы п и н. Мои друзья...

Р а е в с к и й. А потом, после отпевания, они поставили этот гроб...

Л е р м о н т о в. Священный для всей России!

Р а е в с к и й. Поставили на телегу и помчали вон из Петербурга.

Л е р м о н т о в. В соломе и в рогоже.

Р а е в с к и й. С жандармами!

Л е р м о н т о в. Негодяи!

Р а е в с к и й. Русский народ никогда им этого не простит.

С т о л ы п и н. А по-вашему, государи мои, его надо было с факелами хоронить? Нет, факелы воспламеняют.

Л е р м о н т о в. Оставим-ка это. У меня к тебе есть более интересный вопрос.

С т о л ы п и н (*дымя сигарой*). Прошу.

Л е р м о н т о в. Ты вот великий мастер дымные кольца пускать...

С т о л ы п и н. Во всем Петербурге только маркиз де Рэ меня в этом перещеголял. Он исхитряется и носом кольца выпускать.

Л е р м о н т о в. А сколько ты выпускаешь?

С т о л ы п и н. Тридцать три.

Л е р м о н т о в. Сделай одолжение.

С т о л ы п и н. Считаю. (*Выпускает дымные кольца.*)

Л е р м о н т о в. А ведь я, Святослав, всю французскую изящную словесность, вкупе с их Ламартином, не раздумывая отдам за наши народные сказы. Куда в них больше поэзии!

Р а е в с к и й. Еще бы!

Л е р м о н т о в. Да, да! Я уже начал писать в народном духе. Понимаешь, — песнь! Про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.

С т о л ы п и н. И чтобы от нее, Мишель, от этой твоей песни, непременно мужицкой сермягой благоухало.

Л е р м о н т о в. Занимайся, Коко, своим делом. Занимайся. Попробуй из носа кольца пускать. Чем ты хуже маркиза де Рэ? Не уступай ему столь громкой славы.

С т о л ы п и н. К чертям! Это ловушка. Вы будете разговаривать, а я, как шут гороховый, кольца пускать? Дудочки! А вот и я говорю: прекрасно придумано. Непременно напиши, Мишель, в народном духе. А потом ты сядешь на паперть в своем красном доломане, изобразишь юродивого на своей физиономии и будешь гнусавить эту свою народную белиберду. Какое великолепное зрелище! Весь большой свет Санкт-Петербурга соберется тебя послушать.

Л е р м о н т о в. А что ж — и для дураков погнусавлю.

С т о л ы п и н. Ну, это все, разумеется, вздор! А уж если говорить серьезно, государи мои, так, право, мне

даже немного жаль вашего Пушкина: родился он во Франции, предполагаю, он был бы неплохим поэтом.

Л е р м о н т о в. Да неужели?

С т о л ы п и н. Но русский язык, господа, беден и груб.

Л е р м о н т о в. Русский язык!.. Да как это ты смеешь судить об нем? Мсье Ко-ко!

С т о л ы п и н. А почему же?

Л е р м о н т о в (*грассирует, подражая Столыпину*). А потому, мсье Ко-ко, что вы говорите по-русски хуже всякого француза.

С т о л ы п и н. Право, это порок не грандиозный. Тот круг, в котором я вращаюсь, к счастью, говорит по-французски.

Л е р м о н т о в. Так, может быть, этому вашему кругу пора ускакать восвояси! Одним во Францию, другим в Пруссию, третьим в Австрию? По домам! По домам!

Р а е в с к и й. Ведь они незваные гости на Руси, Николай Аркадьевич.

С т о л ы п и н. Это, господа, декабристские речи!.. (*Играя лорнетом.*) И с какой стати, в сущности, Жоржу Дантесу следовало на воздух стрелять? Он иностранец, знатный иностранец, и наплевать ему на вашу «русскую славу».

Р а е в с к и й. В той же мере, видимо, как и вам, господин Столыпин?

С т о л ы п и н. Вроде того. Не скрываю, друзья мои. Я европеец, который родился по недоразумению в России.

Л е р м о н т о в (*потеряв самооблагание*). Вон!.. Вон сей же миг!.. Вон отсюда!.. Вон!.. Или... (*Хватает саблю.*) Или... (*Вырвав ее из ножен.*) Искромсаю тебя. Искромсаю тебя со всеми твоими офранцузенными потрохами!

С т о л ы п и н (*отбежав за кресло*). Положи саблю... Положи саблю!

Л е р м о н т о в. Вон!

С т о л ы п и н (*пятясь к двери*). Святослав Афанасьевич... дражайший... прелюбезнейший... да отберите вы у него эту дурацкую игрушку!

Л е р м о н т о в. Вон!

С т о л ы п и н. Припадочный, право — припадочный какой-то... И глаза кр... кр... (*пятаются*) кровожадные... Только и не хватает, чтобы зубами заскрежетал...

Р а е в с к и й (*становясь между ними*). Успокойся, Миша.

Л е р м о н т о в. Иваныч!.. Иваныч!..

С т о л ы п и н. Да тебя, дружок, веревками связать надо... И на привязи держать... за решеткой... в клетке для тигров.

Входит И в а н ы ч.

Л е р м о н т о в. Проводи-ка мсье Столыпина. До кареты! До самой кареты! И дверцу за ним прихлопни. За мсье Столыпиным. Да поплотней прихлопни!

И в а н ы ч. Слушаю-с.

С т о л ы п и н. На бешеных собак и оскорбляться нельзя.

И в а н ы ч. Пожалуйте, Николай Аркадьевич. Пожалуйте.

С т о л ы п и н (*Раевскому*). Честь имею, дражайший... И премного вам благодарен за спасение жизни. Мерси!

К о к о С т о л ы п и н уходит. И в а н ы ч следом за ним.

Л е р м о н т о в. Слышал? Видал? Видал этого раба с лорнетом? Этого картавящего палача Пушкина?.. И все они прощают Пушкина! Николай прощает. Дантес прощает. Геккерен молится за грешную душу Пушкина.

Р а е в с к и й. Духом к небу парят, а ножками в аду перебирают!.. Нет на них, черт возьми, Пугачева! Емельяна Пугачева!

Л е р м о н т о в. О, я еще не до конца написал свою «Смерть поэта». Я еще, Святослав, продолжу! Продолжу! Слушай новые строки:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!

Сцена вторая

У Нессельроде, в казенном доме Министерства иностранных дел, на Дворцовой площади. Штофная гостиная. Расставлены чинно: позолоченные диваны, канапе, кресла, стулья и столики на витых ножках. В кресле, у большого белого камина, — Графиня Нессельроде, княгиня Сольская, граф Бенкендорф, генерал Клейнмихель и Коко Столыпин. Современник назвал этот салон «могущественным космополитическим ареопагом».

Княгиня Сольская (*показывает лист голубоватой бумаги, на котором бисерным почерком написаны стихи*). Господа, господа, прошу внимания!

Графиня Нессельроде. Что это у вас, моя дорогая?

Княгиня Сольская. Стихи.

Клейнмихель (*кисло*). Стихи...

Княгиня Сольская. Но какие! — Стихи гусара Лермонтова, господа.

Графиня Нессельроде. Опять Лермонтов?

Княгиня Сольская. Это, Марья Дмитриевна, продолжение тех самых — на смерть Пушкина.

Графиня Нессельроде. Как! Еще и продолжение? Продолжение той мерзости?

Столыпин. Прошу простить, но это, кажется, я — его муза. Это я его вдохновил на эту мерзость. Мы так жестоко повздорили, — он меня, господа, чуть-чуть не перерубил пополам своей саблей.

Княгиня Сольская. Ах, Марья Дмитриевна, это те стихи! Они просто лепет младенческий по сравнению с этим продолжением.

Графиня Нессельроде. Не пугайте меня, Аннет, не пугайте!

Клейнмихель. По чести сказать, господа, у меня никогда не было аппетита к отечественной поэзии.

Княгиня Сольская. Но они так ужасны, генерал, эти стихи, что, клянусь небом, достойны вашего внимания.

Клейнмихель. Возможно, возможно.

Графиня Нессельроде. Вам, Александр Христофорович, известно это ужасное стихотворение?

Бенкендорф. Осведомлен, Марья Дмитриевна.

Клейнмихель. Вы, княгиня, изволите сказать — Лермонтов? Кто же это такой Лермонтов?

Графиня Нессельроде. Внук старухи Арсеньевой. Гусар Царскосельский.

Княгиня Сольская. Ростом невелик, тоненькие усики и черные глазища.

Графиня Нессельроде. Как у разбойника.

Клейнмихель. Не имею чести знать.

Графиня Нессельроде. Кто же его и знал до этих возмутительных стихов?

Княгиня Сольская. А его друг — какой-то чиновник, столоначальник — их распространяет весьма и весьма ревностно.

Клейнмихель. Из какого же департамента этот чиновник?

Княгиня Сольская (*язвительно*). Из департамента военных поселений.

Клейнмихель (*неприятно изумлен*). Как-с?.. Из моего департамента?

Княгиня Сольская (*невозмутимо*). Да. Под генералом Клейнмихелем служит.

Клейнмихель. Мой чиновник!

Княгиня Сольская. Так точно, ваше превосходительство, — ваш чиновник...

Клейнмихель. Как же его фамилия, этого мерзавца?

Княгиня Сольская. Раевский, ваше превосходительство.

Столпын. Нищий. Живет из милости у старухи Арсеньевой.

Клейнмихель. Раевский?.. Известен мне, известен. Я в своем департаменте всех столоначальников знаю.

Княгиня Сольская. Очевидно, генерал, не очень хорошо знаете.

Клейнмихель (*с обидой*). Возможно, возможно.

Графиня Нессельроде. У вас, Петр Андреевич, весьма образованные чиновники. И такие любители изящной словесности!

Княгиня Сольская. Совершенно верно, Марья Дмитриевна. Мне говорили, что они просто зачитываются этими стихами Лермонтова. Один у другого переписывает, наизусть выучивают и даже по городской почте рассылают всем своим друзьям и знакомым.

Бенкендорф. А вы, княгиня, от кого их получили, если не секрет?

Княгиня Сольская. Вот, от моего молодого друга, от мсье Коко.

Бенкендорф. А вы от кого получили, сударь?

Столыпин. Из дома Арсеньевой, граф.

Княгиня Сольская. От горничной, разумеется.

Графиня Нессельроде. Вы обещали, Аннет, «усладить» наш слух этими стихами.

Княгиня Сольская. С превеликим удовольствием. *(Сажится под свечи.)*

Графиня Нессельроде. Итак, господа, внимание.

Княгиня Сольская *(читает почти вдохновенно)*.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники
разврата!

Есть грозный судия: он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Все молчат. Смотрят друг на друга широко раскрытыми глазами.

Графиня Нессельроде (*вытирая лицо платком*). Однако ж!

Клейнмихель. Н-да-с.

Княгиня Сольская. Какие сладкие звуки у его лиры! Не правда ли, господа?

Клейнмихель. Н-да-с. Сладкие. Весьма сладкие.

Столыпин. Трюфель, начиненный порохом!

Клейнмихель. Н-да-с. Трюфель! Доподлинно. Трюфелек сейчас съели.

Бенкендорф. Надо сказать, что стихи самые дерзкие.

Графиня Нессельроде. Помилуйте, граф, какие ж это стихи? По-моему, это просто-напросто прокламация к бунту.

Клейнмихель. Н-н-да-с.

Графиня Нессельроде. Боже, как это огорчит государя!

Княгиня Сольская. А разве государь еще не читал их, Александр Христофорович?

Бенкендорф (*сухо*). Позвольте вам доложить, княгиня, что эти стихи мне стали известны совсем недавно.

Княгиня Сольская. Ах, мы, женщины, все узнаем первыми! Впрочем, их уже весь Петербург читает.

Графиня Нессельроде. А через две недели будет читать вся Россия.

Бенкендорф. Печальная эпоха, господа.

Клейнмихель. Стихи этого гусара на всю знать направлены. На весь высший слой нашего общества.

Графиня Нессельроде. Да, я не очень удивлюсь, Петр Андреевич, если после такой поэзии нас с вами начнут гильотиной резать — как во Франции.

Княгиня Сольская. О, эти стихи под стать песенке Рылеева:

Нес кузнец
Три ножа, —
Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож, —
Слава! (*Смеется.*)

Графиня Нессельроде. Не так уж это смешно, Аннет.

Княгиня Сольская. Я сквозь слезы смеюсь, Марья Дмитриевна.

Графиня Нессельроде. Вот вы, Петр Андреевич, были членом верховного суда над декабристами...

Клейнмихель. Был удостоен, графиня, этой чести.

Графиня Нессельроде. И вы тоже, Александр Христофорович...

Бенкендорф. Так точно.

Графиня Нессельроде. Скажите нам, господа, а какое же возмездие ожидает этого Лермонтова?

Клейнмихель. Смею вас заверить, Марья Дмитриевна, — самое справедливое.

Бенкендорф. Безусловно.

Княгиня Сольская. У нас в России за пустяки не повесят и в каторгу не пошлют.

Клейнмихель. Я бы, княгиня, не назвал пустяками эти стихи.

Княгиня Сольская. А вы, Александр Христофорович?

Бенкендорф. М-н-да-с.

Графиня Нессельроде. Позвольте, Айнет, взглянуть мне на эту прелесть своими глазами.

Княгиня Сольская (*перегавая лист*). Наслаждайтесь, Марья Дмитриевна, наслаждайтесь!

Столыпин. Я, графиня, для вас с превеликой радостью перепишу несколько экземпляров.

Графиня Нессельроде. Спасибо, Коко, — с меня и одного вполне достаточно, чтобы ночь напролет не спать.

Входит Мажордом.

Мажордом. Их императорское величество государь император!

Все замерло. Входит Николай. Глаза навывкате, говорит громко. У него много масок и нет лица. Он не умеет одновременно улыбаться глазами и ртом.

Н и к о л а й (*поздоровавшись*). Как самочувствие Карла Васильевича, графиня?

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Благодарствуйте, Ваше Величество.

Н и к о л а й. В постели?

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Всю ночь горел, Ваше Величество, и только к утру забылся.

Н и к о л а й. И сейчас, верно, дремлет?.. Не тревожьте его, графиня. Когда Карл Васильевич проснется, я пройду к нему.

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Несказанно осчастливите, государь.

Н и к о л а й. Что это у вас? Никак стишки? Вероятно, весьма достойные, если у вас в руках?

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Возмутительные, государь!

Н и к о л а й. Фанфаронада?.. Кто ж сочинитель?

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Какой-то гусарский корнет Лермонтов, ваше величество, — из лейб-гвардии.

Н и к о л а й. Дозвольте-ка взглянуть, Марья Дмитриевна.

Графиня Нессельроде передает лист.

Н и к о л а й (*пробегая глазами*). Они, они, те самые... Гнусней и не видывал. (*Вынимает точно такой же листок из кармана.*) Я сегодня их получил по городской почте, при письме и с надписью весьма справедливой: «Воззвание к революции». Позвольте, позвольте. (*Сравнивает оба листа.*) Близнецы!.. И бумага одна, и почерком одним написаны! А чей же, Марья Дмитриевна, это будет экземпляр?

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е. Вот, ваше величество... княгини Анны Федоровны.

Н и к о л а й. Ваш, княгиня?

К н я г и н я С о л ь с к а я. Мой, государь.

Н и к о л а й. К чему ж, княгиня, такая скромность? Почему не изволили поставить свое прелестное имя? Ведь поступок ваш весьма благороден. Весьма! О благе отечества нашего, как вижу, печетесь... Должен признать, что смерть Пушкина очень дурно повлияла на многие умы.

Княгиня Сольская. Ах, в том повинны друзья покойного. Это их, государь, хитрые пружины. Вот даже Василий Андреевич Жуковский, которому доверено разбирать пушкинские бумаги, вынес из кабинета нашего «гения» четыре толстых портфеля... с демагогическими прокламациями.

Николлай. Что-с? Мой Жуковский?.. Вот-с, доплыли до берегов! Российские стихотворцы уж и портфели воровать начали.

Княгиня Сольская. Падение нравов, государь.

Николлай. Да-с, в тартарары летят! *(Берет Бенкендорфа под руку и отходит с ним несколько в сторону.)*

Бенкендорф *(вынимает из кармана лист, сложенный вдвое)*. Ваше величество, непозволительное стихотворение корнета Лермонтова мне было доставлено перед полночью.

Николлай. Отлично, отлично. Так вот, Александр Христофорович, завтра ты ко мне приходи в половине девятого. Да собери сведений всяких — пообширней — об этом Лермонтове. Займись им, Александр Христофорович.

Бенкендорф. Слушаю, ваше величество.

Николлай. И чиновником этим также, другом его.

Бенкендорф. Раевским, Ваше Величество. Чиновник двенадцатого класса. Явился главным распространителем этого разрушительного стихотворения.

Николлай. Об этом мерзавце мне и княгиня писала. *(Окидывая ее взглядом.)* Прелестная женщина, хотя и не первой молодости.

Бенкендорф. Настоящая сирена, государь.

Николлай. Что?

Бенкендорф. Я хочу сказать, государь, что она поет, как сирена.

Николлай. Да?.. Говоришь, сирена? *(Бесцеремонно останавливает на ней свои оловянные глаза.)* Ну что ж, попросим ее спеть, эту тридцатилетнюю сирену.

Бенкендорф. Ей тридцать семь, ваше величество.

Николлай *(возвратившись к общему кругу)*. А я, княгиня, слышал, что вы поете еще много лучше, чем корреспондируете. Какая-то сегодня на душе тяжесть!

Сердце, господа, жаждет отдохновения. Спойте нам, княгиня. Будьте ангелом нашим.

Княгиня Сольская. Право, государь, голос у меня самый маленький.

Николай. Это и хорошо. Большие голоса, княгиня, генералам нужны — для сражений и для парадов. А прекрасный пол покоряет наши сердца — чувствительностью.

Княгиня Сольская (*садится за фортепиано, поет*).

То было недавно — в природе
Меня все безумно пленяло:
Двурогий ли месяц восходит,
Бутон ли распустится алый.
Тогда он был, он был со мной
И сердцем и всею душой.
Теперь я взираю со скукой
На нежный цветок у ручья.
И мне — нестерпимая мука
Весенняя трель соловья.
О, нет его теперь со мной
Ни сердцем, ни пылкой душой!
И все бы я вновь полюбила —
Цветочек и трель соловья,
И снова мне стало бы мило
Журчанье лесного ручья,
Когда бы вновь он был со мной
И сердцем и всею душой.

Николай. Прелестно, прелестно! Требуйте награды, княгиня.

Княгиня Сольская. Вы, государь, корили меня за скромность...

Николай. Корил и впредь корить буду.

Княгиня Сольская. Авдуг, ваше величество, я откину скромность и попрошу награду слишком щедрую?

Николай. Все в вашей воле, княгиня.

Княгиня Сольская. Сыграйте, государь, на флейте.

Николай. Мне остается только сказать: слушаюсь, ваше сиятельство!

М а ж о р д о м выходит. Княгиня Сольская садится за фортепиано.

О княгиня, вы опасная женщина!

К н я г и н я С о л ь с к а я. А какая ж, государь, женщина и не опасна, если только она женщина?

М а ж о р д о м возвращается с флейтой.

М а ж о р д о м (*передавая флейту графине*). Ваше сиятельство...

Г р а ф и н я Н е с с е л ь р о д е (*берет флейту*). Спасибо. (*Передаёт флейту Николаю.*) Ваше величество...

Н и к о л а й. Мерси. (*Берет флейту.*) Сыграем, княгиня, ноктюрн Фильда. (*Играет на флейте.*)

Занавес.

Действие третье

Сцена первая

Комната Лермонтова. Горят свечи.

И в а н ы ч (*прибирая в комнате, напевает*).

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял,
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал...

Входит Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а.

И в а н ы ч (*не замечая ее*).

Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица, слезами...»

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*берет лекарственную склянку со столика*). Не знаю, как твоя красавица, а вот ты у меня, усатый, скоро горючими слезами заплачешь.

И в а н ы ч. Так точно.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*показывая ему*). Это что ж такое, склянка с валерьяной полным-полнехонька?

И в а н ы ч. Не пьют, ваша милость, не желают.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Не пьют! А ты на что? Для чего на свете живешь? Я тебе каждый божий день на носу рублю или не рублю?

И в а н ы ч. Так точно, ваша милость, — рубите.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а *(раздельно)*. Дитя беречь надо, как посуду стеклянную, — грехом разобьется, слюнями не склеишь.

И в а н ы ч. Вы б с Михал Юрьевича клятву взяли, ваша милость. Они в клятвах крепки.

Входят М а ш е н ь к а и Л е р м о н т о в. У него в руках сверток.
И в а н ы ч уходит.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Ну как, детки, накатались?

М а ш е н ь к а. Его башкирки летают, как вихри, бабушка. Дух захватывает. У нас, право, во всей Москве нет такой тройки.

Л е р м о н т о в. До чего ж, кузина, я вашу Москву люблю!

М а ш е н ь к а. Верить ли вам? По мне, Мишель, у поэта так должно быть: что на сердце, то и в стихах. А я про Москву ничего у Лермонтова не знаю.

Л е р м о н т о в. Мало ли чего, Машенька, не знаете. А вот и найдется.

М а ш е н ь к а. Правда? Прочтите! Пожалуйста, прочтите. Богом молю. *(Умоляюще складывает руки.)*

Л е р м о н т о в. Извольте. *(Негромко.)*

Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!

М а ш е н ь к а. Садитесь и пишите мне в альбом эти строки. Сейчас! сей миг!.. Альбом у вас на столе. *(Усаживает Лермонтова в кресло, дает перо, раскрывает альбом.)*

Елизавета Алексеевна. Иуменя, Мишенька, до тебя просьба пребольшая. Окажи мне свое участие.

Машенька. Ваша просьба, бабушка, для Мишеля все равно, что команда полковника.

Лермонтов пишет.

Елизавета Алексеевна. Я с тебя, моя отрада, покамест две клятвы должна взять. И первая клятва будет об этом. *(Берет пузырек.)*

Лермонтов. Увольте от валерьяны! За что такая немилость? Прошу о пощаде.

Машенька. Позвольте, бабушка, скляночку. *(Накапывает в хрустальный стаканчик и дает его Лермонтову.)*

Лермонтов. Бог вам обоим простит.

Машенька. Простит, простит. Пейте одним духом, господин корнет.

Лермонтов, выпив, сморщился.

Елизавета Алексеевна. А вторая, значит, клятва — об железном поезде. Вот ведь, злодеи, придумывают и придумывают всякие новшества на несчастье людям. Железная дорога! Да где ж это видано, чтобы жизнь свою бездушной машине вверять? Да что она, дура, смыслит? Нет уж, мой друг, пока я жива, в Царское Село на тройках езд, по старинке. Знаешь ведь, как говорится: кого бог бережет-то? Береженого.

Машенька. И эту клятву дает, бабушка.

Лермонтов *(закрывая альбом)*. Хорошо. Буду ездить на лошадях.

Елизавета Алексеевна. Теперь у меня на душе и поспокойнее будет.

Лермонтов. Взгляните, бабушка. *(Разрывает бумагу, показывает кинжал.)* Правда, чудо как хорошо?

Елизавета Алексеевна. Ах ты беда какая, — еще один ножик!

Машенька *(огорченно)*. Бабушка!..

Елизавета Алексеевна. Не обрежься, Мишенька, не обрежься, — небось острый. И до чего ж я не люблю эти твои пистолеты и ножики!

М а ш е н ь к а. Бабушка, да это не ножик, а кинжал — очень старинный, грузинский. Это мой подарок Мишелю.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Нашла что дарить, голубушка! Экой тоже у меня чеченец!

Л е р м о н т о в. С лилейными ручками.

М а ш е н ь к а. Что вы сказали?

Л е р м о н т о в. Я, кухня, это не вам, а так — в пространство.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*сердито*). Ножик как ножик, только басурманский. (*Уходит.*)

Л е р м о н т о в. Ага! Попало?

М а ш е н ь к а. Положите, а то пальчик обрежете, господин корнет. (*С усмешкой.*) Я вижу, что вы умеете приносить жертвы, — даже валерьяну пьете. Какие жертвы!

Л е р м о н т о в. Смейтесь, моя черноокая кухня, смейтесь. Вы так прелестны, когда смеетесь. Даже когда надо мной смеетесь.

М а ш е н ь к а. Это я себя защищаю.

Л е р м о н т о в. От кого же?

М а ш е н ь к а. Будто не знаете? (*Тихо*). От того, кому я могла бы всем пожертвовать... всем!

Л е р м о н т о в. Стоит ли он того, Машенька?

М а ш е н ь к а (*горячо*). Он?.. Да! Конечно! Ведь в нем есть что-то особенное. Совсем особенное. Что-то большое и очень хорошее.

Л е р м о н т о в. Хорошее? Ангел из преисподней. Ах, кухня:

Собрание зол его стихия.

М а ш е н ь к а. Не верю! Все это выдумки! Слова! Это ваша маска!

Л е р м о н т о в. Это «мой демон», кухня.

М а ш е н ь к а (*с улыбкой*). И охота же вам, Мишель, с ним компанию водить?

Л е р м о н т о в (*разводя руками*).

И гордый демон не отстанет,

Пока живу я, от меня,

И ум мой озарять он станет

Лучом чудесного огня.

Уф, стихами заговорил, да еще старыми! Вот до чего, кузина, довели гусара.

Входит Раевский.

Раевский. Добрый вечер, Марья Александровна.
Машенька. Здравствуйте, Святослав Афанасьевич. *(Уходит.)*

Раевский. Ну, Миша, что делается вокруг!.. Зашел бы ты хоть в кофейную поглядеть. За одним столом — студенты, за другим — армейские офицеры, за третьим — чиновники. В кучки сбились, глаза горят. В одной кучке: «А вы, надменные потомки!..» В другой: «Не вы ль сперва так злобно гнали!..» В третьей...

Лермонтов. Да? Ты сам видел? Сам слышал?

Раевский. Ну конечно!.. А в лицее, в университете, мне сказывали, в антрактах между классами — читают, переписывают, декламируют с беспредельным жаром. Бьюсь об заклад, что вся мыслящая Россия будет знать твоё стихотворение, как молитву, как «Отче наш».

Лермонтов. Пушкин очень любим.

Раевский. Ты, Миша, сказал то, что у каждого русского человека было на сердце. Заглянул в душу, в сердце — и сказал! Сказал, как поэт народный.

Входит Иваныч. В руках у него поднос. На нем три чашки и сахарница. Ставит поднос на столик. Входит Машенька. Останавливается посреди комнаты и нюхает воздух. Иваныч уходит.

Лермонтов. Вы чего ж это, кузина, нюхаете?

Машенька. Воздух! Угаром не пахнет ли? У вас голова поэтическая, бабушка о ней беспокоится. Я тоже.

Лермонтов. Не верю, кузина.

Машенька. Почему?

Лермонтов. Потому что у вас душа — в глазах, а они смеются.

Машенька. Ничего подобного. *(Сажается.)* Вы что-то хотите сказать, Святослав Афанасьевич?

Раевский. Я все о том же. При жизни эти господа терзали сердце Пушкина, а теперь они терзают память о нем. Сегодня в «Современнике» Вяземский так прямо и говорил. Да и Жуковский тоже. Только шепотом.

Л е р м о н т о в (*презрительно*). Шепчут, шепчут!

Р а е в с к и й. А вот ты, Миша, — не шепотом.

М а ш е н ь к а. Зато, Святослав Афанасьевич, об Лермонтове и скажут его же строками:

«Свершит блистательную тризну

Потомок поздний над тобой

И с непритворною слезой

Промолвит: «Он любил отчизну!»

Л е р м о н т о в. Какие пышные тирады!

М а ш е н ь к а. Не нравятся? Заткните уши, потому что мы будем продолжать в том же роде.

Лермонтов закрывает уши ладонями.

Р а е в с к и й. А ведь бумаги пушкинские теперь Жуковский при жандарме разбирает.

Л е р м о н т о в (*опуская руки*). Нет, это не в том же роде.

Р а е в с к и й. Приставили к Василию Андреевичу самого Дубельта.

Л е р м о н т о в. Их жандармское превосходительство!

Р а е в с к и й. И он на всякий сундук с бумагами ставит свою черную печать.

Л е р м о н т о в. Они, Святослав, эту черную печать на всю русскую жизнь поставили.

Р а е в с к и й. Н-да, чует мое сердце, что твое «Предсказание» сбудется

— придет, явится этот год...

Когда царей корона упадет.

Л е р м о н т о в.

Забудет чернь к ним прежнюю любовь,

И пища многих будет смерть и кровь.

Р а е в с к и й. Вещие слова, Миша! Пророческие!

М а ш е н ь к а. Я вам завидую, Святослав Афанасьевич, — вы друг Лермонтова, а я... (*со вздохом*) всего-на-всего кузина, московская кузина.

Л е р м о н т о в. Нет, Машенька, клянись небом — не всего-навсего!

Входит И в а н ы ч.

И в а н ы ч. Господин Бухаров и господин Булгаков.
Их благородия на шестом взводе... и с шампанским.

М а ш е н ь к а. Исчезаю! (*Уходит.*)

Л е р м о н т о в. Тащи, братец, бокалы.

Появляются Б у х а р о в и Б у л г а к о в. У того и у другого в правой и в левой руке по бутылке шампанского. И в а н ы ч уходит.

Б у х а р о в и Б у л г а к о в (*остановившись в дверях, поют дуэтом*).

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан;
Но знай — покой души не вечен,
И счастье на земле — обман!

Крутя лениво ус зазорный,
Ты вспоминаешь шум пиров;
Но берегись думы черной, —
Она черней твоих усов!

Входят в комнату, ставят бутылки на стол и молча валяются в кресла.

Входит И в а н ы ч с серебряным подносом. На нем четыре бокала.

Б у х а р о в. Да что это, братец, ты притащил, — никак четыре наперсточка?

И в а н ы ч. Так точно, ваше высокоблагородие, — четыре наперсточка.

Б у х а р о в. И мы, по-твоему, будем пить из этой мелюзги? Отвечай, славная душа.

И в а н ы ч. Никак нет, ваше благородие, — не будете пить из этой мелюзги.

Б у л г а к о в. Круго-ом марш!

И в а н ы ч уходит с бокалами на подносе.

Б у х а р о в. А вот, Раевский, я сейчас вам расскажу один презабавный случай. Это было в 1814 году, когда я, позвольте доложить...

Л е р м о н т о в. Со своим эскадром взял Париж.

Б у х а р о в. Да-с, доподлинно! Это было, когда мы Париж взяли. Прихожу это я в ресторан на Авеню Опера. Сажусь, братцы, за столик. А рядом — шесть французиков. «Гарсон! — кричит этакий пузатый с рыжими бачками. — Бутылку шампанского и шесть бокалов!» Ла-

кей принес, поставил. Тогда уж и я заорал на всю залу: «Гарсон, шесть бутылок шампанского и один бокал!» Весь кабак замер. А я, братцы, и в ус не дую — все шесть бутылок преспокойно выщедил. Знай, мусью, русского гусара! Так вы думаете, друже, что я из кабака пешком вышел? Черта с два! Хотя, клянусь Афродитой, и был прозрачен, как стеклышко, — и все ж эти восторженные французики меня до кареты на руках вынесли. И еще «виват» орали.

Л е р м о н т о в. Так это, может, Бухаров, не тебя на руках вынесли, а Дениса Давыдова?

Б у х а р о в. И меня тоже. Один раз его, а другой раз меня.

Б у л г а к о в *(берет гитару, перебирает струны, поет)*.

Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин!

Б у х а р о в. Один-единственный!

Л е р м о н т о в. Из всех ископаемых.

Б у л г а к о в *(поет)*.

Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,
Нам мил и ус твой серебристый,
И трубка плоская твоя.

Б у х а р о в. Дай, Маёшка, я тебя расцелую за такие божественные стихи о моей персоне!

Л е р м о н т о в *(отходя)*. Предпочитаю целоваться с твоими внучками.

Б у х а р о в. Свинья!

Б у л г а к о в. Знаешь, Лермонтов, я сегодня на тебе целое состояние выиграл.

Б у х а р о в. Я тоже разбогател неожиданно-негаданно. Мерси боку!

Л е р м о н т о в. Вот как? Поздравляю обоих.

Б у л г а к о в. Сел, понимаешь ли, за зеленый стол. Взял колоду — банк метать. Против меня шестеро в черных фраках. Самые презрительные ничтожества. Один из них и говорит: «Булгаков, а пока вы на гауптвахте

сидели, ваш-то приятель Лермонтов как отличился!» — «Чем же это?» — спрашиваю. «А как же-с, — говорит, — знаменитый стишок написал на смерть Пушкина». — «Да-с, — отвечаю ему, — стишок превосходнейший!» Я ведь знаю, что ты у нас плохих не пишешь. И тут-то, радость моя, эти презрительные ничтожества запылали, как сахарные головы, облитые ромом.

Б у х а р о в. Просто хоть жженку из них делай.

Б у л г а к о в. И стали, черт побери, орать мне какую-то революционную рифмованную белиберду о палачах гения, о черной крови...

Б у х а р о в. И прочая, и прочая!

Б у л г а к о в. Я встал, швырнул колоду и прямо объявляю: «Милостивые государи, вы врете!»

Б у х а р о в. «Нагло врете!»

Б у л г а к о в. «Мой друг лейб-гусар Лермонтов подобного демагогического вздора никогда не писал!» Шум, крик...

Б у х а р о в. Дым коромыслом! Все вверх дном!

Б у л г а к о в. А они в один голос вопят: «Писал! Писал!»

Б у х а р о в. Этакие подлецы!

Б у л г а к о в. «А может быть, — спрашиваю я их, — вы, милостивые государи, желаете пари? Ставлю против каждого из вас по сто золотых, что не писал!» И поставил.

Л е р м о н т о в. Шестьсот?

Б у х а р о в. И я за Костю понтировал.

Л е р м о н т о в. Сколько?

Б у х а р о в. Триста.

Л е р м о н т о в (*спокойно*). Ну вот, друзья мои, и проиграли вы, значит, девятьсот золотых.

Б у л г а к о в. Что?!

Б у х а р о в. Ерунда.

Л е р м о н т о в. Ты, Костя, — шестьсот, а эта древность российская — триста.

Б у х а р о в (*набивая табаком плоскую трубку*). Он дурит, Лермонтов дурит! Он не писал. Я, правда, из Царского не выезжал, да и пьян был всю неделю, но за наше-

го Маёшку в придачу к золоту еще могу и свои серебряные усы поставить.

Л е р м о н т о в. Вот, Бухаров, тебя и побреют.

Б у х а р о в. Нет, брат, шалишь, — не побреют! Заврался, брат.

Л е р м о н т о в. Стихотворение — мое. Этим пером его написал. *(Берет со стола, показывает.)*

Б у л г а к о в. Брось, брось, Лермонтов! Меня за нос не проведешь.

Б у х а р о в. И меня тоже.

Л е р м о н т о в. А за тебя, ветхий завет, очень рад. Благодарю своего Вельзевула, что усы не поставил. Бухаров без усов! Да ведь это все равно, что слон без хобота. Даже в зверинец не возьмут, — обезьяны обидятся.

Б у х а р о в. Ладно, ладно.

Б у л г а к о в. А шестьсот золотых все-таки у меня вот тут — в кармане. И уже почти звенят самым нежным звоном!

Л е р м о н т о в. Увы, Костя... *(Вынимает из ящичка стихотворение.)* Да вот можешь убедиться собственными глазами, что твое золото в карманах у тех милордов. *(Дает ему лист.)* Читай.

Булгаков молча читает.

Б у х а р о в. Ну?..

Булгаков читает.

Ну?..

Б у л г а к о в. Вот дьявольщина!

Б у х а р о в. Дай! Дай! *(Выхватывает лист, читает.)* Кланяюсь в пояс — обогатил своего лучшего друга.

Б у л г а к о в. Да что ты, Лермонтов, с ума, что ли, сдвинулся?

Л е р м о н т о в. Никак нет. В полном своем уме. Скажу тебе больше того, Булгаков: еще никогда не был я в таком полном уме, как в тот день, когда написал это.

Б у л г а к о в. Дай-ка, Бухаров. *(Берет лист и Свертывает его.)* Ты, кажется, трубку свою табаком набил? Вот мы сейчас и раскурим ее этими стишками. Они ведь только на то и пригодны. Пусть от них поскорей один пепел останется-

ся. Да и тот мы, с помощью дьявола, по ветру развеем. Так-то оно лучше. А шесть тысяч рубликов, стало быть, очень горько рыдали. Ну и леший с ними. Тринь-трава.

Б у х а р о в. Не скажи. Я свои последние-распоследние поставил. Я теперь на мели сижу, как старая баржа. Ну, Костя, запаливай бумажонку.

Л е р м о н т о в (*тихо*). Положи лист на стол, Булгаков.

Б у л г а к о в. Фига! (*Берет свечу.*)

Л е р м о н т о в (*взрываясь*). Положи на стол! На стол! Сей миг положи на стол!

Б у л г а к о в. Ты это что, Лермонтов, — всерьез?

Л е р м о н т о в. Всерьез, Булгаков. Решительно всерьез.

Б у л г а к о в молча кладет лист на стол.

Б у х а р о в. Кум сатане! Да ты ли это, Маёшка?

Л е р м о н т о в. Я, я!.. Своею собственной личностью.

Б у л г а к о в. Нет, брат, тебя подменили. Сатана подменил! Демон какой-то черномазый!

Л е р м о н т о в. Вот я с ним, с этим черномазым демоном, отныне и буду в прочном ладу. Он ведь, пожалуй, неглуп, этот соперник бога. А с дураками скучно компании водить. Ей-ей, скучно.

Б у х а р о в. Да кто ты — гусар или бумагомаратель?

Л е р м о н т о в (*тихо*). Бумагомаратель.

Б у л г а к о в. Я что-то, братцы, не расслышал — да! — уши у меня заложило. (*Протирает пальцами уши.*) Кто, говоришь, — кто?

Л е р м о н т о в (*опять взрываясь*). Бумагомаратель! бумагомаратель! бумагомаратель!

Входит И в а н ы ч. На подносе у него четыре хрустальных жбана.

Б у л г а к о в. Пойдем, Бухаров.

Б у х а р о в. Пойдем, Костя.

Л е р м о н т о в. Проводи, Иваныч.

Б у х а р о в и Б у л г а к о в уходят. Иваныч, ничего не понимая, идет вслед за ними с подносом в руках.

Раевский. Как все это печально, Миша.

Лермонтов. Да.

Раевский. Двенадцать лет тому назад и гвардия наша была другой.

Лермонтов. Если бы я, Святослав, был главным дьяволом преисподней, я бы наших гвардейцев не мучил, а презирал.

Входит Машенька.

Машенька (*робко*). Ушли?..

Лермонтов. Да.

Машенька. Вы, Мишель, с ними поссорились?

Лермонтов. Нет.

Машенька. Это тот самый знаменитый кутила Костя Булгаков? Об нем у нас в Москве легенды ходят.

Лермонтов. Великий человек! Вот он на меня, как на лошадь, шестьсот золотых поставил — и проиграл, бедняга. Не оправдал я, кузина, его доверия, подвел, зазбоил, перекувыркнулся — из лейб-гусара в бумагомарателя.

Машенька (*горячо*). Слава богу!

Входит Иваныч. Молча останавливается в дверях.

Иваныч (*чуть слышно*). Сударь...

Лермонтов. Ну?.. Что еще?..

Иваныч молчит.

Да я, брат, тебя спрашиваю или нет?

Иваныч (*тихо*). К нам гости, сударь.

Лермонтов. Кого еще нелегкая принесла?

Иваныч молчит.

Вот беда с тобой!

Машенька. Да кто пожаловал, Андрей Иванович?

Иваныч (*тихо*). Жандармы.

Машенька. Жандармы?.. Как же это... жандармы...

Лермонтов. Машенька, не падайте духом.

Машенька. Нет, нет.

Раевский. Все как должно, — гости вполне законные.

Лермонтов. Проси, Андрей Иванович.

Иваныч уходит.

Машенька. Что у вас в ящиках имеется?

Лермонтов. Ваши письма, кузина.

Раевский. Да у тебя же стихи Рылеева, Одоевского и Пушкина недозволенные!

Лермонтов. Теперь, Святослав, поздно об этом думать.

Машенька. Отбирайте! Я вынесу. Меня не будут обыскивать.

Лермонтов. Вы полагаете, кузина? *(С иронией.)* Впрочем, наши жандармские офицеры такие джентльмены!

Машенька. Скорей, скорей!

Лермонтов выдвигает ящик, отбирает, передает рукописи Машеньке. Она прячет их за корсаж. Входит Елизавета Алексеевна.

Елизавета Алексеевна. Миша... голубчик ты мой... пришли к нам... за тобой, Мишенька, пришли.

Машенька. Кресло!.. Кресло бабушке!

Раевский *(с креслом)*. Крестная... крестная...

Елизавета Алексеевна *(беспомощно опускаясь)*. И за тобой, Славушка, верно... За обоими вами, милые вы мои. *(Плачет.)*

Лермонтов. Бабушка...

Елизавета Алексеевна. Господи! Что ж это? Молодое деревцо ты ломаешь, а меня — пень столетний — щадишь?

Входят жандармский офицер и два жандарма.

Елизавета Алексеевна *(властно)*. Да как же это вы, государи мои, в горницу в шапках входите? Снять извольте. Снять!

Жандармы снимают шапки.

Сцена вторая.

На Дворцовой площади в Главном штабе. Кабинет. Л е р м о н т о в и К л е й н м и х е л ь . Перед Клейнмихелем на очень большом письменном столе лежит черная папка.

К л е й н м и х е л ь . Вы, господин корнет, своим стихотворением на смерть Пушкина приуготовляли способы к бунту. Вы подстрекали общество к необузданному желанию бешеных превращений. Но вредные мысли ваши суть не более как легкое дуновение ветерка для неколебимой скалы из гранита. И знайте, сударь, — никакое заpiresательство для вас невозможно. Лгать бесполезно.

Л е р м о н т о в . Лгать? Это не в моих правилах жизни, ваше превосходительство.

К л е й н м и х е л ь . Что-с? Правила жизни? Никуда не годные ваши правила, господин корнет!

Л е р м о н т о в . Уж по моему слабому разуму, ваше превосходительство.

К л е й н м и х е л ь . Не сказал бы! Вот этого уж я никак не сказал бы, что слабого!

Л е р м о н т о в . Очень польщен за высокое мнение обо мне.

К л е й н м и х е л ь . Что? Высокое? Какое высокое! Откуда вы это взяли?

Л е р м о н т о в . Из ваших слов, ваше превосходительство.

К л е й н м и х е л ь . Вздор! Вздор!

Л е р м о н т о в . Слушаю-с.

К л е й н м и х е л ь . Вы, сударь, и ближайший друг ваш господин Раевский, находясь в заключении, продолжали попирать существующий порядок. *(Берет бумагу из черной папки.)* Вот письмецо, написанное рукой вашего друга. *(Читает)* «Андрей Иваныч! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подал эту записку министру. Надобно, чтобы Мишель отвечал согласно с нею, и тогда дело кончится ничем. А если он станет говорить иначе, то может быть хуже... И потом непременно сжечь ее». *(Кладет письмо на стол.)* Ну-с?.. Прелестное письмецо!.. Ваше любопытство удовлетворено?

Л е р м о н т о в. Я, ваше превосходительство, не любопытен до чужих писем. Прошу прощения — этому обучен с издетства.

К л е й н м и х е л ь (*пропустив мимо ушей*). Ваш друг, сударь мой, слишком дурного мнения об государственной страже Петропавловской крепости. Как видите, письмецо это, прежде чем дойти до вашего человека, очутилось у меня в папке. (*Резко.*) Кто этот Андрей Иванович?

Л е р м о н т о в. Мой крепостной слуга.

К л е й н м и х е л ь. Тот самый, которому было дозволено приносить вам в заключение хорошую пищу и пахитосы? Так-то вы, господин Лермонтов, пользуете мягкость нашу и заботливость о вашем здоровье!

Л е р м о н т о в (*с легкой иронией*). Я очень благодарен за эту мягкость и заботливость обо мне... в одиночном заключении.

К л е й н м и х е л ь (*берет другую бумагу из черной папки*). Теперь я прочту вам другую записку, также взятую у вашего друга при обыске. . Записку журналиста Краевского. (*Читает*) «Скажи мне, что случилось с Лермонтовым. Неужели еще жертва, заклаемая в память усопшему? Господи, когда все это кончится...» (*Кинув записку на стол.*) Жертва! Жертва!.. Это, значит, вы, господин Лермонтов, жертвой будете? Нашей жертвой?

Л е р м о н т о в. Так стоит в записке.

К л е й н м и х е л ь. Нет, сударь, не вы жертва, а мы! Мы жертвы! Весь высший слой русского общества — жертвы злословия вашего, господин сочинитель. Это вы, сударь, грозили смывать какую-то там праведную кровь нашей черной кровью. Это мы жертвы бессердечного пера вашего! Карбонарского! Революционерского!

Л е р м о н т о в. Я, ваше превосходительство, не записной сочинитель и стихотворение свое писал не в журнал.

К л е й н м и х е л ь. В журнал! А что такое журнал? Если ваше стихотворение уже ходит по России в бесчисленных списках, черт побери, — это во сто крат будет похуже всякого журнала.

Л е р м о н т о в. Я написал его только в одном экземпляре.

К л е й н м и х е л ь. А ваш друг Раевский в двадцати пяти!

Л е р м о н т о в. Ваше превосходительство, гораздо больше списков, чем господин Раевский, сделал мой кузен — Столыпин Николай Аркадьевич.

К л е й н м и х е л ь (*раздраженно*). При чем тут, сударь, ваш кузен! При чем тут кузен?!

Л е р м о н т о в. Разрешите доложить, при чем тут мой кузен. (*Без паузы, чтобы не прервал.*) Господин Столыпин подкупил нашу горничную Дуняшку, чтобы она воровала для него мои рукописи из ящика. Это, к сожалению, она и делала. Таким образом выкрала «Смерть поэта». А он принялся переписывать со всей ревностью и распространять повсюду.

К л е й н м и х е л ь. Повторяю, сударь, что он мне нисколько не интересен, этот ваш кузен! Нисколько.

Л е р м о н т о в. Прошу прощения, но вы изволили спросить, при чем тут мой кузен? И я только, со всем послушанием, ответил на ваш вопрос.

К л е й н м и х е л ь. Студенты, чиновники, армейские прапорщики, сапоги смазные и вся прочая сволочь — вот кто разнес стихотворение ваше, сударь, по всей Российской империи!.. Да-с! Да-с!.. В десятках тысяч экземпляров. В сотнях, в сотнях!.. Вы, корнет, держали свою судьбу в собственных руках. И вот позволили повернуть вкривь, вкось. (*Покачивая головой.*) Офицер лейб-гвардии его величества! Лейб-гвардии! (*С усмешкой.*) А теперь не взыщите: из попов, пожалуй, да в дьяконы угодите. На себя, государь мой, пеняйте. Только на себя.

Лермонтов молчит.

А сейчас я позволю себе сказать несколько слов и о вашем поведении под арестом. Прошу вас, господин корнет, отвечать мне по чести.

Л е р м о н т о в. Свою честь я могу потерять только вместе с жизнью.

К л е й н м и х е л ь (*выдержав паузу*). Господин Лермонтов, вы изволили в заключении сочинять стишки?

Л е р м о н т о в. Ваше превосходительство, я ни от кого не получал воспрещения сочинять стихи.

Клейнмихель. Вот как? Не получали?.. А чернила вам предоставлены были? А перо? карандаш? бумага? — были предоставлены?

Лермонтов. Я не хотел затруднять ваше превосходительство излишними просьбами.

Клейнмихель. Вздор! Вздор мелете, сударь мой!.. Вы не ребенок, господин сочинитель! Это ведь только для почтеннейшей Елизаветы Алексеевны вы все еще дитя малое. Для своей бабушки! — седин которой не пожалели. А не для нас! Не для нас!.. Этакий шалун!.. Декабристскими играми, корнет, забавляетесь! В декабристские игрушки играете! Вы, сударь, по примеру злодея Бестужева, в одиночном заключении записываете свои стишки. Чем? Чем? Разведенной сажеей! При помощи спичек! На оберточной бумаге... Прелестная игра! *(Берет из папки обрывок серого листа и, приложив лорнет к глазам, медленно, почти по складам, читает)* «Уз-ник». Ха! Узник! А может быть, вы, сударь, еще и колодник? А? Колодник?

Лермонтов. Никак нет, — узник.

Клейнмихель. Тэк-с... Извольте, извольте, уж если это вам столь по душе, — узник так узник. *(Читает.)*

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня...

(Откладывает лист в сторону.) Ха!.. Сиянье дня!.. А что вы скажете насчет северного сияния, господин сочинитель? *(Берет другой лист из черной папки.)* «Не смей-ся... над... над... над... моей... про... про... про... » Черт знает!.. Вот мерзость!.. Какие-то растекшиеся помои! *(И опять пытается разобрать слово.)* «Про... про... про... » Экое гнусное маранье! *(С брезгливостью протягивает Лермонтову обрывок грубого листа.)* Извольте, господин сочинитель, прочесть это вслух.

Лермонтов *(внятно и спокойно читает)*.

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы

Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений...

К л е й н м и х е л ь. Хватит, хватит! Довольно! (*Касаясь своего золотого генеральского воротника краем лагони.*) Я уж, господин сочинитель, вот как сыт вашими прелестными стишками!

Л е р м о н т о в. Вы приказали мне прочесть их, ваше превосходительство.

К л е й н м и х е л ь. Господин Лермонтов, я напомню вам четырнадцатое декабря. Где они, все эти Рылевы, Кюхельбекеры и Одоевские? Эти господа тоже вначале стишки марали. А конец? Какой же конец, государь мой? Одни болтались на виселице, а другие? Где они — эти другие? Во глубине Сибири заживо погребены были! Не правда ли?

Л е р м о н т о в (*тихо*). Да, такова правда.

К л е й н м и х е л ь (*уловив скрытый смысл его слов*). Что-с?.. Что?.. (*Раздраженно закрывает палку.*) И, однако, черт побери, они все-таки выжили! Не советую вам, господин Лермонтов, этим очень обольщаться! И питать пустые надежды.

Л е р м о н т о в. Слушаю-с. По вашему мудрому совету, я уже избавился от всяких обольщений и не питаю больше пустых надежд.

К л е й н м и х е л ь. Да-с? Вот как!.. (*Встает.*) А как вы намерены судить, господин Лермонтов, о своем преступстве и о преступстве вашего друга Раевского?

Л е р м о н т о в. Не мне, ваше превосходительство, выносить приговор на себя и на моего друга.

К л е й н м и х е л ь. Совершенно верно, сударь, — не вам. И даже, как понимаете, не собеседнику вашему. (*Торжественно поднимает глаза к поясному портрету Николая в тяжелой раме. В голосе — металл.*) Высоким судьей над вашим преступным делом будет его императорское величество.

Занавес.

Действие четвертое

Сцена первая

Зимний дворец. Домашний кабинет царя. Окна выходят на Неву, закованную в лед. Николай, Бенкендорф и Клейнмихель.

Н и к о л а й (*стоит у стола*). А как, Петр Андреевич, отнесся Лермонтов к твоим словам?

К л е й н м и х е л ь. Признаюсь, государь, что все мои увещания были с него как с гуся вода.

Н и к о л а й. А-а! — гусь?.. Гуси, говорят, Рим спасли, а этот, верно, вздумал от меня Россию спасти?.. Следы! Остатки! Четырнадцатого декабря остатки! Мы этих гусей повидали на Сенатской площади.

Б е н к е н д о р ф. Попустил бог, государь; гадкие птенцы вылупились от извергов. В Москве — Полежаев, Герцен, Огарев...

Н и к о л а й. Возмутители!

К л е й н м и х е л ь. Полагаю, ваше величество, корнет Лермонтов будет наименее вредный. Статочное ли дело, на всю Россию проорал с невиданной наглостью.

Н и к о л а й (*чеканя слова*). Я положу предел этому разврату. Я их искореню! Искореню! (*Поднимая глаза к потолку.*) Это говорю перед моим господом. (*Хрипло.*) Развратители! Развратители слабых умов!.. Александр Христофорович, ты всячески должен висеть над ними дамокловым мечом. Мечом! мечом! мечом!

Б е н к е н д о р ф. По слабым моим силам, государь, я следую вашей высочайшей воле со всем усердием.

Н и к о л а й. Знаю, мой друг, знаю. Я сам во многом повинен. Кто был цензором Пушкина? Я!.. Не бери в образец, Александр Христофорович. Дурной был цензор, негодный! Распустил его в ободрение всем мерзавцам. (*Опускается в кресло и рукою показывает, чтобы генералы последовали его примеру.*)

Бенкендорф и Клейнмихель садятся.

А теперь, господа, я прошу ваших советов об Лермонтове. Каков, Петр Андреевич, его характер?

К л е й н м и х е л ь. Будет лезть на рожон, ваше величество.

Н и к о л а й. Очень тому рад. А что ты скажешь, Александр Христофорович?

Б е н к е н д о р ф. Ему, государь, двадцать два года. Он, по мне, гусар кровей Дениса Давыдова. Но горячность сердца и страсти, бушующие по молодости, не имеют достойного направления.

Н и к о л а й. Где, по-вашему, господа, ему будет способней на рожон лезть? Ведь этому пособить надобно — уж коли так охоч. Что скажешь, Петр Андреевич?

К л е й н м и х е л ь. Думаю, что в местах не близких к Санкт-Петербургу. Чем подальше, тем и получше, государь.

Н и к о л а й. А ты что посоветуешь, Александр Христофорович?

Б е н к е н д о р ф. Смею думать, что Сибирь только возвеличит его славу в обществе. Дураки и мерзавцы немедля нарекут его жертвой. А кинутое слово сей миг и подхватят. Толпе свойственно обезьянство, ваше величество.

Н и к о л а й. Резон, Александр Христофорович, резон. Ты это верно заметил. *(Подумав)* Изготовь-ка мне, Петр Андреевич, для подписи повеление. На Кавказ!

К л е й н м и х е л ь *(растерянно)*. Слушаю, государь.

Н и к о л а й. В действующую линию.

К л е й н м и х е л ь *(сообразив)*. Слушаю, государь.

Н и к о л а й. Ведь Нижегородский драгунский полк с горцами в драке?

К л е й н м и х е л ь. В самой кровавой, ваше величество.

Н и к о л а й. В Нижегородский его!

К л е й н м и х е л ь *(с уверенностью)*. С разжалованьем, государь? В солдатской шинели?

Н и к о л а й *(помедлив с ответом)*. Нет. Солдатская шинель, полагаю, у него пыл охладит. В солдатской шинели кому он будет свое бесстрашие показывать? Перед кем — сорвиголова: с саблюю наголо, впереди эскадро-

на? Вот увидишь — он еще от меня и серебряный крест получит за храбрую смерть.

Клейнмихель. И я так мыслю, государь, должен получить. Старой бабке своей в утешение.

Бенкендорф. Да и горцам-то малый расчет по солдату палить. Эти дьяволы с выбором бьют — по золотым эполетам.

Николай. Вот-вот! Об этом и я толкую. *(Опершись локтями на стол.)* В Нижегородский его, в драгунский, в офицерских эполетах и тем же чином. *(Встает.)* Доверимся, друзья мои, небесному заступнику нашему. Он — страж мой и моей России.

Клейнмихель. Да будет его святой промысел.

Николай. Ну, господа, желаю вам доброго здравия. Спасибо. *(Провожая до дверей.)* Тут, кажется, Жуковский ожидает? Ох, уж этот мне молещик за всю парнасскую сволочь! Стар, сед, а всё глупейшие химеры лелеет! Питается эфиром, медвяную росу пьет — и тут же тайком из пушкинского кабинета портфели выносит.

Бенкендорф. От этого, государь, последняя вера в людей колеблется.

Николай. Только в господа бога верь, Александр Христофорович. Только в Господа бога!

Бенкендорф и Клейнмихель уходят.

Николай *(в дверях)*. Василий Андреевич, пожалуй, пожалуй, друг мой!

Входит Жуковский.

Не осердись, Василий Андреевич, что заставил тебя несколько дожидать. Прости, сделай милость.

Жуковский. Помилуйте, государь.

Николай. С чем пожаловал, милый друг? Что такое? Какие заботы одолели? Какая нужда во мне? Садись в кресла да говори. *(Садится.)* Всей душою рад тебя видеть.

Жуковский. Я, государь, опять перед вами ходатаем.

Николай *(с улыбкой)*. Подрядился, Василий Андреевич, подрядился на эту должность. Господь наградит

тебя за доброе сердце! Да ценят ли. его, как я ценю, все эти твои подопечные: Баратынский, Шевченко, те несчастные — по декабрьскому делу? (*Осняет себя крестом.*) Господи, предадим забвению прошедшее!

Ж у к о в с к и й. Христос, государь, и разбойников простил.

Н и к о л а й. За кого, Василий Андреевич, будешь сегодня говорить?

Ж у к о в с к и й. Я, государь, пытаюсь припадать к вашим стопам только за тех, кто всячески этого достоин.

Н и к о л а й. Знаю, знаю! Потому и нет у меня для тебя отказов. Ну, о ком же ты нынче хлопчешь? Говори прямо. Я сам готов умереть за правду.

Ж у к о в с к и й. За Лермонтова, государь.

Н и к о л а й (*встает*). Как!.. За кого?.. Об Лермонтове?

Ж у к о в с к и й. Да, государь.

Н и к о л а й (*разводя руками*). Не ждал! Всякое в голову приходило, только не это. Об Лермонтове?.. Нет, — оторванный кусок. Оторванный.

Ж у к о в с к и й. Он, государь, великая надежда русской поэзии.

Н и к о л а й. Вот как? ... Этот гусар?

Ж у к о в с к и й. Он, ваше величество, наследник пушкинского пера.

Н и к о л а й. Пушкинского пера?..

Ж у к о в с к и й. Поэтическое будущее, государь, светится перед ним, как ясная лампада.

Н и к о л а й. Да не в чрезмерном ли ты завлечении, Василий Андреевич?

Ж у к о в с к и й. Так говорит мне, государь, мое чувство изящной словесности.

Н и к о л а й. Да?.. Говорит?..

Ж у к о в с к и й. Лермонтов в самые последние дни, государь, написал стихотворение, которого забвение не коснется.

Н и к о л а й. Вот как?

Ж у к о в с к и й. Стихотворение о славе русской, о сыновней любви к отчизне своей.

Н и к о л а й. Он?.. О славе русской?.. Хо-хо!

Ж у к о в с к и й. О Бородинской битве, ваше величество. «Бородино»!

Н и к о л а й. Гм... Н-да... *(Помолчав.)* Ну, тебе ведать, мой друг, тебе и карты в руки. Ведь всем нашим стихотворцам Жуковский — отец и наставник.

Ж у к о в с к и й. Я, государь, постарше годами.

Н и к о л а й. Ну, а как же, Василий Андреевич, мне быть с его стихами на смерть Пушкина? Дерзость! Дерзость, не знающая пределов!

Ж у к о в с к и й. Он очень молод, государь. Сверх того — мгновенная страсть, нестерпимая боль от великого несчастья, постигшего Россию, затемнили его неокрепший разум. А в душе, государь, у него есть идеал прекрасного.

Н и к о л а й. Ты думаешь?

Ж у к о в с к и й. Я это знаю, государь. А святой долг, первый долг пастыря и наставника — пробуждение и развитие добрых качеств, заложенных природою в человека.

Н и к о л а й. Вот так добрые качества!

Ж у к о в с к и й. Судьба, государь, подчас играет человеком как бы в волан, взбрасывая его своею ракетой. И вот он беспомощно кувыркается в воздухе. Я полагаю — надо всячески стараться, чтобы человек не упал.

Н и к о л а й. Иногда, Василий Андреевич, старайся не старайся, а грохнется.

Ж у к о в с к и й. Я, государь, за Лермонтова ручаюсь.

Н и к о л а й. Так-с. Вот за Лермонтова, значит, мне Жуковский ручается... *(Помолчав.)* А кто, Василий Андреевич, мне за Жуковского поручится?

Ж у к о в с к и й *(поднимаясь)*. Государь, позвольте мне удалиться.

Н и к о л а й. Садись-ка, Василий Андреевич, садись. Экой ты, право! С тобой и пошутить нельзя. Сразу и ополчился на меня... Уж если я доверил тебе, как второму отцу, воспитание своего сына, наследника русского престола! — значит, есть за тебя поручитель.

Ж у к о в с к и й *(тихо)*. Кто ж, государь?

Н и к о л а й. Я!.. Я, Василий Андреевич, поручитель твой! Я за Жуковского поручился перед моей Россией.

Ж у к о в с к и й. Благодарствуйте, государь.

Н и к о л а й (*усаживаясь подле него*). Ну, давай же, Василий Андреевич, не горячась, а с прохладю в головах, подумаем вместе об Лермонтове... Как же быть-то нам?.. Как быть, Василий Андреевич, чтобы нам с тобою и перед обществом долга своего не преступить, и ему сделать пользу? Ведь он, как ты сказал, — наследник пера бессмертного! Велика моя ответственность за него перед отечеством, перед Россией... Советуй, брат, советуй.

Ж у к о в с к и й. Ваше милостивое сердце, государь, будет вам более мудрым советником, чем я.

Н и к о л а й (*голко гумает*). Не отправить ли нам его на Кавказ? Общество привыкло к тому, что это есть наказание, отеческая кара. Стало быть — пример дан. А для стихотворца какая ж это громадная польза!.. А?.. Могучая природа, первозданный хаос, горы со снежными горами, дикие ущелья, стремнины, первобытные характеры, геройство воинов наших. Ведь это же кладезь для вдохновения!.. Как скажешь, Василий Андреевич?

Ж у к о в с к и й. Это добрая мысль, государь. Но если он поедет туда разжалованным, опальным, в солдатской шинели, это, государь, означало бы — вниз падать. А живучи, как я мыслю, надо все подниматься и подниматься. Жизнь человеческая, государь, — это лестница вверх.

Н и к о л а й. Что ты, Василий Андреевич! Разжалованным? Да у меня и в помыслах того не было! Что за жестокость! Я, друг мой, всецело с тобою об Лермонтове согласился... Нет, видно, ты обо мне худого мнения. Очень худого!

Ж у к о в с к и й. Помилуйте, государь!

Н и к о л а й. Ты, верно, и не знаешь, чего стоят мне всякие строгости. Иной раз, поражая виновнейшего, я ведь только хочу спасти многих детей моих, стоящих над бездной. Спасти их от самых ядовитых прельщений. А страдаю я, право, тяжелее других, потому что обязан прятать свои душевные муки. Ведь слезы государя только одна подушка видит. Караю и плачу, горько плачу. Бог тому свидетель.

Ж у к о в с к и й. Ваше величество...

Н и к о л а й. Ну, а в случае с Лермонтовым, друг мой, я могу быть и к себе милосерден, — сегодня, Василий Андреевич, я засну улыбаясь, а не с камнем на сердце: в золотых эполетах поедет он на Кавказ! И тем же чином. Я, друг мой, только того и хочу, как бы поставить его на дорогу.

Ж у к о в с к и й *(со всей искренностью)*. Я во всю жизнь не встречал никого на свете, государь, кто бы мог с вами сравниться высотой своей души.

Н и к о л а й. Ну-ну, полно.

Ж у к о в с к и й. Какое великое счастье выпало на долю того, кто видит вас, государь, таким, каков вы по природе своей.

Н и к о л а й. Да перестань! Оставь это, Василий Андреевич.

Ж у к о в с к и й. Этот прекрасный образ ваш, государь, я унесу с собою в могилу.

Н и к о л а й. Очень рад, Василий Андреевич, что мною доволен. Это, брат, для меня награда немалая. Вот ты будешь и за меня ходатаем! За меня — челобитчиком перед историей и потомством. Дай я тебя поцелую. *(Целует его в лоб.)*

С ц е н а в т о р а я

Апрель. Раннее утро. Застава. Тракт. В отдалении будка в черных полосах и такой же полосатый шлагбаум. Стук копыт. Звон бубенцов. Пауза. Входят М а ш е н ь к а и Л е р м о н т о в .

М а ш е н ь к а. Бабушку очень жалко... Она как часы сломанные, — молчит и молчит... Так грустно в комнатах от этой тишины.

Л е р м о н т о в. Да.

М а ш е н ь к а. Ухо ведь привыкло, чтобы — тик-так, тик-так, а потом — бом! бом! И вдруг часы замолчали и словно жизнь ушла... Очень жалко бабушку.

Л е р м о н т о в. Да.

М а ш е н ь к а. Не могу я со всем этим примириться, не могу!

Л е р м о н т о в. И не примиряйтесь, Машенька.

М а ш е н ь к а. Что же такое жизнь?

Л е р м о н т о в. Жизнь как этот шлагбаум — полоса белая, полоса черная, полоса белая, полоса черная. (Идут.) Верба распустилась...

М а ш е н ь к а. Верба хлест, бьет до слез.

Л е р м о н т о в. А вы мне будете, Машенька, письма писать?

М а ш е н ь к а. Буду.

Л е р м о н т о в. И присылать новые журналы, романы, стихи... Хорошие, конечно.

М а ш е н ь к а. Хорошие?.. Тогда вряд ли... Хорошие это вы, Мишель, будете мне присылать с Кавказа. Будете?

Л е р м о н т о в. Если меня не подстрелят.

М а ш е н ь к а. Нет, нет!.. Бог этого не допустит.

Л е р м о н т о в. Уж если он допустил, чтобы Пушкина... ваш бог.

М а ш е н ь к а. Не надо, не говорите так. Не надо! (Остановилась после вербы.)

Л е р м о н т о в. Ну вот и прощайте, Машенька!.. Прощай, Петербург!

Лермонтов молчит.

М а ш е н ь к а. Нет, не прощайте, а до свидания! «До свиданья, Машенька! До свиданья, Петербург!» До свиданья! до свиданья!.. Или я заплачу.

Л е р м о н т о в. До свиданья, Машенька. До свиданья, Петербург.

Оба молчат.

М а ш е н ь к а. К вам очень идет форма нижегородского драгуна.

Л е р м о н т о в. Расхаживать бы сейчас в гражданской шляпе, с тростью в руках!

М а ш е н ь к а. Как Жуковский — да?.. И Александр Сергеевич шпорами не гремел... Ах, Мишель, я бы ужасно хотела, чтобы и вы тоже не были ни гусаром, ни драгуном.

Л е р м о н т о в. Но кто-то не хочет этого, милая Машенька.

М а ш е н ь к а. Я бы им глаза выцарапала!
Л е р м о н т о в. Мудрено. У Николая они оловянные.

Звенит колокольчик под дугой нетерпеливого коня.

М а ш е н ь к а. И сидели бы вы, Мишель, в своем кресле, за своим столом и писали стихи! Вся Россия этого хочет.

Л е р м о н т о в (*щурясь от солнца, смотрит вверх*). Жаворонок поет... (*Помолчав.*) Вот.

М а ш е н ь к а. Вот. (*Тихо.*) А ведь это, Мишель, так всегда бывает — когда надо сказать друг другу очень много, сказать страшно много, а времени страшно мало...

Л е р м о н т о в. Говорят вздор или говорят «вот».

М а ш е н ь к а. Да, говорят «вот». (*Рассмеялась.*)

Л е р м о н т о в. И смеются...

М а ш е н ь к а. Даже тогда, когда хочется плакать.

Л е р м о н т о в (*вынимает из ножен кинжал*). Знаете, Машенька, так как мы все равно не скажем друг другу ничего путного, — хотите, я вам на прощание прочту стихотворение, которое написал сегодня ночью?

М а ш е н ь к а. Ну конечно, хочу!

Л е р м о н т о в (*негромко*).

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

(*После паузы.*) Вот.

М а ш е н ь к а (*чуть слышно*). Вот.

Сцена третья

Кавказ. Осень. Зубчатые хребты темных гор. Их вершины дымятся, как загашенные факелы. У костра, на разостланных бурках, Лермонтов и Одоевский. Возле повозки с легкой поклажей — черкес. Он мурлычет песню.

Лермонтов (*заканчивает рассказ*). Вот вам, Одоевский, и вся картина моего «зловредного колебания твердых устоев русской государственной жизни».

Одоевский. Как все это знакомо! Слушая, Лермонтов, повесть вашей судьбы, я будто перелистываю книгу своей молодости.

Лермонтов. Ваша книга, Одоевский, полна трагизма.

Одоевский. Такова, Лермонтов, наша с вами русская жизнь в этом николаевском веке.

Лермонтов (*берет бутылку*). Прикажете налить кахетинского?

Одоевский. Да как же не приказать!

Лермонтов (*наливая вино в походные стаканчики*). А двадцать пятого февраля последовало высочайшее повеление по нашему делу.

Одоевский. Вас на первую линию огня, под чеченские пули...

Лермонтов (*беспечно*). Э-э!

Одоевский. Не скажите... Им в Санкт-Петербурге хорошо известно, как бедово стреляют эти горцы.

Лермонтов. Как черти!

Одоевский. Ну, а вашего друга...

Лермонтов. Ну, а моего Святослава, по тому же высочайшему повелению...

Одоевский. Как полагаю, к белым медведям в гости? Не так ли?

Лермонтов. Да, отгадали точно — в Олонецкую губернию.

Одоевский (*чокаясь*). За вашего друга! Нет ничего прекраснее среди людей, как верная дружба. Счастье склеивает ее, а горе паяет свинцом и медью. У нас, у государственных преступников, это проверено в каменных норах... За вашего друга, Лермонтов!

Л е р м о н т о в. Что за человек мой Святослав! Душа
какая!.. Ваших кровей, Одоевский. От вашей «преступ-
ной» косточки.

О д о е в с к и й. А вы?

Л е р м о н т о в. Велика честь!

О д о е в с к и й. В самый раз.

Черкес мурлычет песню.

Л е р м о н т о в. По этой дороге и Пушкин когда-то
хаживал?

О д о е в с к и й. Пушкин... потом Лермонтов... потом...

Л е р м о н т о в (*махнув рукой*). А-а!..

О д о е в с к и й. Нет, не оскудеет земля русская. Во
веки веков, аминь! (*Подбрасывая в огонь сухие ветви.*)
Ну, а каков же финал у Жоржа Дантеса?

Л е р м о н т о в. Барон Жорж Дантес-Геккерен из-
волил отбыть из России в придворных санях.

О д о е в с к и й. В придворных санях?.. (*Хочет.*)
Великолепно! И какая гармония со всем духом славного
царствования!.. Черт их всех подери!

Л е р м о н т о в. Вот бы, Одоевский, этот умный черт
вас послушался! Ей-ей, было бы славно.

О д о е в с к и й. Дай бог!

Л е р м о н т о в. Бог, бог, бог... Нет, Одоевский, —
демон! Он как-то ближе моему сердцу, этот непокорный
дух — дух возмущения, свободы и познания. Я еще ког-
да-нибудь о нем напишу поэму. (*Подняв руку.*)

И над вершинами Кавказа

Изгнанник рая пролетал!..

О д о е в с к и й. А дальше?

Л е р м о н т о в.

Под ним Казбек, как грань алмаза,

Снегами вечными сиял,

И, глубоко внизу чернея,

Как трещина, жилище змея,

Вился излучистый Дарьял.

О д о е в с к и й (*тихо*). А дальше?

Л е р м о н т о в.

И Терек, прыгая, как львица,

С косматой гривой на хребте,

Ревел — и грозный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали...

О д о е в с к и й. А дальше?

Л е р м о н т о в. И рад бы, да еще не написано.

О д о е в с к и й. Пишите, пишите, пишите!.. Пушкинский Аполлон требует вас к священной жертве.

Л е р м о н т о в *(с улыбкой)*. Священная жертва!.. Эка!.. А вот наш Николай, помазанник божий, говорит: стишки марают. Да-с — стишки!

О д о е в с к и й. Ах, мой друг, за стишки-то под чеченские пули не посылают. *(Раскуривая потухшую трубку угольком из костра.)* Жизнь, жизнь...

Л е р м о н т о в. О чем вы?

О д о е в с к и й. Так... свое припомнилось... Сколько позади! *(В загумчивости.)* Белый султан, золотые эполеты, блеск Петербурга, пальба из пистолета на Сенатской площади... Потом каземат, каторга, Чита, Петровский завод... *(Дымя трубочкой.)* Четырехсаженная стена, за которую вступили мы с пением «Марсельезы» и в окрылении надежд, подогретых революцией у французов... *(Шевеля прутиком огонь в костре.)* Потом поселение, деревня Елань, тринадцать десятин собственной земли, обработанной собственными руками...

Л е р м о н т о в. Нате уголек, у вас трубочка погасла.

О д о е в с к и й. Спасибо! *(Раскурил.)* А теперь — Кавказ, толстая солдатская шинель, действующая линия.

Л е р м о н т о в. Вот это и можно назвать жизнью! И скажу напрямик, Одоевский, что назвать можно так не без гордости. *(Тихо.)*

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

О д о е в с к и й. Да... Во всю мою тридцатипятилетнюю жизнь не было у меня такого светлого воскресения духа, как в тот день, когда к нам, за железную решетку, пришло это «Послание» Пушкина. *(Глядит в костер.)* Век этого не забуду.

Л е р м о н т о в. Кто ж его к вам доставил?

О д о е в с к и й. Жена Никиты Муравьева. Она ведь в свою добровольную каторгу приехала вслед за Волконской. Какие женщины на Руси! Какие женщины!

Л е р м о н т о в. Я слышал, Одоевский, что вы написали «Ответ» на пушкинское «Послание»?

О д о е в с к и й. Да, согрешил отвечать своими стихами на стихи Пушкина.

Л е р м о н т о в. У меня до вас большая просьба — прочтите, пожалуйста, сделайте такую милость.

О д о е в с к и й. Извольте. Память как будто не изменила. *(Читает не громко, но с чувством.)*

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя, —
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей, —
И радостно вздохнут народы.

Л е р м о н т о в. Хорошо! Хорошо, Одоевский! Чудо хорошо!.. «Из искры возгорится пламя»!.. Да ведь это пророчество.

О д о е в с к и й. Пророку с гусиным пером в руке надобен лихой ветер. Этаким штормовой ветерок! *(Дружески кладет руку ему на плечо.)* Вот вы, Лермонтов, родились как поэт России в своем стихотворении на смерть Пушкина. И тоже родились на лихом ветру, на ветру с широких просторов. А в штофных гостиных, у камина, на позолоченных канапе поэты не рождаются.

Л е р м о н т о в. Да, конечно, вы правы, Одоевский, — это не колыбель для пророков.

О д о е в с к и й. Сколько вам лет, Михаил Юрьевич?

Л е р м о н т о в. Да уж изрядно — по прожитому душой и сердцем. *(Берет стаканчик.)* Давайте-ка, Александр Иванович, выпьем на «ты». На братьев по душе и по сердцу.

О д о е в с к и й. Прекрасное это братство!

Сдвигают свои походные стаканчики, пьют и троекратно крепко целуются в губы. Черкес поет.

Л е р м о н т о в. Ты, как я погляжу, очень любишь нашу грешную землю.

О д о е в с к и й *(с открытой улыбкой)*. А как же! На небе-то пусто и скучно.

Л е р м о н т о в. Твоя правда. Там не пирогами кормят.

О д о е в с к и й. Я жил, живу, буду жить и умру с верой. А больше всего я верю в человека, в нашего русского человека. Он, клянусь тебе, омоет этот мир, эту грешную землю своей благородной мечтой... А к тебе, друже, твоя звезда должна быть милостивой. Обязана! Если только она не отъявленная каналья!.. Вот убережет она тебя от кавказской пули, проживешь ты до ста лет, и еще при тебе, Миша, зазвенит жизнь, как под дугой колокольчик.

Л е р м о н т о в. Нет, Саша, мой век короткий. А вот наследники наши, сыновья, внуки или правнуки, услышат звон этого, твоего — веселого, серебряного...

О д о е в с к и й. ...русского колокольчика

Л е р м о н т о в. Да... *(Тихо.)*

Россия вспрыгнет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Конец.

НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николай Денисович Стругов.
Елена Ивановна, его первая жена.
Владимир, их сын.
Ирэн, вторая жена Стругова.
Юра, их сын.
Лидия Эрнестовна, мать Ирэн.
Аня Спиридонова.
Вера Орлова.
Игорь Пичугин.
Зоя.
Зиночка.
Настя.
Евдокия Васильевна.

В Москве. Пятидесятые годы.

Действие первое

Кабинет Николая Денисовича. Одна дверь в комнату личного секретаря, другая в коридор. Каждого человека, входящего в дом, громким лаем встречают собаки.

Стругов *(пишет)*.

Постукивая высокими каблучками, входит Настя. Она в белом кружевном переднике и в наколке.

Настя. Николай Денисович...

Стругов *(пишет)*.

Настя. Николай Денисович...

Стругов *(чуть окая)*. Что тебе?.. Что?.. Пенза толстопятая!

Настя. Всегда только компрометируете.

Стругов *(не отрываясь от рукописи)*. Что — что?..

Настя. К вам пришла ваша первая жена.

Стругов *(раздраженно)*. Та-а-а-ак!..

Настя. Они, значит...

Стругов *(резко)*. В мундире?.. В орденах?.. Обвешана?.. До пупа?

Настя. Ой, какие вы слова говорите!.. Кошмар прямо! *(Убегает.)*

Стругов *(собрав листы рукописи)*. Явилась!.. *(Снимает золотые очки.)* Осчастливила! *(Закуривает.)*

Входят Ирэн и Елена Ивановна. Она в темно-синем платье хорошего покроя.

Стругов *(радушно)*. Здравия желаем, товарищ полковник медицинской службы!.. Сколько лет, сколько зим?.. Чудесно выглядишь!.. На тридцать три!.. *(Пригвигает кресло.)* Садись в это.

Елена Ивановна *(молча садится)*.

Стругов. Даже по телефону никогда не позвонишь. Вот безобразие! И тебе не стыдно?

Елена Ивановна. Нет.

Ирэн. Коротко и ясно. *(Мужу.)* А почему ты не звонишь?

Стругов *(Елене Ивановне)*. Ах, душа моя, у тебя госпиталь и баста. Рай. Понимаешь — рай! А у меня одних институтов семь... Академия, комиссии, два журнала...

Елена Ивановна. Ад кромешный... в рай хочешь?

Стругов. Воже упаси! Мое место в преисподней... Не мелькай, Ирина, перед глазами... Ну что тебе?.. Папиросу?

Ирэн *(закуривая)*. Вы, Елена Ивановна, с жиру никогда не бесились?

Елена Ивановна. Не доводилось!

Ирэн. Счастливая!

Е л е н а И в а н о в н а (сухо). Ведь у вас тоже есть специальность.

И р э н. Стенографировать?.. Покорно благодарю!.. Нет, это еще скучней, чем ничего не делать.

С т р у г о в. Безусловно. Жена должна быть женой..

И р э н. Я давно прошу его: возьми меня к себе в лабораторию... в качестве подопытного животного. Вместо собаки. Удали мне полушария головного мозга, — чтобы в башке ни одной мысли не было. На кой черт они мне нужны?

Е л е н а И в а н о в н а (не реагируя). А где Володя?

С т р у г о в. Ты его еще не поздравляла?

И р э н. Двадцать лет наследному принцу стукнуло.

С т р у г о в (Елене Ивановне). Как это он к тебе не явился?.. Впрочем, все мальчишки такие. У них своя жизнь, у нас своя.

И р э н. Вова день своего рождения по-европейски празднует.

Е л е н а И в а н о в н а. То есть?

И р э н. В Гранд-отеле.

Е л е н а И в а н о в н а (сгоречью). Чудно... (Стругову.) И это с благословения родителя?

С т р у г о в. Он у меня давно не просит благословений.

И р э н. Съезд в одиннадцать. Мы с Луизой удостоены чести — приглашены.

С т р у г о в (Елене Ивановне). А мы с тобой, душа моя, — нет. И справедливо. Старикам на печи лежать!.. Терпеть не могу отравлять существование молодежи. Не считаю это своим святым долгом, как большинство родителей.

И р э н. Настя!.. На-астя!.. (Спокойно.) Висит на телефоне... Что мы будем пить, Елена Ивановна, чай, кофе, какао?.. Или по фронтовому — стопочку?

Е л е н а И в а н о в н а. Не беспокойтесь. Я тороплюсь.

С т р у г о в. Леночка будет пить крепкий чай с пенками. А варенье клубничное. (Елене Ивановне.) Правильно?.. Как-никак я тринадцать лет был твоим мужем.

Елена Ивановна *(с улыбкой)*. К сожалению.
Стругов. Брак, дорогие мои, — лихорадка навыворот. Он начинается жаром и кончается ознобом. Так сказал Гиппократ.

Ирэн. Мудрый был грек. *(Уходит.)*

Стругов *(совершенно другим тоном)*. Что случилось, Лена?

Елена Ивановна. Случилось... А почему ты спрашиваешь?

Стругов. Ладно, ладно. Меня ведь на улыбочке не проведешь. Я эту улыбочку знаю... Говорят, — перед тем, как проломить гестаповцу череп... чернильницей... на допросе... ты, мать моя, тоже — улыбалась. Красота!.. Ну, что случилось? Выкладывай.

Елена Ивановна *(тихо)*. Ты, Николай, губишь Володю.

Стругов. Вот-те и раз!.. Я гублю моего Владимира?

Елена Ивановна *(вставая)*. Твоего?.. Это потому, что, когда я уехала на фронт, ты привел в дом девятнадцатилетнюю девчонку, а Володе сказал: «Вот, сынок, твоя новая мама!»

Стругов. Знаешь, как Юрка поет:

Судьба играет чи-ло-ве-ком

Чи-и-ловек... играет на трубе!

И, вообще, теперь не мужчины ухаживают за женщинами, а женщины за мужчинами. Женщина назначает свидание, женщина первая целует и, не ожидая приглашения, сама переезжает в квартиру к мужчине, которого выбрала себе в мужа.

Елена Ивановна. Вероятно, и такие женщины бывают. Но я пришла к тебе говорить не о них, а о моем сыне. Так вот...

Входит Зиночка. Ей лет шестьдесят.

Зиночка *(кивнув Елене Ивановне)*. Вас, Николай Денисович, просит к телефону профессор Добронравов.

Стругов. Я, дружок, полчаса тому назад уехал на дачу.

Зиночка *(невозмутимо)*. Хорошо.

Уходит. Из другой двери появляются Юра и Лидия Эрнестовна.

Юра. Мне ску-у-ушно...

Лидия Эрнестовна (Елене Ивановне). Добрый вечер.

Юра. Папа, дай пятнадцать рублей.

Стругов. На что тебе? (Вынимает из кармана бумажник.)

Юра. Может, вечное перо куплю.

Лидия Эрнестовна. Хоть минутку, дружок, постой спокойно. (Поправляет галстук.) Какой-то совершенно замученный ребенок. Нельзя детям задавать столько уроков... И отметки ставят несправедливо.

Юра (протягивая лапоть). Пятнадцать!

Стругов. Уж больно, брат, ты однообразен. Как встретимся: «Дай пятнадцать рублей!» (Дает деньги.)

Юра. Благодарю, не ожидал.

Стругов. Вот-те и на! Разве я тебе когда-нибудь отказывал?

Юра. Вовка так говорит.

Лидия Эрнестовна (Елене Ивановне). Ваш Вовочка его идеал.

Юра. Больше не буду однообразным. Я теперь стану просить двадцать пять.

Стругов. Недурной выход из положения.

Лидия Эрнестовна. А почему, Юрочка, ты не поздоровался с тетей Леной?

Юра. Здравствуйте.

Лидия Эрнестовна. Никогда первый не подавай взрослым руку. И смотреть надо на человека, с которым здороваешься, а не в потолок. Это невежливо.

Стругов. Ясно, Юрий Николаевич?

Юра. Ясно. (Разваливается в кресле.)

Лидия Эрнестовна. Так воспитанные дети не сидят. Надо ровненько.

Юра (тяжело вздыхает).

Елена Ивановна. Ну, Юра, как твои школьные дела? Как учишься? На все пятерки?

Ю р а. Давайте лучше о чем-нибудь другом погово-
рим. Более интересном.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Юра!..

Ю р а. Когда я был маленьким, меня все спрашивали:
«Как тебя зовут?», «Сколько тебе лет?», «Кого больше
любишь — папу или маму?»

С т р у г о в *(улыбается)*.

Ю р а. До того надоели с этими глупыми вопросами.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Юра!..

Ю р а. Теперь еще хуже! Только и знают: «Как ты
учишься?», «Сколько у тебя пятерок?»

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Николай Денисович, да
что же вы молчите? Еще смеетесь! Он бог знает, что го-
ворит, а вы смеетесь!

С т р у г о в. Парень-то, друзья мои, в сущности,
прав. Мы с этим народом бездарно разговариваем.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Какое счастье, Николай
Денисович, что вы видите Юру раз в неделю по пять ми-
нут! *(Раздраженно.)* Юра, не сиди, положив нога на ногу!
То неприлично.

Ю р а. Папа, она действует мне на нервы.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Вы и теперь будете мол-
чать?

С т р у г о в. Немедленно поцелуй бабушку и попро-
си у нее прощение.

Л и д и я Э р н е с т о в н а *(сквозь слезы)*. Не надо
мне никаких его поцелуев... Не надо, не надо... *(Уходит.)*

С т р у г о в. Эка, что натворил!

Ю р а. Подумаешь.

С т р у г о в. Теперь, брат, замаливай свои грехи.

Ю р а. Я сбегая на угол и куплю ей грипп на палочке.

С т р у г о в. Что это такое?

Ю р а. У нас в школе так называется эскимо. Три
штуки надо съесть на морозе, когда заболеть хочешь.
(Уходит.)

С т р у г о в. Ну и парень!.. А ты, небось, возмущена?

Е л е н а И в а н о в н а. Юрой?.. да нет... Но смот-
рела и слушала с грустью.

С т р у г о в. А я понимаю малыша. Самое скверное
воспитание — это каждую минуту воспитывать ребенка.

Меня вот никто не воспитывал, кроме улицы... Так чем я гублю Владимира?.. Уж если говорить правду, вижуся я с ним два раза в месяц. По пятнадцать минут. Когда он является за своими карманными деньгами.

Е л е н а И в а н о в н а. Сколько ты ему даешь?

С т р у г о в. Ну, это наше дело — мужское.

Е л е н а И в а н о в н а. Все, что касается Володи, — мое дело.

С т р у г о в. Владимиру, душа моя, двадцать лет. Он студент. У него, надо полагать, уже любовницы есть.

Е л е н а И в а н о в н а. Вот я и спрашиваю: сколько ты ему даешь... на любовниц?.. Я тебя два года об этом спрашиваю. С самого первого дня моего возвращения в Москву. При каждой встрече спрашивала. Но ты все время увиливаешь.

С т р у г о в. Вот-те и на!.. Уж какой пугливенький?

Е л е н а И в а н о в н а. Отвечай!.. Сколько?

Появляется З и н о ч к а .

З и н о ч к а. Звонил Иван Иванович. Я сказала, что вы просите перенести ваш доклад на 15 февраля.

С т р у г о в. Зиночка!.. Бог с вами!.. Разве я успею!

З и н о ч к а. Надо успеть.

С т р у г о в. Да?.. *(Записывает в календаре.)* Так. *(Берет со стола рукопись.)* А вот это, золотце, переписать. *(Дает.)*

З и н о ч к а уходит.

Е л е н а И в а н о в н а. На днях я была в «Метрополе». Фронтные товарищи приехали. Пошли ужинать. А за пять столиков от нас сидел Владимир с компанией...

С т р у г о в. Зина!.. Зиночка!..

З и н о ч к а показывается в дверях.

С т р у г о в. Принесите мне, пожалуйста, 27-ю страницу.

З и н о ч к а скрывается.

С т р у г о в *(Елене Ивановне)*. Говори, говори, — я слушаю.

З и н о ч к а возвращается с листом.

С т р у г о в (*берет, проглядывает, что-то вычеркивает и возвращает*). Все!.. Спасибо.

З и н о ч к а уходит.

С т р у г о в (*Елене Ивановне*). Значит, ты была в «Метрополе»?.. Ну?..

Е л е н а И в а н о в н а. А за пять столиков от нас сидел Владимир с компанией. Он меня не видел. Я пряталась за колонну. (*Горячо*.) Понимаешь, — сгорала от стыда за него!.. Напился, противно танцевал, фанфаронил с официантами. Потом расплачивался, вытаскивал пригорошней сотенные бумажки. Как бандит...

С т р у г о в. Ты с ним потом поговорила?

Е л е н а И в а н о в н а. Конечно!.. Еще бы!.. Три часа разговаривала... Но для этого мне пришлось запереть дверь, а ключ положить в карман.

С т р у г о в. Ну?

Е л е н а И в а н о в н а. Теперь его ко мне калачом не заманишь.

С т р у г о в. Та-ак!.. Чего еще добилась?

Е л е н а И в а н о в н а. Разумеется, дал слово, что больше этого не повторится... Не верю! Ничему не верю!.. (*Настойчиво*.) Сколько ты ему даешь?

С т р у г о в. Да я не считаю.

Е л е н а И в а н о в н а. Его товарищи по факультету на свою стипендию едят, пьют, оплачивают общежитие, ходят в кино. А Володя от тебя получает — на рестораны, на танцульки, на своих «дам»... получает больше, чем молодой врач!

С т р у г о в. Женщина, ей-ей, довольно странное существо. Пустяковую неприятность вы переживаете, как несчастье, а несчастье — как неприятность.

Е л е н а И в а н о в н а. Афоризмы!.. Афоризмы!..

С т р у г о в. Так вот, матушка, все эти его дамы — пустое, чушь! Опасность для Володьки совсем на другой полочке лежит... Ты Аню Спиридонову когда-нибудь видела? Студентку с философского?.. Прелестная девушка. Вот с таким пучком золотых волос!.. Еще чего добро-

го женится на ней, не кончив университета... Кроме того она слишком умна для хорошей жены.

Е л е н а И в а н о в н а. Для удобной?

С т р у г о в. Это и есть хорошая!.. Жизнь, матушка, надо прожить с толком.

Е л е н а И в а н о в н а *(горячо)*. Ты уже старый черт и твоя жизненная философия теперь меня не больно волнует... А вот для Володи, для которого ты в великих людях ходишь, она убийственна!

С т р у г о в. Уж очень ты, мать моя, принципиальна!

Е л е н а И в а н о в н а. Что делать — наследственное. Я и вовсе без папы и мамы.

Входит З и н о ч к а со стопкой машинописных листов.

З и н о ч к а. Ваша статья о психонервной деятельности собак. *(Кладет на стол.)* Я бы на вашем месте держалась ее печатать.

С т р у г о в. А я бы на вашем месте помалкивал в тряпочку.

З и н о ч к а *(обиженно)*. Слушаюсь. *(Направляется к двери.)*

С т р у г о в *(вдогонку)*. Зиночка!.. Зиночка!..

З и н о ч к а уходит.

Е л е н а И в а н о в н а. Из-за тебя Володя и учится так.

С т р у г о в. Эта статья, матушка, — пе-ре-во-рот!.. Да-с!.. Тут я и с великим Павловым кое-о-чем поспорю... *(Перелистывает рукопись)*. Так что ты о Володьке?.. *(Перелистывает.)* Он, говоришь, из-за меня... *(Перелистывает.)*

Е л е н а И в а н о в н а *(стукнув кулаком)*. Положи на стол!

С т р у г о в *(испуганно)*. Положил, положил. *(Кладет.)* А как же он учится?

Е л е н а И в а н о в н а. Тебе это, разумеется, неизвестно?.. Сегодня — пятерка, завтра — тройка, один курс ему «нравится», от другого — «спазмы в желудке». Недавно я спросила: «Кем ты собираешься быть?» Знаешь, что он мне ответил: «Гением!»

Стругов смеется.

Елена Ивановна. Не так уж это смешно. (Тихо.) Всех и все презирает.. В папочку!

Стругов (с иронией). Ужас, ужас!.. В такое ничтожество.

Елена Ивановна. На отметки Володе наплевать, на стипендию — наплевать... А по чьей милости?.. Отказать в чем-то собственному сыну, разумеется, не слишком приятно. Быть добреньким это проще. Не хлопотно... советскому барину.

Стругов. Что-что?

Елена Ивановна. Зажирел, Николай. Вот что! Изнутри зажирел.

В коридоре залаяли собаки.

Собачья свора, барская охота... На медведя, на лося... С загонщиками, с егерями... Не хватает, чтобы экспедицию снарядил, в Кара-Кумы!.. Тигров стрелять... с Владимиром... Эх, Николай, Николай!.. (С усмешкой.) Улица воспитала, на просмоленных канатах спал...

Стругов. Это, матушка, при царе было. Лет сорок тому назад. Весь мир сам на себя непохож стал.

Елена Ивановна. А ты особенно.

Стругов. Дырявое детство, потная лошадиная молодость, гражданская война, потом грыз гранит науки, закусывая чечевицей... Надо ж, мать моя, когда-нибудь человеку и пожить по-человечески.

Елена Ивановна (с презрением). По-человечески!.. (Тихо.) Будь Володе лет восемь, я бы взяла его за руку и привела к себе на Арбат. Тебя бы он видел только по большим праздникам. Ирину еще реже. Но Володе — двадцать лет и я не могу этого сделать. Он хочет жить с тобой. И это — несчастье!

Стругов. Очевидно.

Елена Ивановна. Так вот: слушай!..

Появляется Зиночка.

Зиночка. Звонил Косовский относительно своей монографии о Павлове... Я сказала, что вы на даче.

Стругов. Правильно, золотце... Сегодня ночью непременно дочитаю.

Она скрывается.

Стругов (*берет со стола толстую рукопись*). Вот мерзавец!.. Целую колоду написал... Да еще дубовую!.. (*С сердцем швыряет на стол.*) Ну, слушаю тебя, Леночка.

Елена Ивановна. Бывать у вас мне противно.

Стругов (*кланяется*). Благодарствуйте!

Елена Ивановна. Меня тошнит от твоих афоризмов, от Ириного цинизма... От ваших такс, борзых, сиамских котов... От этого халата...

Стругов. Тошнит?.. Сочувствую.

Елена Ивановна. И переступила я порог вашего дома — только из-за Володи. То, что я увидела собственными глазами в «Метрополе», это было так страшно...

Стругов. Экая, подишь ты, чудачка!

Елена Ивановна (*не шутя, но с улыбкой*). Ну, Николай, — наматывай на свою вельможью бороду. (*Тихо.*) Если ты... Понимаешь, — если ты...

Стругов. Отойди, герой, отойди от стола!.. И убери руку от чернильницы. Она ведь на полпуда. Какхватишь меня темени, так и дух вон! А теперь ведь партизан нет, выручать тебя будет некому, — получишь за меня лет пятнадцать.

Елена Ивановна (*тихо*). И хвачу когда-нибудь... Так хвачу!..

Голова Зиночки показывается в дверях.

Зиночка. Из журнала «Вопросы философии», какой-то Ястребов... Я сказала, что вы вернетесь около десяти.

Стругов. Ничего не попишешь... (*Со вздохом.*) Придется, значит, вернуться.

Зиночка скрывается.

Елена Ивановна. Ты говорил об Ане Спиридоновой... Это какая? Дочка тети Даши? Из Сеченовской лаборатории? У которой оба сына погибли при взятии Берлина?.. Старший, Андрей, лежал у меня в госпитале.

Стругов. Эта самая.

Елена Ивановна. Аня бывает у вас в доме?

Стругов. Нет, пока бог миловал. Я с ней в лаборатории познакомился. Частенько забегает туда. За мамашей.

Входят Ирэн и Юра.

Ирэн. Чай подадут сюда.

Стругов. Отлично... Что, Юрка, купил эскимо? Угостил бабушку?

Юра. Я лучше куплю для Димки Глотова. Он тогда за меня будет.

Стругов. Ну, брат, это уж пакость! Неужели у тебя у самого кулаков нет?

Юра. Да-а, тебе хорошо говорить... А у нас в школе Геньке таких фонарей наставили!

Стругов. С чего бы?

Юра. Он у четырех ребят завтраки съел.

Стругов. С голодухи?.. Вот бедняга!

Юра. Кто? Генька-то с голодухи? Да его отец знаешь сколько зарабатывает? Может слышал — Пичугин, художник, лауреат? На Масловке живет. А Генька — родной брат Игоря — Вовкиного клеветра. Генька во какой! *(Показывает.)* У нас его зовут мясокомбинатом.

Стругов. Ну, тогда и правильно наставили фонарей. Ты у меня, Юрка, сам дерись, а не подкупай храбрецов. *(Ирэн.)* Знаменитое воспитание твоей матери.

Ирэн. Ты лишь сегодня это увидел?

Стругов. Отвратительное воспитание!.. Вот только руки у меня не доходят до этого дела.

В дверях показывается Зиночка.

Зиночка. Ташкент вызывает... Президент академии.

Стругов. Сейчас подойду.

Зиночка. Это ему уже известно. *(Скрывается.)*

Стругов. Жадный я человек, Лена! Надрываюсь, разрываюсь, а выпускать из рук жалко... Я и в физиологию свою влюблен... И власть люблю, и славу люблю... Ордена, чины, звания, юбилеи... Вздор? Мишура?.. А я и мишуру люблю. Жадная кровь. Волжская! Нижегородская!

Е л е н а И в а н о в н а. Больше всего — себя любишь. Без ума, без памяти.

И р э н. Жму вашу руку, Елена Ивановна.

С т р у г о в. О, женщины!.. (Уходит.)

Ю р а. А меня?

Е л е н а И в а н о в н а. И тебя, Юрочка, любит и тебя.

Ю р а. А маму?

И р э н. Все папы любят мам.

Ю р а (скептически). Э-э-э!...

Е л е н а И в а н о в н а (берет с письменного стола папиросную коробку). Вот он курит «Казбек», а Владимиру американские сигареты с каким-то верблюдом на коробке.

И р э н. Вова мужчина элегантный... Деңди!

Е л е н а И в а н о в н а. Стиляга!

И р э н. Вы, Елена Ивановна, не слишком справедливы к своему сыну. Мне думается, он не так уж дурно воспитан.

Е л е н а И в а н о в н а. Умеет поцеловать ручку у женщины? И не ест рыбу ножом? Вы это считаете воспитанием человека?

И р э н. И это.

Е л е н а И в а н о в н а. А еще что?

И р э н. Он свободно говорит и по-английски, и по-французски, и по-немецки.

Е л е н а И в а н о в н а. На всех языках свободно говорит пошлости?

Ю р а (возмущенно). Вовка очень остроумный парень!

И р э н. Замолчи.

Е л е н а И в а н о в н а (вертя папиросную коробку). Где он покупает американские сигареты? У кого?... Отец даже не поинтересовался.

Ю р а. Папе не до этого. У него дела поважней.

Е л е н а И в а н о в н а. Может, у шоферов американского посольства?

Ю р а. Нет, в «Метрополе». У швейцара. А коньяк Вовка пьет пять звездочек «Арарат». Клянусь своей бородой!

Е л е н а И в а н о в н а. Юра, голубчик, иди к себе.

Ю р а. Я больше не буду влезать в разговор.

И р э н. Иди, Юра!

Ю р а. Мне интересно.

И р э н. Марш!

Ю р а (*обнимая ее за шею*). Ну, мамочка, ну, миленькая, любименькая... (*Целует в глаза, в нос, в щеки.*)

И р э н. Ма-ма!.. Забери Юру!

Ю р а (*насупившись*). Почему взрослые всегда говорят такие вещи, которые вредно слушать?

Входит Лидия Эрнестовна.

Лидия Эрнестовна. Идем, Юрочка, идем.

Возвращается Стругов.

Лидия Эрнестовна (*берет Юру за руку*). Идем, деточка, я тебе что-нибудь почитаю.

Ю р а. Не хочу. Я переутомлен.

Лидия Эрнестовна. Тогда я тебе расстелю кроватьку.

Ю р а. Да ты что — с ума спятила?

Стругов. Юрка!..

Ю р а. А что она меня в восемь часов спать укладывает.

Стругов. Цыц!..

Ю р а уходит, надув губы.

Лидия Эрнестовна. Это ребенок, Николай Денисович, а не животное. У нас в имени, на конском заводе, лошадей воспитывали деликатней.

Стругов. Я, глубокоуважаемая Лидия Эрнестовна, Смольного института не кончал, как вы. Я с волжскими грузчиками из одной чашки кислые щи хлебал деревянной ложкой. Простите.

Лидия Эрнестовна. В старое время, Николай Денисович, мы меньше чванились своим родословным деревом, от Гедеминов, чем вы своим босяцким прошлым. (*Уходит.*)

Стругов. Нда-а!.. Коня, как говорится, бойся с заду, козла с переду, а тещу со всех сторон.

Входит Владимир. Он в серой шерстяной курточке на молнии.

В л а д и м и р. Мапочка!.. Как это мило, что ты к нам пришла.

Е л е н а И в а н о в н а. Поздравляю, Володя. У тебя в комнате уже стоит на полке юбилейное издание Льва Толстого.

В л а д и м и р. Благодарю, мамочка.

Е л е н а И в а н о в н а *(берет в руки его голову)*. Какой ты бледный, Володя... Щеки ввалились... Под глазами синяки...

С т р у г о в. Надо рыбу ловить в проруби, ходить на медведя, есть сырые овощи, ягоды... клюкву.

Е л е н а И в а н о в н а. Что с тобой, Володя?

В л а д и м и р. Влюблен, мамочка.

Е л е н а И в а н о в н а. Влюблен?.. По-настоящему? По-большому?

В л а д и м и р. Как дурак, мама. Как последний дурак.

Е л е н а И в а н о в н а. Это замечательно! Но от любви, Володя, человек расцветает. От хорошей любви. *(Шутливо.)* Она еще полезней, чем клюквенный кисель.

И р э н. Вот как? Это что — последнее слово советской медицины?

С т р у г о в. Нет, нет!.. Для здоровья, Ирина, полезней сырые овощи. *(Сыну.)* Поздравляю, дружище!.. Ведь мы сегодня еще не виделись.

В л а д и м и р. Вот я и заскочил на минуту... А поздравлять-то, собственно, не с чем. Третью жизни уже прожито. По довольно оптимистическому подсчету... Папа, продли наше существование. Ведь ты почти гений.

С т р у г о в. Как сделать жизнь длинной, это, старина, еще древние египтяне придумали.

И р э н. Идиоты!.. Еще удлинять эту мерзость!

С т р у г о в. Эту прелесть, Ирина! Прелесть!

В л а д и м и р. Что же они придумали?

С т р у г о в. Они? Принимали рвотное и потели. А при встрече приветствовали друг друга словами: «Как вы потеете?», «Как вас рвет?»

И р э н. Нет, я предпочитаю умереть в тридцать пять. Черт с ней, с длинной жизнью! А старость вообще свинство.

Стругов. Старость, Ирина, это наш собственный возраст — плюс двадцать лет. Девчонка с косичками считает, что тридцать лет — это уже старость. Мне сейчас шестьдесят два и я думаю: когда мне перевалит за семьдесят — это уже будет старость. Вот как!

Елена Ивановна. Ты, Володя, празднуешь свое рождение в Гранд-отеле?

Владимир *(растерянно)*. Да... посидим часок...

Елена Ивановна. Тебе не хочется меня пригласить?

Владимир *(упавшим голосом)*. Тебя?.. Я буду счастлив...

Елена Ивановна. Тогда я подъеду.

Ирэн. Вот, Вова, ты получишь сегодня от мамы и второй подарок.

Владимир *(мрачно)*. Да, да... Ну, я бегу, меня ждут... Почему, мамочка, у тебя огрченный вид? Словно ты недовольна, что произвела на свет необыкновенного сына.

Елена Ивановна. Болтун!

Владимир. А ты, мамочка, полагаешь, что Лермонтов не был уверен, что он человек необыкновенный?

Елена Ивановна. У-у, гигантомания!

Ирэн. Она, получается, по наследству. *(Кивает на мужа.)* Как лысина.

Елена Ивановна. За те два года, что в Москве, ты, Володя, уже был и Поганин, и Леонадо да Винчи. Теперь Лермонтов.

Владимир. О моем бессмертии, мамочка, можешь не беспокоиться. Оно у меня в кармане.

Стругов. От чего, от чего, а от самокритики, ты не умрешь, старина.

Владимир. Я, папа, самокритику всосал с молоком матери. На комсомольских собраниях только ей одной и держусь.

Стругов. Держись, дружище, держись! А то — глядь, и оторвался от эпохи, как пуговица от штанов... Вроде этого... твоего... с тарзаньими волосами...

Владимир. А, Игорья!.. Недавно я ему посоветовал: «Вступай, говорю, в комсомол». Он послушался, за-

полнил анкету, потом является на бюро и приветствует наше руководство: «Хэло, мальчики!»

Е л е н а И в а н о в н а. Полный кретин, значит?

В л а д и м и р. Нет — на три четверти.

С т р у г о в. Твоя компания?.. Лучше не нашел?

В л а д и м и р. Игорь мой клевет.

Е л е н а И в а н о в н а. Что-то, Володя, очень рано ты в вельможи вышел. Вот твой отец только после пятидесяти стал обзаводиться клеветами.

С т р у г о в *(весело)*. Ох, и попадет мне сегодня!

Е л е н а И в а н о в н а. А когда, Володя, ты наконец считаешь мне свои стихи? Прошу, прошу. Почитай сейчас.

В л а д и м и р. Ой, мамочка, некогда! Меня ждут... Вот приеду к тебе в субботу и прочитаю.

Е л е н а И в а н о в н а. В субботу? В эту?.. А ты свое слово держишь?

В л а д и м и р. Смотря какое и кому его дал. *(Подходит к отцу, обнимает его и крепко целует.)* Спасибо!

С т р у г о в. Ладно, ладно...

В л а д и м и р. Тебе, папа, как и мне, скромность не к лицу. *(Целует.)* Спасибо!

С т р у г о в. Да не валяй Ваньку.

Е л е н а И в а н о в н а *(тихо)*. Что тебе отец подарил?

В л а д и м и р. О, мамочка, это струговский подарок! *(Раздвигает шторы: под фонарем стоит вишневая «Победа».)* Вот, мамочка, — полюбуйся. *(Пауза.)*

Е л е н а И в а н о в н а *(Стругову тихо)*. Дурак!.. *(Медленно подходит к окну.)*

В л а д и м и р. Что скажешь, мамочка?

Е л е н а И в а н о в н а *(не сразу)*. Кто у тебя в машине?

В л а д и м и р. Она!..

Е л е н а И в а н о в н а. Аня Спиридонова?

В л а д и м и р. Я нынче с самого утра шофер-педагог... она альпинистка, лыжница, конькобежец! А через две недели будет, как бог, сидеть за баранкой. И при всем этом: первый философ на факультете. Вот, мамочка!

Е л е н а И в а н о в н а. Что же ты оставил ее в машине? Пригласи. Познакомь нас. *(Ирэн.)* Вы не возражаете?

И р э н. Помилуйте, Елена Ивановна! Я буду прямо в восторге от знакомства с филофосом-конькобежцем.

В л а д и м и р. Только умоляю — ни гу-гу о сегодняшнем Гранд-отеле.

Е л е н а И в а н о в н а. Почему, Володя?

В л а д и м и р. Да так... *(Уходит.)*

С т р у г о в *(Елене Ивановне)*. Зачем ты это сделала?.. Вдруг позвала в дом!.. Козу в огород!.. Неужели не понимаешь, что Володька...

Е л е н а И в а н о в н а *(перебивает)*. Я все понимаю, поэтому и позвала ее.

С т р у г о в. Чистое сумасшествие!

И р э н. Почему?.. А может быть, мы скоро будем пеленки шить для Вовочкиного младенца.

С т р у г о в. Именно — пеленки... Черт знает что! Тут бы хворостину в руки... Ан, нет: я еще должен буду ей улыбаться и говорить милые слова.

И р э н. Обязательно.

С т р у г о в *(сердито)*. Что такое?

Е л е н а И в а н о в н а. По-моему, это совсем не обязательно.

С т р у г о в *(сквозь зубы)*. По-твоему, по-твоему...

Входят А н я и В л а д и м и р

В л а д и м и р. Знакомься, Аня... Это моя мама.

Е л е н а И в а н о в н а *(протягивая руку)*. Очень рада. Очень

А н я *(тихо)*. Вот так, Елена Ивановна, совершенно такой я вас себе и представляла. И глаза такие, и голос... Все, все!

И р э н *(здороваясь)*. А меня какой?.. Наверно крашенной? Рыжей? В локонах?

А н я. Нет.

И р э н. А какой же?

А н я *(просто)*. О вас Володя никогда ничего не рассказывает — поэтому я и не думала, какая вы — черная или рыжая.

И р э н. Прелестный ответ... Bravo!

А н я. Я сказала только то, что есть.

И р э н. Ах, мой друг, в жизни это самое трудное: говорить то, что есть... говорить правду.

А н я *(искренне)*. Почему?

И р э н. Вам это Николай Денисович объяснит лучше, чем я.

А н я *(подходит к Стругову)*. Здравствуйте, Николай Денисович!

С т р у г о в. Здравствуйте, солнышко! Здравствуйте, ясно!.. Наконец-то пожаловали к нам.

А н я. Володя меня никогда не приглашал.

С т р у г о в. Что же это ты, старина? А?..

Е л е н а И в а н о в н а. Ко мне приходите, Аничка. Ко мне в гости!

А н я. Когда?

Е л е н а И в а н о в н а *(с улыбкой)*. Как только вам захочется, Аня.

А н я. Тогда я приду завтра! Можно? Вы вечером будете дома?

Е л е н а И в а н о в н а. Я почти все вечера дома. И почти всегда одна.

А н я. Володя не в счет?

Е л е н а И в а н о в н а. Почему не в счет? Очень в счет. Но Володя...

В л а д и м и р *(перебивает)*. Аня, ведь ты сегодня идешь на Гилельса. *(Показывает часы.)* Смотри!

А н я. Сейчас, Володя. *(Елене Ивановне.)* Он мне как-то сказал: «Всего интереснее мне бывать с мамой. И если бы я не боялся надоесть...»

В л а д и м и р *(перебивает)*. Опоздаешь, Аня!

Е л е н а И в а н о в н а *(с улыбкой)*. Он, вероятно, сказал: «Я бы у мамы проводил все вечера».

В л а д и м и р *(перебивает)*. Она опоздает!.. *(Ане.)* Твоя мама, наверно, уже давно в вестибюле и волнуется.

А н я *(крепко пожимя руку)*. До завтра, Елена Ивановна! Ровно в девять! Хорошо?

Е л е н а И в а н о в н а. Очень хорошо.

А н я. До свиданья!..

Стругов. Ты, Ирина, проводишь нашу прелестную гостью?

Ирэн. Конечно.

Аня, Ирэн и Владимир уходят.

Стругов (зло). Что?.. Видала?.. А!.. Женишок и невеста!.. Ни за грош пропадает парень.

Елена Ивановна. С тобой — да!.. А с Аней...

Стругов (перебивает). Нашла сосунку супругу... с приданным... из цитат Маркса и Энгельса...

Елена Ивановна. Хватит разговаривать! Слушай меня. (Запирает на ключ дверь в комнату Зиночки.) Ты из Владимира сделал гнусного барчука. Ты из него этого барчука и выколачивать будешь.

Стругов (с усмешкой). Есть!

Елена Ивановна. На этой проклятой «Победе» — только за город. В лес. На озеро. Летом — на Кавказ, в Крым. Не возражаю, чтоб с Аней. А по Кузнецкому да по Петровке он у тебя на машине фланировать не будет. Понял?

Стругов. Как будто.

Елена Ивановна. Кроме своей студенческой стипендии — ни копейки! А если начнет дома воровать, — сам же ты и позвонишь в Уголовный розыск.

Стругов. Ну, знаешь...

Елена Ивановна (раздельно). По-зво-нишь. (Уходит.)

Стругов (почесывая за ухом). Вот ведьма!

Занавес.

Действие второе

Охотничий домик Стругова. В комнате Игорь и Зоя. Они в лыжных костюмах. На Игоре ярко-желтый джемпер с попугаем на груди.

Зоя. Так это, значит, охотничий домик, а не дача?.. Ничего не скажешь, — шикарный у Вовки отец!.. А ведь я думала, что охотничьи домики только в дореволюционных романах бывают.

Игорь. Бедный мой носик. *(Щупает.)* Ка-а-а-к факел... Дай зеркальце.

Зоя *(гает)*. Разве можно, Игорек, ходить на лыжах без шарфа?.. Ну и отморозил... Намажь сливочным маслом.

Игорь *(смотрит в зеркальце, из груди вырывается стон)*. О-о-о!.. *(Мажет маслом.)* А поможет?

Зоя *(искренне)*. Вряд ли.

Игорь. Застрелюсь!

Зоя. Что ты скажешь, Игорек, об этом Вовкином «философе» с ненамазанными губами?

Игорь. Меня интересует только мой нос.

Зоя. Уж лучше бы он привез сюда свою тетушку... Эту рыжую Луизу... или ту, знаешь, из высотного дома, которая четвертый раз замужем.

Игорь *(смотрит в зеркальце)*. Пейзаж Левитана!.. Глаза бы мои его не видели!

Зоя. И что только Вовка в ней нашел?

Игорь *(подняв палец вверх)*. Интеллект!

Зоя. С интеллектом, Игоречек, хорошо к экзаменам готовиться, а не целоваться.

Игорь. Она, злыдня, меня испепеляет! То левым глазом, то правым. А я не горю!

Входят Аня и Владимир. Они тоже в лыжных костюмах.

Владимир. Сегодня прямо какая-то сумасшедшая луна!

Аня. Серебрянная, серебрянная...

Владимир. Зоя, погаси электричество. *(Она гасит. Лунный свет заливают комнату.)*

Зоя. Сказочно... Правда, Игорек?

Игорь. Мне теперь не до сказок.

Владимир *(берет книгу с полки)*. Раскрой наугад, Аня... Такая луна, что читать можно.

Аня *(читает)*.

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной,
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И поединок роковой...

Это Тютчев. Очень хорошие строчки!

В л а д и м и р. Открыла наугад и вдруг — Союз души с душою роковой!.. Знаешь, Аня, какой сегодня вечер?.. Крещенский!

А н я *(улыбается)*.

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали...

В л а д и м и р. А тебя, Аня, есть приметы?

А н я. В школе перед экзаменом я клала гривенник под пятку. *(Смеется.)* Очень помогало.

И г о р ь *(зажигая свет)*. Есть хочу! *(Садится возле пакета из гастронома.)*

З о я. В тебе, Игорь, ничего феерического.

И г о р ь. Хорошенькие феерии... Посмотри — заря в Сухуми, а не нос. *(Стонет.)* О-о-о!..

А н я. Мама говорит, что раньше очень любили посу-мерничать.

З о я. Это, Аня, когда еще на свете были керосиновые лампы?

И г о р ь *(гостает из пакета)*. Шпротики!..

З о я. А вот примусы я еще помню, как живые! В Рязани, в нашей коммунальной кухне, на них сразу пять сковородок шипело.

И г о р ь. Крабикки... Налимья печенка... *(Ставит на стол.)*

А н я. Я, Володя, бежала по озеру на лыжах и думала о далеких-далеких путешествиях...

З о я. В Сочи? Да?

И г о р ь *(гоставая)*. Зернистая икорочка...

А н я. Мне очень нравится, что ваша дача так далеко от станции... И стоит прямо в лесу.

И г о р ь. Балычок... *(Выкладывает на тарелку и окидывает взглядом стол.)* Культурненько!

А н я *(шепотом)*. Я в него сейчас чем-нибудь тяжелым запущу!

В л а д и м и р. Благословляю.

Аня смеется.

З о я *(напевает)*. «И ты мне в слезах шепнула: — Любовь моя!»

А н я. Я, Володя, почему-то терпеть не могу дачных заборов...

З о я. А то еще колючей проволокой огораживают-ся...

И г о р ь. Черт ее не видел, эту колючую проволоку! Я летом об нее новые штаны разорвал. Фланелевые, кофе с молоком!

З о я. Прямо сказочные штаны были!.. Мальчики, какой вам блюз поставить?

И г о р ь (*кивая на Владимира и Аню*). «Шепот влюбленных».

З о я (*поставив пластинку*). Поехали, Игорь.

И г о р ь. Поехали. (*Танцуют.*)

В л а д и м и р. Ты, Аня, дружишь со своей мамой?

А н я. Конечно... Я у нее одна осталась... И она у меня одна.

В л а д и м и р. А с братьями дружила?

А н я. Андрею теперь было бы тридцать пять... А с Сережей я крепко дружила... Он ведь пошел на фронт из девятого класса.

И г о р ь (*танцует*). Вовка на душу ее берет. Чистая работа!

Входит Евдокия Васильевна.

Е в д о к и я В а с и л ь е в н а. Где барышням постелить?

В л а д и м и р. Наверху, Евдокия Васильевна. А Игорю у меня на диване.

Е в д о к и я В а с и л ь е в н а (*смотрит, как танцуют Игорь с Зоей*). Вот какое явление!.. (*Уходит, покачивая головой.*)

З о я. Ой, я хочу хорошенько домик осмотреть!.. Наверное, буги-вуги, все в ажуре.

И г о р ь. Потопали.

Игорь и Зоя уходят.

А н я. Неужели тебе интересно с ними?.. У вас на филфаке столько талантливых ребят, а ты вдруг, с этим — с зеленым попугаем!

В л а д и м и р. Просто чтобы голова отдохнула... И посмеяться... цирк!.. Ты ведь ходишь в цирк?.. Смотри на эту парочку, как на клоунов у ковра.

А н я. Самые обыкновенные противные стилиаги!..
А почему они мне говорят «ты»?.. Вижу-то их первый раз в жизни.

В л а д и м и р. Первый и последний, Аня.

А н я. Само собой. *(Перебирает пластинки.)* Все заграничные...

В л а д и м и р. Это пластинки моей мачехи. *(Заводит патефон.)*

А н я. У тебя, Володя, есть друг?

В л а д и м и р. Есть.

А н я. Настоящий друг?

В л а д и м и р. Ты, Аня.

А н я. Я спрашиваю о мужской дружбе. Верной, крепкой. Когда друг за друга в огонь и воду... Вот у меня с Верой Орловой — мужская дружба.

В л а д и м и р. Когда я буду умирать, Аня, я как Пушкин, взгляну на свои книжные полки и скажу: «Прощайте, друзья мои!»

А н я. У Пушкина и кроме книг были друзья. Помнишь, как он перед смертью прощался с ними? Об этом без слез читать нельзя. *(Откладывая пластинку.)* Вот и наша — «На сопках Манчжурии»... Старина седая!.. *(Пуская пластинку.)* Чудный вальс!.. Мама, когда слушает его, всегда плачет. Молодость свою вспоминает.

В л а д и м и р. И мы с тобой, Аня, будем ее вспоминать... Жизнь летит быстро... Только вот десятилетка тащилась медленно.

А н я. Я любила школу. У меня много друзей было!..
А с Верой мы дружили со второго класса.

В л а д и м и р. Вера отлично играет на гитаре.

А н я. А почему ты отказываешься от самостоятельности? *(Настойчиво.)* Почему?.. Я, конечно, с Огурчиковым не согласна, — он сказал: «У Стругова зазнайство».

В л а д и м и р. Чушь какая!

А н я. Скоро наш студенческий праздник... Карнавал на льду... А ты в стороне!

В л а д и м и р. Из окон нашей квартиры каток, как на ладони. Мы с тобой, Аня, будем смотреть и восхищаться.

А н я. Дудки!.. Мы с тобой будем танцевать мазурку на льду и все вальсы.

В л а д и м и р. Есть!.. *(Берет ее руку.)* Эта линия, Аня, — линия твоего сердца. Смотри, какая она глубокая и длинная!

А н я *(со смехом)*. О, хиромантия!.. Это уж вроде моего гривенника под пяткой. *(Смеется.)* Ну, погадай, погадай!

В л а д и м и р *(не выпуская ее лагерь из рук)*. Аня... Моя Аня...

А н я *(тихо)*. Ты очень любишь жизнь, Володя?

В л а д и м и р. Очень.

А н я. Я вчера читала историю Шотландии... Принцесса Маргарита умирала совсем-совсем юной... Знаешь, какие были ее последние слова?.. «Плевать на жизнь!».. Ужасно... Правда?.. Я ее просто ненавижу за эти слова!

В л а д и м и р. А в каком веке она жила?

А н я *(со смехом)*. В пятнадцатом!

В л а д и м и р *(берет ее вторую руку)*.

А н я. Под музыку очень хорошо думается... В четверг, слушая Гилельса, я вообразила себя писателем... Даже стала сочинять роман... И в уме, — только не смейся, — написала его начало... Собственно, одну первую строчку.

В л а д и м и р. Ты ее помнишь?

А н я *(тихо)*. «Каждая самая обыкновенная первая любовь — необыкновенна».

В л а д и м и р. Да, Аня, — необыкновенна! Она делает человека художником, музыкантом, поэтом. Всю неделю я писал картину... Я писал: юность, гордость, счастье.

А н я. Покажешь?

В л а д и м и р *(целует у нее лагерь)*.

А н я. Ну, потанцуем. *(Танцуют.)*

В л а д и м и р. Какой фокстрот или танго могут сравниться с вальсом!..

А н я. Куда им!

Возвращаются И г о р ь и З о я .

З о я. Ой, они вальсик танцуют!

И г о р ь. Вот какая петрушка!

З о я. Поехали, Игорь.

И г о р ь. Поехали.

Танцуют. Голос Евдокии Васильевны: «У меня все уже готово!»

И г о р ь (*мгновенно*). Зочка, закрутились.

З о я. А в вальсике есть своя волшебность!

И г о р ь (*гоставая из пакета бутылку*). «Арарат»!

Пять звездчек!

А н я. Коньяк?

И г о р ь. Это я по рассеянности купил. Вовочка просил нарзан.

Вода не утоляет жажды.

Я, помню, пил ее однажды.

Зоя хохочет.

В л а д и м и р. А мы, Аня, будем пить «Кагор». Наши с тобой мамы в детстве причащались им в церкви и верили, что это кровь Иисуса Христа.

З о я (*искренне*). Врешь!

В л а д и м и р. Какое глупое время было... И какая счастливая наивность... Помнишь, Аня, у Есенина:

Стыдно мне, что я бога не верил.

Грустно мне, что не верю теперь!

И г о р ь. Ох, коллеги, я выпью и усну! Со страшной силой. (*Показывая на нос*.) Забыться, забыться!..

В л а д и м и р (*Ане*). Игорь страдает бессонницей. Нервы не в порядке. От чрезмерной умственной работы.

Зоя хохочет.

И г о р ь. Если ты, Вовка, из меня будешь делать шута...

В л а д и м и р. Это совершенно невозможно.

И г о р ь. Полагаю.

В л а д и м и р. Ведь шуты были чертовски умны. Почитай старика Шекспира... Аня, скажи ему, кто умней — король Лир или его шут?

И г о р ь (*внушительно*). Не капай мне на мозги.

В л а д и м и р. Да что я — безумец, психостеник?

И г о р ь. Вот, вот!

В л а д и м и р. Зачем я буду капать на то, чего у тебя нет.

Игорь *(вскакивая)*. Вовка!

Зоя. Мальчики, мальчики!.. *(Усаживая Игоря.)*

Аня. Домой, Володя, как выедем на шоссе, машину поведу я. Договорились?

Игорь *(нараспев)*.

За баранкой вы сидели,

Как мадонна Рафаэля...

А почему, Вовка, ты не хотел знакомить меня с Аней?

Владимир. Соперник опасный. Я боялся, что она примет тебя по уму за сына Анатоля Франса.

Игорь *(вскакивает)*. Опять!

Зоя. Мальчики, мальчики!.. *(Усаживает его.)*

В дверях показывается Евдокия Васильевна.

Евдокия Васильевна. Печеную картошку нести?

Игорь *(нараспев)*.

Нести, нести, синьорина,

Ваша картошка вкусна, как малина!

Евдокия Васильевна. Эх ты — балаболка!.. У мамочки-то с папочкой, небось, единственный?

Игорь. Не у мамочки с папочкой, а единственный в своем роде.

Евдокия Васильевна. Вот какое явление. *(Уходит.)*

Игорь. За стол!.. За стол!.. Дistinguished леди и джентельмены!

Зоя. Ой, как аппетитно! *(Садятся.)*

Владимир *(поднимая рюмку)*. Игорек — мир!

Игорь *(чокается, выпивает и об пол разбивает рюмку)*. По-гусарски!

Зоя. А мне можно?

Игорь. Бей, не жалей.

Зоя *(выпивает и тоже разбивает рюмку)*. Ой, как весело!

Игорь. Потом я тебе покажу, как вколачивать гвозди в тарелки.

Зоя. Молотком?

Владимир. Нет, его головой. Она больше, чем молоток, приспособлена для такого дела.

Игорь (*вскакивая*). Вовка!..

Владимир. Мир, мир!

Зоя. Ура-а!.. Наливаю.

Игорь.

Придется пить мне из бокала,

Ведь важно, чтобы в рот попало!

Тебе, Аня. Посвящется. Ты, говорят, поэзию обожаешь.

Аня. Таковую терпеть не могу.

Игорь. Ах, вы обожаете парнасскую? Тогда обратимся к графу. Вовка, почитай свои стихи.

Аня (*с удивлением*). Ты пишешь, Володя?

Игорь (*показывая большой палец*). Во!.. с присыпкой!

Зоя. А-а-а-автора!..

Аня. А почему я не знала?.. Почему скрывал?.. Вот для нашего праздника ты и напишешь песню... студенческую песню... Веселую, задорную!

Владимир. У меня стихи не очень веселые, Аня.

Аня. Что ж, в жизни, конечно, все есть. Горе тоже есть. Стихи могут быть и трагические. Я не выношу только сюсюканья про комбайны и шагающие экскаваторы... Ну, почитай.

Владимир. Как-нибудь в другой раз, Аня.

Зоя. Фу, кривляка!..

Аня. Пожалуйста, Володя. Хоть одно.

Входит Евдокия Васильевна с блюдом печеной картошки.

Евдокия Васильевна. Вот... в черных мундирах!

Игорь (*ей*). Замри, безумная!

Владимир (*после паузы*).

Я в городе. А как в лесу.

И вечный страх в себе несу.

«Друзи!»

Как же к черту смысл и толк?

Вот, думал, друг, а это волк.

«Люби!»

И вот хриплю среди ночи я:

В моих объятиях — змея. (*Пауза.*)

Аня (*тихо*). Прочти еще.

В л а д и м и р *(не сразу)*.

Последнее: я ставлю душу... Ну!
Тасуй-ка и сдавай, насмешливый партнер.
Так... потяну... еще... еще одну...
Благодарю. Довольно. Перебор.
Черт побери, какое невезенье!
Я рву и комкаю крапленные листы.
Вот так играло и продулось ты,
Мое шизофреническое поколение.

З о я. Конец?.. *(Хлопает в ладоши.)* Можно блюзик
поставить?

И г о р ь . Сядь... Белинский!.. Что, Аня, понравилось?

А н я *(Владимиру страстно)*. Совсем не понравил-
лось. Совсем!

В л а д и м и р. Видишь ли, Аня...

А н я *(резко)*. После поговорим.

В л а д и м и р. Мои стихи...

А н я *(еще резче)*. О твоих стихах поговорим после.

Е в д о к и я В а с и л ь е в н а. Вот какое явление!
(Ставит блюдо на стол и уходит.)

И г о р ь . Тю-тю с приветом. *(Пожимает ему руку.)*

В л а д и м и р *(растерянно)*. Аня...

Зоя смеется.

А н я. Чему ты смеешься?.. Что тут смешного?..

З о я. Потому, что они с Игорем...

И г о р ь *(Зое)*. Помолчи.. Лев Толстой!

В л а д и м и р. Аня...

А н я. Что?.. Что ты еще хочешь сказать?.. Ты уже
все сказал... Своими замечательными стишками!

В л а д и м и р *(подмигнув Игорю)*. Это, Аня. Его
стихотворение.

А н я. Кого — его?

В л а д и м и р. Игоря.

И г о р ь . Здравствуйте!

З о я . Ах, это твое, Игоречек?.. То-то я ничего не
поняла.

И г о р ь *(сердито)*. Подожди... Достоевский!

А н я *(Владимиру)*. Почему же ты читал ту гадость?
А не он сам?

В л а д и м и р . Да он ко мне еще на озере приста-
вал. (*Сжимает Игорю локоть.*) «Аня, говорит, девушка
умная, любит поэзию, — мне интересна ее критика». Уж
на что не Сократ, а сообразил... «Только, говорит, почи-
тай ты мои стихи. А то ведь у нас судят не по творчеству,
а по прическе автора».

И г о р ь . Да что ты мне локоть-то пожимаешь?.. Ка-
тись колбаской! (*Отходит.*) У, труса дал! Поджал хвост
со своими стишками!

В л а д и м и р . Я?..

И г о р ь . Ты, ты!.. Я вот, например, хожу в бостоне...
Так?.. я и в ресторан в бостоне... Так?.. Я и на зачеты в
бостоне...

В л а д и м и р . Как денди лондонский одет!

И г о р ь . А вот ты, когда за чужими женами стре-
ляешь...

В л а д и м и р (*растерянно*). Я?..

И г о р ь . Ис очередной дамочкой в «Метрополь» от-
правляешься... С рыжей, скажем, Луизой...

З о я (*дергая за рукав*). Игорь, Игорь...

И г о р ь . Отстань!.. На тебе тогда коверкотовый пид-
жак с вялыми плечами и брюки дудочкой, по последней
английской моде... (*Ане.*) Пижон высшего сорта!

В л а д и м и р . А ты осел высшего сорта.

И г о р ь . Смеюсь!.. А как на комсомольское собра-
ние идти — на графе тут как тут — серенькая демокра-
точка с молнией.

В л а д и м и р . Вранье!

И г о р ь . Скажи, Зоя, — вру я или не вру?.. Ну?.. Под-
честное слово!.. Ведь он даже для вашей фармацевтичес-
кой самодеятельности в демократку наряжается... Для
Фанечки Блюм и в демократочке хорош!

З о я . Не хорошо, Игорь, выдавать друга.

И г о р ь . А чего он целый вечер ко мне вязался? На-
шел себе клеветра и Лепорелло.

З о я . Нет, Игорь, это не по-товарищески!

И г о р ь . А делать из меня форменного кретина —
это по-товарищески? По-товарищески?

З о я . Довольно, Игорь! (*Ставит пластинку.*) Поеха-
ли. (*Кладет руку ему на плечо.*)

Игорь. Отлипни.

Зоя. Невежа!.. Вова, пригласи Аню... Я тебе, Аничка, вальсик поставлю... феерический... Хачатуряна!

Игорь. Ха! Наш пупсик только «Кагор» пьет!.. Причащается младенец! (Ане.) Это он тебя, как маленькую, на душу брал. Вот какая петрушка!

Владимир. Аня...

Аня (тихо). Ты плохой человек. Поэтому у тебя и друзей нет.

Игорь. Купил за пятиалтынный, за пятачок продал.

Владимир. Да кто за тебя, за такое утиль-сырье, пятачок даст?

Зоя. Мальчики, мальчики... (Ане.) Да что же ты стоишь, словно каменная?

Аня (Владимиру). И врун!.. И фальшивый!.. Весь, весь!.. До печенок!..

Игорь. Актер жизни!

Аня (Владимиру). И я... могла... тебя...

Владимир. Аня...

Аня. Я себя сейчас презираю за это.

Зоя. Ах, Аничка, любовь делает нас, женщин, слепыми.

Аня (не глядя на нее — Игорю). Лыжи!.. Куда ты их поставил?

Игорь. Не выдумывай, пожалуйста.

Зоя (шепотом). Что ты!.. Там индейка с яблоками и шарлотка из «Националя».

Аня. Стыдно мне за тебя! (Игорю.) Где мои лыжи? На веранде?

Игорь. Ты куда собралась-то?.. Уж не на станцию ли? Поезда на Москву ждать? А знаешь, сколько до станции километров?.. 23!.. И платформа открытая... И поездов ночью нет. Первый утром... Морозище-то какой!

Зоя (смотрит на термометр). Ровно тридцать!

Игорь. Колоссальненько!.. (Ане.) Да ты, девочка, там в сосульку обратишься.

Аня надевает вязанный шлем, берет варежки.

Владимир. Это ребячество, Аня. Смешная романтика.

З о я. Она в тебе разочаровалась, как Офелия в своем принце. Та ведь даже с ума сошла... А почему Аня не может сойти с ума? Чем она хуже?

Аня молча направляется к двери.

В л а д и м и р. Аня!.. Аня!.. Я отвезу тебя в Москву на машине.

А н я. Нет, я с тобой не поеду.

В л а д и м и р. Ну, поезжай одна. А машину поставишь у себя во дворе. Я завтра ее заберу... Ты, Аня, очень похожа на мою маму.

А н я. Я бы мечтала быть, как Елена Ивановна. Только мне далеко... Она вот череп раскроила фашисту, а я даже по физиономии тебе не дала!

В л а д и м и р *(тихо)*. Ну дай, Аня.

З о я. Ой, дай, Аничка, дай!.. Тогда у вас будет такая поэтическая любовь! Такая поэтическая!

А н я. Что ты ерунду болтаешь? *(Игорю.)* Ты можешь вывести машину из гаража?

И г о р ь. Машину...

В л а д и м и р. Выведи. Я уж не смею предложить свои услуги.

И г о р ь *(Ане)*. Идем.

В л а д и м и р. Умоляю тебя, Аня, — будь осторожна. Не гони. В лесу скверная дорога, ухаб на ухабе.

Игорь и Аня уходят.

З о я. Только весь вечер испортила.

В л а д и м и р. Нечего сказать — хорош!.. Твой-то... «Игорек»... Это называется друг... Предатель! Иуда!

З о я. Он, Вовочка, своим носом ужасно огорчен.

В л а д и м и р. Выпьем, что ли?

З о я. Коньяку?

В л а д и м и р *(зло)*. Нет, молочка кипяченого... с пенками!

З о я *(наливает, чокается)*. Твое!.. Не унывай, Вовочка, — блондинок в Москве много... Поставить блюзик?

В л а д и м и р. Ну тебя к черту с твоими блюзиками!

З о я. Невежа!

В л а д и м и р. Прости, Зоя.

З о я. Ой, как ты влюблен в нее!.. Только она совсем для тебя не подходит. Из другой оперы.

В л а д и м и р. За что любят, почему влюбляются, это, девочка, один бог знает. Впрочем, даже не бог, а сатана. Он поумней будет.

З о я. Через три дня помиритесь.

В л а д и м и р. Не думаю.

З о я. Все влюбленные так говорят. А не успеешь оглянуться, как и помирились... Только бы в курсовое не настучала. Кто у вас секретарем?

В л а д и м и р. Огурчиков.

З о я. Серьезный?

В л а д и м и р *(иронически)*. В очках.

З о я. Ой, Вова, худо будет!

В л а д и м и р. Осекутся мальчики. Я как-никак — Стругов. Руки коротки.

З о я. А меня, Вовочка, не выгонят из комсомола?.. За моральное?.. У нас в фармацевтическом с моральным обликом так трудно!

В л а д и м и р. Защитим... В случае чего, я отца за бока возьму.

З о я. Честное слово?

Возвращается И г о р ь .

И г о р ь. Уехала... Вот характерец!.. Посмотреть — XIX век с пробором посередине... А характерец — будь здоров, прыгай с парашютом.

З о я. У меня прямо сердце болит — всю твою машину расцарапает о каряги.

В л а д и м и р. Чепуха! Покрасим.

З о я *(у окна)*. Снег пошел...

И г о р ь. Выпьем, Вовка, мировую.

В л а д и м и р. Не мешало бы дверь перед тобой настежь — и в шею.

З о я. Ну, Вовочка, ну, миленький, ну прости его.

В л а д и м и р *(Игорю)*. Черт с тобой — наливай.

Пьют. К даче подъезжает ЗИС.

З о я. Машина, мальчики!

И г о р ь. Здравствуйте, пожалуйста, — вернулась.

В л а д и м и р *(быстро подходит к окну)*.
З о я. Аня?..
В л а д и м и р. Нет.
И г о р ь. Отец, что ли?
З о я. Ой, я боюсь академиков!
В л а д и м и р *(у окна)*. Приехала моя прелестная
мачеха.
И г о р ь. Вот трагедия! А я нос отморозил.
З о я. Одна приехала?
В л а д и м и р. Одна. Я ей сказал, что мы сегодня бу-
дем на даче... Пойду встречу. *(Уходит.)*
З о я. Как ее зовут?
И г о р ь. Ирина Робертовна.
З о я. Шикарно!
И г о р ь. Интересная женщина!.. Зюечка, куколка,
припудри его, пожалуйста. *(Поглаживает нос.)*
З о я *(пропустив мимо ушей)*. А сколько ей лет?
И г о р ь. Тридцать два.
З о я. Фу, старуха!
И г о р ь. А какое приданное себе сколотила!.. Вовка
говорит на полмиллиончика... Ее мужу-то шестьдесят с
хвостиком. А дамочка предусмотрительная.
З о я. Ой, полмиллиончика!
И г о р ь. Камушки, картины, фарфор... А сама — пи-
кан-тесик!.. Куколка, дай пудру.
З о я. Тю-тю с приветом! *(Пожимает ему руку.)*
Входят И р э н и В л а д и м и р с корзиной из гастронома.
В л а д и м и р. Знакомься, Ирэн.
З о я *(протягивая руку)*. Зоя!
И р э н. Мне о вас Вова рассказывал.
З о я. Что-нибудь смешное?
И р э н. Конечно... А с Игорем мы знакомы... Ух, ка-
кой на вас роскошный пуловер!
И г о р ь. США!
И р э н *(иронически)*. Блеск!
В л а д и м и р *(показывая на корзину)*. Похозяйни-
чай, Зоя.
И р э н *(Игорю)*. Послушайте, а что у вас с носом?
Почему он такой румяный?

Игорь (*грустно*). Отморозил.
Ирэн. А почему сияет?
Игорь (*еще грустней*). Намазал... сливочным маслом.
Владимир. Эй ты — бутерброд — помоги Зое!
Игорь (*шепотом*). Это жестоко, Вова.
Зоя (*вынимая из корзины*). Ананасы в шампанском!.. Ананасы в шампанском!..
Ирэн (*Владимиру*). Почему ты, Вовочка, как в воду опущенный? Я приехала выпить, потанцевать, повеселиться... И о кавалере для меня не позаботился.
Владимир. А этот красноносый Аполлон?
Игорь (*умоляющим шепотом*). Володя, не надо.
Ирэн. Где же дама твоего сердца?
Владимир. Уехала... Поссорились.
Зоя. Вовочка ей свои стихи читал.
Ирэн. Пссс!..
Владимир. Да — отличился. И на старуху, как говорится, бывает проруха.
Ирэн. А на чем она уехала?
Владимир. На моей «Победе».
Зоя. В Москву! Одна!
Ирэн. Лихо!
Владимир (*с усмешкой*). Некий отец, Ирэн, сказал своему сыну, в будущем великому человеку: «Женщина, мой мальчик, мыслит и поступает, как блоха — скачками, прыжками. Она ошеломляет нашего брата. Поэтому надо вовремя ее раздавить... или отдаться ей на съедение».
Ирэн. А ты даже почесываться не пожелал?
Владимир. Вроде того.
Игорь. Они основательно поругались.
Ирэн (*Владимиру*). Да?..
Владимир. Увы!.. Даже чересчур.
Ирэн. О, я на седьмом небе!.. Не придется в нашем доме пеленок стирать... Немедленно доложу об этом отцу... Он тоже на седьмом небе будет.
Владимир (*мрачно*). Неразлучные супруги!
Зоя. Ой, Ирина Робертовна, какие у вас сказочные клипсы! Где покупали? В Столешниковом таких нет.

И р э н. Мне муж из Парижа привез.
И г о р ь. Грандиозненько!
З о я. Из Парижа?.. Счастливая женщина!

Ирэн снимает клипсы с ушей и протягивает их Зое.

З о я. Мне?..

И р э н. Берите, берите... если это сделает вас счастливой.

З о я. Ой, мерси!

И р э н (*взяв со стола рюмку*). Налей, Вова.

В л а д и м и р. Отец говорит, что в водке тонет гораздо больше людей, чем в воде.

И р э н. Вот и прекрасно!.. Мечтаю утонуть... хоть часа на два. (*Пьет.*) Заведите, Зоя, свою шарманку.

З о я (*ставит пластинку*). Вова!.. поехали. (*Танцуют.*)

И г о р ь (*подходит к Ирэн*). Пое... Гы, гы... Потанцуем, Ирина Робертовна.

И р э н (*улыбаясь*). Поехали.

Танцуют. В соседней комнате раздается звонок.

З о я. Телефон!..

И р э н. Танцуйте, танцуйте, — я подойду... Спасибо, Игорь.

Уходит. В л а д и м и р и З о я танцуют.

И г о р ь (*напевает*).

Когда из Гаваны милой уплыл я вдаль,
Лишь ты разгадать сумела мою печаль —
Заря золотила ясных небес края,
И ты мне в слезах шепнула: «Любовь моя».
О, голубка моя, будь со мною, молю,
В этом тихом и теплом просторе...

Возвращается И р э н .

В л а д и м и р. Кого и по какому случаю?

И р э н. Несчастье, Володя...

В л а д и м и р. С папой?.. С папой, Ирэн?.. Сердце?..

И р э н (*чуть слышно*). Аня разбилась.

В л а д и м и р. Аня...

И р э н. В лесу... возле станции...

В л а д и м и р. Жива?.. Жива Аня?.. Что же ты молчишь?.. Ирэн, Ирэн!..

И р э н *(чуть слышно)*. В очень тяжелом состоянии... Очень.

И г о р ь. В сознании?.. Она в сознании?..

Ирэн отрицательно качает головой.

З о я. Ой... умрет Аня... умрет... *(Плачет.)*

И г о р ь. Замолчи!

И р э н. Идемте, товарищи. *(Уходит.)*

В л а д и м и р. Не плачь, Зоя... Не плачь... А то *(Закрывает лицо руками.)*

И г о р ь. Вова, Вова...

З о я. Ты му-у... муж-чи-и-на...

В л а д и м и р. Мужчина!.. Ха!.. Мужчина!..

И г о р ь. Да возьми ты себя в руки!.. Слушай... Слушай, Вова: никакой ссоры у вас не было...

З о я. Ой... Ой... *(Всхлипывает.)*

И г о р ь. На, платок... Так вот, ребята: и стихов никаких не было... Ясно?.. А то ведь — крышка! *(Владимиру.)*

И тебе, и нам.

З о я. Не было?.. А почему... уехала... А-а-аничка?.. Как... на этот... вопрос... отвечать... про... про... ку... ра... ту-у-уре?..

И г о р ь. Она хотела вести машину, когда отправилась домой... А Вова, конечно, отказал... Вова!.. Вова!.. Ну, не распускай слюни... Тогда Аня потихоньку от всех нас уехала.

З о я. Хоро-шо-о-о.. А Ирина... Ро-обертовна... не проболтается?

И г о р ь. Ну, за нее я совершенно спокоен. Она понимает что к чему... И еще, ребята: я машину из гаража не выводил... Точка!.. Пошли, Вова, пошли. *(Уходят.)*

Занавес.

Действие третье

Сцена первая

У Струговых. Столовая. Одна дверь в детскую, другая в коридор. На стене висит картина в сюрреалистическом духе. Входят В е р а и Л и - дия Эрнестовна.

Л и дия Эрнестовна. Как вас зовут?

В е р а. Вера Орлова.

Л и дия Эрнестовна. А меня — Лидия Эрнестовна. Садитесь, пожалуйста... Вы с Вовой на одном курсе?

В е р а. Да.

Л и дия Эрнестовна. Очень приятно.

В е р а (взволнованно). Ну как он? Как?

Лидия Эрнестовна молча разводит руками.

В е р а. Его нет дома? Он ушел? К кому-нибудь из товарищей? А у него бывают? К нему приходят? Володю сейчас не надо оставлять одного.

Л и дия Эрнестовна. Вовочка на концерте. На его растрепанные нервы прекрасно действует музыка.

В е р а. А Ирина Робертовна дома?

Л и дия Эрнестовна. Ирэн у Дарьи Андреевны Спиридоновой. Поехала навестить, утешить... (Показывает на стул.) Прошу!.. А вы бываете у Ани в больнице?

В е р а. Нет. К ней никого не пускают. Даже ее маму.

Л и дия Эрнестовна. Но, все-таки, есть надежда?..

Вера молчит.

Л и дия Эрнестовна. Хоть маленькая?

В е р а. Врачи ведь всегда говорят, что есть.

Входит Н а с т я .

Н а с т я. Что сервировать?

Л и дия Эрнестовна. Пожалуйста. На три персоны... (Вере.) Последнее время, как будто, Вовочка с Аней довольно часто встречались?

В е р а. Да... они очень дружили.

Лидия Эрнестовна. Ах, мы говорили иначе. Мы говорили: они были влюблены друг в друга.

Вера. Аня... *(Сдерживается, чтобы не заплакать.)*

Лидия Эрнестовна. Успокойтесь, мой друг, успокойтесь... Господь милостив... Я вам сейчас валерьянки накапаю.

Вера. Нет, нет!

Настя. Все студенты, верно, ужас, как переживают?

Лидия Эрнестовна. Идите, Настя.

Настя. Вот беда!.. Вот горе какое!.. *(Уходит.)*

Лидия Эрнестовна. Нам, однако, передавали, что в университете уже ползут какие-то грязные слухи. *(Сердито.)* Ну, что это такое! Ну, на что это похоже?

Вера. Не все же Володю знают... *(Тихо.)* А ведь Аня разбилась на его машине.

Лидия Эрнестовна. Ну-с?..

Вера. Вот, Лидия Эрнестовна, чтобы эти слухи прекратить, наша комсомольская организация поручила мне и еще двум студентам... Володиным товарищам... по факультету...

Лидия Эрнестовна *(перебивает)*. Так, так!.. Вам поручено заняться этим делом?

Вера *(с сердцем)*. Вы понимаете, как это для Володи важно! Именно для него, для Володи!

Лидия Эрнестовна *(погозрительно)*. Понимаю, понимаю... но какой может быть суд над Вовочкой?.. Чем виноват бедный мальчик, если она захотела покататься на его «Победе»?

Входит Юра.

Юра *(протягивает руку)*. Юра!

Лидия Эрнестовна. Это мой внук.

Вера. Брат Володи?

Лидия Эрнестовна. Но матери у них разные.

Юра. Апапа — один. Вовка — Струговия — Стругов!

Лидия Эрнестовна. Боже мой, сколько раз я читала про судебные ошибки!.. Человек, бывало, ни в чем не виноват, а его в Сибирь гонят, тачки возить... А Достоевский? А декабристы?.. Тех даже повесили че-

ловец пять-шесть. Среди них один полковник был и замечательные поэты.

Ю р а. Как наш Вовка!.. Вы знаете его стихи?.. Со страшной силой пишет! Лучше Маяковского! *(Читает, погрывая Владимиру.)*

Судьба и человек!

— Эй, это ты звучишь гордо?

И — в морду! В морду! В морду!

Второе.

На скотобойне бык ревет.

А люди мужественный скот!

Гениально!.. Правда?.. И всего две строчки!.. Вовка такие пишет. Он говорит: длинные теперь никто не читает. Не та эпоха!.. У мамы его стихов целая куча. Принести? *(Убегает.)*

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Удивительный ребенок — абсолютно все знает. Даже и то, что ему не надо знать.

Возвращается Ю р а с пачкой стихов.

Ю р а. Здесь штук пятьдесят. Можете себе взять. Мама перепечатала в трех экземплярах. На кой ей столько!

Л и д и я Э р н е с т о в н а *(Вере)*. Берите, берите, стихи для того и пишутся, чтобы их читали и получали наслаждение.

Ю р а *(даёт, свернув листы в трубку)*. А это Вовкина картина!.. *(Показывает пальцем.)* Гениально!.. Правда!.. Она называется: «Юность, гордость, счастье».

Входит Н а с т я .

Н а с т я *(Юре)*. Тебя Алешка к телефону. У него что-то не выходит из арифметики.

Ю р а *(важно)*. Я на даче.

Н а с т я. А когда вернешься?

Ю р а *(строго)*. Иди!

Н а с т я. Только и вру полный день. Вру и вру. *(Уходит.)*

В е р а. Зачем ты сказал неправду?

Ю р а. Подумаешь!.. Папа так всегда отвечает... А вот еще гениальное! Слушайте.

Судьба! Я знаю, ты примерно зла.
Твоя рука не жалуется, а косит.
На пан или пропал сыграем-ка в козла.
Сыграем, баба, в кости.
Но только честно!.. Впрочем, я не знаю:
На свете бабы честные бывают?

Л и д и я Э р н е с т о в н а (со вздохом). В наше время была другая поэзия. Мы любили Апухтина, Надсона, Тургенева... «Как хорошо, как свежи были розы!» Вот, что мы считали поэзией, а не когда: «Баба»... «В морду! В морду!»...

Ю р а. Ты устарела.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Все, Юрочка, на белом свете стареет. И ты, дружок, когда-нибудь постареешь.

Ю р а. Я буду жить двести пятьдесят лет. А твое дело — труба.

В е р а. Ты в школе себя так же ведешь? Так же разговариваешь?

Ю р а. А я больной что ли?

В е р а (Лидии Эрнестовне). Вот видите! В школе он ведет себя по-другому.

Ю р а. Я вас прошу, вы мне бабушку не портите.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Все дети ужасно жестокие... Если хотите знать правду, я очень боюсь, что Вовочку будут судить дети. Вот вы еще почти ребенок, а уже судебный следователь.

Ю р а. Кто?

В е р а. Какой же я судебный следователь?.. Ну что вы говорите?..

Настя приносит чай.

Ю р а. Вова ни в чем не виноват!.. Она сама ссору затеяла из-за стихов... Мне Мясокомбинат рассказывал. Это брательник Игоря.

Н а с т я. Он и меня информировал... Аничка ведь такая горячая!.. Мы на футболе познакомились... Ну, конечно, как поэзию Владимира Николаевича услышала, так и ударила ей кровь в голову... Ну, и поссорились... Мне их поэзия тоже всегда в голову ударяет. Прямо ужас, как ударяет.

Ю р а. Иди.

Н а с т я уходит.

Ю р а. Эта Аня и себя чуть не угробила и машину к черту! Шестнадцать тысяч!.. Папин подарок.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Мой зять совершенно замечательный отец!

Ю р а. Папа дает Вовке на одни карманные расходы полторы косых в месяц! Припеваючи жить можно.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Да, теперь уж подобных отцов немного в России.

Ю р а. И я бы хотел жить не у родной мамы... с такими карманными денежками.

В е р а. Значит ты свою маму совсем не любишь?

Ю р а. Почему?.. Я бы к ней по субботам на такси приезжал. Как Вовка. Или на папином ЗИСе.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Николай Денисович считает, что со своими детьми надо быть на дружеской ноге.

Ю р а (*Вере*). Умно! Не правда ли?

В е р а (*Лигии Эрнестовне*). Я с этими взглядами не согласна. Отец и сын, конечно, должны быть друзьями, но все в меру.

Ю р а. Папа по свой вертушке каждый день в Кремль звонит!..

Из передней доносится радостный собачий лай.

Ю р а. Мама!.. (*Убегает.*)

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Не берите, дорогая моя, пример с нашего Юры. Вы — женщина, вы должны быть к человеку помягче, понисходительней... Ах, эти суды!.. Нет, скажу я вам, не все надо перенимать у старого времени, не все и тогда хорошо было.

В е р а. Да вы меня в этом не уверяйте. Я думаю, что раньше почти все плохо было.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Отстали, моя дорогая! Отстали от политики нашей партии.

В е р а. От какой это?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Нашей, нашей. От партии моего зятя.

Входит Ирэн с покупкой в руках.

Лидия Эрнестовна. Знакомьтесь, Ирэн, — мадмуазель Вера. Ее послал комсомол, чтобы всех нас допросить.

Вера. Да что вы!..

Ирэн с осторожностью ставит покупку на буфет.

Лидия Эрнестовна. Допросить перед судом над Вовой.

Вера. Какой суд!..

Лидия Эрнестовна. Да, да — суд.

Вера. Я только что объясняла, говорила...

Ирэн. Все знаю. Мне позвонил секретарь вашего комитета.

Лидия Эрнестовна (Ирэн). Мы с Юрой уже дали свои показания... Куда он девался? Где Юрочка?

Ирэн. Я его отправила уроки делать. Задачи не решены, диктовка не переписана, а он сидит здесь и язык чешет... Дай мне пирамидон, мама.

Лидия Эрнестовна. Что, голова разболелась?

Ирэн. Ужасно.

Лидия Эрнестовна (гостав из шкатулки). На.

Ирэн (наливает в бокал воду и принимает). У меня, мама, к тебе просьба: пойди и помоги Юре задачу решить.

Лидия Эрнестовна. Так он лучше меня решает.

Ирэн. Но сегодня что-то не клеится. (Звонит.) Иди, мама, иди, а то Юра нервничает.

Лидия Эрнестовна уходит.

Юра (поет в соседней комнате).

Помирать нам — рановато!

Пусть помрет лучше дома жена...

Ирэн. Юра, перестань орать! У меня голова болит!

Входит Настя.

Ирэн. Опустите, пожалуйста, в спальнной шторы и выключите телефон... Если придет Николай Денисович,

скажите, что у меня сильная головная боль... Я сейчас прилягу.

Н а с т я уходит

В е р а *(молча поднимается со стула)*.

И р э н. Простите — все вышло так неудачно. Проклятая мигрень! Я просто погибаю от нее.

В е р а *(проходит мимо буфета, поднимает с ковра таблетку и кладет ее на стол)*. Ваш пирамидон... До свиданья... Не понимаю, почему вы не захотели поговорить со мной о Владимире.

И р э н. Я мачеха, а у него есть мать. И, мне кажется, что разговаривать вам надо с его родной матерью, а не со мной.

В е р а. По-моему, Владимир должен быть и для вас не посторонним человеком. Когда Елена Ивановна была на фронте, вы вышли замуж за его отца... Николай Денисович доверил вам своего сына.

И р э н. Все это было при царе Горохе.

В е р а. Но он живет и теперь с вами.

И р э н. Это его желание.

В е р а. А как вы думаете... почему?

И р э н. Почему он живет у нас, а не с матерью? Это вас интересует?

В е р а. Да.

И р э н. Комната лучше.

В е р а. Значит: мать или хорошая комната? И он выбрал хорошую комнату.

И р э н. Эпоха материалистическая. *(Смеется.)* Ну, это, конечно, шутка. А, вообще, я могу вас успокоить: они живут не в разлуке — она заглядывает к нему, а он к ней.

В е р а. Приезжает на такси по субботам!

И р э н. Ах, вы уже видели Елену Ивановну?

В е р а. Это не ее слова. А Елена Ивановна действительно была у нашего секретаря. Сама позвонила в комитет, что хочет придти и пришла.

И р э н. И, вероятно, заявила, что во всем виноват отец?

В е р а. Не знаю. Меня там не было.

И р э н. Так вот: Николай Денисович видит Вову раз в две недели по пятнадцать минут.

В е р а. Вы считаете это оправданием для отца... что он видит сына два раза в месяц — по пятнадцать минут?

И р э н. Николай Денисович не нуждается в оправданиях.

В е р а. Почему?

И р э н. Потому.

В е р а. Так обычно отвечают, когда нечего ответить.

И р э н. Кто ваш отец?

В е р а. Мой папа был электромонтером. Он убит на войне.

И р э н. Если бы ваш отец был не монтером, а профессором, то вы бы знали, что у профессора не слишком много свободного времени. Я уж не говорю об академиках.

В е р а. У Николая Денисовича, очевидно, его нет совсем... для своего сына.

И р э н. Вове двадцать первый год. В этом возрасте человек сам думает, что хорошо и что плохо... что ему вредно и что полезно. *(С иронией.)* Но делать всего, конечно, полезней человеку гимнастику. Все остальное делать в жизни уже гораздо менее полезно.

В е р а. Вы совершенно правы: гораздо полезней делать гимнастику, чем жить припеваючи на папины деньги... в двадцать лет.

Входит Н а с т я .

Н а с т я *(Ирэн)*. Все готово. Можете ложиться.

И р э н. Спасибо.

Н а с т я уходит.

В е р а. Разрешите мне задать вам только один вопрос. И я уйду.

И р э н. Пожалуйста.

В е р а. Вы ведь были тогда на даче...

И р э н *(прерывая)*. Да!.. Но я туда явилась, когда Аня уже уехала.

В е р а. А почему уехала Аня?.. Ночью?.. В пургу?..

И р э н. Спортсменка.

В е р а. То есть?

И р э н. А почему спортсмены прыгают с каланчи в холодную воду? Или карабкаются по льду на всякие там Эльбрусы?.. Очевидно, это доставляет им удовольствие.

В е р а. Может быть, Володя с Аней поссорились?

И р э н. Да нет... Не похоже на это... Мне передавали, что они веселились, пили кагор, танцевали.

В е р а. А Володя не читал Ане стихи? Свои стихи?

И р э н *(увлеченно)*. Стихи?.. Разве он пишет стихи?.. Понятия не имею.

В е р а. До свиданья.

И р э н. До свиданья. *(В дверях.)* Настя!.. Проводите!..

В е р а выходит. Из соседней комнаты выбегает Ю р а. Потом появляется Л и д и я Э р н е с т о в н а.

Ю р а. Выставила?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Уффф... Как она меня замучила!

И р э н. Вот дрянь!

Ю р а. Ничего, мама, не робей. Я ее здорово припугнул. «Папа, говорю, по своей вертушке каждый день в Кремль звонит».

И р э н. О чем, мама, она с тобой разговаривала? Вы уж тут, наверное, языки распустили?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. За меня, Ирэн, можешь не волноваться. Я была чрезвычайно дипломатична. Да и Юра оказался превосходным защитником своему брату.

Ю р а. Я ей стихи читал.

И р э н. Какие стихи? Чьи?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Вовочкины.

И р э н. Вот... старый и малый! Два сапога пара.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Кто сапог? Я сапог? Да я, голубушка, у себя в салоне на Конюшенной не таких общипанных цыплят принимала! Меня твой покойный отец Галейраном называл.

И р э н. Кишка тонка!

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Нет, Ирэн, ты меня просто убиваешь своими выражениями. Странное какое-

то время. Поразительное! Чем теперь женщина изысканней, тоньше, элегантней, тем больше в ее разговоре этих ужасных кишок, сапог... Юра, не крути носом!..

Ю р а. Я вот расскажу маме, как ты с этой комсомольей трепалась.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Боже мой — трепалась!..

И р э н. Юра, говори.

Ю р а. Потом... бабушка, не крути носом.

И р э н. А что эта девица в руке держала? Какие-то листки?.. Записывали, что ли? Вашу дурацкую болтовню?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Не-ет!.. Успокойся. Просто Юра подарил ей стихи... Вовочкины.

И р э н. Что!..

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Ну, которые ты переписывала...

И р э н (*Юре*). Поди сюда!

Ю р а. Я не глухой. Услышу.

И р э н. Быстро!

Юра медленно подходит.

И р э н (*берет его за плечи и трясет*). Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не смел касаться моих вещей?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Это же ребенок, Ирэн, ребенок.

И р э н. Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не смел рыться в моих бумагах? Сколько раз?

Ю р а. Бумаги... подумаешь... твои «дела»!

И р э н. Вот я тебя выдеру, тогда ты у меня «подумаешь»... кое о чем!

Ю р а. Нет, не выдерешь!

И р э н. Да?.. Ты в этом уверен?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Ирэн!.. Ирэн!..

Ю р а. А я в школе расскажу, что ты к своему сыну применяешь телесное наказание.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Ах, господи...

Ю р а. Очень будет красивая картина.

И р э н. Вон отсюда! Вон!

Ю р а не спеша уходит.

Лидия Эрнестовна. Ах, Ирэн, это просто ужасно — ты стала такой нервной... ну прямо, как кондукторша в автобусе.

Ирэн. Я из Юрки пыль повиыколочу!.. Накапай мне валерьянки.

И опять в передней радостный собачий лай.

Лидия Эрнестовна. И ко всему еще эта псарня... *(Достает из шкапулки пузырьки и накапывает.)* Раз, два, три... семнадцать... двадцать... двадцать девять... на, пей.

Ирэн *(приняла)*. Черт его знает что!.. Сколько ты мне накапала?

Лидия Эрнестовна. Не отравись. *(Развертывает покупку Ирэн — небольшую фарфоровую вазу.)* Чудесная вещь... чудесная!.. *(Рассматривает ее в лупу.)* Боже мой, да ведь это уникам!.. Сколько ты заплатила?

Ирэн. Много... Очень много.

Входят Юра и Стругов.

Стругов. Нельзя ли чаю... только, пожалуйста, не холодной бурды.

Лидия Эрнестовна. На-а-астя!..

Юра *(прислушивается)*. Опять на телефоне висит. Она у нас за это триста рублей в месяц получает.

Ирэн *(показывая на Юру)*. Он тебе обо всем доложил?

Стругов. Как будто.

Лидия Эрнестовна. Юрочка, отнеси чайник на кухню.

Юра *(возмущенно)*. Я?..

Ирэн *(Юре)*. Добавлений к докладу нет?

Юра. Нет.

Ирэн. Счастливого пути!

Юра *(плаксиво)*. Ну мамочка, ну миленькая, ну хорошенькая...

Ирэн. Марш!

Юра уходит, надув губы.

Стругов *(берет кусок сахара и дает Лидии Эрнестовне)*. Накапайте-ка мне на него валидол... Только не больше четырех капель.

Лидия Эрнестовна *(достаёт склянку и накапывает)*. Пожалуйста.

Стругов. Благодарствуйте. *(Кладет в рот и садится в кресло.)*

Лидия Эрнестовна. Я бы хотела прочесть «Тихий Дон»... Михаила... Михаила... Опять из головы фамилия выскочила...

Ирэн. Склероз! Пора.

Лидия Эрнестовна. Мерси, мадам.

Ирэн. Удивительно — вы, старухи, консервируетесь. Вот ты, мамочка, прямо какой-то анчоус 1914-го года.

Лидия Эрнестовна. Анчоус!.. Бог мой — анчоус!..

Стругов *(Ирэн)*. Проведала Спиридонову?.. Как она?

Ирэн. Не задавай глупых вопросов.

Стругов. Бывает же так в жизни — валится и валится на человека, пока в лепешку его не расплющит.

Ирэн. С нашей посильной помощью.

Стругов *(разграженно)*. Неужели нельзя подогреть чай!

Лидия Эрнестовна берет чайник и уходит с обиженным видом.

Стругов. А, Владимир, вероятно, вместо того, чтобы готовиться в зачетам, пишет свою трагическую поэму — «Тетя Даша»?.. А?.. И физиономия у него самая мрачная?.. Жаль парня!

Ирэн. Зачем ему готовиться? Все равно из университета попросят. И из комсомола тоже.

Стругов. Не болтай ерунды. Кто его попросит? Я, дорогая, все-таки — Стругов! А он — мой сын.

Тихо входит Владимир.

Стругов. Да и что такое он сделал? В чем преступление Владимира?

Ирэн. В чем?.. Убил человека.

Стругов. Не устраивай, пожалуйста, панихиды по живому.

Ирэн. А тебя упекут, как сообщника.

Стругов. Ты, Ирина, прелестная женщина, когда молчишь.

Ирэн. Но я же никогда не молчу.

Стругов. В том-то и весь ужас.

Владимир. Привет!.. А ты знаешь, папа, почему уехала Аня?

Стругов. Не знаю и знать не хочу!

Владимир. Она бежала от твоего сына. Бежала, как от чумы.

Стругов. Ха! (Ирэн). Он, видишь ли, чума!.. (Владимиру.) Ты уж слишком высокого о себе мнения.

Владимир. Ирэн сказала правду. Я убил человека.

Стругов. Аня жива. Жива! И не собирается умирать. Я сегодня говорил по телефону с профессором Водозовым. Он меня уверил, что Аня...

Владимир (перебивает). Я, папа, люблю ее.

Стругов (сморщившись). А!..

Владимир. Люблю. Пойми это: люблю... И вот — я... ее...

Стругов (перебивает). Не выношу сентиментальных монологов. (С усмешкой.) Ее?.. А еще скольких одновременно?.. А как это называется?

Владимир. Мерзостью, папа.

Стругов. Однако, эта мерзость тебя нравится? Тебя устраивает?

Владимир. Нет.

Стругов. Давно ли?

Ирэн (мужу). Мне кажется, что в психонервной деятельности собак ты разбираешься лучше, чем в человеческой.

Стругов. Я, Ирина, разговариваю со своим сыном, а не с тобой.

Ирэн. Вероятно, и твой сын так думает.

Владимир. Да. (Упрямо.) А это убийство, это преступление — мое. Ты, папочка, тут ни при чем. Можешь спать абсолютно спокойно.

Стругов. Я и сплю спокойно. А тебе советую не заниматься интеллигентскими самокоряниями.

Владимир. К сожалению, я не был грузчиком. *(Показывая на себя.)* Отпрыск!.. Потомственный интеллентишка... прочитавший в пятнадцать лет всего Достоевского. По твоему доброму совету, папа.

Стругов. Лапша, вынутая из супа. Вот кто ты! Грустно. И в кого?

Владимир. Но возможно, папочка, и укутут тебя, как сообщника. Кто их знает. Я бы на твоём месте поступил, как лисица. Умный зверь! Когда попадае в капкан, то перегрызает свою лапу и даёт лататы, спасая шкуру... Вот добрый совет: перегрызи, папочка, и меня, как свою лапу. *(Уходит.)*

Стругов. До чего циничен!

Ирэн. Твоя школа. Твоя и моя.

Стругов *(хмуро)*. Нда...

Ирэн. Между прочим, девчонке из комсомола, которую я выставила, Юрка презентовал полное собрание стихов Владимира Стругова.

Стругов. Ну? А что за стихи?

Ирэн. Мне нравятся. То и плохо. Значит, самые упадочные, растленные... Могу для примера прочесть посвящение тебе. *(Хорошо читает.)*

Гниение, растение, разруха!

Душа переехала в брюхо

Чтоб с гнусностью в дружбе и мире

Жить в сале вонючем и в жире

На этой на новой квартире.

Стругов. Н-н-да-а-а!..

Ирэн. Вдобавок этой девчонке, этой следовательнонице...

Стругов. Какая она следовательноница? Что за вздор!

Ирэн. А для чего явилась?

Стругов. У них, в комсомоле, это называется «личным поручением». Девчонку послали посмотреть, что за дом. *(С усмешкой.)* Не похож ли мой дом на бандитский притон, из которого надо вызволять бедного Владимира.

Вдверях Лидия Эрнестовна.

И р э н. Знаешь, а ведь они правы — надо!.. Особенно после того, как моя старая кляча выложила всю подноготную этого пресного семейства.

Л и д и я Э р н е с т о в н а *(сквозь слезы)*. Я уйду от вас... Видит бог, уйду... Лучше уж под забором умереть.

И р э н. Никогда, мамочка, не следует подслушивать. Люди ничего хорошего друг о друге не говорят. Пора бы уж знать это.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Но родная дочь...

И р э н. Родные дети говорят хуже всех. Потому что знают своих родителей, как облупленных.

Л и д и я Э р н е с т о в н а выходит и останавливается в коридоре возле двери.

С т р у г о в. Надо поосторожней, Ирина.

И р э н. Надоела она мне хуже горькой редьки!

Л и д и я Э р н е с т о в н а *(за гверью истерически)*. А!.. А!.. А!..

И р э н. Мамочка, если ты непременно хочешь визжать, закрой, пожалуйста, дверь. А еще лучше — пройди визжать в свою комнату.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. А!.. А!..

И р э н *(захлопывает гверь)*.

С т р у г о в. У тебя попортился характер, Ирина.

И р э н. Немудрено... при такой трудной жизни. Ведь я с утра до ночи ничего не делаю. Один мой день похож на другой, как два валенка нашей Гавриловны.

С т р у г о в. Да еще муж старше на тридцать лет.

И р э н. И это. Хотя вышла замуж я по любви.

С т р у г о в. По любви к моему ЗИСу?

И р э н. Ты это серьезно думаешь?

С т р у г о в. Секрет счастливого брака заключается в искусстве терпеть друг друга. Терпи.

И р э н. Попробую. Но продолжим о Вове.

С т р у г о в. У меня пропасть работы, неприятностей... Не до него мне, по правде говоря.

И р э н. Ты намерен что-нибудь предпринять?.. Я считаю, что это необходимо. Главным образом для тебя самого. Люди на чепухе подскальзываются. Не маленькие люди! И шей себе ломают.

Стругов. Заеду на днях к ректору.

Ирэн. Обязательно. Я тоже кое-кого навестила.

Стругов. Позвоню Никитову.

Ирэн. Кто это такой — Никитов?

Стругов. Из ЦК комсомола. Очень неглупый товарищ.

Ирэн. Тем хуже.

Стругов (*раздраженно*). Неужели в этом доме нельзя получить стакана чаю?

Ирэн. Как видишь, у нас это не так-то просто.

Стругов (*кричит*). На-а-астя!..

Ирэн. Что было на Ученом совете?

Стругов. Пустая болтовня!.. Я давно говорю: ум хорошо, два хуже, а три никуда не годятся.

Ирэн. Это ты своим ученым коллегам говоришь?

Стругов. Да что я — блаженный, что ли?.. Нет, дорогая, им я говорю: ум хорошо, два лучше, а двадцать пять это просто замечательно!

Возвращается Владимир.

Владимир. Лидия Эрнестовна сказала, что Юрка передал мои стихи Вере Орловой. Это верно?

Ирэн. Да, верно.

Владимир. Очень приятно.

Стругов. Это тебе наука! Впредь не будь идиотом: не пиши идиотских стихов.

Владимир. Разве, папочка, ты читал их?

Стругов. А уж если тебе невтерпеж, то хоть прячь получше. И читай только на ухо... своему сиамскому коту. Свистун!

Входит Елена Ивановна. Она очень бледна, глаза воспалены.

Владимир. Мама... Несчастье?.. (*Истерически.*) Мама!..

Елена Ивановна (*тихо*). Умерла Аня. (*Пауза.*)

Владимир (*рыгает.*)

Занавес.

Сцена вторая

Голос диктора: «Мазурка Венявского. Исполняет студенческий духовой оркестр». Поднимается занавес. Столовая Струговых. Ирэн, полузакрыв глаза, сидит в кресле. Голова перевязана шерстяным шарфом. Лидия Эрнестовна раскладывает пасьянс. Владимир нервно курит, шагая из угла в угол. Юра крутит радио.

Лидия Эрнестовна. Десять часов... А Николай Денисовича все нет и нет... Сколько же можно разговаривать в этом ЦКа...

Юра. Тебя, Вовка, мирово выставили из комсомола!.. Угадай, мама, сколько за это поднялось рук?

Ирэн. Все.

Юра (разочарованно). У-у!.. Тебе Вовка сказал.

Ирэн. Нет.

Юра. А почему ты знаешь?

Ирэн. Когда, в свое время, тебя выгонят, — будет то же самое.

Юра. Не-е-е... (С грустью.) Мне за Вовкой не угнаться. Какой из меня выйдет пижон с таким носом!

Владимир. А вот болван уже вышел.

Юра. Что ты ругаешься?.. Загнулся, что человека угробил.

Ирэн. Вон отсюда!

Юра (прижимаясь). Ну мамочка, ну сладенькая, ну миленькая, я больше ни одного слова не скажу.

Лидия Эрнестовна (над пасьянсом). Этот несносный король пик все дело портит...

Владимир. Пора бы отцу быть дома...

Ирэн. Вероятно, после Никитова, он отправился к ректору. А то ведь тебя, мой друг, из университета тоже — тово! (Соответствующий жест рукой.)

Юра. А как же!.. Обязательно выпрут!

Лидия Эрнестовна (тасуя колоду). Интересно, что из себя представляет этот секретарь комсомольского ЦКа... (Раскладывает карты.) К которому Николай Денисович на поклон поехал.

Юра. Никитов? Во дядя!.. (Показывает большой палец.) Он уже их бюро разогнал. И комитету не поздоровится. Вот увидишь! Это за то, что Вовку проротозеили.

Лидия Эрнестовна. Откуда, деточка, ты это знаешь?

Юра. Я все знаю!.. Хочешь скажу, кто любовник у тети Луизы?

Лидия Эрнестовна *(хватаясь за голову)*. Какой ужас!

Ирэн. Твой воспитанник, мамочка.

Юра *(бабушке)*. Хочешь скажу? Хочешь?..

Владимир *(подходит к Юре и берет его за уши)*.

Юра *(вопит благим матом)*. А-а-а!..

Лидия Эрнестовна. Вова!.. Вова!.. Это же ребенок!.. Ребенок!..

Ирэн *(спокойно)*. Прекрасное средство.

Юра. Не скажу!.. Не скажу!..

Владимир *(дает Юре по затылку)*. Катись.

Лидия Эрнестовна. Иди ко мне, моя сладость... Иди мой беденький.

Юра *(мрачно)*. Не приставай.

Ирэн *(Владимиру)*. Это верно, что будут перевыбирать бюро?

Владимир. 26-го.

Ирэн. Чепуха!.. Надо отцов перевыбирать.

Юра. Нет, папу не хочу. Лучше бабушку. *(К ней)*. Кому ты нужна? Денег не зарабатываешь.

Лидия Эрнестовна. Боже мой!.. Боже мой!..

Ирэн *(Юре)*. Вон!.. Спать!

Юра *(обнимая и целуя)*. Мамочка, миленькая, любименькая, дорогаинькая... ну еще полчаса! Мне же интересно. Выгорит у папы с Никитовым или не выгорит. Давай спорить. По-моему: только вздрючку получит.

Лидия Эрнестовна *(не отрываясь от пасьянса)*. Кто... вздрючку... получит?.. Стругов?.. Академик Стругов?.. Ну, давай, глупенький, со мною спорить.

Юра. А что с тебя возьмешь?.. Горчичники на поясницу?

В коридоре залаяли собаки.

Юра. Папа!.. *(Убегает.)*

Владимир. Годика через три этот фрукт послаще меня будет.

Ю р а возвращается.

Ю р а. Танцуй, мамочка, танцуй!.. *(Ехидно.)* Тетя Лена пришла. Теперь я пойду спать. *(Отвешивает поклон.)* Наше вам с кисточкой. *(Уходит.)*

Л и д и я Э р н е с т о в н а *(не отрываясь от пасьянса).* Ха!.. Стругову даст «вздрычку»... какой-то Никитов...

Входит Е л е н а И в а н о в н а . Она в военной форме. Молча здоровается с Ирэн и с Лидией Эрнестовной. Кладет портфель на стул. Подходит к Владимиру.

Е л е н а И в а н о в н а. Ну вот, Володя...

В л а д и м и р. Ну вот, мама...

Е л е н а И в а н о в н а. Ты считаешь это несправедливым?

В л а д и м и р. Что?

Е л е н а И в а н о в н а. Что тебя исключили из комсомола.

В л а д и м и р *(тихо)*. Аня тоже подняла бы руку за исключение.

Е л е н а И в а н о в н а. Где отец?

В л а д и м и р. В ЦКа. У Никитова.

Е л е н а И в а н о в н а. Звонит, ездит. Все пороги обивает. Возмутительно!

И р э н. Вы, вероятно, хотите, чтобы вашего сына после комсомола и из университета выгнали? А через неделю в солдаты взяли?

Е л е н а И в а н о в н а. Да, хочу. *(Сержанно.)* У меня последняя надежда на армию. Может быть, там из него человека сделают.

В л а д и м и р. А что такое человек, мама?.. Кант и Гегель этого не знали.

Е л е н а И в а н о в н а. Что такое советский человек — я знаю. Это я знаю.

В л а д и м и р *(усмехнувшись)*. Это, мама, и товарищ Огурчиков знает.

Е л е н а И в а н о в н а. Конечно. Поэтому на комсомольском собрании ты и стоял перед ним, жалобно повизгивая, как напаскудившая собачонка.

В л а д и м и р *(посматривая на пасьянс)*. Увы, мама, твой сын не герой нашего времени.

Е л е н а И в а н о в н а. Мой сын!.. Да, если я тебя родила, значит, ты мой сын... Значит, я твоя мать... Все просто!.. И все так не просто!

В л а д м и р. Не жульничайте, Лидия Эрнестовна. *(Включает радио.)*

Студенческий хор поет «Гимн демократической молодежи мира»:

Песню дружбы запеваешь молодежь,

Молодежь, молодежь...

Эту песню не задушишь, не убьешь,

Не убьешь, не убьешь...

И р э н. Этого только нам и не хватало... Пощади, Вова, мою несчастную голову.

В л а д м и р *(выключив)*. Аня просила меня написать студенческую песню. Она сказала: веселую и задорную.

Е л е н а И в а н о в н а *(тихо)*. Аня... Я ее видела два раза, только два раза... А у меня такое чувство, будто я потеряла дочь.

В л а д м и р. Ты, мамочка, потеряла — дочь, а я — жизнь.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Господь с тобой, Вова!

В л а д м и р. Ирэн, хочешь экспромт?

И р э н. Ну?..

В л а д м и р *(после небольшой паузы)*.

И я умру по всей вероятности.

Чушь!.. В жизни бывают и покрупней неприятности.

И р э н. Не стреляйся, Вова. Не советую... Мура! Мир от этого все равно не перевернется.

Е л е н а И в а н о в н а. Я даже не понимаю, Ирина, как вы можете об этом говорить с ним. *(Отходит.)*

В л а д м и р. Мамочка... милая мамочка... если бы ты вернулась в Москву, к своему отцу, годика на четыре раньше...

Е л е н а И в а н о в н а. Что?.. *(Тихо.)* Ты же знаешь, Володя, — за неделю до окончания войны я была тяжело ранена. А потом... *(Еще тише.)* Да, я могла вернуться в сорок восьмом... Но мне казалось... тогда казалось... что это будет свыше моих сил, жить с твоим отцом в одном городе... Даже в многомиллионной Москве.

В л а д и м и р. Мамочка...

Е л е н а И в а н о в н а *(перебивает)*. Ты думаешь, я себе это простила? Или когда-нибудь прощу?

В л а д и м и р. Не терзай себя, мамочка. Я бы и в срок восьмом не ушел к тебе. *(С усмешкой.)* Разве можно уйти от такого замечательного отца?

Лают собаки.

И р э н. Он!

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Вышел пасьянс!.. *(Владимиру.)* Я, дружок, на тебя загадала. Все будет благополучно.

В л а д и м и р. На том свете или на этом?

Входит Стругов.

Стругов. На том, на том.

И р э н. А фронт?

Стругов. А фронт. *(Елене Ивановне.)* Ты рада?

Е л е н а И в а н о в н а. Да.

Стругов. Ну что же, радуйся. *(В дверях.)* Настя!..

И р э н. Она, вероятно, пасьянс раскладывает.

Стругов. Я бы выпил рюмку водки... Угостите меня, Лидия Эрнестовна... И грибок... маринованный...

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Слушаюсь... Я ведь в вашем доме за молоденькую горничную. *(Собирает карты.)*

Стругов. А что это за веселье на катке? *(Подходит к окну и раздвигает шторы.)* Лихо танцуют!..

В л а д и м и р. Это наши студенты, папа. Сегодня студенческий карнавал.

Стругов *(помрачнев)*. Э-э-э...

В л а д и м и р. А твой сын, папочка, — выплюнутый.

Стругов. Словечко точное. *(Загегривает шторы.)* На Крымском мосту у нас камера лопнула... Менять пришлось... Возились, возились...

Лидия Эрнестовна уходит.

И р э н *(мужу)*. Ну?.. Что было у Никитова?.. Словно все мы ни при чем. Ты один существуешь!..

В л а д и м и р. Отец же сказал: на том свете все будет благополучно.

И р э н. И в этом я не слишком уверена.

С т р у г о в. Никитов посоветовал Владимиру отправиться к черту на куличики.

И р э н. Интересно!

Е л е н а И в а н о в н а. Скажи точно его слова.

С т р у г о в. Стенографически?.. Изволь: «Вашему сыну, — было сказано, — надо как следует поработать. Рядом с настоящими людьми. И где-нибудь подальше от Гранд-отеля».

Е л е н а И в а н о в н а. И от тебя?

С т р у г о в. Это он, вероятно, подразумевал.

И р э н. А университет по шапке?

В л а д и м и р. Университет, комсомол... выгнали вон, приняли обратно.. Если б вы только знали, до чего ж все это сейчас меня не волнует. *(Идет к двери.)*

Е л е н а И в а н о в н а. Ты куда?.. Володя!.. Ты куда?..

В л а д и м и р *(не отвечает).*

Е л е н а И в а н о в н а. Володя!

В л а д и м и р. Мне надо позвонить по телефону. *(Уходит.)*

Е л е н а И в а н о в н а. Что еще говорил Никитов?

С т р у г о в. Да все больше... о воздухе. Оказывается, что во всем виноват плохой воздух.

Е л е н а И в а н о в н а *(вне себя).* Николай!..

С т р у г о в. Я это серьезно. «Воздух, говорит, во-о-оздух!.. Чем, говорит, ваш сын дышал дома? В семье?»

Е л е н а И в а н о в н а. Чем?.. Цинизмом! Враньем! Омерзительным лицемерием!

С т р у г о в. Вот, вот!.. Замечательно спелись. В одну дуду... с этим Никитовым.

Е л е н а И в а н о в н а. Из своих лабораторий ты ведь не стал бы выпускать брак? Научный брак. Позорно? Преступно?.. А из дома, из своего дома, из своей семьи, — выпускать в жизнь растленного человека — это что?.. *(Тихо.)* Одни стихи Владимира чего стоят!

С т р у г о в. Раздули паникадило с этими паршивыми стишками!.. Что?.. Что?.. Ну, начитался декадентов мальчишка... и вся музыка!

Е л е н а И в а н о в н а. Это наш с тобой «мальчишка» — студент третьего курса. Студент филологического факультета. Через два года он должен был стать педагогом. Понял? И сам воспитывать детей. Советских детей!

Возвращается Л и д и я Э р н е с т о в н а

Л и д и я Э р н е с т о в н а (*Стругову*). Сейчас сервирует... А ведь Настя действительно раскладывала пасьянс!

Е л е н а И в а н о в н а (*Стругову*). Надеюсь, больше никуда не будешь соваться?

С т р у г о в. Подумаем об этом.

Е л е н а И в а н о в н а. А я запрещаю!

С т р у г о в. Хорошо бы матери иметь и материнское сердце.

Е л е н а И в а н о в н а. Отец!.. С отцовским сердцем!

С т р у г о в. Разрешите, товарищ судья, сесть на скамью подсудимых? (*Берет кресло и садится.*) Ирина!.. Садись рядом. (*Придвигает второе кресло.*) Прошу покорно!

И р э н. Я предпочитаю смотреть комедии из партера, а не разыгрывать их. Не выношу самодеятельности.

С т р у г о в (*Елене Ивановне*). Ну, суди, суди!.. Произнеси еще что-нибудь карательно-воспитательное. Обожаю проповеди!.. А на сон грядущий, надеюсь, еще от Ирины получить порцию душеспасительного. Она вот не пожелала сесть рядом со мной на скамью.

И р э н. Обязательно выдам. Для собственного удовольствия. Ведь все нравоучения читаются для собственного удовольствия.

С т р у г о в. Я, разумеется, всех исковеркал. И тебя... И Юрку... И Настю... И Лидию Эрнестовну.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Меня, будьте любезны, оставьте в покое.

С т р у г о в. Страусы-самцы сами высиживают своих птенцов. Вместо матери. (*Елене Ивановне.*) Каюсь, признаю свою ошибку, — я не страус, не умею высиживать.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. У Юрочки, к счастью, еще бабушка имеется. И мне никакая школа не помешает.

Стругов. Что верно, то верно. Никакая школа не помешает вам его искалечить.

Лидия Эрнестовна. Ирэн, ты слышишь?.. Я калечу Юрочку!

Ирэн. Поскольку это в твоих слабых силах, мамочка.

Лидия Эрнестовна. Боже мой! Боже мой!..

Ирэн. Не падай духом. Мы все тебе по возможности помогаем.

Елена Ивановна (*погойдя к двери*). Володя!.. (*Прислушивается.*) Володя!..

Стругов. Я отдам Юрку в Нахимовское. Он у меня флотоводцем будет.

Ирэн. Вторым Нахимовым!.. Ты — второй Дарвин, Вовочка — Лермонтов, а он — Нахимов.

Елена Ивановна. Где же Володя?.. (*С беспокойством.*) Странно...

Вбегает Настя.

Настя. Владимир Николаевичу плохо... отравился...

Елена Ивановна вскрикивает.

Стругов. Что?.. Что?..

Лидия Эрнестовна. Господи боже ты мой!..

Ирэн. Ужас!.. Ужас!..

Елена Ивановна, Стругов, Ирэн и Лидия Эрнестовна выбегают.

Настя (*сквозь слезы*). Такой молоденький...

За сценой шум. Лают собаки.

Настя. А собаки-то... как люди... все понимают... (*Садится и вытирает фартуком глаза.*) Вот она... любовь-то... что делает...

Возвращается Ирэн.

Настя. Ирина Робертовна... милая... помер?..

Ирэн (*спокойно*). Отчего?.. От валерьянки?..

Настя. Так они ж разве валерьянкой?.. Они же капельками... Николая Денисовича...

И р э н. Успокойтесь, Настя: такая же ерунда.

Н а с т я. Слава тебе, господи!

Возвращается С т р у г о в .

Н а с т я. Выпили пузырек-то и ко мне: «Настенька, я отравился...» И весь дрожит, как листочек. *(Уходит.)*

И р э н. Это что — и для желудка не вредно?.. От валидола расстройств не бывает?.. А может Вовочке все-таки дать что-нибудь?

С т р у г о в. Две хороших оплеухи от моего имени. Самое лучшее противоядие от этого «смертельного яда».

И р э н. Такое противоядие ты уж сам дал своему сыну. *(Опускается в кресло.)* Балаган!

С т р у г о в. Послал бог сынка.

И р э н. А я уж позавидовала Вовке: вот, думаю, молодец.

С т р у г о в *(брезгливо)*. Умница!

И р э н. Жизнь — балаган, смерть — балаган.

С т р у г о в. Владимир знает, что я принимаю четыре капли, ну и решил, что от двадцати пяти отравится — туда, к праотцам. И перетрусил... О смерти-то, моя дорогая, только говорить легко.

Возвращается Л и д и я Э р н е с т о в н а .

Л и д и я Э р н е с т о в н а *(Стругову)*. Вас просит к телефону какой-то Рукавишников.

С т р у г о в. Благодарю. *(Уходит.)*

И р э н. Ну?.. Как себя чувствует наш самоубийца?.. Небось, плачет шалунишка?.. А мамочка слезки вытирает?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Собираются уезжать.

И р э н *(удивленно)*. Уезжать?.. Вовочка?..

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Он сказал: «Сейчас! Сию минуту!»

И р э н. На Арбат?..

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Что ж, комната у нее большая, двадцать девять метров, три окна. Прекрасно разделить можно.

И р э н. Скатертью дорога!

Настя подает водку и белые маринованные грибки.

Н а с т я. Значит, сегодня а-ла-фуршет кушать будут?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Сколько раз я вам говорила: «А ля!.. А ля!.. А вы: А лла!.. а лла!..»

Н а с т я (повторяет). А ля... А ля... А ля... Кошмар прямо!

Н а с т я уходит.

И р э н. Ну?..

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Только Юрочку разбудили... Бедный ребенок! И так у него нервы не в порядке.

И р э н. Не скули, мама... И без тебя тошно. Всю квартиру обскулила... Налей мне рюмку.

Возвращается Е л е н а И в а н о в н а, молча берет свой портфель со стула.

Е л е н а И в а н о в н а. Володя просит прощения за беспокойство, которое он вам доставил.

И р э н. Пожалуйста, пожалуйста.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Он же не умер... слава богу.

Е л е н а И в а н о в н а. До свиданья.

И р э н. До свиданья. Не забывайте нас.

Е л е н а И в а н о в н а. Не забуду.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. И Вовочка с вами уезжает?

Е л е н а И в а н о в н а. Да, уезжает.

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Счастливого пути.

Е л е н а И в а н о в н а уходит.

И р э н. Ты не находишь, мама, она довольно сухо с нами простилась?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Такое уж время... Мы с тобой двенадцать лет воспитывали ее сына, двенадцать лет он жил у нас в доме и никакой благодарности, никакой!

Входит Н а с т я с пирожками.

Н а с т я. Уехали... Я, значит, спрашиваю: «Елена Ивановна, такси вызвать?» А они: «Нет, Настенька, не надо. Мы поедем на троллейбусе...» Как в сказке! (Уходит.)

И р э н. Дрессировка началась.

Возвращается Ст р у г о в .

Ст р у г о в. Тара... ра... бумбия... сижу на тумбе я!..
(Раскланивается.) Разрешите представиться! Че-бу-ты-кин!

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Что?.. Какой еще Чебу-тыкин?

Ст р у г о в. Тара... ра... бумбия...

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Ах, это тот старый пьяница из «Трех сестер»... Нашли с кем себя сравнивать!

Ст р у г о в (по-стариковски). «И стану я теперь таким тихоньким... благо... благоутодным, приличненьким...»

И р э н. Фиглярничаешь?

Ст р у г о в. Нет, я буду волосы на себе рвать! И кулаками в грудь бить!.. При почтеннейшей публике.

И р э н. Кто тебе звонил?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Старинный приятель. Душевный человек! Один из тех добрых, отзывчивых людей, которые обожают первыми принести на хвосте дурную весть. И выразить свое искреннейшее сочувствие.

И р э н. Да что он тебе сказал? (Взрываясь.) Что, что, что?

Входит Ю р а в длинной ночной рубашонке.

Ст р у г о в. Он сказал: «Завтра, Коля, идет о тебе фельетон в "Правде" под названием "Добрый папа"».

Ю р а. Э-э-э... табак дело!

И р э н. Блеск!

Ст р у г о в. За Владимира получаю.

Ю р а. А за меня?

Ст р у г о в. В Ленинград! В Нахимовское! Завтра же!

Л и д и я Э р н е с т о в н а (сквозь слезы). А я, Николай Денисович?

И р э н. Стругова на мусор?.. Поздравляю.

Ст р у г о в. Правильно!.. Падающего подтолкни.

Ю р а. А я не на мусор?.. Меня перековывать будут?

Л и д и я Э р н е с т о в н а. Деточка моя, птенчик...

Ю р а. Вот тебя давно уже на мусор пора!
Л и д и я Э р н е с т о в н а. Боже мой, боже мой!..
С т р у г о в. Тара... ра... бумбия... сижу на тумбе я...
Ю р а. Сидишь.

Конец.

Ленинград 1952—1953 гг.

Анне Борисовне Никришиной —
первой исполнительнице ролей
Елизаветы Алексеевны,
Веры Николаевны,
Александры Николаевны
и Елены Павловны.

В МАШИНЕ ПЯТЬ МЕСТ

(из цикла «Маленькие комедии»)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александра Николаевна Рязанова, директор
средней школы.

Виктор, ее сын, художник.

Комната. На столе лежат раскрытая книга, очки. На рояле — широкополая соломенная шляпа. Входят Виктор и Александра Николаевна.

Виктор. Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья!..

Александра Николаевна. Вот в жизни
бывают и приятные неожиданности.

Виктор. Это, конечно, ко мне относится!

Александра Николаевна. Давай, давай
шляпу.

Виктор (целует ее в щеки). В правую... В левую...
(Но руку со шляпой убирает за спину).

Александра Николаевна. Только, значит,
я открыла журнал...

Виктор *(не слушая)*. Теперь посередке. *(Целует в нос.)*

Александра Николаевна *(с нежностью)*. Подожди...

Виктор. Ни в коем случае, мамочка! *(Целует.)*

Александра Николаевна. Кто же целует в нос?

Виктор. Я!

Александра Николаевна. Только уселась, вдруг... *(Подражая автомобильному гудку.)* У-у-у-у... О, думаю, это похоже на позывные моего героя... Подбегаю к окну, — ты.

Виктор. А как же!..

Александра Николаевна *(улыбаясь)*. Ушам и глазам не поверила.

Виктор. Почему же, мамочка?

Александра Николаевна. Сегодня, Витя, не твой день. Не среда.

Виктор. Я, мамочка, занят, как сорок тысяч чертей. Мне же скоро картину сдавать. Ух, так соскучился по тебе! Зверски соскучился!

Александра Николаевна. Шляпу, шляпу...

Виктор *(целует руку, протянутую за шляпой)*. Этот... этот... этот... и этот... Каждый пальчик. *(И опять прячет шляпу за спину.)*

Александра Николаевна. Шляпу!

Виктор. Я, мамочка, на минутку.

Александра Николаевна. И не мечтай. *(Отбирает у него шляпу и кладет ее на роуль рядом со своей.)* Я сейчас кофе поставлю.

Виктор. Меня, мамочка, у Бобровых ждет Валентина. Куда-то собрались всей компанией. *(Без особой заинтересованности.)* А что у тебя в школе новенького?

Александра Николаевна *(шутливо)*. Присесть, мой друг, тоже разрешается. *(Показывает на кресло.)*

Виктор *(не сажаясь)*. Все, разумеется, обстоит как нельзя лучше? *(Берет ее за обе руки.)* Ах, ты мой образцовый директор!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Ты в этом уверен?

В и к т о р . Еще бы!.. Третий год об этом в «Учительской газете» читаю. Даже надоело. Хотя бы разок тебя выругали. Для разнообразия, мамочка.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Могу тебе это пообещать.

В и к т о р . Что?

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Разнообразие.

В и к т о р . Не верю!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а *(серьезно)*. Матью Игнатьевну третьего дня в восьмом классе на печку посадили. Под самый потолок.

В и к т о р . Высоковато!.. *(Смеется.)* На горячую?

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . В мае печек не топят.

В и к т о р . Повезло!.. Оттуда она и преподавала свою географию?.. С печки?.. *(Смеется.)*

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Нет... плакала.

В и к т о р . А ты бы что на ее месте сделала?

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Не знаю. Еще не сидела.

В и к т о р . И на том спасибо.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Именно.

В и к т о р . Но все же, мамочка, как же это так? Ведь ей под семьдесят... Сама доброта!.. Божья старушка.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Вот за это и попала на печку. Не будь старушкой.

В и к т о р . Правильно! В нашу эпоху это не занятие. А почему, мамочка, ты ее на пенсию не отправила?

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Потому что и я божья старушка.

В и к т о р . У тебя, мамочка, в душе — ни одного седого волоса! И на голове тоже.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Выдрала.

В и к т о р . Ах ты, кокетка!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а . Само собой. Как все женщины под пятьдесят.

В и к т о р *(нежно берет ее за плечи)*. А вот глаза твои, мамочка, мне сегодня не нравятся. *(Целует ее в глаза.)*

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Хватит, хватит целоваться.

В и к т о р. Нельзя всякую ерунду переживать, как жизненную трагедию.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Это все не так просто, Витя. И не такая уж ерунда.

В и к т о р. Тебе, мамочка, необходимо отдохнуть, отвлечься. Для этого лучшее средство — физическая работа... Вот Екатерина Вторая вышивала незабудки на салфеточках; Лев Толстой тачал сапоги; я — посуду мою после гостей. А ты, мамочка... *(Загумывается.)* А ты... *(Хлопнув себя по лбу.)* Гениальная идея!.. Займись, мамочка, пирожками. Моими любимыми! С грибами и зеленым луком! Просто мечтаю о них!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Сбудется твоя мечта.

В и к т о р. Я и не сомневался!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Значит, завтра ждать вас с Валей ко мне на воскресный обед? На бульон с пирожками?

В и к т о р. Завтра?.. *(Вздохнув.)* Нет, мамочка, завтра это не выйдет. Обед не выйдет.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Хотите поужинать? Это тебя больше устраивает? Замечательно!.. Так давно вечером не сидели вместе. *(Без упрека.)* Года полтора, пожалуй!

В и к т о р. Да неужели?

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Чем же мне вас угощать? Заказывай, мой друг.

В и к т о р. Этот ужин, мамочка, мы устроим в другое воскресенье.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а *(разочарованно)*. В другое?..

В и к т о р. В следующее, мамочка.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Ну, в следующее так в следующее.

В и к т о р. А завтра мы собираемся махнуть на моей «Победе» к Серебряному озеру.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. О, это еще замечательнее!.. Тогда я наварю крутых яиц...

Виктор. Преле!..
Александра Николаевна. Что?
Виктор. Прелестно!
Александра Николаевна. У меня есть великолепная вобла...
Виктор. Красота!
Александра Николаевна. И картошку надо захватить... чтобы в костре печь...
Виктор. Всенепременно!
Александра Николаевна. И на лодочке потом покататься.
Виктор. Поэзия!
Александра Николаевна. Если уж начистоту, я и вправду что-то не того... Из колеи выбилась... *(Отмахнувшись.)* А!.. Не люблю хныкать. *(Нежно гладит его по волосам.)* Лучшего отдыха ты для меня и придумать не мог.
Виктор *(растерянно)*. А?..
Александра Николаевна. Спасибо, мой мальчик!
Виктор *(поперхнувшись)*. Не за что, мамочка... Не за что...
Александра Николаевна. Спасибо, родной!
Виктор. Мне и в голову не влетело, мамочка, что ты так любишь эти прогулки.
Александра Николаевна. На таком пикнике, Витя, твой покойный папа и влюбился в меня. А я по нему с ума сошла... На всю жизнь.
Виктор. В таком случае...
Александра Николаевна. Имей в виду, я ранняя птица. Можешь, Витя, захватить за мной и в восемь, и в семь.
Виктор. Видишь ли, мамочка... *(Чешет за ухом.)* Вот незадача!..
Александра Николаевна. Незадача? В чем дело?
Виктор. Да я, мамочка, Бобровым обещал... Мы у них часто бываем... Надо же чем-то отплатить. Правда?
Александра Николаевна *(тихо)*. Да, да...

В и к т о р. Все-таки приятели, милые люди.
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Так ведь в ма-
шине, Витя, пять мест. Значит, одно свободно.
В и к т о р. Их-то, мамочка, двое. А нас трое.
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Трое?.. А кто
третий?
В и к т о р. Ну, я, Валентина и Рекс.
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Кто?
В и к т о р. Рекс... Псина наша...
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Ах, прости, я и
забыла про вашего добермана.
В и к т о р. Это же удивительный пес!
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Может быть,
ваш удивительный пес на этот раз посидит дома?
В и к т о р. Рекс?.. Ой, мамочка, это совершенно не-
возможно! Он же форменный неврастеник. Он с тос-
ки повесится, если его оставить одного на целый день в
квартире... Да и Валентина моментально скажет: «Нет
уж, тогда я останусь дома, а вы все поезжайте! Поезжай-
те без меня».
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Да, да... собак
она любит.
В и к т о р. До сумасшествия!.. И как бы я ни угова-
ривал, Валя будет твердить одно: «Я Рекса не предаю».
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а *(тихо)*. Собак
нельзя предавать... Собак нельзя.
В и к т о р. Знаешь что, мамочка... Гениальная
мысль!.. Мы этот наш пикник повторим в следующее
воскресенье. Я заеду за тобой ровно в восемь.
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Хорошо, хоро-
шо...
В и к т о р. Не «хорошо, хорошо», а преле!.. *(Крепко
целует ее.)*
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Хватит, Витя.
В и к т о р. Тебе хватит, а мне не хватает! *(Целует.)*
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Оба вы у меня
такие.
В и к т о р. У нашей Танюхи губки послаще.
А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Еще бы!
В и к т о р. Мать, я ревную!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Тут мне ее подруга звонила... Танечка собирается отдыхать на Рижском взморье.

В и к т о р. Одобряю... А почему бы, мама, и тебе не поехать вместе с Таней?

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. У нее там своя компания.

В и к т о р. Прелестно! Кто-то ей компания, а ты?.. Ты — нет? Не компания?.. Черт знает что!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Это жизнь, Витя.

В и к т о р. Вздор! Это черная неблагодарность, а не жизнь!.. Ты получила от нее письмо?

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. В прошлом месяце получила.

В и к т о р. А в этом?

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Нет.

В и к т о р. Вот свинья!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Ты ведь знаешь, как она занята.

В и к т о р. Глупости! Полчаса для своей матери всегда найти можно. Только бы иметь желание.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. У нее репетиции, спектакли, приятели...

В и к т о р. Приятелей у человека много, а мать одна... Татьяна ведет себя возмутительно! Бесчеловечно!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. До чего же ты суров, мой друг.

В и к т о р. Это дикий эгоизм. Дичайший!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Не надо волноваться, Витя.

В и к т о р. Да как я могу не волноваться? Ты же мне мать!.. А служить Татьяне надо здесь, в Ленинграде. И жить она должна с тобой, мамочка. Чтоб тебе не было так одиноко!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а. Все дети улетают из родного гнезда. Оперятся, подрастут крылышки и — улетают.

В и к т о р. Между птицей и человеком как будто есть разница. У человека, по слухам, имеется душа, серд-

це, моральные обязанности. *(Смотрит на часы.) Ой!.. (Впопыхах хватает с рояля шляпу Александры Николаевны и надевает ее.)*

Александра Николаевна *(с улыбкой)*.
Витя, ты взял мою шляпу.

Виктор. Что?.. *(Снимает с головы, смотрит.)* Футы!.. Совсем запарился. *(Меняет на свою.)*

Александра Николаевна. Кланяйся Вале.

Виктор *(сгоряча)*. Вот я скоро уеду в Москву...

Александра Николаевна. Когда?

Виктор. В следующую субботу. На два дня. На воскресенье и на понедельник.

Александра Николаевна *(с грустной улыбкой, не лишенной иронии)*. Счастливого пути!.. Так я тебе для Танюши посылочку приготовлю.

Виктор. Ах, мама, мама, ты ее вконец испортишь!

Александра Николаевна. В среду об этом поговорим. В твой день, Витя.

Виктор. Ой, мамочка, в среду мы идем на премьеру «Пиковой дамы».

Александра Николаевна. Ну, через среду. Словом, когда будешь свободен.

Виктор. Поговорим, поговорим. Серьезно! Принципиально! О воспитании!.. А за пирожками, мамочка, я завтра заеду ровно в восемь. Смотри, не проспай... Прощай, пустынный уголок!.. *(С порога посылает воздушный поцелуй правой рукой, потом левой, потом машет обеими и скрывается.)*

Занавес.

МАМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В е р а Н и к о л а е в н а.
Н и н а, ее дочь.

Входит В е р а Н и к о л а е в н а. У нее в руках шелковая косынка,
только что выглаженная.

В е р а Н и к о л а е в н а (*напевает «Школьный вальс»*).

В саду березки с кленами
Встречают нас поклонами...

Н и н а!..

Н и н а (*из соседней комнаты*). Что-о?

В е р а Н и к о л а е в н а. Я твою блузку тоже выгладила. Можешь взять.

Н и н а. Благодарю-ю!

В е р а Н и к о л а е в н а. И быстренько одевайся.

Н и н а. Есть!

В е р а Н и к о л а е в н а (*напевает: «В саду березки с кленами»*). Нина!.. Нинуля!..

Н и н а. Что?

В е р а Н и к о л а е в н а. Ты не помнишь, где мой бинокль?

Н и н а. Вероятно, в буфете!

В е р а Н и к о л а е в н а. Я тебя серьезно спрашиваю. Poiици, пожалуйста.

Н и н а. Сейчас.

В е р а Н и к о л а е в н а. И новую сумку.

Н и н а. Где она?

В е р а Н и к о л а е в н а. В комоде, в верхнем ящике. *(Вынимает из футляра клипсы. Надевает их.)*

Н и н а. Совершенно точно!

В е р а Н и к о л а е в н а. Нашла?

Н и н а. Нет.

В е р а Н и к о л а е в н а. Да что ты... А я отлично помню, как туда положила. *(Набрасывает на плечи козынку.)* Тогда посмотри в большом чемодане.

Н и н а. Слушаюсь!

В е р а Н и к о л а е в н а. Там, там...

Входит Н и н а с биноклем и новой сумкой.

Спасибо, Нинулька. *(Берет сумку.)* А где она была?

Н и н а. В книжном шкафу, мамочка. А бинокль в буфете.

В е р а Н и к о л а е в н а *(с удивлением)*. Где?

Н и н а *(совершенно спокойно)*. В глубокой тарелке.

В е р а Н и к о л а е в н а. В глубокой тарелке!... Но как он в нее попал?

Н и н а. Очень просто, мамочка: ты его туда положила.

В е р а Н и к о л а е в н а *(смеется)*. Это верно. *(Неожиданно.)* А чему, собственно, ты удивляешься?

Н и н а. Я, мамочка, и не думаю удивляться. Ведь мы с тобой старые знакомые. Двадцать первый год пошел.

В е р а Н и к о л а е в н а. Когда ты кончишь медицинститут и станешь врачом...

Н и н а *(продолжает)*. ...и у меня будет столько же больных, как у тебя...

В е р а Н и к о л а е в н а *(продолжает)*. ...и столько же отчетов!

Н и н а. Тогда и я буду класть бинокль в глубокую тарелку.

В е р а Н и к о л а е в н а. Обязательно.

Н и н а *(обнимает ее)*. Какая ты у меня сегодня интересная, мамочка!

В е р а Н и к о л а е в н а. Тише, тише!.. Не сомни блузку. Я ее полчаса гладила.

Н и н а. Знаешь, на кого ты у меня похожа? Знаешь, мамочка? *(Вновь обнимает ее.)*

В е р а Н и к о л а е в н а *(с легкой иронией)*. Нина!.. Я же сегодня была у парикмахера.

Н и н а. Ты похожа на Наташу Ростову!.. Честное слово!.. На Наташу Ростову, когда она собиралась на свой первый бал. Для нее это было колоссальным событием! Ты, мамочка, точно так же собираешься в театр... Маникюр! Прическа! Новое платье! Чулочки с контурными пятками!.. *(Крутит ее.)* Наташа Ростова, Наташа Ростова!..

В е р а Н и к о л а е в н а *(с нежностью)*. Отстань!.. *(Берет шпильки.)* Да, событие... Для твоей матери это целое событие... Потому что, когда «Плоды просвещения» идут в Художественном театре, у меня обязательно вечерний прием. *(Закалывает волосы.)* Ну, вот сегодня... пришлось идти к Татьяне Андреевне... просить ее об одолжении... чтобы она меня заменила... А ты знаешь, как я этого не люблю...

Н и н а *(порывисто обнимает)*. Сочувствую, мамочка!

В е р а Н и к о л а е в н а *(в отчаянии)*. Уши!.. Мои несчастные уши!..

Н и н а. Живы, мамочка!.. И они и ты.

В е р а Н и к о л а е в н а. Неужели и я?.. Это почти невероятно.

Н и н а. О, ты у меня очень выносливая! *(Звонко.)* А завтра Владимир возвращается из командировки!

В е р а Н и к о л а е в н а. Поедешь встречать?

Н и н а. Не-е-е!.. Он же приезжает спозаранку! В девять ноль-ноль.

В е р а Н и к о л а е в н а. Для тебя это, конечно, равновато.

Н и н а. Какие, мамочка, у тебя хорошенькие ножки в этих туфлях!.. Если бы, Вера Николаевна, я была вашим кавалером...

В е р а Н и к о л а е в н а. А ты, Нинуха, и есть мой кавалер. Мой чудный кавалер! Поэтому сегодняшний день для меня настоящий праздник. Двойной праздник! Это ведь не часто бывает.

Н и н а *(лукаво)*. Почему же двойной?

В е р а Н и к о л а е в н а. Ну, во-первых, я иду в Художественный театр на «Плоды просвещения. И, во-вторых, — с таким чудным кавалером!

Н и н а. Точно.

В е р а Н и к о л а е в н а. С которым, к сожалению, мне удастся так редко видаться. То я занята, то мой кавалер занят, то он мне изменяет.

Н и н а (*искренно*). Я?.. Изменяю?.. Тебе, мамочка?.. Тебе?..

В е р а Н и к о л а е в н а. То со своими приятельницами, то со своим приятелем... (*Улыбнувшись*.) Скажем так.

Н и н а. Фу, какая же я неблагодарная пакость!

В е р а Н и к о л а е в н а. Ну, ну... (*Ласково*.) Я пошутила.

Н и н а. После смерти папы ты всем для меня пожертвовала. Ты, мамочка, шестнадцать лет жила молодым красивым холостяком!

В е р а Н и к о л а е в н а. Не очень-то молодым и не больно красивым.

Н и н а. Только не прибедняйся! Сергей Александрович третью пятилетку в тебя влюблен.

В е р а Н и к о л а е в н а (*несколько смутившись*). Что за ерунда...

Н и н а. А Петр Петрович из Москвы бежал после твоего отказа.

В е р а Н и к о л а е в н а. Не фантазируй, пожалуйста.

Н и н а. Дорогие родители, имейте в виду: мы, дети, уже с шестилетнего возраста все о вас знаем. Абсолютно.

В е р а Н и к о л а е в н а. Какой ужас!

Н и н а. Так вот, очаровательная Вера Николаевна: вам тоже очень нравился кандидат медицинских наук Петр Петрович.

В е р а Н и к о л а е в н а. Ничего подобного!

Н и н а. Посмотрите-ка мне в глаза, Вера Николаевна.

Звонок.

В е р а Н и к о л а е в н а (*обрадовавшись*). Телефон звонит!..

Н и н а. Это Петр Петрович из Владивостока! *(Убегает.)*

В е р а Н и к о л а е в н а *(с нежностью)*. Вот балда!.. *(Напевает, перекладывая вещи из старой сумки в новую.)*

В саду березки с кленами
Встречают нас поклонами
И школьный вальс
Опять звучит для нас...

Возвращается Н и н а.

Н и н а *(сияя)*. Володя вернулся!.. Герой!.. На четырнадцать часов раньше!.. «Работал, говорит, как хороший мотор!..» Это, чтобы ко мне поскорей прискакать... Вот мы какие!

В е р а Н и к о л а е в н а. Я совершенно уверена, если бы все командированные были влюблены в своих жен или в своих девушек так же, как Володя в тебя, длинных бы командировок не существовало.

Н и н а. Ясно!

В е р а Н и к о л а е в н а. И заседаний тоже.

Н и н а. Конечно!

В е р а Н и к о л а е в н а. А то мужчины домой не очень торопятся. Сидят себе — покуривают и разговаривают. Надо или не надо. *(Взглянув на часы.)* У-у, четверть восьмого... Ты готова, Ниноля?.. Терпеть не могу приходить в театр к третьему звонку.

Н и н а. Mamочка... дорогая... милая... видишь ли... *(С глубоким вздохом.)* Я не могу сегодня идти в театр.

В е р а Н и к о л а е в н а *(растерянно)*. Что?..

Н и н а. Володя, как услышал, что я вечером не свободна, сразу такой грустный стал, такой грустный!..

«Я, говорит, к тебе несся из командировки на самолете...» Вот сумасшедший!.. А поездом всего четыре часа... *(Печально.)* Словом, я не могу идти в театр, не могу... Ты меня понимаешь?.. Понимаешь?

Вера Николаевна молчит.

Что же ты молчишь? Ну, скажи, понимаешь?

В е р а Н и к о л а е в н а *(тихо)*. Хочу понять.

Н и н а. Ведь я, мамочка, не виделась с ним целую вечность!

В е р а Н и к о л а е в н а (с улыбкой). А по нормальной арифметике — два дня.

Н и н а. Стоп, стоп!.. Почему — два?.. Ведь он уехал в четверг... Значит: четверг, пятница, суббота!

В е р а Н и к о л а е в н а. Правильно... Четверг, пятница и суббота. (Тихо.) Но ведь до этого, Нина, ты все вечера проводила с ним. Все.

Н и н а. А у тебя, мамочка, в это время была интересная книга. Ты сама говорила: «Ничего, ничего... ступай... я почитаю».

В е р а Н и к о л а е в н а. Да, да...

Н и н а. Я ему, понимаешь, кричу в телефон: «Володя, иди с нами на "Плоды просвещения"». А он: «Ты, говорит, Нина, даешь очень реальный совет. Иди... в субботу... под выходной... в МХАТ... да еще на "Плоды просвещения"!.. А билет?»

В е р а Н и к о л а е в н а. Это верно. Я купила за девять дней...

Н и н а. Само собой!

В е р а Н и к о л а е в н а. Что же вы сегодня будете делать?

Н и н а. Побродим... Посидим на скамеечке возле Пушкина.

В е р а Н и к о л а е в н а. В такую-то погоду!.. Изморозь, слякоть...

Н и н а. Куда же, мамочка, деться?.. В кино идут старые картины, видели и перевидели... Да опять же суббота, в очереди за билетами настоишься... Нет, уж лучше на скамеечке посидеть. Я зонтик возьму, боты надену...

В е р а Н и к о л а е в н а. А почему бы не посидеть дома, в тепле, на мягком диване?

Н и н а. Диван, паровое отопление, четыре стены... Надоело! Настроение не такое!

В е р а Н и к о л а е в н а. Значит, по-твоему, лучше грипп получить?.. Самое гриппозное время!

Н и н а. Володя сказал: «Ой, Нина, какая ты счастливая, что идешь на "Плоды"!..» Вот видишь... (Горячо.) Я счастливая, а он?.. А Володя в эту минуту?.. Знаешь, у

меня просто сердце разрывается, как подумаю... Нет, уж если страдать, так страдать вместе!

Вера Николаевна молча вынимает билеты из сумки и протягивает их Нине.

Что это, мамочка?

В е р а Н и к о л а е в н а. На.

Н и н а. Билеты?

В е р а Н и к о л а е в н а. Бери, бери.

Н и н а. Ну как же это так, мамочка?..

В е р а Н и к о л а е в н а. Бери, и не разговаривай.

Н и н а. А ты?.. *(Берет билеты.)*

В е р а Н и к о л а е в н а. А я пойду как-нибудь в следующий раз... Может быть, и ты будешь свободна.

Н и н а *(кладет билеты)*. Нет, это невозможно!

В е р а Н и к о л а е в н а. Поторавливайся, Нина. В театр нельзя опаздывать.

Н и н а. Ты думаешь, мамочка, это не очень большое свинство, если я возьму билеты?

В е р а Н и к о л а е в н а *(рассеянно)*. Что?

Н и н а. Если я пойду с Володей, это будет справедливо?

В е р а Н и к о л а е в н а. Да, да... Справедливо...

Н и н а. А ты будешь сидеть дома, одна...

В е р а Н и к о л а е в н а. Справедливо, справедливо. *(Засовывает билеты ей в карман.)*

Н и н а. Мамочка, золотая моя... *(Целует ее.)*

В е р а Н и к о л а е в н а. Ну-ну...

Н и н а. Я тебе этого век не забуду!

В е р а Н и к о л а е в н а. Ладно, ладно...

Н и н а. Следующий раз уж непременно пойду с тобой. Пусть даже мир перевернется!

В е р а Н и к о л а е в н а. Опоздаешь, Нина, в театр.

Н и н а. Тоже небольшая трагедия.

В е р а Н и к о л а е в н а *(возмущенно)*. Ну, знаешь!..

Н и н а *(перебивает)*. Мамочка, милая, а можно мне взять твои клипсы?

В е р а Н и к о л а е в н а. У тебя же, Нина, три пары своих.

Н и н а. Ой, так все надоели!

В е р а Н и к о л а е в н а. Я тебя очень избаловала.

Н и н а. Безумно!

В е р а Н и к о л а е в н а. На свою шею.

Н и н а. Конечно! *(Нагев клипсы.)* Идут?

В е р а Н и к о л а е в н а. В двадцать лет все идет.

Нина молча обнимает ее и заглядывает в глаза.

В е р а Н и к о л а е в н а. Ну, что?.. Что, Лиса Патрикеевна?

Н и н а. А косыночку можно?

В е р а Н и к о л а е в н а. Снимай.

Н и н а. Это я и думаю сделать. *(Снимает.)* Вот и раздела собственную мать! *(Завязывает косынку.)* Идет?

В е р а Н и к о л а е в н а. Идет.

Н и н а *(ластится)*. А туфли, мамочка?..

В е р а Н и к о л а е в н а. Твои, Нина, ничуть не хуже.

Н и н а. Но в них я уже четыре раза ходила и театр... С Володей... В тот же Художественный... Честное слово! *(Снимает с ее ног.)*

В е р а Н и к о л а е в н а. Тебя, Нина, драть надо.

Н и н а. Это очень полезно! *(Нагевает туфли.)*

В е р а Н и к о л а е в н а. И во всем виновата я.

Н и н а. Разумеется!

В е р а Н и к о л а е в н а. Я одна.

Н и н а. Приветствую самокритику! *(Любуясь.)* Прелестные туфельки!

В е р а Н и к о л а е в н а. Принеси мне шлепанцы.

Н и н а. Есть! *(Стремглав убегает.)*

В е р а Н и к о л а е в н а *(грустно)*. Бог знает, что я из нее сделала... Нет, нельзя иметь одну дочку... Надо было — две, три...

Н и н а *(из другой комнаты)*. Шесть, семь, восемь! *(Вбегает со шлепанцами в руках.)*

В е р а Н и к о л а е в н а. Спасибо.

Н и н а *(глядит их)*. Мягонькие! Тепленькие!..

В е р а Н и к о л а е в н а. Давай.

Н и н а *(нагевает ей)*. Бедные ножки — они так сегодня набегались, так устали... А теперь, ножки, посидите дома, отдохните.

В е р а Н и к о л а е в н а. Спасибо за добрый совет.

Н и н а. А в каком, мамочка, ряду места?

В е р а Н и к о л а е в н а. В двенадцатом.

Н и н а *(с гримасой)*. Ой!..

В е р а Н и к о л а е в н а. Что такое?.. Тебя это, кажется, не устраивает?

Н и н а. Устраивает, устраивает!.. Я возьму твой бинокль. *(Меняет свою сумку на сумку Веры Николаевны.)* Не скучай, мамочка!

В е р а Н и к о л а е в н а. Постараюсь.

Н и н а. А что будешь делать?

В е р а Н и к о л а е в н а. Полежу, почитаю...

Н и н а. Только не засыпай!

В е р а Н и к о л а е в н а. И подумаю о жизни.

Н и н а. Будем вместе ужинать. Сделай винегрет и рубленую селедочку.

В е р а Н и к о л а е в н а. Хорошо, Нина *(машет рукой)*. Всего!

В е р а Н и к о л а е в н а. Надень боты. Непременно! Слышишь?

Н и н а *(в дверях)*. Целую!

В е р а Н и к о л а е в н а *(вдогонку)*. Нина! Нина!.. Не забудь позвонить Володе, что берешь его с собой в театр!..

Н и н а. А он меня, мамочка, ждет возле МХАТа.

В е р а Н и к о л а е в н а. Уже?.. *(Иронически.)* Вот это совсем прекрасно.

Нина скрывается.

Боты! Боты!.. Надень боты!.. *(Прислушивается.)* Убежала... *(Неторопливо вынимает шпильки из волос.)* Как девчонка... А завтра чихать будет... Просто беда... *(Тихо напевает.)* «В саду березки с кленами...» *(Грустно улыбувшись.)* Неужели все матери такие же дуры?.. *(Неторопливо уходит, чуть шаркая шлепанцами.)*

Занавес.

КУКУШКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр.

Елизавета Алексеевна, его мать.

Александр играет «Патетическую сонату». Он в рубашке, без галстука, рукава засучены. Пиджак повешен на спинку стула. Входит Елизавета Алексеевна. В руках у нее небольшой чемодан. Несколько секунд она стоит молча в некотором замешательстве; потом легким стуком ставит чемодан на пол.

Александр (*повернув голову*). Простите...

Елизавета Алексеевна. Мальчик мой!..

Александр быстро снимает пиджак со спинки стула.

Это я... Я!.. Твоя мама!.. (*Бросается к нему с раскрытыми объятьями.*)

Александр. Это так неожиданно... (*Надевает пиджак.*) Здравствуйте.

Елизавета Алексеевна. Саша... Сашенька...

Александр (*взглянув на чемодан*). Вы прямо с поезда?

Елизавета Алексеевна. Нет... Я с самолета... Я, Сашенька, прилетела.

Александр. Прилетели... Откуда?

Елизавета Алексеевна. Из Новосибирска.

Александр берет у нее пальто, выходит в переднюю, вешает его там и возвращается.

Правда, Саша, ты не сразу узнал меня?

Александр. Я?.. (Хочет повязать галстук.)
Елизавета Алексеевна. А зачем галстук?
Александр. Последний раз мы виделись с вами...
и то очень недолго... на похоронах папы...

Елизавета Алексеевна. Да-а... (Тихо.) На похоронах папы...

Александр. Что же вы стоите? (Придвигает ей кресло.)

Елизавета Алексеевна. Спасибо. (Садится.)

Александр. Вы тогда тоже, если не ошибаюсь, откуда-то прилетели?

Елизавета Алексеевна. Из Ташкента.

Александр. Это было... шестнадцать лет тому назад.

Елизавета Алексеевна. Да, словно в другую эпоху.

Александр. Папа умер в самый день моего рождения, мне исполнилось тогда семь лет.

Елизавета Алексеевна. Семь?.. Стой, стой... (Вспоминает.) Да, тебе было семь лет! Ровно семь.

Александр. С тех пор не только я, но и вы, пожалуй, несколько изменились.

Елизавета Алексеевна. О, я была совсем тоненькая. Как тростинка. (Печально.) А теперь... Боже мой, боже мой, как летит время!

Александр. Что же вы шляпу не снимаете?

Елизавета Алексеевна (снимает шляпу и кладет ее на столик). Вы, наверно, проголодались? Я сейчас сбегаю. Заработался, в доме ничего нет. У нас гастроном напротив.

Елизавета Алексеевна. Не надо, Сашенька, не надо. Я позавтракала на аэродроме.

Александр. Тогда, может быть, чаю?

Елизавета Алексеевна. Нет, нет! Я пью совсем мало. Диета!

Александр. Вы больны? Что у вас?

Елизавета Алексеевна. А вот полнею, начала полнеть.

А л е к с а н д р. А-а-а!..

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Саша, а почему ты мне говоришь вы?

А л е к с а н д р (*уклончиво*). Да ведь мы с вами мало знакомы.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Ах, как глупо сложилась жизнь!

А л е к с а н д р. Когда вы уехали от папы...

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*перебивает*). Да, так бывает — что-то в жизни случается, происходит... самое непоправимое... А зачем? Почему?.. словно какой-то вихрь налетает... И самые близкие люди расстаются, расходятся... Вот как мы с твоим папой. А главное, что все это происходит помимо нас, помимо нашей воли... Понимаешь?

А л е к с а н д р. Нет, не понимаю.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Ах господи, ну как бы тебе это объяснить? Это ужасно трудно объяснить.

А л е к с а н д р (*глухо*). Да, трудно.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Нет, я не то хотела сказать, я не так выразилась... Ну, оставим это, оставим... Потом, когда-нибудь, на эту тему у нас с тобой будет большой взрослый разговор. (*Смотрит на него.*) Вот ты у меня каким стал! Совсем мужчина. И вылитый папа. Глаза, нос, губы... Зато руки... Ну, посмотри — это же мои пальцы!

Александр освобождает свои руки из ее рук.

(*Упавшим голосом.*) Ты этого не находишь?.. (*Подходит к роялю, перебирает клавиши.*) У тебя, Саша, прекрасный инструмент... (*Опускает крышку рояля.*) А у меня муж инженер. Все строит, строит и строит. Я так устала от этого.

А л е к с а н д р. Вы больше не преподаете в консерватории?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Нет, давно бросила. Ведь у меня маленькая дочка. Правда, Борис Иванович считает...

А л е к с а н д р. Кто это — Борис Иванович?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Мой муж.

А л е к с а н д р. Мне казалось, что его звали Сергей Николаевич?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*с некоторым смущением*). Да, Сергеем Николаевичем звали моего второго мужа, а Борис Иванович... третий.

А л е к с а н д р. А-а-а!..

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Я бы, конечно, тебя известила об этом, поделилась с тобой, но мы, Саша, почему-то не были в переписке... Ах, как все глупо, нелепо!

А л е к с а н д р. От второго мужа, от Сергея Николаевича, у вас ведь тоже была дочка?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Да... Ниночка.

А л е к с а н д р. Она теперь с вами?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Н-н-нет...

А л е к с а н д р. Почему?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Видишь ли... (*Сквозь слезы.*) Мне нелегко говорить об этом.

А л е к с а н д р. Ну, тогда не будем.

Елизавета Алексеевна прикладывает платок к глазам.

А вот валерьянки-то у меня и нет.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Ничего, ничего... Я уже успокоилась.

А л е к с а н д р. Скажите, а почему вы не предупредили меня телеграммой о своем приезде?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Во-первых, я совершенно неожиданно получила билет на самолет. А во-вторых...

А л е к с а н д р. Вероятно, вам хотелось сделать мне приятный сюрприз?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*с жалкой улыбкой*). Признаюсь, да. Разве я могла предположить...

А л е к с а н д р. Что же вы не договариваете? Предположить, что я окажусь таким холодным сыном?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*перебывает*). В твоём возрасте судят всегда очень строго... даже собственную мать.

А л е к с а н д р (*тихо*). Дело не в возрасте.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*умоляюще*). Не надо, Саша... Вот лицом, фигурой ты весь в покойного

папу... Но он никогда не был злопамятным. Никогда! Я причинила ему большое горе — ушла от него, однако он не вычеркнул меня из своего сердца. А ты...

А л е к с а н д р (*теряет самооблагание*). Вихрь! Безумная любовь! А сколько же их бывает этих «безумных любвей»? И как часто? Каждые два года или три?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Тебе хочется оскорблять меня? Ну, оскорбляй, оскорбляй.

А л е к с а н д р. Простите.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Ты так говоришь, Саша, будто тебе не двадцать три года, а сорок... Бедный мой мальчик!.. (*Хочет погладить его руку.*)

А л е к с а н д р. Не надо... Я уже вышел из этих лет.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Не буду, не буду... Дай мне, пожалуйста, папиросу.

Александр вынимает из кармана «Казбек» и оба закуривают.

Какая у тебя неудобная комната... словно консерваторский класс. Даже зеркала нет. Разве можно так жить!.. Ну, все это я возьму в свои руки. А питаешься ты, разумеется, по столовкам?.. Вот десять часов, а в доме ничего нет, надо бежать в гастроном...

А л е к с а н д р (*зажигая спичку*). У вас погасла папироса.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Спасибо, милый... А пепельница полна окурков!.. Ты, наверно, ужасно много куришь?

А л е к с а н д р. Скажите, а для чего вы приехали в Москву? Даже прилетели? У вас есть какое-нибудь дело?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Боже мой, к тебе! (*Искренно.*) Ах, мой мальчик, в жизни бывает всякое, но мать всегда остается матерью. Ты вот даже не представляешь, что стало со мной, когда я в первый раз услышала твое имя по радио. Ты играл «Времена года»... Играл необыкновенно!.. Я сказала мужу: «Саша будет знаменитым пианистом!» С этого дня я только и ждала часа, когда снова тебя услышу. Я стала ловить каждое слово о тебе. Я вырезала из газет самые ничтожные заметки с твоим именем... и наклеивала их в альбом. А когда к нам при-

ходили гости, для меня было самой большой гордостью показывать его... Ты знаешь, как меня теперь называют в Новосибирске? — «Сашина мама»!

А л е к с а н д р (*поморщившись*). Н-н-да...

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Я стала писать умоляющие письма всем, кто мог что-то знать о тебе. Но самому тебе написать боялась... И вдруг прочла в газете, что тебя посылают на международный конкурс. Я поняла, Саша, что тебе необходим близкий человек. Ну, самый близкий! Поняла, что моя обязанность избавить тебя от всех забот, мелочей, волнений. И оставить только одно — музыку!.. И вот я все бросила, свалила на мужа хозяйство, поручила бабушке свою малютку...

А л е к с а н д р. И полетели?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Потому что знала: теперь я тебе нужна, как никогда!

А л е к с а н д р. Теперь?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Да!.. Когда решается твоя судьба, твое будущее. Все твое будущее как пианиста!

А л е к с а н д р (*тихо*). Вы стали нужны своему сыну, когда он пятый год уже бреется?

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*с горечью*). Бог мой!..

А л е к с а н д р (*перебивает*). А вот у нас в детдоме...

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а (*с неподдельным удивлением*). В детдоме?

А л е к с а н д р. Я знаю, что для вас это новость.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Это когда бедная тетя Оля попала под поезд?

А л е к с а н д р. Да.

Е л и з а в е т а А л е к с е е в н а. Но я была уверена, что тебя взяла тетя Ксана. Почему же она этого не сделала?

Александр пожимает плечами.

Боже, какая бессердечная женщина!.. Нет, она больше мне не сестра!

А л е к с а н д р (*резко*). Вы считаете, что...

Елизавета Алексеевна. Нельзя же, мой друг, только карать. Карать, карать и карать!.. На свете существует и милосердие! Пойми, Саша: мне было тогда двадцать лет!.. Глупая, взбалмошная двадцатилетняя женщина!

Александр *(без иронии)*. Что?.. Почему двадцатилетняя? Сейчас вам сорок три. Значит, тогда...

Елизавета Алексеевна. Как это — сорок три!

Александр. Давайте считать. Вы родились...

Елизавета Алексеевна. Хорошо, хорошо! Пусть будет по-твоему.

Александр *(с улыбкой)*. Да не по моему, а по паспорту.

Елизавета Алексеевна. Ах, какой у тебя ужасный характер!.. *(Сдерживая слезы.)* Я уеду... *(Хватает перчатки, шляпу, чемодан.)* Уеду, уеду!

Александр. Да что вы!.. Куда?.. Я не отпущу! *(Отбирает у нее чемодан.)* Отдохните, побродите по Москве... Вы ведь давно не были... Она очень изменилась, похорошела... Походите в концерты, в оперу... *(Сердечно.)* Я достану для вас билеты... И вообще — все, что надо, все, что могу...

Елизавета Алексеевна. Спасибо, Саша.

Александр. Да и поближе познакомиться нам с вами, я думаю, не мешает... А через недельку-другую... Только не сердитесь!.. Но, по-моему, вы поступите совершенно правильно, если поедете обратно, домой, в Новосибирск... К своему мужу, к дочке... Ведь ей сколько сейчас? Шесть?.. Семь?..

Елизавета Алексеевна *(чуть слышно)*. Пять!

Александр *(с нежностью)*. Пять!.. А как ее зовут?

Елизавета Алексеевна *(сквозь слезы)*. Танечка.

Александр. Беленькая или черненькая?

Елизавета Алексеевна. Беленькая... Не в меня...

Александр *(вырвалось)*. Слава богу!

Елизавета Алексеевна *(растерянно)*.
Что?..

Александр *(горячо)*. Ну, подумайте сами, кому вы больше нужны: вот этому двадцатитрехлетнему ребенку или своей пятилетней дочке?.. Уж простите за правду, — нельзя быть кукушкой. Всю жизнь — кукушкой, которая не выращивает своих птенцов, а предпочитает, чтобы это делали за нее другие: бабушки, мужья, тети... Молчите?.. А я знаю, что вы сейчас думаете: «Это чудовище какое-то, а не человек!»

Елизавета Алексеевна *(вытирая слезы)*.
Нет, нет! Я этого не думаю!

Александр. Ну, что-то в этом роде. Вы думаете: «У него к родной матери — ни капельки любви, никакого чувства!» Так?.. А я вас обо-жал!.. Помните, как мы вместе плакали, когда вы приехали хоронить папу?.. Я — уткнувшись носом в ваши колени, а вы... И мне казалось, что лучше вас нет никого на свете... «Вот вырасту, говорил я себе, отберу маму у того гадкого дяди и женюсь на ней...» А ночью, когда вы заснули, я укладывал свои детские вещи в корзинку, чтобы ехать с вами. Но вы на другой день уехали без меня... Потом, признаюсь, мне стало казаться, что хуже вас нет никого на свете... А теперь, через шестнадцать лет, вы снова прилетели и хотите, чтобы я опять обожал вас... За что?

Занавес.

НИЧЕГО ОБЩЕГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Елена Павловна.

Сергей Александрович, ее муж.

Комната. Входит Елена Павловна. В руках у нее письмо.

Елена Павловна. Боже мой, как я несчастна!.. А ведь еще несколько минут тому назад у меня был дом, семья, муж... муж, которого я обожала. И вот — ничего! *(Читает письмо.)* «Моя любимая, мое солнце, мое счастье...» И эти мерзкие слова я должна читать собственными глазами... Нет, я не хочу этого знать! *(Бросает письмо.)* Не хочу! Не хочу!.. *(И тут же поднимает и читает письмо.)* «Вот уже третью ночь я не сплю... и, лежа с открытыми глазами у себя в кабинете...» *(Растерянно.)* В каком кабинете? *(Читает.)* «...на кушетке...» Какая кушетка? *(Читает.)* «...думаю о нашей жизни. Да, я бы ушел из дому... но мой малыш! Могу ли я сделать ему больно?...» *(Вытирает глаза.)* Бедный мой малыш... *(Читает.)* «Но я понимаю, любимая, и тебя. Понимаю твое желание быть вместе...»

Звонок.

(Торопливо прячет письмо.) Он!

Голос Сергея Александровича: «Леночка!..»

Что делать? Что делать?

Голос Сергея Александровича: «Леночка, почему ты меня не встречаешь?»

(С грустной улыбкой.) Почему я его не встречаю...

Входит Сергей Александрович. В одной руке у него портфель, в другой — торт в круглой коробке.

Сергей Александрович. Леночка!.. *(Хочет ее поцеловать.)*

Елена Павловна *(отстраняясь)*. Нет, нет!

Сергей Александрович *(с беспокойством)*. Что с тобой, Леночка?

Елена Павловна молчит.

Голова болит? Мигрень?

Елена Павловна *(тихо)*. Нет, у меня голова не болит.

Сергей Александрович. Случилось что-нибудь? *(Взволнованно.)* С Алешей? Заболел?

Елена Павловна *(тихо)*. Алеша здоров.

Сергей Александрович. Письмо нехорошее получила? С мамой плохо?.. Ну рассказывай. *(Хочет ее обнять.)*

Елена Павловна *(отстраняясь)*. Оставь меня.

Сергей Александрович *(растерянно)*. Что?..

Елена Павловна. Мне надо с тобой серьезно поговорить.

Сергей Александрович. Серьезно поговорить? О чем, Лена?

Елена Павловна. О многом. *(Грустно улыбаясь.)* Ну, скажем, — о кушетке.

Сергей Александрович *(в недоумении)*. О какой кушетке?

Елена Павловна *(с иронией)*. Которая стоит у тебя в кабинете.

Сергей Александрович. Кушетка? В кабинете?.. Не фантазируй, Лена. С каких это пор я обзавелся кабинетом, да еще с кушеткой?

Елена Павловна (*с той же иронией*). Так!.. Значит, это я фантазирую?.. Ну хорошо, хорошо... Тогда поговорим о твоей бессоннице.

Сергей Александрович (*удивляясь все больше и больше*). О моей бессоннице?

Елена Павловна. Да! Ведь ты, Сережа, вот уже третью ночь совершенно не спишь. Так и лежишь до утра с открытыми глазами.

Сергей Александрович. Я?.. (*С нежностью*.) Лена... Леночка... голубка моя... Ты здорова?

Елена Павловна плачет, закрыв лицо руками.

Милая... родная... (*Наливает в стакан воды*.) На, Леночка, на... выпей воды... успокойся...

Елена Павловна отстраняет стакан рукой.

(*В сторону*.) Надо немедленно вызвать врача. (*Направляется к двери*.)

Елена Павловна (*чуть слышно*). Ты куда?

Сергей Александрович. За папиросами... Я оставил папиросы в кармане пальто.

Елена Павловна. Потерпи минут пять. Разговор будет не длинным.

Сергей Александрович возвращается.

Имей в виду, Сережа, я все знаю.

Сергей Александрович. Все? А что все?

Елена Павловна. Поэтому отрицать бесполезно.

Сергей Александрович. Что отрицать?

Елена Павловна. Найди в себе мужество говорить правду.

Сергей Александрович (*в отчаянии*). Какую правду? Какую?

Елена Павловна. Тише. Не шуми. Алеша спит. Ты его разбудишь. Он ведь все понимает.

Сергей Александрович. Да понимать-то нечего. Ясно? Нечего!

Елена Павловна. Некоторое время мне придется от Алеши скрывать это.

Сергей Александрович (*сердито*). Скрывать?.. Ну скрывай себе на здоровье, если уж так хочется!

Елена Павловна. Я скажу Алеше, что папа уехал в командировку... На Камчатку... Хорошо?

Сергей Александрович (*мрачно*). Хорошо.

Елена Павловна. Только ты, пожалуйста, никогда не ходи по нашей улице. И не сиди на бульваре против фонтана.

Сергей Александрович (*еще мрачнее*). Хорошо.

Елена Павловна. Это ведь... его... Алешино... любимое место. (*Плачет.*)

Сергей Александрович вытирает платком лоб.

(*Сквозь слезы.*) А потом я что-нибудь придумаю... Да, да... Я постепенно подготовлю Алешу... чтобы удар для него не был таким ужасным.

Сергей Александрович пьет из стакана воду, которую налил для Елены Павловны.

Ты когда уходишь от нас?

Сергей Александрович. Куда? Куда уйду? Куда? (*Развязывает галстук и бросает его на кресло.*)

Елена Павловна. Имей в виду: нам с Алешей ничего не надо. Все свои вещи, пожалуйста, заberi. Все, все! До последнего носового платка. На этом я настаиваю.

Сергей Александрович. Лена!.. Леночка!..

Елена Павловна. А менять можешь обе комнаты. Нам с Алешей хватит его детской. И никаких денег от тебя брать я не буду. Понял? Это решено.

Сергей Александрович. Лена, ты сведешь меня с ума. (*Расстегивает ворот рубашки.*)

Елена Павловна (*тихо*). Кто она? Кто эта женщина?

Сергей Александрович. Какая женщина?! Я не имею понятия ни о каких женщинах! Я вообще первый раз слышу, что существует женщина! Клянусь тебе, Лена!

Е л е н а П а в л о в н а. Ну, не хочешь — не говори. В конце концов, я и не желаю ничего знать о ней... Ни ее имени, ни фамилии, ни кто она, ни что она. Не в этом дело... Скажи по совести: разве ей неизвестно, что у тебя семилетний сын?

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. Ты меня сведешь с ума!

Е л е н а П а в л о в н а. Я, Сережа, не сомневаюсь, она отлично знает, как ты любишь своего малыша и как он тебя обожает. Но какое ей до этого дело?.. «На свете существую только я одна. Только мои желания!..» Ну, скажи сам, разве это не чудовищно?.. Что же ты молчишь? Ну, посмотри мне в глаза.

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч *(схватив ее за плечи)*. Вот!.. Смотрю!.. Смотрю!..

Е л е н а П а в л о в н а *(протягивая письмо, тихо)*. На... прочти.

Сергей Александрович берет письмо и медленно его читает. Пауза.

Что ты теперь скажешь?

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. Вот так история!..

Е л е н а П а в л о в н а. Ну, отрицай, лги.

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. Нет, я ничего отрицать не буду. Письмо мое.

Е л е н а П а в л о в н а *(после паузы)*. Ну, защищай... Защищай женщину, которой ничего не стоит разбить семью, отнять отца у семилетнего малыша!.. Боже мой, какая эгоистка! Какая жестокая, какая отвратительная эгоистка!

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. А знаешь, Лена, кто эта женщина?

Е л е н а П а в л о в н а *(чуть слышно)*. Кто?

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч *(отчетливо)*. Ты.

Е л е н а П а в л о в н а *(растерянно)*. Как это так — я?

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч *(невесело усмехаясь)*. Это письмо написано тебе. Да! Десять лет тому назад. В самом разгаре нашего романа. Когда ты требовала, настаивала, чтобы я бросил свою семью: жену, Во-

лодю. *(Очень медленно и глухо.)* Ему тогда было семь лет. Столько же, сколько теперь Алеше.

Е л е н а П а в л о в н а. Дай! Дай письмо! *(Выхватывает письмо у него из рук.)*

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. Взгляни на месяц, число и год.

Е л е н а П а в л о в н а *(взглянув)*. Мне! Мне! Мне!.. *(Смеется звонким, счастливым смехом.)* Вот сумасшедшая!.. Сергун, милый, а почему ты его не отправил?

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. Я, помнится, шел на почту, а по дороге встретил тебя.

Е л е н а П а в л о в н а *(с сияющими глазами)*. Да! Да! Да!.. Пятнадцатого мая!.. И ты мне купил целую охапку сирени. Вот такую! *(Читает.)* «Моя любимая, мое солнце, мое счастье...» Какая прелесть! Это же, милый, сама поэзия!

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. А пять минут назад ты тоже считала эти слова «самой поэзией», когда думала, что они написаны не тебе, а другой женщине? Как ты ее назвала?.. А вернее, самое себя — «отвратительной эгоисткой»?

Е л е н а П а в л о в н а *(с непогдельным удивлением)*. Я эгоистка? *(Обиженно.)* И тебе не совестно?

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. Да ведь это ты сама сказала.

Е л е н а П а в л о в н а. Мало ли чего сгоряча не скажешь... *(Обнимает его.)* Ну, пойми, ну, подумай сам, разве я могла без тебя жить? Нет, нет, нет!.. Будь, милый, справедлив! У нас же все было совсем, совсем по-другому. Ну, просто ничего общего!

С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч. Вот как?.. А по моему, об этом еще надо подумать. И мне. И тебе. *(К публице.)* А может быть, и кому-нибудь из вас, дорогие товарищи?..

Занавес.

ДЯДЯ САША

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дядя Саша, старый актер.
Петя, бывший суфлер, 84 года, друг дяди Саши.
Василий Васильевич.
Нина Павловна.
Миша.
Таня.

Комната. Справа стоит елка, сверкающая серебром и золотом; слева — круглый стол, по нему разбросаны телеграммы. На спинке кресла висит фрак. На стенах много фотографических карточек артистов в ролях и в жизни. В углу — гитара. 31 декабря. Около полуночи. Дядя Саша зажигает свечи на елке, он в черных фракных брюках, в белом жилете и в крахмальной рубашке, поверх нее мягкая суконная куртка.

Петя. Сегодня ваш концерт по радио передавали... Я тебя слушал... Хорошо читал... с сердцем.

Дядя Саша (*зажег последнюю свечу. Любуясь елкой.*) Красота!..

Пауза.

Дядя Саша (*тихо*). Пой, Петя.

Петя. Что?

Дядя Саша. Елочку-то я для тебя зажег. Больше ведь мне не для кого ее зажигать... Да... вот как... не для кого... Пой, говорю!

Петя. А что?.. Не кричи... И буду петь.

Дядя Саша берет гитару, трогает струны, играет «Зайнку».

(Поет.)

Зайнька вкруг елочки попрыгивает,
Лапонькой о лапоньку постукивает...

Д я д я С а ш а. А теперь танцуй.

П е т я. Сам танцуй. Вот какое явление. Давай гитару. *(Берет у него, играет.)* Ну!..

Д я д я С а ш а. Не кричи. И буду танцевать... если уж больше некому... вкруг моей елки... Два внука, две внучки, а где они? *(Прыгает, хлопает в ладоши и поет.)*

Зайнька вкруг елочки попрыгивает,
Лапонькой о лапоньку постукивает...

Петя вытирает пальцем слезу, скатившуюся на щеку.

Не реви!.. Я веселюсь, танцую, а ты реवेशь.

П е т я. Кто же это ревет?.. Просто глаза мокрые... Ишь, сколько свечек запалил... Ну и ослепился.

Д я д я С а ш а. Ладно, ладно... Накрывай на стол. А то еще мы с тобой пропрыгаем Новый год.

П е т я. На сколько ж персон накрывать?

Д я д я С а ш а. На двадцать четыре!

П е т я. Вот какое явление. *(Вздыхает.)* А может, еще рановато? Может, подойдет кто?

Д я д я С а ш а *(сердито)*. На автомобилях к нам с тобой подъедут! На «Зимах»!

П е т я. Не выходи из рамок, не выходи. Старших почитать надо.

Д я д я С а ш а. Я сам старый дурак!

П е т я. Хвастун! Мальчишка! А давно ль я тебя на своих коленках тюкал?

Д я д я С а ш а. Недавно. Совсем недавно. Только шестьдесят лет тому назад.

П е т я *(накрывает стол белой скатертью)*. Я ж тебе, Сашенька, твердил: «Иди встречать к Феде... или к Сереже... или к Софье Анатольевне... на складчинку». Ан нет: «Дома... хочу дома!» Ну и прыгай теперь со мной вкруг елки.

Д я д я С а ш а *(тихо)*. Прости, старина, что орал на тебя.

П е т я. Бог простит.

Д я д я С а ш а. Новый год надо дома встречать. Чтобы счастье никуда из дому не уходило.

П е т я. Да куда ж ему теперь, нашему счастью, уходить? Некуда ему уходить! Все равно будет дома сидеть.

Д я д я С а ш а. Расставляй, старина, бокалы, фужеры, рюмки!.. Вдвоем с тобой будем пировать.

П е т я. Та-ак... Тэт-а-тэт?.. Со мной?.. Как с певичкой?.. Очень приятно!

Д я д я С а ш а. А чокаться, старина... вот *(кивает на телеграммы)* с ними буду... с этими телеграммами! *(Берет телеграмму и бокал, поднимает его над головой.)* Твое здоровье, Игорь!.. *(Берет вторую телеграмму.)* Твое, Андрей!.. *(Берет третью.)* Твое, Надежда!.. *(С иронией.)* Спасибо, милые детки, — порадовали нынче своего отца!

П е т я. Ну чего из рамок выходишь?.. Чего?.. Словно сам не артист... Дети-то актерские, как птички — вылупились из скорлупки, подросли маленько и — полетели из гнезда... в театрах играть.

У дверей вертится ручка.

Д я д я С а ш а. Кто там?.. Войдите!

Появляется В а с и л и й В а с и л ь е в и ч с пакетом под мышкой. Он в гриме и в костюме городничего.

(Рагостно.) Василий Васильевич!..

П е т я *(счастливым голосом)*. Вот какое явление.

Д я д я С а ш а. Это просто замечательно, что вы пришли!.. Чудно! Превосходно!

П е т я. Милости просим, милости просим.

Василий Васильевич стоит как деревянный.

Д я д я С а ш а. Спасибо, Василий Васильевич, что вспомнили!.. А то, признаюсь, очень нам грустно было... Знакомьтесь: Петр Акимович Чужбинин. Мой лучший друг. Величайший из суфлеров. Заслуженнейший пенсионер республики.

Василий Васильевич по-военному шаркает ногой, звеня шпорами.

А что это вы, Василий Васильевич, в костюме и в парике?

П е т я. Спектакль, небось, поздно кончили? Антракты затянули, каналы этикие?

Дядя Саша. Не успели разгримироваться?
Петя. Кому охота Новый год прозевать!.. А как шел «Ревизор»?

Василий Васильевич *(тоном городничего)*.
А ва-ва-ва... ва...

Дядя Саша *(поняв шутку, быстро сбрасывает куртку, надевает фрак и спрашивает тоном Хлестакова)*. Что такое?

Василий Васильевич. Желая здравствовать!.. А ва-ва-ва...

В дверь заглядывает Миша. Он в костюме и в гриме Бобчинского.

Извините... Обязанность моя, как старшего по летам в драмкружке, заботиться о том, чтобы нашему художественному руководителю... *(в сторону Пети)* и всем благородным людям... было весело в новогоднюю ночь. *(Вынимает из пакета бараний окорочок.)* На колхозном рынке у нас говядина хорошая. Привозят холмогорские колхозники, люди трезвые и поведения хорошего. *(Передаёт окорочек Пете.)*

Петя. Барашек молоденький, жирненький... Премного! *(Кладет на блюдо.)*

Миша выставляет голову в дверь.

Василий Васильевич *(вынимает из кармана бутылку)*. А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылочки толстобрюшки. *(Ставит на стол.)* Да есть у нас еще ереванская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. *(Ставит на стол.)*

Петя. Слона-то, может, и повалит, а хорошего человека ни в жизнь!

Дверь распаивается, и подслушивающий с другой стороны Миша летит на сцену. Все издают восклицания.

Дядя Саша. Что? Не ушиблись ли вы где-нибудь?
Миша. Ничего, ничего, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлапка...

Дядя Саша *(Пете)*. Послушай, эй, Осип!

Петя *(тоном Осипа — хриплым басом)*. Чего изволите?

Дядя Саша. Ты ступай туда. В буфет!.. Бери там, что надо, и накрывай на четыре персоны.

Петя. А может, рановато накрывать-то... на четыре персоны? Может, еще кто подойдет.

В это самое мгновение появляются Нина Павловна и Таня. Они тоже в гриме и в костюмах. Первая — Анны Андреевны, вторая — Марьи Антоновны.

Василий Васильевич. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Дядя Саша (*взбивая на голове хохолок*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Нина Павловна. Нам еще более приятно видеть знаменитого дядю Сашу.

Дядя Саша. Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Нина Павловна (*Тане*). Ах, какой приятный!

Дядя Саша, еще кокетливей взбив хохолок, стреляет в Танечку взглядом.

Таня. Ах!..

Дядя Саша. Вот-с!.. (*Берет под руку Василия Васильевича и направляется с ним к елке.*) Таня. А-а-х!..

Нина Павловна. Ну, что ты? Что?

Таня (*с глубоким вздохом*). А-а-х, маменька, ах, какой милый!..

Дядя Саша. Как не будет? У меня дом первый в Туле. Я ведь тоже балы даю!..

Снимает с елки подарки и раздает: женщинам цветные бумажные колпачки, а мужчинам чепчики.

Петя (*надев чепчик*). К лицу?..

Таня. Очень! Очень! Ну просто красавцем стали, Петр Акимович!

Дядя Саша. Вот, друзья, и довелось мне еще раз выступить в Хлестакове... Распрощался я с ним в Пензе... четверть века тому назад... А теперь там, в гортеатре, играет Ивана Александровича мой сын...

Петя. Андрюша!

Василий Васильевич. У-у, без двух минут двенадцать!..

Дядя Саша (*дает Пете бутылку шампанского*).
Покажи-ка, Петр Акимович, свое искусство — откупоривай.

Петя. С нашим удовольствием.

Пробка стреляет в потолок.

Дядя Саша. Вот — всем гусарам гусар!

Петя. А как же! Только шпор да красных штанов мне и не хватает.

Часы бьют двенадцать.

Дядя Саша (*поднимая бокал*). С Новым годом, друзья мои! С новым счастьем!

Все (*чокаясь*). С Новым годом!.. С Новым годом!..
(*Осушают бокалы.*)

Петя. А ты уж, Сашенька, в трагедию ударился: позабыт, позаброшен.

Дядя Саша. Да, промахнулся.

Нина Павловна. Василий Васильевич! А не скучает ли по вас гитара?

Дядя Саша. Тащи ее, Танечка.

Таня приносит.

Петя. Вальс, вальс!.. Силь ву пле!

Василий Васильевич играет вальс.

Дядя Саша. Кавалеры, приглашайте своих дам!

Танцуют: Петя с Таней, Дядя Саша с Ниной Павловной, Миша со стулом.

Занавес.

УХОД И СМЕРТЬ ТОЛСТОГО

На сцене два стула и небольшой стол, накрытый сукном. На нем — две пачки телеграмм. Входят Н и к р и т и н а и О л ь х и н а .

Н и к р и т и н а . Вот что случилось в Ясной Поляне: с вечера 27-го октября чувствовалось какое-то особенно тяжелое, напряженное настроение. К утру кто-то постучал в дверь.

— Кто тут? — спросила дочь.

— Это я, Лев Николаевич! Сейчас уезжаю совсем. Пойдемте, помогите мне уложиться.

Надев свою синюю поддевку, галоши, коричневую вязаную шапочку и рукавицы, Лев Николаевич пошел на конюшню сказать, чтобы запрягли лошадей.

О л ь х и н а . Мы собирались уже выносить вещи, как отворилась наружная дверь. Отец вернулся без шапки.

— Что случилось?

Н и к р и т и н а . Да такая темнота, зги не видеть, — отвечал Лев Николаевич, — я пошел по дорожке, сбился, наткнулся на акацию, упал, потерял шапку, искал ее, не нашел и должен был вернуться.

О л ь х и н а . Было грязно, ноги скользили, и мы с трудом продвигались в темноте к конюшне. Кучер заводил в дышло лошадь. Отец взял узду, надел ее, но руки его дрожали, не слушались, и он никак не мог застегнуть пряжки.

Н и к р и т и н а . Филя, конюх, с факелом вскочил на лошадь.

— Трогай!

О л ь х и н а. Пролетка тронулась и поехала не мимо дома, а прямо дорогой, которая идет яблочным садом и выходит на так называемый «пришпект».

Н и к р и т и н а. Свершилось! То, о чем так много говорили последнее время, и чего многие так желали для Льва Николаевича — свершилось. Он ушел из Ясной Поляны, и без сомнения этот уход был навсегда.

О л ь х и н а. Со Львом Николаевичем поехал Душан Петрович Маковицкий, яснополянский домашний врач.

Н и к р и т и н а. Толстой написал письмо к жене: «Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не могу поступить иначе.

Положение мое в доме становится, стало невыносимым. Кроме всего другого не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни».

Реплика ниже — зачеркнута.

О л ь х и н а .

— Боже мой! — прошептала Софья Андреевна. Разорвала конверт, прочла первую строчку и побежала в парк к пруду.

Н и к р и т и н а. Пруд очень глубок, в нем тонули люди. Софью Андреевну вытащили из ледяной воды.

О л ь х и н а. Толстой и Душан Петрович доехали до Оптиной Пустыни. Тут к ним присоединилась младшая дочь.

— Я тебе, папа, привезла письма.

— Ну, давай!

Он сел к столу и внимательно стал их читать.

Н и к р и т и н а .

— Как мне ни страшно, но я не могу вернуться, — сказал он. — Нет, не вернусь!

Было душно. Отец отворил форточку и сел к столу писать письма. Открытая форточка беспокоила меня.

— Я написал маме. Пошли следующей почтой.

О л ь х и н а. Вот что он написал: «Прощай, милая Соня!

Помогай тебе Бог!

Жизнь не шутка, и бросать ее по своей воле мы не имеем права.

И мерить ее по длине времени тоже не разумно. Может быть, те месяцы, которые нам осталось жить, важнее всех прожитых годов и надо прожить их хорошо».

Предполагая ехать до Новочеркасска, и если удастся, ехать в Болгарию. Если же не удастся, ехать на Кавказ к единомышленникам Льва Николаевича.

Н и к р и т и н а .

— Не нужно делать никаких планов. — сказал отец. — Завтра увидим...

Ему вдруг стало неприятно, что он стал строить планы, забыв свое любимое правило — жить только настоящим.

О л ь х и н а. И еще он боялся, что местопребывание его будет открыто. В 4 часа Толстой разбудил Душана Петровича и послал за ямщиками.

Н и к р и т и н а .

— Говорят, меня на том свете с фонарями ищут, а я еще не собираюсь умирать, — сказал отец.

О л ь х и н а. Темнота, грязь, лошади едва двигались. Подъехав к Козельску, мы увидели поезд, который уже подходил к вокзалу. Сели без билетов, едва успев втащить багаж. Все пассажиры читали газеты, и разговор шел об уходе Толстого из Ясной Поляны.

Реплика ниже — зачеркнута.

Н и к р и т и н а. Два молодых человека, пошло, франтовато одетые, с папиросами в зубах, грубо и легкомысленно говорили о Льве Николаевиче.

— Вот так штуку выкинул старик! — сказал один из них.

— Небось, это Софье Андреевне не особенно понравилось, — и глупо захохотал. — Взял да ночью удрал.

— Вот тебе и ухаживала она за ним всю жизнь! — сказал другой. — Не очень-то видно сладки ее ухаживания.

О л ь х и н а. Весть, что Толстой едет в этом поезде, разнеслась по всем вагонам с быстротой молнии. Отец

попросил есть. После этого он заснул. В четвертом часу позвал кого-то из нас и просил накрыть, говоря, что его стало знобить.

Н и к р и т и н а.

— Спину получше подоткните. Почему-то очень зябнет спина.

Мы накрыли Льва Николаевича поддевкой, пледом, свиткой, а он зяб все сильнее и сильнее, особенно зябла спина.

О л ь х и н а . Душан Петрович поставил градусник. Через четверть часа градусник вынули. Он показывал 38,1.

Н и к р и т и н а . Подъехали к какой-то большой станции. Это было Астапово. *(Берет со стола телеграмму, читает)* Жандармскому офицеру. Срочно. По прибытии поезда № 12, немедленно справиться, едет ли с этим поездом писатель Лев Толстой. Если едет, то где он отстал от поезда. Вахмистер Пушкин.

О л ь х и н а *(берет, читает)*. Едет поездом №12 по билету 2-го класса.

Н и к р и т и н а . Черткову. Срочно. Вчера слезли Астапово. Сильный жар. Забытье. Ехать не мыслимо. Выразил желание видетсья с вами.

О л ь х и н а *(читает)*. Сыскное Начальнику. Остановился станции Астапово. Температура 40.

Н и к р и т и н а *(читает)*. Начальнику станции Озолину. Убедительно просим телеграфировать мельчайшие подробности приезда Льва Николаевича Толстого, пребывания у вас, беседы с ним, его дочерью и доктором Маковецким, состояние его здоровья. За подробную телеграмму завтра, кроме тарифа, переведем в виде гонорара 100 р. Фамилию вашу сохраним тайне. Газета «Русское Слово».

О л ь х и н а . *(читает ответную телеграмму)* Лев Николаевич просил о нем никаких сведений не печатать... Нач.станции Озолин.

Н и к р и т и н а *(читает)*. Ротмистру Савицкому. Телеграфируйте нам разрешено Льву Толстому пребывание в станционном здании, не предназначенном для больных. Губернатор признает необходимым принять меры отправления лечебное заведение или постоянное место жительства. Генерал Львов.

О л ь х и н а (*читает*). 8-го ноября в Астапово прибыли: графиня Софья Андреевна, графы Андрей Львович, Михаил Львович и Татьяна Львовна. До сих пор свидание с Львом Николаевичем они не имели, он не знает о их приезде.

Н и к р и т и н а. Сегодня приехал доктор Никитин. Состоится второй консилиум врачей. Толстой остается верен себе. Очень интересуется событиями. Приехавший Чертков читает ему газеты.

О л ь х и н а (*читает*). Корреспонденты покорно просят Ваше превосходительство предоставить их распоряжение вагон 2-го класса для проживания. Подпись: корреспонденты «Нового времени», «Русского слова», «Раннего утра», «Русских ведомостей», «Петербургского телеграфного агентства».

Н и к р и т и н а (*читает*). «Раннему утру». Первый день пребывания Астапове Толстой продолжал работать диктуя статью философскую тему.

О л ь х и н а (*читает*). «Утру России». Понедельник прибыл из Ельца жандармский ротмистр. Производил подробные расследования. Начальник станции Озолин целиком предоставил свою квартиру, переместив семью.

Н и к р и т и н а (*читает*). Ротмистру Савицкому. По приказанию начальника штаба вам безотлучно находится Астапове. Командировать туда 5 жандармов.

Н и к р и т и н а. Температура вечером 39,1. Ночью пот, утром значительное ослабление сердечной деятельности. Пульс частый, перебойями. Печень увеличена. Полное сознание, всем интересуется. Лев Николаевич лежит в большой комнате с двойным окном, выходящим в садик позади вокзального здания. В комнате 2 кровати, время от времени его перекладывают с одной на другую. Сегодня он прочел сам статью Черткова. Заплакал. Из Москвы приехал Гольденвейзер.

О л ь х и н а. Полутемно. Я поцеловал его большую, еще сильную руку, такую мне знакомую. Лев Николаевич молчал. Видимо, волновался. Потом слабым, еле слышным голосом, прерываясь, спросил:

— Как вы приехали?

Гольденвейзер ответил:

— Я узнал, что вы захворали, и приехал.

— Как вы узнали?

— Из газет. Про вас, Лев Николаевич, все пишут.

Помолчали.

— Зачем вы концерт свой бросили?

— К вам, Лев Николаевич, приехал.

Толстой сказал:

— Когда мужик землю пашет, у него отец умирает... он не бросает свою землю. Для вас концерт — это ваша земля... Давно я так не хворал. Верно, это настоящее.

Я еще раз поцеловал его руку и, с трудом удержав слезы, вышел. Я уверен, что это наша последняя беседа.

Реплика ниже — зачеркнута.

Вскоре Лев Николаевич впал в очень возбужденное, почти бредовое состояние. Ему все представлялось, что вдруг Софья Андреевна войдет из застекленной двери в его комнату. Эта мысль преследовала его, как кошмар. Чтобы его немного успокоить, дверь завесили чем-то темным.

Н и к р и т и н а. Станционные помещения переполнены. Вокруг дома больного царит тишина. Стоит темная дождливая осенняя ночь. Толстому читают все газеты, все статьи за исключением статей и сообщений о нем самом. Этим он не интересуется.

О л ь х и н а. 4 ноября. Последняя температура 38,1, сердце очень слабо, поддерживают строфантом, вином. Все в громадной тревоге, полны страшных опасений.

Дочь спросила его:

— Хочешь видеть маму?

Он ничего не ответил и отвернулся.

Врач спросил, можно ли его перенести на другую постель.

— Можно, можно, если это вам доставляет удовольствие.

Н и к р и т и н а (*читает*). Унтер-офицеру грицинину. Сегодня поездом № 4 отправиться Астапово, взять винтовки с патронами. Вахмистр Новиков.

О л ь х и н а. «Новое время» прислало ночью телеграмму: сообщите немедленно смерти Толстого. Телеграмма попала родным. Произвела гнетущее впечатление. Вспрыснули камфару, дали дышать кислородом. Подышав час, Лев Николаевич сказал:

— Совершенно бесполезно.

Н и к р и т и н а. Температура днем 39,3; пульс доходит 120, сонливость. Вечеру бодрее. Попросил молока. Софья Андреевна в ожидании сидела в палисаднике перед окнами больного.

О л ь х и н а (*читает*). Рязанскому губернатору князю Оболенскому. Если нужна помощь для поддержки порядка, могу выслать из Лебедяны и Козлова родовых, стражников. Губернатор Муратов.

Н и к р и т и н а (*читает*). Восемь вечера. Толстой в забытии, бредит.

О л ь х и н а. 5-го утром прибыть в Астапово с оружием и патронами. Унтер-офицер Филиппов.

Н и к р и т и н а. 5-е. 9-45 утра. Вспрыскивают камфару.

О л ь х и н а. Только что здесь узнали, что весь мир уже был оповещен о кончине Толстого. Надежда, однако, не потеряна.

Н и к р и т и н а. 3-20 дня. Выписали баллоны с кислородом.

Реплика ниже — зачеркнута.

О л ь х и н а (*читает*). Когда стали кормить кашей, исполнял указания, открывая рот. Поев, сказал:

— Довольно.

Н и к р и т и н а. Управляющий дорогой отдал распоряжение, чтобы приходящие и уходящие поезда давали еле слышные свистки, чтобы не беспокоить больного.

О л ь х и н а. Только что прибыл сюда из Оптиной пустыни старец Варсанофий. Имеет специальное поручение от Синода увидеться с Толстым и убедить его вернуться в лоно церкви.

Н и к р и т и н а. 7-го 7-40 веч. Срочно. Мучает одышка. Тоска всем теле.

О л ь х и н а. Поздний вечер. Ласков, нежен. Ест молоко миндальное, овсянку, желток, кофе. Телеграф станции ежедневно передает массу телеграмм со всех концов мира с запросами о здоровье Льва Николаевича и со всей России приходят телеграммы с указанием, как его лечить.

О л ь х и н а. С Кавказа экстренно едут толстовцы.

Н и к р и т и н а. На вокзале дежурят жандармские офицеры, составляющие подробные шифрованные донесения.

О л ь х и н а. Старец Варсанофий поместился дамской уборной.

Н и к р и т и н а (*читает*). Епископу Вениамину. Стараюсь видеть больного при посредстве одних, но успеха нет. Доктора не допускают. Предполагаю дождаться кризиса. Испрашиваю святительских молитв мой трудной миссии. Грешный игумен Варсанофий.

О л ь х и н а. Софья Андреевна вышла из вагона, прошла в садик перед домом, долго стояла под окнами больного. Вышедшая дочь сообщила ей о его положении.

Н и к р и т и н а. Ночью четыре раза вспрыскивали кофеин. Некоторое время Лев Николаевич сидел на постели.

О л ь х и н а. Происходит консилиум шести врачей.

Н и к р и т и н а. Когда Льва Николаевича спросили, чего ему хочется, он ответил: «Мне хочется, чтобы никто мне не надоедал».

О л ь х и н а. В Астапове сейчас все власти: губернатор, управляющий дорогой, начальник почтово-телеграфного округа. Телеграфисты выбились из сил. Сегодня вводятся новые провода, новые аппараты. Правительственный телеграф соединили вторым проводом с Москвой и Петербургом. Увеличены штаты станции, усилен наряд жандармской полиции.

Н и к р и т и н а. Сам берет и ставит себе градусник, крепко держит стакан с питьем. Ласков, стесняется заботами о нем окружающих. Говорит:

— Так ведь не ухаживают, когда умирает простой мужик. Меня лечат доктора, профессора, а его никто.

О л ь х и н а (*читает*). 5 ч. 56 м. дня. Припадок резкого ослабления сердечной деятельности случился

в присутствии его дочери Татьяны Львовны. Толстой вдруг взял ее за руку и проговорил:

— Ну вот и конец! Вот и все!

Н и к р и т и н а (*читает*). Старец Варсонофий ночует в дамской комнате. Женщин выгнали.

О л ь х и н а. Пассажиры останавливающихся поездов выбегают из вагонов, справляются лихорадочным интересом.

Н и к р и т и н а (*читает*). 7-го; 1 ч. 20 ночи; срочная. Плохо. Созвана вся семья, графиня тоже.

Реплика ниже — зачеркнута.

О л ь х и н а. 1 ч. 27; Срочная. Будьте готовы.

Реплика ниже — зачеркнута.

Н и к р и т и н а. 1 ч. 33; почти нет пульса. Графиня стоит у окна.

О л ь х и н а (*читает*). 1 ч. 55 м. Новый сердечный припадок. Безнадежно.

Н и к р и т и н а (*читает*). 1 ч. 56 м. Ждут катастрофы.

О л ь х и н а (*читает*). 2 ч. 10 м. Будьте готовы всему, дежурьте сами телеграфе.

Реплика ниже — зачеркнута.

Н и к р и т и н а (*читает*). Все говорят шепотом.

Реплика ниже — зачеркнута.

О л ь х и н а (*читает*) 2 ч. 43 м. Готовьтесь утренней летучке.

Реплика ниже — зачеркнута.

Н и к р и т и н а. Столпившиеся на платформе напряженно всматриваются в движения теней в том странном окне.

Реплика ниже — зачеркнута.

О л ь х и н а (*читает*). 3 ч. 20. Ноги тяжелы.

Н и к р и т и н а (*читает*). 3 ч. 40. Без перемен.

Н и к р и т и н а (*читает*). Положение крайне опасное. Туман. Ветрено. Дежурят жандармы. Жутко.

О л ь х и н а. Кто-то ломает руки. Агония. Ввели Софью Андреевну. Она встала у смятой подушки и взяла руками его голову.

Н и к р и т и н а. 5 ч. 53 м. Толстой скончался.

Пауза. Музыка.

Реплика ниже — зачеркнута.

О л ь х и н а (*читает*). Агония продолжалась три минуты.

Н и к р и т и н а. Скончался тихо. «Россия потеряла величайшего сына, мир потерял величайшего гражданина».

Музыка.

О л ь х и н а (*читает*). Умер без покаяния. Меня не приглашали. Грешный игумен Варсонофий.

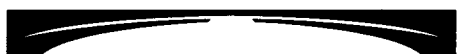
Н и к р и т и н а. Толстого обмыли, одели блузу, серые штаны, мягкие туфли, теплые чулки. В комнате горит свеча. Туманное, серое, сырое утро.

О л ь х и н а. Заказать: дубовый полированный гроб на рост два аршина девять вершков в цинковом ящике. Илья Толстой.

Музыка.

Конец.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Оправдание циника

Анатолий Мариенгоф как витрина черного пиара

Он оказался самым оболганным из русских литераторов XX века. Писатель, никогда не числившийся в первых номерах, вышел в рекордсмены.

Нельзя сказать, будто сам знаменитый имажинист — совершенно невинная жертва, и вовсе не при делах. Однако наказание получилось в национальном духе: не за тексты и поведение, а за образ и стиль.

А было ли преступление?

Мариенгофу равно отказывали в литературном таланте и человеческой порядочности. Эта парность, двойственность, выразившаяся и в двойном стандарте, преследовала его всю жизнь.

Даже названия двух его главных книг ухитрились прочитать сначала с точностью до наоборот, затем с буквальностью, уничтожавшей все скрытые и подлинные смыслы.

I

«Роман без вранья» заклеили «враньем без романа». А потом и вовсе само словосочетание сделалось непечатным. Даже когда требовалось обругать Мариенгофа и его знаменитую книжку, прибегали к эвфемизмам.

В 60-е — Есенин полностью разрешен и причислен к лику классиков — каталогизируются воспоминания (под редакцией С. Кошечкина и Ю. Прокушева), в которых без Мариенгофа никак не обойтись, и несколько его жалких

страничек в общем хоре печатают по тексту «Воспоминаний о Есенине» 1926 г., из которых и вырос «Роман без враг». Но упоминать и цитировать сам роман — ни-ни.

И это уже после посмертной публикации в журнале «Октябрь» «Романа с друзьями». С очевидной аллюзией на тот, первый, роман без... (Полная и бесцензурная версия мемуаров известна нам как «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги»).

«Циников» в России впервые напечатали в 1988 году. Название восприняли прямо и в лоб; ничего удивительного — перестроечные восьмидесятые были куда простодушнее революционных двадцатых. Сказано «Циники» — значит, так оно и есть. А заглавное качество проявляется в отношении к революции: ядовитых комментариях, актуализированных исторических анекдотах, самом образе жизни героев. Умении, при всем ироничном отношении к происходящему, предложить новой власти свои услуги.

«Циники» — роман многослойный, изощренный, купажированный. Предвосхитивший многие литературные технологии. От монтажа (тут Мариенгоф шел если не впереди, то параллельно с американцами, Дос Пассосом) и «киноглаза», отмеченного Иосифом Бродским (он вообще полагал «Циников» одним из лучших русских романов столетия). До описания физиологических проявлений, столь прославивших потом Сорокина и метафорики в духе Олеси. Еще — катаевского мовизма.

Впрочем, «Зависть» и «Циники» писались в одно время. Катаев, да, на момент выхода «Циников» в Берлине уже известный литератор, автор «Растратчиков» и продюсер «Двенадцати стульев», но с мовизмом — который вообще-то не литературная стратегия, а чистая техника, — Мариенгоф опередил его лет на сорок. Спрессованная фраза, выделенная пробелами, зрегировано торчащий абзац, вольно вывернутая цитата...

Однако в разработке психологии героев, «Циники» — вещь совершенно юношеская, даже подростковая. Цинизм все же — свойство зрелого ума, инверсия романтизма. Предполагается — в бэкграунде — некий разрушенный идеал, серебряный век, сиреневый туман счастливого прошлого... Между тем, в романе Мариенгофа все — здесь и сейчас. Грозовой 19-й, голодный 21-й с разрухой и начи-

нающимися нэпом... Если и мелькают кам-бэки — дача под Нижним, гимназия в Пензе (Анатолий Борисович любил снабжать героев деталями собственной биографии), то это ностальгия пространственная, географическая, никакие не набоковские другие берега.

В психологической линии «Циников» соблюдены все условия прозы для юношества — вторичность, дидактичность плюс история большой и светлой любви. Занимательность, точность и вьедливость в деталях. Страсть как сюжетообразующая стихия, природа которой читателю до конца неясна и потому завораживает. У Мариенгофа — букет и выставка переплетающихся, самозарождающихся страстей.

Какой уж тут цинизм...

Может, Мариенгоф и здесь стал первым: объяснив, что другие — не значит плохие. А внутренняя свобода и душевная смута, сквозь тернии, укрепляют, прощу прощения, патриотизм и программируют самопожертвование.

В советские 60-е и позже это сделалось мейнстримом. Евтушенко не просто реабилитировал, а героизировал стилигу и неформала: *«Могилы есть простая, среди гранитных плит, товарища спасая, нигилист погиб»*. «Нигилист» и «циник» в подобной дидактике — свояки и синонимы. В ту же строку — ходившие, уже в 80-х, в хипповых тусовках байки о ребятах из «системы», весь пипл их знал, погибших при выполнении интернационального долга...

Мариенгофовская Ольга спит с нэпманом Докучаевым за 15 тысяч долларов и, не отщелочив даже мелочи на герленовский карандашик для губ или шоколад «пьяная вишня», отнесит деньги в Помгол, голодающим детям...

Конечно, у Мариенгофа все куда горше, вместе с тем изящней и остроумней, но от вторичности, пусть и задним числом, это не избавляет. Зато уж точно избавляет «Циников» от упреков в цинизме.

В русской литературе цинизм, надо сказать, вообще вопрос не содержания, но интонации. Это блестяще демонстрирует Пелевин, у которого давно вышло цинизм одомашнить и обжиться в нем. Осмелюсь предположить, цинизм его — вовсе не мировоззрение, а литературный прием.

Пелевинская интонация моментально узнаваема еще и потому, что это старая недобрая экклезиастова мантра, сдобрен-

ная лошадиной дозой иронии. Виктор Олегович еще в начале пути осознал, как на такую интонацию легко подсаживаются, как она завораживает утомленным всезнанием и глубиной — не самой мысли, а заключенной в ней нравственной инверсии. Дескать, ежели я врубаюсь в подлинную суть вещей — значит, все позволено.

Но попробуйте прочитать вслух любые полстраницы из «Циников». Какой там Экклезиаст, вообще ни намек на сакральные тексты с их водянистостью и величавостью. Зато есть другое — много от радишной перебранки, рэп-скороговорки, хроникерства социальных сетей. Что делает и роман, и автора явлениями весьма актуальными.

2

Так вот, «Циников» наше поколение воспринимало как очередную вариацию темы «Интеллигенция и революция». Сегодня гораздо интереснее (и спекулятивнее) предположить, будто в «Циниках» имеется второй, теневой сюжет — история и драма дружбы Мариенгофа и Есенина. Аккуратно упакованная — на фоне революционных лет России — в лав-стори приват-доцента Владимира и красавицы дворянки Ольги. Заманчиво разглядеть в Ольгиных походах на сторону — к важному большевику Сергею и скоробогатею из крестьян Илье Докучаеву — параллель с «изменами» Есенина. Роман с большевиком — аудиенция у Льва Троцкого. Грязноватая интрижка с неотесанным нэпманом ради высокой цели — аллюзия на метания Есенина от имажинистов к «мужиковствующим» и обратно.

Финальное самоубийство героини комментариев не требует...

И если такая трактовка имеет право быть — позиция Мариенгофа заслуживает, как минимум, уважения. Он легко поступает и собственной биографией, и достоинством, дабы не оправдать себя, но объяснить свою роль и боль в этой загадочной связке, поразительной любви-дружбе...

Но какой, к черту, символический пласт, если до сих пор так много неясного в реальных отношениях поэтов, а миф о свинствах Мариенгофа и общей подлости его природы происхождением как раз из есенинских скандалов.

Вот на этих реперных точках имеет смысл еще раз остановиться.

Два сюжета, в которых Мариенгоф, если не по общему, то магистральному мнению, повел себя скверно.

1) Есенин, уезжая за границу, поставил Анатолия смотрящим за общим бизнесом: издательскими проектами имажинистов и кафе «Стойло Пегаса». Предполагалась также финансовая помощь сестре Есенина, Катерине.

Насмотревшись разборок «по бизнесу» даже между самыми близкими друзьями, я убедился, что третейский суд со справедливым приговором тут, как правило, невозможен: у каждой из сторон будет своя окопная правда. Зайдем с другого боку, через личное и семейное.

Наверное, Катя, жалуясь Есенину на Мариенгофа, имела на то основания, но и резоны Мариенгофа прозрачны. Есенин женат на богатой Айседоре, уехал на сытый Запад, наверняка прилично заработает там выступлениями и публикациями. Это мы тут за гроши халтурим и плоды разрухи тазиками хаваем.

То, что Есенин в письмах матерно бранил за границу, ныл о «бездарнейшей северянщине жизни» и «ужасающем царстве мещанства», Анатолий воспринимал как *imagemaking* и кокетство. Он Есенина знал.

Не знал, хотя мог догадываться, что его тоскующий корреспондент деятельно занялся саморазрушением, и все остальное полетело к черту кувырком.

Вообще, бизнес-разборка была все же формальным поводом. Есенину тяжело принять женитьбу Мариенгофа, рождение у Анатолия и Анны сына Кирилла (дело было, конечно, не в одном осложнении квартирного вопроса). Ведь тут была не просто дружба мужчин и поэтов («Прощание с Мариенгофом» до сих пор производит оглушительное впечатление своей, куда там Кузмину, распахнутостью и «судорогой буйных чувств»: «Возлюбленный мой! Дай мне руки! Я по иному не привык! Хочу омыть их в час разлуки я желтой пеной головы» и т. д.).

Никакой, понятно, клубнички — бисексуальность Есенина явление эстетическое (все же Серебряного века с его нравами он надегустировался, в отличие от Анатолия, допьяна), а не физиологическое.

Похоже, подлинную природу есенинских чувств Мариенгоф открыл только задним числом — доказательство чему как раз роман «Циники», 1928 год.

Есенин — чисто в бытовом плане — ушел как раз первым, перебравшись в особняк Дункан на Пречистенке. Однако, надо полагать, Сергей Александрович своим сверхчувством понимал всю дребезжащую непрочность союза с Айседорой, так же, как знал он, что Мариенгоф и Никритина — похоже, уже навсегда... И это тоже совершенно определенным образом характеризует поэтов.

В общем, тут была именно семейная история, в которой назначать кого-то правым — то самое скотство, которым пытаются клеймить Мариенгофа.

2) Выступая в товарищеском суде по «делу 4-х поэтов», Мариенгоф заявил о том, что Есенин совсем спился, разложился, и его надо не судить, а лечить. Считается, что это был поступок не просто недружественный, но прямая кляуза.

Известно, что Есенин не заметил сухого закона (николаевского, а потом ленинского — 1914—1923 гг.). Собственно, почти вся его взрослая жизнь пришлось на алкогольный запрет. Поразительно: если бы Сергей Александрович был менее тусовочен и более законопослушен, пьянствовать «заодно с правопорядком» (Мандельштам) ему пришлось бы всего пару лет — 1924—1925. Но тогда непонятно — два ли года, и вообще как бы оно там сложилось...

...Напивался и скандалил равно в Москве и Нью-Йорке (где тоже стоял сухой закон), в берлинских и парижских кабаках так же, как в родном «Столе Пегаса», «Яме» и «Нерыдай!».

Интересней другое. Есенин, похоже, не заметил и совнаркомовского декрета о борьбе с антисемитизмом («О пресечении в корне антисемитского движения», подписанного Лениным и опубликованного 27 июля 1918 года в газете «Известия ВЦИК»). Декретом предписывалось ставить погромщиков «вне закона». Что это такое, позже разъяснил Сталин: *«Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью»*.

Так вот, Есенин по пьянке «ругал жидов» в Нью-Йорке (вечеринка у Мани-Лейба), где никакой борьбы с антисе-

митизмом не было, и в Москве, где, по мнению нынешних патриотов, декрет свирепствовал.

Вот тут как раз показательно знаменитое «дело 4-х поэтов» (Есенин, Клычков, Орешин, Ганин). У властей была возможность раскрутить парней по декрету по полной: буянили они в общественном месте (пивная), кричали о «засилье», сцепились с человеком в кожаной куртке и понятной национальности.

В газете «Рабочая Москва», от 22.11.1923 г. (заметка «Что у трезвого попутчика на уме...»), подавался инцидент на полном серьезе, а сейчас звучит чистым Зощенко:

«Во вторник вечером под председательством В. Брюсова состоялось торжественное заседание, посвященное пятилетию Всероссийского союза поэтов. После официальной части в клубе союза состоялась вечеринка.

Почему на этой вечеринке не были поэты: П. Орешин, С. Есенин, С. Клычков и Ганин? Это ясно из нижеследующего.

Около 10 часов вечера Демьяну Бедному на квартиру позвонил по телефону Есенин и стал просить заступничества. Дело оказалось в том, что четыре вышеназванных поэта находились в 47-м отделении милиции.

На вопрос Демьяна Бедного, почему же они не на своем юбилее, Есенин стал объяснять:

— Понимаете, дорогие товарищи, по случаю праздника своего мы тут зашли в пивнушку. Ну, конечно, выпили. Стали говорить о жидгах. Вы же понимаете, дорогой товарищ, куда ни кинь — везде жиды. И в литературе все жиды. А тут подошел какой-то тип и привязался. Вызвали милиционеров, и вот мы попали в милицию.

Демьян Бедный сказал:

— Да, дело нехорошее!

На что Есенин ответил:

— Какое уж тут хорошее, когда один жид четырех русских ведет».

Остановимся. Принято считать, что на Есенина дурно влияла «богема», спаивали и провоцировали на скандалы Мариенгоф и имажинисты; а «мужиковствующие», напротив, возвращали к истокам. Только истоки эти были отнюдь не метафорическими:

«Александр Яковлевич Таиров предложил запретить им (Клычкову, Орешину, Ганину — А. К.) вход в "Стойло" и вывесить соответствующее объявление. Оно было тут же составлено рисовыми буквами, и первым под ним подписался председатель "Ассоциации" С. Есенин.

В дверях «Стойла» ежедневно по очереди дежурили дюжие швейцары, они вывесили объявление на видном месте, дали прочесть "святой троице" и не пустили в "Стойло".

Через три дня Клычков, Орешин и Ганин перехватили Есенина по дороге в "Стойло" и повели в пивную. Там они не только угостили его захваченной с собой водкой, но еще смешали ее с пивом, то есть, как это называют, поднесли ему "ерша". Сергей в отличие от своих собутыльников моментально захмелел».

(из воспоминаний Матвея Ройзмана).

Хорошо, Ройзман — адепт имажинизма — связан групповым интересом. Но вот реплика Л. Повицкого, журналиста, не имевшего отношения к литературным течениям:

«Участились его скандальные выходы в ресторанах и пивных Москвы. Его снова окружили «грузья-приятели» из «крестьянского» лагеря, «мужиковствующие»...

«Дело 4-х поэтов» закончилось товарищеским судом под председательством тов. Новицкого («В заключительном слове, так же как и в своих первоначальных показаниях, поэты отвергали обвинение в антисемитизме и говорили о своей работе для революции с самого ее начала»).

Поэтам вынесли «общественное порицание».

В таком контексте мариенгофовская якобы «подлянка» становится... нет, никак не примером благородства и дружества, но совершенно понятной уловкой, маневром, в котором эмоциональная сторона — досада на Есенина с его распадом, стойкая неприязнь к «мужиковствующим» и пр., дополнялась практическими соображениями — вывести «Сергуна» из зоны действия опасного декрета, а заодно — из-под влияния «крестьянской» группы. «Увести на больничку».

Отмечу, что еще до суда Анатолий «включал связи», дабы отмазать Есенина.

Похоже, именно участие Есенина в инциденте (покровительство Троцкого, вообще лояльное к Есенину отношение властей) и определило столь либеральный приговор. Могло быть куда хуже: через полтора года Советская власть равнодушно и внесудебно расстреляла Алексея Ганина за принадлежность к «Ордену русских фашистов».

Так что Мариенгоф, имея все основания опасаться за есенинскую судьбу, пытался подменить политику бытовухой; злословием под личиной циничного сноба. Да и вообще мотив «больного Есенина» использовался тогда Мариенгофом регулярно — в т. ч. в качестве аргумента в литературных спорах. Из ответа Мариенгофа и Шершеневича на заявление Есенина о разрыве с имажинизмом:

«Есенин в нашем представлении безнадежно болен психически и физически, и это единственное оправдание его поступков».

Кроме того, надо понимать, что злословие — в глаза и за глаза — было вполне в духе времени. Сам Есенин лидировал по части поливов — см., например, не только «Роман без вранья», но и мемуары А. Тарасова-Родионова, запротоколировавшего разговор с Есениным накануне финального путешествия поэта в Ленинград.

3

Всегда тяготеющее к простым решениям общественное мнение объясняет это переплетение коллизий, контекстов и «личняков», — банальной завистью, которой якобы Мариенгоф был подвержен в наивысшей степени.

Трактовка настолько общепринятая, что за Мариенгофа уже не обидно. Обидно за хороших авторов, выстраивающих вокруг пресловутой зависти многоэтажные, но картонные концепции.

Так, Юлия Беломлинская, в большом эссе «Мой Есенин», иногда наивном, но талантливом и напористом (жанр которого она остроумно определила как «фантастическую повесть»), заявляет:

«Именно таким («непрерывно матерящимся и с мутным взором» — определяет абзацем выше Ю. Беломлинская) Есенин выписан в двух самых знаменитых мемуарах: у Мариенгофа в «Романе без вранья» и у Катаева в «Алмазном венце».

«Патриоты» радостно приняли такую вот версию Есенина из рук мемуаристов-завистников».

Почему, собственно, «завистников»? Нет, аргументов в пользу сальерианства Мариенгофа можно привести немало (вот с примерами — хуже), но из всего известного набора Юлия разворачивает самый неубедительный. Да и лживый, попросту говоря.

«...Оба они совершенно ненормально педализуют в своих мемуарах физиологические особенности есенинского алкоголизма.

(...)

Что у Мариенгофа, что у Катаева, — огни и те же эпитеты.

Глаза, волосы, — мутные. Грязно-серый, свалывшийся. Пена на губах, блевотина, запах...

(...)

Для Катаева и для Мариенгофа отчего-то очень важно, чтобы нам стало противно.

(...)

Оба они, красавцы, щеголи, среднеогаренные литераторы, не получившие своей доли славы, завидуют Есенину не только за его поэтический успех. Оба они страстно завидуют еще и вот этому, второму есенинскому таланту — таланту очаровывать. Вот этому эротическому облаку, которое окружало Есенина. Тому, что он мог увести из компании любую девушку, любую женщину, что он мог вписать к себе в ученики, влюбить в себя любого юношу».

Относительно Катаева — все это просто неправда. В случае Мариенгофа, строго говоря — тоже.

Но сначала о Катаеве — просто за ради точности. Как совершенно справедливо заметил Сергей Боровиков, все эпизоды с королевичем в книжке «Алмазный мой венец» можно было написать, и не водясь с Есениным. Авторы

подробнейших комментариев к АМВ — М. Котова и О. Лекманов («В лабиринтах романа-загадки») также признают, что есенинские главки — из наименее достоверных в катаевском «памфлетном мемуарном романе». Проблема тут не в Есенине, а в Катаеве — в АМВ слишком очевидны усилия по превращению шапочного знакомства в закадычную дружбу, равно как и щедрое использование чужих мемуаров...

Тем не менее, Катаев везде подчеркивает красоту, дендизм, изящество и обаяние Есенина, его, современно выражаясь, «гламурность», то есть это самое «эротическое облако». Из физиологических проявлений — вполне невинная, подростковая эскапада в гостях у Асеева:

«— Бега, как хочется вытереть нос, да забыл дома носовой платок...» и т. д.

У Мариенгофа, да, мы найдем и «мутность взора», и «пену на губах». И более того: *«На извозчике на полпути к дому Есенин уронил голову мне на плечи, как не свою, как ненужную, как холодный костяной шар».*

Таких горьких и откровенных эпизодов у Мариенгофа немало (другое дело, что граней он, целомудренный, никогда не переходит, откуда достала Беломлинская эту «блеветину»?). Однако, воля ваша, я никак не нахожу у Мариенгофа заявленной мотивации: «чтобы нам стало противно». Поскольку Анатолий, дескать, бездушен и завистник.

У Мариенгофа, конечно, другое: и в «Романе без вранья» по свежим следам, и в «Мой век, моя молодость» через три десятка лет, в алкогольных есенинских историях — ощущение боли и безысходности перед трагедией и распадом близкого человека. И, да, безусловно, собственный, эгоистический страх перед могучим алкогольным демоном.

А литературный талант помогает описать все это поимажинистски точно и зримо.

Если уж на то пошло, физиологические картины есенинского пьянства нам оставили мемуаристы совершенно другого плана — Галина Бениславская в дневниках и Николай Клюев («Бесовская басня о Есенине»). Обоих в зависти заподозрить трудно. Бениславская, беззаветно преданная Есенину, осталась объективным хроникером самых тяже-

лых лет и сцен жизни Есенина. У Николая Клюева в 20-е, похоже, развился своеобразный «комплекс Есенина», клубок горячих чувств из любви/ненависти, где ненависть, на мой взгляд, все же преобладала.

Вообще, метод Юлии Беломлинской понятен — это эмоциональный гон, когда на высоком градусе проговаривается очевидная чушь, и не оставляется зазора для возражений: поезд ушел, автор давно гонит дальше.

Вот, чрезвычайно характерное:

«То, что Мариенгоф оказался одним из немногих соратников Есенина, вообще выжившим в сталинщину, тоже о чем-то говорит».

Да читателю из «прогрессивной общественности» это говорит обо всем! Он не без сарказма произносит «Ага!» и навсегда записывает Мариенгофа в стукачи и подлюги.

Много злодейств было у «незабвенного», согласно Патриарху Алексию I, Иосифа Виссарионовича, но убийцей имажинистов он точно не стал. Никто (!) из имажинистов старшего поколения не стал жертвой «сталинщины» и террора.

Художник Георгий Якулов умер в 1928 году до всякой «сталинщины».

Вадим Шершеневич — скончался в эвакуации. 1942 год, Барнаул, туберкулез.

В том же военном году погиб от голода Иван Грузинов.

Рюрик Ивнев ушел в возрасте девяноста лет, едва не пережив не только тов. Сталина, но и саму Советскую власть.

Лауреат Сталинской премии Николай Эрдман успел, помимо всего прочего, помочь в инсценировке есенинского «Путачева» на любимовской Таганке. Умер в 1970 году. Он пережил брата — художника Бориса Эрдмана на десять лет. Впрочем, тот, в свою очередь, пережил Сталина.

Матвей Ройзман ушел из жизни в 1973 году, в год выхода солидного мемуарного тома «Все, что помню о Есенине».

Александр (Сандро) Кусиков тихо скончался в Париже в 1977 году. В эмиграции же, тремя годами раньше, умер примыкавший к ранним имажинистам Лев Мосонзон, прославившийся на Западе как эстрадный певец.

Над созданием сальерианского, да и попросту, без тонкостей, негативного мифа о Мариенгофе потрудились поколения черных пиарщиков.

После ухода Есенина тут была, конечно, известная неопрятная возня за близость к дорогому покойнику. За возможность прокукарекать первым, и не без оснований «А меня Том Сойер однажды здорово поколотил!». Технологи собрались способные — творцы одного из самых ярких периодов русской литературы.

Далее, в поздние 20-е и в 30-х, после «Злых заметок» Бухарина и объявленной войны с «есенинщиной», вектор поменялся: Мариенгоф пристегивался к Есенину по принципу идеологической вредности. Плюс его выходившие в Берлине злополучные романы. Если Есенин — кулацкий певец и поэт кабаков с ножиком за голенищем, то Мариенгоф — лощенный мелкобуржуазный хлыщ с бритвой в кармане («Бритый человек»).

В 60-е из Есенина стали лепить правоверного большевика — в кондово-советском понимании, и тут левый-прелевый Мариенгоф с его воспеванием красного террора и божественным визажом оказался хуже всякого белогвардейца.

Наконец, много потрудились «патриоты», которым был противен сам звук его фамилии.

Во всех этих волнах штрихпунктирно наличествовало сведение личных и литературных счетов.

Поразительно, но подсели на миф даже вполне себе критически и разнообразно мыслящие литературные люди — даже перед нынешней обложкой Мариенгофа конфузливо кривящие губы. Сукин сын... Но — не наш сукин сын! Хотя талантливо... Образно... Фактическая ценность мемуаров...

Между тем, за каждым из «взрослых» текстов Анатолия Мариенгофа (романы, мемуары) легко угадывается именно тот образ автора, который оставил драматург Александр Крон:

«Мы познакомились и погрузились в послевоенные годы. В моей памяти Мариенгоф остался человеком редкой доброты, щепетильно порядочным в отношениях с това-

рищами, влюбленным в литературу, и, несмотря на то, что к нему часто бывали несправедливы, очень скромным и незлобивым.

Вульгаризаторы немало потрудились над тем, чтоб опорочить А. Б. Мариенгофа еще при его жизни. Действительно, нет ничего проще и удобнее такого объяснения литературных фактов: Маяковский и Есенин были природными реалистами, в грех формализма (футуризма, имажинизма) их совратили нехорошие люди; злыми гениями Маяковского были Брик и Бурлюк, а Есенина портил щеголь и сноб Мариенгоф. При сколько-нибудь добросовестном анализе подлинных фактов лживость этой концепции становится очевидной для всякого непредубежденного человека.

Буду рад, если твоя будущая книга в какой-то мере сможет восстановить истинный облик Анатолия Мариенгофа, честного и огаренного русского литератора; многолетнего и близкого друга С. А. Есенина.»

(19 октября 1966 г. Ялта — из письма Матвею Ройзману.)

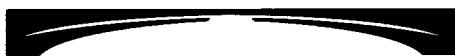
В политике черный пиар практически «не лечится». Но и используется куда скуднее последнее время: с одной стороны, властные сценарии оставляют все меньше простора для импровизации, с другой — настолько упростились и опаскудились отечественные нравы, что любой компромат — штука амбивалетная, плюс на минус. Даже убийственный еще несколько лет назад, фактически не работает «голубой компромат».

Национальный парадокс — существует, однако, сфера, где черные технологии пока сильны и влиятельны. Это русская литература. Но, по счастью, и лекарство против затянувшейся почти на столетие (в случае Мариенгофа) клеветы — старое и проверенное.

Почаще заглядывать в его тексты. Там по-прежнему все живое, настоящее и актуальное.

Алексей Колобродов

КОММЕНТАРИИ

В третьем томе собрана небольшая часть драматургических произведений А. Б. Мариенгофа. В собрание сочинений не вошли тексты, написанные совместно с другими литераторами:

— пьесы «Золотой обруч», «Остров великих надежд» и «Преступление на улице Марата», написанные совместно с М. Э. Козаковым;

— киносценарии «Веселая канарейка», «Живой труп» и «О странностях любви», написанные вместе с Б. Е. Гусманом;

— киносценарии «Проданный аппетит» и «Посторонняя женщина», написанные совместно с Н. Р. Эрдманом;

— киносценарий «Дом на трубной», написанный вместе с В. Г. Шершеневичем, Б. Б. Зорич, В. Б. Шкловским и Н. Р. Эрдманом.

Также не вошли в собрание сочинений тексты, написанные по мотивам произведений других литераторов: «Тарас Бульба» (по Н. В. Гоголю), «Не пицать!» (по «Педагогической поэме» А. С. Макаренко).

В силу ряда причин не вошли и некоторые другие тексты, хранящиеся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова и других городов, что дает основание полагать, что в будущем появится более полное собрание сочинений.

В третьем томе представлены следующие пьесы:

- Вавилонский адвокат (1924)
- Двунюгие (1925)
- Ленинградские подруги (1943)
- Наша девушка (1943)
- Мистер Б. (1943)
- Совершенная виктория (1943)

- Мамонтов (начало 1940-ых)
- Суд жизни (1947—1948)
- Рождение поэта (1951)
- Наследный принц (1954)
- Маленькие комедии (1957)
- Уход и смерть Толстого (1960)

Помимо прочего, необходимо отметить развитие драматургии Мариенгофа. Если в своих первых вещах («Заговор дураков», «Вавилонский адвокат», «Двуногие») писатель не много уделяет внимания простым правилам орфографии и пунктуации, скуп на вставки, щедро пишет и также щедро вычеркивает большие куски текста, то уже в 1940-е годы, когда за плечами опыт прозы и сценарной работы, Мариенгоф, «земную жизнь пройдя до половины», уже более аккуратно обращается с черновиками, более внимателен к слову и к детали, не захламывает свои пьесы случайными действиями — все происходит неспроста, по-чеховски: «Если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем акте оно непременно должно выстрелить».

Вавилонский адвокат

Пьеса публикуется по машинописи, хранящейся в РГАЛИ (ф. 2030, оп. 1, ед. хр. 251). Многие места в тексте вычеркнуты. Имеются пометы и правки как автора, так и, видимо, режиссера.

Именно над этой пьесой Мариенгоф трудился в Одессе. Об этом, собственно, сохранились его воспоминания в книге «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги». Остановимся на нескольких моментах. Во-первых, пьеса предназначалась для Камерного театра А. Я. Таирова (в архивах которого и была найдена). Во-вторых, писалась строго под А.Б. Никритину. Если обратить внимание на облик Зеры, то можно заметить характерные для жены поэта черты, которые и позже описывались в воспоминаниях: «нос пуговкой», «нос не больше напёрстка» и т.д.

Об этой пьесе Мариенгоф совещался и с В.Э. Мейерхольдом:

«В Москве накануне отъезда я спросил Мейерхольда:

— Скажи, Всеволод, сколько страниц должно быть в пьесе?

— Чем меньше, тем лучше! — ответил он. — Если бы Шекспир писал покороче, его бы непременно взяли живым на небо. А его похоронили в земле. Это в наказание за слишком длинные трагедии и комедии.

— Отвечай-ка, Всеволод, делово: сколько должно быть страниц в пьесе?

— Ты пишешь комедию или трагедию?

— Комедию. А чтобы подразнить гусей, как говорит Есенин, назову ее фарсом.

— Дразни, дразни. Я это люблю.

— На библейский сюжет. Парочка сластолюбивых старичков, парочка ханжей, подглядывала за купающейся Сусанной. И влипла эта парочка. А чтобы выйти сухими из воды, старички сами затеяли суд над пышноволосяй «соблазнительницей». А пророк Даниил, восплав страстью к пышнотелой, стал ее блестящим адвокатом... У нас ведь тоже развелось немало ханжей.

— Значит, пьеса об этом.

— Да. Огонь по ханжам.

— Прелестно!.. Фарс?

— Комедия.

— Фарс, фарс, фарс!»

Пьесу поставили в Камерном театре. Успех был оглушительный:

«После окончания "Вавилонского" кричали:

— Зеру!.. Зеру!.. Зеру!..

<...>

Вскоре пошли газетные рецензии. Ее очень хвалили. Но я только презрительно посвистывал. <...> К моему удовольствию и некоторому удовлетворению, через неделю с обложек театральных журналов лукаво засверкали белки черномазой Зеры.

Я покупал эту замечательную литературу дюжинами и рассылал ее по почте. В Пензу, в Нижний Новгород, в Петроград. Своим школьным друзьям и своим Любоям — первой, второй, третьей, четвертой...»

Паралипоменон — или *Летописи*, в западной традиции — *Хроники* — две (1-я и 2-я *Паралипоменон*) канонические книги Танаха и Ветхого Завета, чье авторство тра-

диционно приписывается Ездre (Эзre). Являются обобщенной летописью священной библейской истории, начиная с родословия избранного народа, войн Давида, строительства Храма и заканчивая вавилонским пленением.

Экклезиаст — отсылка к произведению Соломона «Экклезиаст» или Книга Экклезиаста или Проповедника.

Левит — третья книга Пятикнижия (Торы), Ветхого Завета и всей Библии.

Мардук — в шумеро-аккадской мифологии верховное божество вавилонского пантеона, верховный бог Междуречья, бог-покровитель города Вавилона после 2024 г. до н. э.

Вил — название вавилонского идола, о котором говорится в неканонической части книги пророка Даниила (XIV, 3—32).

Халгеи — семитский народ, обитавший в области устьев рек Тигра и Евфрата на северо-западном берегу Персидского залива. Говорили на арамейском языке (Дан. 2:4).

Валтасар — последний вавилонский царь из Халдейской династии.

Навуходоносор — старший сын и наследник Набополасара, основателя Халдейской (или Нововавилонской) империи. Наиболее известный представитель этой династии.

Пифия — жрица, прорицательница дельфийского оракула.

Двуногие

Пьеса печатается по книге «Двуногие», выпущенной Мариенгофом в 1925 году (М.: изд. авт.).

Г. А. Бениславская в письме С. А. Есенину от 15 декабря 1924г. пишет: «Мариенгоф и Ко молчат. Открыли новое кафе в “Метрополе”: “КАЛОША”. Что там делается, не знаю, говорят наладили, написал пьесу “Двуногие” — не очень-то ее хвалят».

«Не очень-то ее хвалят» скорее по причинам личным, а не художественным. Пьеса была написана в период ссоры между Есениным и Мариенгофом. Есть в тексте и некоторые колкости — например, описание кабака «Мышиная нора». Так называлось кафе Есенина и Ройзмана.

После закрытия «Стояла Пегаса», образовалось два новых кафе — «Калоша» и «Мышиная нора». Более авторитетная информация, на которую мы можем сослаться — это книга Матвея Ройзмана «Все, что помню о Есенине» (глава 25. Есенин и Мариенгоф в «Мышиной норе»): «Наше новое кафе на углу Кузнецкого моста мы назвали "Мышиной норой". На простенке возле буфетной стойки Боря Эрдман смонтировал на деревянном щите эффектную витрину из наших афиш, плакатов, обложек "Гостиницы" и сборников. Вскоре на противоположном простенке, а потом и на стенах появились смонтированные им же плакаты и афиши кинотеатра "Лилипут", помещавшегося на Серпуховской площади. "Общество имажинистов" арендовало его: на малые доходы "Мышиной норы" нельзя было ничего издать. По понедельникам в кафе с девяти до десяти часов вечера один из нас или двое выступали. То же самое происходило с шести до семи в кинотеатре "Лилипут"».

А. Я. Таиров (1885—1950) — актер и режиссер, создатель и художественный руководитель Камерного театра (1914—1949). Именно он ставил первые опыты Мариенгофа в драматургии — это как минимум «Вавилонский адвокат» и «Люди и свиньи».

Дж. Б. Шоу (1856—1950) — британский литератор, лауреат Нобелевской премии в области литературы. Его пьеса «Святая Жанна» (*Saint Joan*, 1923), или, как пишет Мариенгоф, «Святая Иоанна» ставилась Камерным театром в 1924 году.

В. Э. Мейерхольд (1874—1940) — театральный режиссер, актер и педагог; создатель актерской системы, получившей название «биомеханика». Первая пьеса, с которой Мариенгоф пришел в драматургию, — «Заговор дураков», — была поставлена именно в театре Мейерхольда.

«*Фоли-Бержер*» — знаменитое варьете и кабаре в Париже.

А. Н. Островский (1823—1886) — драматург, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Его пьеса «Лес» (1870) была поставлена в театре Мейерхольда в 1924 году, как один из опытов биомеханики. Режиссер представил персонажей по принципу «социальной маски» и аранжировал пьесу карнавальной веселостью. Постановка пользо-

валась огромным успехом: к 1938 году было сыграно 1338 спектаклей.

Платон (428 или 427 до н. э., — 348 или 347 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Точная дата рождения неизвестна. Одно из утверждений философа гласит: «Человек — это двуногое существо без перьев». Известна история, когда другой философ — Диоген (на которого так похож мариенгофский Экки) оципал петуха, показал своим ученикам и сказал: «Это человек, по Платону». Т.е. тем самым опроверг утверждение. Подобным делом занимается и Экки. В этом контексте становится понятным заглавие пьесы — «Двуногие».

Диоген (ок. 412 до н. э. — 323 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Антисфена, основателя школы киников. Так же следует отметить, что Диоген — одна из ключевых фигур в паноптикуме циников П. Слотердайка («Критика цинического разума»).

Иммануил Кант (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Наибольшую известность получила его работа «Критика чистого разума».

Гросс-бух — гроссбух — одна из основных бухгалтерских книг, дающая сводку всех счетов и приходо-расходных операций.

Артур Конан-Дойль (1859—1930) — британский писатель, автор детективных произведений о сыщике Шерлоке Холмсе, приключенческих и научно-фантастических — о профессоре Челленджере, юмористических — о бригадире Жераре.

Ищу человека — об этом повествует следующий исторический анекдот: Диоген зажег днем фонарь и принялся ходить с ним по людным местам Афин. На все недоуменные вопросы он отвечал кратко: «Ищу человека». Тем самым он показывал афинянам, что найти среди них человека, достойного этого звания, крайне сложно.

Александр Македонский был гураком, выполняя желания Диогена — об этом повествует еще один исторический анекдот. Когда Александр Македонский пришел с войсками в Аттику, то захотел познакомиться с Диогеном. Полководец долго ждал, пока философ придет к нему, но тот и не думал появляться. Тогда Александр сам решил навестить

его. Он нашел Диогена в гимнасии неподалеку от Коринфа, когда тот грелся на солнце. Александр подошел к нему и сказал:

— Я — великий царь Александр.

— А я, — ответил Диоген, — собака Диоген.

— И за что тебя зовут собакой?

— Кто бросит кусок — тому виляю, кто не бросит — облаиваю, кто злой человек — кусаю.

— А меня ты боишься?

— А что ты такое, зло или добро?

— Добро.

— А кто же боится добра?

Наконец Александр сказал:

— Проси у меня, чего хочешь.

— Отойди, ты заслоняешь мне солнце.

На обратном пути, в ответ на шутки своих приятелей, которые потешались над философом, Александр якобы даже заметил: «Если бы я не был Александром, то хотел бы стать Диогеном».

Асфальтовый котел — это опять же аллюзия на Диогена, который жил в бочке. С этой бочкой связан другой комический случай. Когда афиняне готовились к войне и в городе царили суэта и волнение, Диоген стал катать по улицам свою бочку. На вопрос, для чего он так делает, Диоген отвечал: «Все заняты делом, я тоже».

Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, один из основоположников литературного итальянского языка. Создатель «Комедии» (позднее получившей эпитет «Божественной», введенный Боккаччо), в которой был дан синтез позднесредневековой культуры.

Гораций (65 до н. э., — 8 до н. э.) — древнеримский поэт. Его творчество приходится на эпоху гражданских войн конца республики и первые десятилетия нового режима Октавиана Августа. «Памятник» — в нем поэт измерял свое литературное бессмертие вечностью римского государства, но наибольший расцвет его славы был еще вперед.

Фаларис — тиран агригентский во второй половине VI века до н. э. (ок. 570—554 до н. э.), сын Леодама. Рассказывали, что он в медном быке жарил ненавистных ему людей, что он ел младенцев, что он пленных леонтинцев велел бросить в жерло Этны и т. п.

Перилл — тот самый медник, который предложил Фаларису за баснословную сумму своего медного быка. Тиран согласился, но первым же делом испытал орудие на его создателе.

Юлий Цезарь (100 или 102 до н. э. — 44 до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, диктатор, полководец, писатель.

Цицерон (106 до н. э. — 43 до н. э.) — древнеримский политик, философ, оратор.

Джек Потрошитель — псевдоним, присвоенный так и оставшемуся неизвестным серийному убийце, который действовал в Уайтчепеле и прилегающих районах Лондона во второй половине 1888 года.

Овидий Назон (43 до н. э. — 18 н. э.) — древнеримский поэт, работавший во многих жанрах, но более всего прославившийся любовными элегиями и двумя поэмами — «Метаморфозами» и «Искусством любви».

Гомер — древнегреческий поэт-сказитель, которому приписывается создание «Илиады» и «Одиссеи».

И. В. Гете (1749—1832) — немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель. Автор «Фауста». Следует отметить также, что Мефистофель, герой «Фауста», — как и Диоген, одна из ключевых фигур в паноптикуме циников П. Слотердайка («Критика цинического разума»).

Я памятник воздвиг себе... — стихотворение А. С. Пушкина, написанное в 1836 году.

Фигий (ок. 490 до н. э. — ок. 430 до н. э.) — древнегреческий скульптор и архитектор, один из величайших художников периода высокой классики

Вергилий (70 до н. э. — 19 до н. э.) — древнеримский поэт, автор «Энеиды».

«Мышиная нора» — так называлось кафе имажинистов. После закрытия «Стойла Пегаса» образовалось два новых кафе — «Калоша» и «Мышиная нора».

Ленинградские подруги, Наша девушка, Мистер Б.

Пьеса «Ленинградские подруги» печатается по изданию, хранящемуся в РГБ (Я 383/294).

Пьеса «Наша девушка» печатается по изданию, хранящемуся в РГБ (Я 37/1942). Имеет подзаголовок: «Сюжет навеян Кара-Демуром». Также была напечатана в сборнике одноактовых пьес «На фронте и в тылу» (М.: Искусство, 1943)

Пьеса «Мистер Б.» печатается по изданию, хранящемуся в РГБ (Я 383/296). Имеет подзаголовок: «Маленькая пьеса: (Не совсем по Джону Б. Пристли)».

Совершенная виктория

Печатается по изданию 1943 года, хранящемуся в РГБ (Я 34/382).

Это единственная пьеса в стихах, вошедшая в третий том собрания сочинений в силу перегруженности первого тома. Три других пьесы в стихах — «Заговор дураков», «Шут Балакирев» и «Актер со шпагой».

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — русский государственный и военный деятель, сподвижник и фаворит Петра I.

Шереметьев Борис Петрович (1652—1719) — русский полководец времени Северной войны, дипломат, один из первых русских генерал-фельдмаршалов (1701). В 1706 году первым возведен в графское Российской империи достоинство.

Князь Михаил Михайлович Голицын (1684—1764) — русский государственный и военный деятель, дипломат, президент Адмиралтейств-коллегии (1750—1762), генерал-адмирал (1756), инициатор возведения Никольского морского собора.

Шафиров Петр Павлович (1669—1739) — второй по рангу после Гаврилы Головкина дипломат петровского времени, вице-канцлер.

Виниус Андрей Ангреевич (1641—1717) — русский государственный деятель эпохи Петра I, московский дворянин, думный дьяк, сподвижник Петра I. Чиновник Посольского и других приказов, русский почтмейстер (1672, 1675—1693).

Карл XII (1682—1718) — король Швеции в 1697—1718 годах, полководец.

Реншельд — Карл Густав Реншильд (Реншельд) (1651—1722) — шведский фельдмаршал, граф, сподвижник короля Карла XII.

Август II — Август Сильный, также Фридрих Август I Саксонский и Август II Польский (1670—1733) — король польский и великий князь литовский.

Графиня Кенигсмарк (1662—1728) — любовница Августа II.

Имгоф (1653—1715) — саксонский государственный деятель

Маргенфельд Арвид Аксель (1655—1708) — шведский военный деятель.

Левенгаупт Адам Людвиг (1659—1719) — граф, шведский военачальник, генерал-лейтенант (1706). Служил в армиях ряда европейских государств, затем в шведской армии.

Драбанты (Trabant) — почетная стража из отборных людей.

Граф Карл Пиппер (1647—1716) — шведский государственный деятель.

Ланкарта — скорее ландкарта, от слова Land — земля.

Курфюрст — в Священной Римской империи — имперский князь, за которым с XIII века было закреплено право избрания императора.

Куафер — высококвалифицированный парикмахер.

Пойнтер — порода гладкошерстных легавых собак.

Раскат — утрамбованная земляная насыпь или помост под валом крепости для установки пушек.

Куртина — в архитектуре крепостей это участок стены, крепостного вала между двумя соседними башнями или бастионами.

Свейский ситагель — шведская цитадель: «свейский» — такое определение встречается и в обозначении Петром причин войны со шведами: «Изволили мы, великий государь, наше царское величество, с королевством свейским за многие их свейские неправды и нашим царского величества подданным учиненные обиды, наипаче за самое главное безчестие, учиненное нашим царского величества великим и полномочным послам в Риге в прошлом 1697 году <...> всчать войну».

Лафет — специальное приспособление, опора, станок, на котором закрепляется ствол орудия с затвором.

Шамар — «сигнал о капитуляции», впервые введенный Петром I (от франц. *Chamade* — «барабанный вызов для переговоров»).

Контрибуция — платежи, налагаемые на побежденное государство в пользу государства-победителя.

Рихсталер — рейхсталер — от моенты талер — крупной серебряной монеты, которая в XVI—XIX вв. играла важную роль в денежном обращении Европы и в международной торговле. В 1566 году основной серебряной монетой был признан серебряный талер 889-й пробы массой 29,23 г. Он стал называться рейхсталер (*Reichsthaler*).

Су — денежная единица и монета Французского Королевства во второй половине XIII—XVIII вв.

Иоганн Рейнгольд фон Паткуль (1660—1707) — лифляндский дворянин, дипломат, с 1702 года состоял на русской службе, с 1704 года генерал-лейтенант, участник Северной войны.

Апроши — глубокие зигзагообразные продолговатые рвы (траншеи) с внешней насыпью, служащие для безопасного приближения к атакованному фронту крепости или другого укрепления.

Мамонтов

Печатается по машинописи, хранящейся в РГАЛИ (ф. 2269, оп. 1, ед. хр. 19).

В пьесе имеется сцена со старушкой Егоровной, собирающей Мамонтову пожитки как можно медленнее, чтобы успели прийти партизаны и схватить изменника. Эта сцена была обработана в отдельную пьесу — «Егоровна» (1945). Так как на документах в РГАЛИ стоит отметка о дате написания — «Начало 1940-х», то мы не можем утверждать: написана ли «Егоровна» до «Мамонтова», что помогло автору развить большую пьесу; или в силу ряда причин, возможно и цензурного характера, Мариенгофу пришлось отказаться от большой пьесы «Мамонтов» и довольствоваться маленькой «Егоровной».

Пьеса примечательна, прежде всего тем, что описывает ужас и суматоху эвакуации ленинградцев в Киров (Мариенгоф с женой были эвакуированы именно в этот город).

Миних (1683—1767) — российский генерал-фельдмаршал (1732), наиболее активный период деятельности которого пришелся на правление Анны Иоанновны, то есть на 1730-е годы. Неоднократно появляется в текстах А. Б. Мариенгофа.

Остерман (1686—1747) — знаменитый русский дипломат немецкого происхождения, граф.

Княжна Тараканова (между 1745 и 1753 — 1775) — неизвестная, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского.

Пестель (1793—1826) — руководитель Южного общества декабристов.

Рылеев (1795—1826) — русский поэт, общественный деятель, декабрист.

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826) — декабрист.

Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801—1826) — декабрист.

Каховский — Петр Григорьевич (1797—1826) — российский дворянин, декабрист, убийца генерала Милорадовича.

Мессершмит — одномоторный истребитель, стоявший на вооружении люфтваффе.

Софья Перовская (1853—1881) — русская революционерка, народница.

«По морям, по морям...» — строки из песни, популярной в годы Гражданской войны в России и широко известной благодаря роману «Чапаев» (1923) советского писателя А. Фурманова. Автор этой песни — «Ты, моряк, красив собою» — поэт пушкинской поры В. С. Межевич (1814—1849).

«Увы, что нашего незнания / И беспомощней и грустней?..» — стихотворение Ф. И. Тютчева от 11 сентября 1854 года.

Гимлер (1900—1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха

«Наплевать мне, что вы красавица...» — стихотворение А.Б. Мариенгофа из цикла «После этого» (1943).

Сергей Дегаев (1857—1921) — русский революционер, руководитель Центральной группы партии «Народная воля», агент Охранного отделения, профессор математики.

«Со мною мой Дельвиг милый, / Товарищ юности моей...» — в оригинальном тексте эти строки выглядят иначе: *«Зовет меня мой Дельвиг милый, / Товарищ юности живой...»*. Стихотворение А.С. Пушкина (1831).

Суд жизни

Печатается по машинописи с правками автора, хранящейся в РГАЛИ (ф. 2269, оп.1, ед.хр.16). Мы включили один единственный отрывок, вычеркнутый автором. В тексте пьесы он помечен квадратными скобками.

В записных книжках Мариенгофа (РГАЛИ, ф. 2269, оп. 1, ед. хр. 34 и 35) имеются отдельные записи о Туркмении: о погоде, о растительности, о нравах. Работая над пьесой, писатель общался с учеными — с профессором Григорием Яковлевичем Винденко, с профессором Лидией Спиридоновой Качиони-Вальтер и доцентом Александром Михайловичем Дунаевым.

Почему именно тема саранчи, поедающей все на своем пути, неожиданно всплывает у Мариенгофа? В книге «Леонид Леонов. Игра его была огромна» Захар Прилепин пишет: «Наркомпрос Туркменистана возжелал ознакомить литераторов с жизнью южной советской республики — и Наркомпросу не отказали. 22 марта 1930 года отправилась в путешествие бригада в составе трех поэтов — Тихонова, Луговского, Санникова, и трех прозаиков — Леонова, Всеволода Иванова и Павленко (последний был инициатором поездки)». Это был социальный заказ.

Представить себе, что и Мариенгофа послали бы по социальному заказу, невозможно. Обращается же автор к ней по иным причинам:

— Тема актуальна до сих пор.

— Степи Туркменистана — это превосходный экзотический фон, с которого начинается развенчивание Виригина.

И не стоит воспринимать это в строго «советском контексте». Мариенгоф, если и брался за что-то подобное, то придавал текстам большой исторический, социальный или философский размах.

Качиони-Вальтер Лидия Спиридоновна (1889—1957) — биолог (физиология и биохимия растений). Кандидат биологических наук. Доцент. Член Всесоюзного Ботанического общества с 1951 года.

Саксаул — род древесных растений, которые образуют пустынно-древесные заросли.

Тахта-базар — Тахтабазар — поселок городского типа в Марыйском велаяте Туркмении. Статус поселка городского типа с 1937 года. До 1993 года носил название Тахта-Базар.

Санды-Качи (Сандыкачи) — поселок в Туркменистане, отличавшийся в советское время наличием винного и довольно крупного фруктово-консервного завода. Отличается более густыми и пышными зелеными насаждениями на улицах и обилием фруктовых садов и виноградников.

Имам-Баба — небольшой город на юго-востоке Туркменистана.

Кара-Кум (Каракумы, Гарагум, Каракум) — песчаная пустыня на юге Средней Азии, покрывающая большую часть Туркмении.

«Мой век мне кажется смешным немножко, / Когда кончается бомбежка» — стихотворение Мариенгофа 1943 года, из цикла «После этого».

Лавуазье Антуан Лоран (1743—1794) — основатель современной химии.

Томас Эдисон (1847—1931) — всемирно известный американский изобретатель и предприниматель.

Джон Дальтон (1766—1844) — английский провинциальный учитель-самоучка, химик, метеоролог и естествоиспытатель.

ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей — советская общественная организация, основанная в 1925 году. Официально в задачи ВОКС входило ознакомление общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризация культуры народов Советского Союза за границей, содействие развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и других стран.

«Головой разможжась о плетень, / Облилась кровью ягог рябина...» — строки из стихотворения «Сорокоуст» С.А. Есенина, посвященного А. Б. Мариенгофу.

Рождение поэта

Печатается по изданию 1959 года — Пьесы: Рождение поэта. Шут Балакирев. Л.: Советский писатель.

Название пьесы могло не состояться. Об этом Мариенгоф пишет в письме к жене:

«И с Бродским разговаривал. Встреча (условно) на вторник. У него... реперткомовское воздержание. Против заглавия — "Рождение поэта". И до "Смерти поэта", де, ты (т. е. Лермонтов) был гений —перегений. Все гениально. И паршивый роман "Вадим" тоже гениальный. Ох! А с моим чудным названием, вероятно, придется расстаться. Эти неумеренные (и глупые) почитатели Михаила Юрьевича меня живым съедят: "Недооценил!"».

Но все это осталось трудностями рабочего характера. В итоге пьеса вышла в печать, была поставлена на многих театральных сценах и даже транслировалась по радио. О последнем мы опять же узнаем из писем Мариенгофа к жене, где он описывает посещение дом-музея М. Ю. Лермонтова в Пятигорске: «А потому что твоего лермонтописа — девушка, которая водила и говорила, приняла почти, как воскресшего из мертвых Мишеля. Робко сказала, что и "Рождение" мое нравится (она "Крокодила" не читала), и что отрывки из "Рождения" у них печатались в "Пятигорской Правде", и передавались по радио.Бедная газета! Бедное радио!»

Много было проблем с постановкой пьесы. Во-первых, необходимо было одобрить ее в Реперткоме. Во-вторых, на пьесы по Лермонтову или о Лермонтове была конкуренция: так Мариенгоф между делом обошел своего старого неприятеля Бориса Лавренева, который когда-то в 1920-е годы обвинял его в смерти Есенина (статья «Казненный дегенератами»). В-третьих, после того, как пьеса пройдет через первый и второй пункты, необходимо будет найти театр, в репертуаре которого будет место для биографической пьесы.

Пьеса могла идти и в театре им. Моссовета: «Сам Завадский ставит "Маскарад", — пишет Мариенгоф жене, — Он

сказал: "Вы понимаете, это интересно — рядом с «Маскарадом» поставить и пьесу о Лермонтове"».

«Ты видел зло и перед злом, / Ты гордым не поник челом...» — строки из стихотворения «К***» («О, полно извинять разврат!») М. Ю. Лермонтова.

«Не торговал мой гед блинами, / Не ваксил царских сапогов...» и *«И не был беглым он солдатом, / Австрийских пудренных джужин...»* — строки из стихотворения «Моя родословная» А. С. Пушкина (1830).

«Гусар, на саблю опираясь, / В глубокой горести стоял...» — строки из стихотворения «Разлука» К.Н. Батюшкова.

«Гусар! ужель гуша не слышит / В тебе желанья любви?...» — строки из стихотворения «Гусар» М. Ю. Лермонтова (1832).

«Погиб поэт! — невольник чести...» — стихотворение «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова (1837).

«Не отправляй гуши тоскою, / Не убивай себя: ты мать...» — стихотворение «Вере Николаевне Столыпиной» К. Ф. Рылеева (1825).

«Нес кузнец три ножа, слава!» — строки из стихотворения К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева, входившего в цикл «Агитационных песен» (1824—1825).

«Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын...» — стихотворение М. Ю. Лермонтова.

«И гордый демон не отстанет, / Пока живу я, от меня...» — строки из стихотворения «Мой демон» М. Ю. Лермонтова (1830—1831).

«Свершит блистательную тризну / Потомок поздний над тобой...» — строки из стихотворения «Великий муж! Здесь нет награды...» М. Ю. Лермонтова (1836—1837).

«Забудет чернь к ним прежнюю любовь» — строки из стихотворения «Предсказание» М. Ю. Лермонтова (1830).

«Отворите мне темницу, / Дайте мне сиянье дня...» — строки из стихотворения «Узник» М. Ю. Лермонтова (1837).

«Не смейся над моей пророческой тоскою...» — стихотворение М. Ю. Лермонтова <1837>.

«Лилейная рука тебя мне поднесла...» — строки из стихотворения «Кинжал» М. Ю. Лермонтова (1838).

«Во глубине сибирских руд...» — стихотворение А. С. Пушкина (1827).

«Струн вещей пламенные звуки / До слуха нашего дошли...» — стихотворение А. И. Одоевского (1828—1829).

«Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластия / Напишут наши имена!» — строки из стихотворения «К Чаадаеву» А. С. Пушкин (1818).

Наследный принц

Публикуется по машинописи с правками автора, хранящейся в РГАЛИ (ф. 2269, оп. 1, ед. хр. 22).

Имеет три названия: «Как делать циников», «Наследный принц» и «На скамье подсудимых». В документах РГАЛИ датируется 1952—1953 гг., но печатается по последней датированной машинописи с правками автора — «Последняя редакция. 8 декабря 1954 года». В РГАЛИ также хранится еще один вариант пьесы (ф. 2269, оп. 2, ед. хр. 1) под заголовком «На скамье подсудимых», датированной 1953 годом.

В первом варианте пьеса называлась «Как делать циников» и имела подзаголовок «Не сатира» (вспомните имажинистское «Не передовица»). Каждое действие имело название: первое — «Толечка и Бобочка», второе — «У папы на даче», третье — «Тарара-бумбия». Толечка — первоначально был не Владимир, а Анатолий; не Юра, а Бобочка; не Николай Денисович Струтов, а Алексей Иванович Плотников; и т. д. Вместо предисловия «Москва. Пятидесятые годы.» было «Вторая половина нашего века. Москва».

В этой же редакции молодой герой все-таки доводит дело до самоубийства, но не с первого раза: пузырек валлола его не берет, тогда он решается застрелиться из отцовского охотничьего трехствольного ружья. Трагедия усиливалась еще тем, что Аня, возлюбленная Владимира, была всего лишь в тяжелом состоянии после аварии, а не умерла (как в последней редакции). Герой убивался, пока окончательно не подвел черту. А пьеса заканчивалась приходом выздоровевшей Ани с билетами в консерваторию на Филадельфийский оркестр.

«Судьба играет чи-ло-ве-ком / Чи-и-ловек... играет на трубе!» — из книги Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок».

«Вопросы философии» — академическое научное издание, центральный философский журнал в России. Выходит ежемесячно. Журнал был основан в июле 1947 года.

Пичугин — Пичугин Сергей Иванович — художник, учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у К.А. Коровина, А. М. Васнецова, С. В. Малютина (до 1912). Занимался монументальной живописью, росписью православных храмов. В 1920-е участвовал в показах Товарищества передвижных художественных выставок, выставках объединения «Жар-Цвет» (1929 г.), «Общества им. И. Е. Репина» (1929 г.).

Гедимин (1275—1341) — основатель династии Гедиминовичей. Великий князь Литовский с 1316 по 1341 год.

«И ты мне в слезах шепнула: — Любовь моя!» — текст песни «Голубка»: автор текста — С. Болотин и Т. Сикорская, композитор — С. Ирадье.

Гилельс — Эмиль Григорьевич Гилельс (1916—1985) — советский пианист, один из величайших пианистов XX века

«Стыдно мне, что я бога не верил. / Грустно мне, что не верю теперь!» — строки из стихотворения С. А. Есенина «Мне осталась одна забава» (1923).

«Последнее: я ставлю гушу...» и пр. — стихотворения А. Б. Мариенгофа из цикла «После этого» (1943).

ЗИС — Советский семиместный представительский автомобиль с кузовом «лимузин», выпускавшийся на Заводе им. Сталина (Москва) в 1936—1941 годах.

Маленькие комедии

«Маленькие комедии» — это сборник скетчей, в который вошли пять текстов: «В машине пять мест», «Мама», «Кукушка», «Ничего общего», «Дядя Саша». Сборник печатается по изданию 1957 года (Л.—М.: Искусство).

В РГАЛИ хранится большой сборник черновиков скетчей — «Странный характер» (ф. 2269, оп. 1, ед. хр. 23). В нем около двадцати скетчей, в том числе и тех пяти, что вошли в сборник «Маленькие комедии».

Уход и смерть Толстого

Печатается по машинописи с правками автора, хранящейся в РГАЛИ (ф. 2269, оп. 1, ед. хр. 31). Текст уникален прежде всего тем, что представляет собой пьесу в телеграммах. Подобный опыт не встречается больше ни у кого. В документах РГАЛИ значится, как «литературная композиция».

**УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В 1—3
ТОМА СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А. Б. МАРИЕНГОФА**

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Актер со шпагой	1	492
Бобка-физкультурник	1	617
Бритый человек	2, кн. 1	129
Буян-Остров	1	634
В машине пять мест	3	486
Вавилонский адвокат	3	15
Велемир Хлебников	1	629
Витрина сердца	1	51
Восемь пунктов	1	675
Да, поэты для театра	1	641
Двуногие	3	63
Декларация имажинистов	1	663
Дядя Саша	3	517
Екатерина	2, кн. 1	206
Заговор дураков	1	307
Записки сорокалетнего мужчины	2, кн. 2	7
И в хвост и в гриву	1	654
Из альманаха «Явь»	1	56
Из рукописного сборника «Анне Никритиной»	1	168
Из рукописного сборника «После этого»	1	271
Из рукописного сборника «Стихи о любви»	1	177
Из рукописного сборника «Стихи разных лет»	1	301
Из рукописного сборника «Это любовь»	1	100
Из цикла «Современные романсы»	1	191
Имажинизм	1	631

Коллективное письмо: ответ на роспуск Ордена имажинистов Есениным и Грузиновым	1	678
Кондитерская солнц	1	65
Корова и оранжерея	1	643
Кукушка	3	503
Ленинградские подруги	3	101
Магдалина	1	69
Мама	3	494
Мамонтов	3	233
Манифест	1	667
Мистер Б	3	121
Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги	2, кн. 2	127
Мяч-проказник	1	615
Наследный принц	3	421
Наша девушка	3	114
Не передовица	1	668
Ничего общего	3	511
Парижские стихи	1	149
Пирогов у Гарибальди	2, кн. 1	472
Письма Анне Никритиной	1	694
Письма Рюрику Ивневу	1	690
Письмо Александру Кусикову	1	689
Письмо Сергею Есенину	1	683
Полтора месяца на шхуне «Утро»	1	623
После грозы	1	128
Почти декларация	1	649
Поэма четырех глав	1	154
Поэмы войны	1	213
Поэт и женщины	1	293
Протокол из учредительного собрания общества «Литература и быт»	1	679
Процесс правых каэров. День 1666-й	1	657
Пять баллад	1	253
Развратничаю с вдохновением	1	81
Разочарование	1	119
Рождение поэта	3	357
Роман без вранья	2, кн. 1	501
Своевременные размышления	1	671
Сергею Есенину	1	137

Совершенная виктория	3	132
Стихами чванствую	1	89
Стихи 1917 – 1939 годов	1	194
Стихи 1940 – 1962 годов	1	279
Стихи из разных архивов	1	303
Суд жизни	3	299
Такса-Клякса	1	613
Тучелет	1	103
Уход и смерть Толстого	3	523
Циники	2, кн. 1	17
Шут Балакирев	1	351
Шуточные	1	144
Это вам, потомки!	2, кн. 2	17

СОДЕРЖАНИЕ

От шута до пророка. <i>В. А. Сухов</i>	5
--	---

Пьесы

Вавилонский адвокат.....	15
Двуногие.....	63
Ленинградские подруги.....	101
Наша девушка.....	114
Мистер Б.....	121
Совершенная виктория.....	132
Мамонтов.....	233
Суд жизни.....	299
Рождение поэта.....	357
Наследный принц.....	421

Маленькие комедии

В машине пять мест.....	486
Мама.....	494
Кукушка.....	503
Ничего общего.....	511
Дядя Саша.....	517
Уход и смерть Толстого.....	523
Оправдание циника. <i>А. Ю. Колобровов</i>	535
Комментарии.....	551
Указатель произведений.....	570

Анатолий Борисович Мариенгоф

Собрание сочинений в трех томах

ТОМ ТРЕТИЙ

Редактор *О. Хвилько*
Художественный редактор *А. Балашова*
Корректор *Е. Пастухова*
Компьютерная верстка *Л. Гибирюлина*

Подписано в печать 16.08.13 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32 + 0,5 вкл. Уч.-изд. л. 30,24 + вкл.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано BALTO print
www.balto.lt
www.baltoprint.ru

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобрести наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.tetta.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

Литературное
приложение

ОГОНЁК

www.terra.su

ISBN 978-5-4224-0737-8

9 785422 407378